

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

JOURNAL OF ANCIENT HISTORY

2 (253)

Апрель–Май–Июнь

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ОСНОВАН в 1937 г.

Редакционный совет

академик РАН *М.Л. Гаспаров* (председатель),
акад. АН Азербайджана *И.Г. Алиев*,
д.и.н. *В.К. Афанасьева*, к.и.н. *А.О. Большаков*, д. филол. н. *А.К. Гаврилов*,
акад. РАН *Т.В. Гамкрелидзе*, д.и.н. *А.А. Губаев*,
акад. АН Грузии *Г.Г. Гиоргадзе*, акад. РАН *В.В. Иванов*,
член-корр. РАН *Н.Н. Казанский*, д.и.н. *В.И. Кузицин* (зам. председателя),
член-корр. НАН Украины *С.Д. Крыжицкий*,
д. филол. н. *В.А. Лившиц*, акад. АН Таджикистана *Б.А. Литвинский*,
д.и.н. *И.Л. Маяк*, д.и.н. *Н.Я. Мерперт*,
акад. РАН *В.И. Молодин*, член-корр. РАН *Р.М. Мунчаев*,
член-корр. РАН *М.Б. Пиотровский*,
акад. АН Узбекистана *Г.А. Пугаченкова*, д. филол. н. *А.А. Россиус*,
д.и.н. *И.С. Свенцицкая*, член-корр. РАН *С.А. Старостин*,
акад. РАН *И.М. Стеблин-Каменский*, д.и.н. *И.С. Чичуров*

Редакционная коллегия

Г.М. Бонгард-Левин (главный редактор)

А.Ю. Алексеев, *Е.В. Антонова*, *Д.Е. Афиногенов*, *Л.С. Баюн*, *А.А. Вигасин*,
В.А. Головина (зам. главного редактора),
М.А. Дандамаев (зам. главного редактора), *М.М. Дандамаева*, *А.И. Иванчик*,
С.Г. Карпюк (зам. главного редактора), *Г.А. Кошеленко*,
В.И. Кузицин, *Ю.Н. Литвиненко* (зам. главного редактора), *Е.В. Ляпустина*,
Л.П. Маринович, *А.И. Павловская*, *А.В. Подосинов*,
С.Ю. Сапрыкин (ответственный секретарь), *А.В. Седов*, *А.Л. Смышляев*,
М.К. Трофимова, *В.И. Уколова*, *Н.А. Фролова*, *Э.Д. Фролов*, к.и.н. *Г.П. Чистяков*
Заведующая редакцией *И.К. Малькова*

Editorial Board

G. Bongard-Levin (Editor-in-Chief),

D. Afinogenov, *A. Alekseev*, *Ye. Antonova*, *L. Bayun*, *G. Chistyakov*, *M. Dandamayev*,
M. Dandamayeva, *N. Frolova*, *E. Frolov*, *V. Golovina*, *A. Ivantchik*, *S. Karpyuk*,
G. Koshelenko, *V. Kuzishchin*, *Ye. Lyapustina*, *Yu. Litvinenko*, *L. Marinovich*,
A. Pavlovskaya, *A. Podosinov*, *S. Saprykin*, *A. Sedov*, *A. Smyshlyaev*, *M. Trofimova*,
V. Ukolova, *A. Vigin*

Head of the Editorial Office *I. Malkova*

М. М. Юнусов

БААЛАТ ГУБЛЬ И ХАТХОР: ИЗ ИСТОРИИ ОТНОШЕНИЙ БИБЛА И ЕГИПТА В ЭПОХИ СТАРОГО И СРЕДНЕГО ЦАРСТВ

Археологические раскопки на территории Библа, проводившиеся в прошлом веке П. Монтэ и М. Дюнаном¹, дали большой фактический материал, который позволил проследить историю этого города, начиная с эпохи неолита до наших дней. Значительное количество находок указывает на крепкие и длительные связи с Египтом, который был в течение длительного времени не только ведущим хозяйственным партнером этого средиземноморского города, но и оказывал значительное влияние на политическую и культурную жизнь его жителей. Результаты этого культурного влияния можно видеть, в числе прочего, и в отождествлении египетской богини Хатхор с исконным местным женским божеством, известным как Баалат Губль – Владычица Библа (очевидно, одна из основных фигур раннего библского пантеона).

Тема отождествления этих богинь в Библе уже не раз затрагивалась в многочисленных исследованиях, посвященных общим вопросам мифологии народов древнего Востока, проблемам становления финикийского этноса, его культуры и т.п. При этом большинство исследователей, неизменно указывая на крайнюю архаичность культа Баалат в Библе, ограничиваются общей констатацией факта ее раннего отождествления с Хатхор и их последующего слияния, что в целом не выходит за рамки наших знаний начала прошлого века².

В этой связи представляется небезынтересным еще раз проследить обстоятельства зарождения и причины устойчивого развития египетского культа Хатхор в Библе на более широком фоне политических и этнических событий, которые переживал город с начала III тысячелетия до н.э. и до падения в Египте XII династии. Привлечение археологического, эпиграфического и иконографического материала непосредственно из Библа и, отчасти, из соседних районов, позволит показать, что культ египетской Хатхор в этом городе появился и поддерживался главным образом как идеологическое обоснование политических и экономических интересов египтян и обладал статусом местного государственно-

¹ *Montet P.* Byblos et Egypt, Quatre campagnes de fouilles à Gebeil, 1921–1922–1923–1924. P., 1928 (Texte), 1929 (Atlas); *Dunand M.* Fouilles de Byblos. Vol. I. Pt. 1–2. P., 1939; *idem.* Fouilles de Byblos. Vol. II. Pt. 1–3. P., 1954–1958 (далее – FB I и FB II). Результаты раскопок отражены также в ряде их монографий и многочисленных статьях, часть из которых использована в настоящей статье.

² Самую общую подборку литературы по теме см. *Bikai M.P.* Suggested Readings: The Phoenicians. A Bibliography // BASOR. 1990. 279. P. 65–66. Данной проблеме посвящены отдельные главы в монографиях Е. Липинского (*Lipinski E.* Dieux et deesses de l'Univers phénicien et punique. Leuven, 1995. P. 70–79), Р. Штадельмана (*Stadelmann R.* Syrisch-Palästinensische Gottheiten in Ägypten. Leiden, 1967. S. 1–13) и др.

го культа, имеющего лишь косвенное отношение к религиозным верованиям общей массы населения.

История отношений Библа с Египтом началась, вероятно, с середины IV тысячелетия. Археологические памятники дают основания полагать, что контакты с египтянами, установленные еще в додинастический период, продолжались и в период Раннего царства. О природе этих контактов (постоянные или спорадические, по морю или по суше) уже длительное время ведутся дискуссии³.

С эпохи Старого царства появляются неоспоримые данные, свидетельствующие о наличии уже прочных политических и экономических связей, которые будут активно поддерживаться вплоть до падения VI династии в Египте. На месте раскопок Библа обнаружены посвященные надписи и многочисленные дары египетских фараонов начиная с IV династии (Хеопс, Хефрен, Микерин, Сахура, Нефериркара Какаи, Ниусерра, Джедкара, Унас)⁴, адресованные местным храмам либо правителям города. В период VI династии количество даров фараонов заметно увеличивается⁵. На сохранившихся фрагментах посвященных палеток и ваз Пепи I называет себя сыном бога Ра и любимцем Хатхор из Дендеры⁶. Он же (или Пепи II) впервые титулует себя «Солнцем нагорья»⁷. В самом Египте письменные упоминания об импорте кедрового и другого леса с финикийского побережья содержатся на Палермском камне, о многочисленных поездках чиновника Хнумхотепа в Библ написано на стенах его гробницы в Асуане. На рисунках из гробницы фараона Сахура изображены суда, доставившие в Египет лес, пленников, сосуды левантийского типа с маслом или вином, медведей⁸.

В связи с этими данными возникает вопрос о характере двусторонних связей, степени влияния Египта на жизнь библитов, что зависит, в числе прочего, от наличия или отсутствия в нем постоянной колонии или общины египтян и функционирования их собственного храма в Библе. С фактом существования уже в период Старого царства египетской колонии в Библе, подобной тем, которые были в Нубии и на Синае, согласен ряд исследователей, отмечающих, что это было обусловлено прежде всего необходимостью добывать на леван-

³ Обсуждение данной дискуссии выходит за рамки настоящей статьи. Однако заметим, что II династия египетских правителей представлена в Библе единственным картушем Хасехемуи на обломке каменной вазы (FB I, 26–27). Этот предмет, найденный без стратиграфического контекста, вполне вероятно, мог попасть сюда позднее и даже случайно через посредников в результате обмена и едва ли достаточен для подтверждения существования уже в то время практики посылки именных даров правителями Египта.

⁴ Систематическая, но не исчерпывающая подборка предметов с картушами фараонов и другими египетскими надписями приведена в статье М. Шехаба (*Chéhab M. Noms des personnalités égyptiennes découverts au Liban* // *BMB*. 1969. Vol. XXII. P. 1–47. В Бейруте найден бюст фараона Ниусерра, который, как предполагают, первоначально был также послан в Библ, см. *Bothmer B. A Bust of Ny-user-Ra from Byblos in Beirut, Lebanon* // *Kemi*. 1971. 21. P. 11–16.

⁵ Исключение составляют фараоны Тети и Меренра, представленные картушами в единственных экземплярах.

⁶ В Библе еще Хефрен называл себя не только любимцем богов, но и Хатхор (FB I. P. 200. № 3074. Pl. CXXV).

⁷ *Montet. Byblos...* P. 73. № 57.

⁸ Подробнее о египетских свидетельствах см. *MacDonald J. Egyptian interests in Western Asia to the End of the Middle Kingdom: An evaluation* // *AJBA*. 1972. 2. P. 74–82.

тийском побережье кедровый лес, а также смолу и другие продукты, необходимые для ритуальной практики и косметических целей⁹.

В самом Библе большие объемы лесозаготовок, не только на экспорт, но и для внутреннего потребления¹⁰, и трудоемкий процесс их подготовки к вывозу (рубка, длительная просушка и транспортировка до моря) требовали не только значительного количества рабочих рук, тяглового скота, обслуживающего персонала, надсмотрщиков¹¹, но и постоянного контроля со стороны египтян, которые воспринимали вырубку леса для храмов и гробниц как священную церемонию. С другой стороны, египетский топор, найденный у р. Нахр Ибрахим, южнее Библа, дает основание полагать, что египтяне могли и самостоятельными бригадами участвовать в заготовке леса¹².

Наличие египетской колонии подтверждается и найденным в Библе фрагментом алебастровой посвячительной пластинки времен IV–V династий от имени египетского чиновника Неферсешемра, в чьи обязанности, помимо прочего, входило ведение документации, связанной с торговыми и хозяйственными операциями¹³. Египетские представители могли заниматься также вопросами торгового потока, который шел через Библ в Сирию и Месопотамию. Находки в Угарите и Эбле египетских изделий как будто подтверждают контакты, напрямую или через посредников, этих городов с Египтом¹⁴. Впрочем, не исключается их попадание туда и в качестве военных трофеев¹⁵. О существовании египет-

⁹ Например: В. Олбрайт считает, что Библ стал египетской колонией на рубеже II и III династий (*Albright F.W. The Role of the Canaanites in the History of Civilization // The Bible and the Ancient Near East. N.Y., 1961. P. 332–333*); В. Вард предполагает наличие торговой колонии с IV династии (*Ward W.A. Egypt and the East Mediterranean from Predynastic Times to the End of the Old Kingdom // JESHO. 1963. 6. P. 24; idem. The Inscribed Offering-table of Nefer-Seshem-Ra from Byblos // BMB. 1964. 17. P. 44–45*); К. Боннэ относит основание колонии к середине III тысячелетия (*Bonnet C. Astarté: dossier documentaire et perspectives historiques. Rome, 1996. P. 21*). См. также *Wilson J.A. The Burden of Egypt: An Interpretation of Ancient Egyptian Culture. Chicago, 1951. P. 82; Baramki D. Phoenicia and the Phoenicians. Beirut, 1961. P. 18; САН. I. P. 345*.

¹⁰ Деревянные балки и колонны широко использовались для строительства храмов и жилых домов на всем протяжении истории города, о чем свидетельствуют не только технология строительства храмовых комплексов и жилых помещений, но и обширные участки, покрытые толстым слоем пепла на разных уровнях, оставшегося от многочисленных пожаров. См. *Dunand M. Chronologie des plus anciennes installations de Byblos // RB. 1950. 57. P. 598–599; FB I. P. 306–307; Dunand M. Byblos: son histoire, ses ruines, ses legends. Beyrouth, 1973. P. 49*.

¹¹ Примерную технологию лесозаготовок мы можем представить по отчету Унуамона (Сказки и повести древнего Египта. Л., 1979. С. 138), а также египетским рельефным изображениям, например: ANEP. № 331. P. 110.

¹² *Helck W. Die Beziehungen Ägyptens zu Vorderasien im 3. und 2. Jahrtausend v. Chr. Wiesbaden, 1962. S. 21; MacDonald. Egyptian interests... P. 75–76*.

¹³ FB I. P. 345, 365–366; подробнее о его возможных функциях и обязанностях: *Ward. The Inscribed Offering-table... P. 37–46*.

¹⁴ *Bondi S.F. Les origines en Orient // Les Phéniciens. P., 1997. P. 23–25; Mathiae P. Un impero ritrovato. Torino, 1989. P. 300 ff.*

¹⁵ *Скандоне-Маттиэ Г. Связи между Эблой и Египтом в период между Ранней и Средней бронзой // Древняя Эбла. М., 1985. С. 85–86; Scandone-Matthiae G. Inscriptions royales égyptiennes de l'ancien empire à Ebla // Mesopotamien und seine Nachbarn. В., 1982. S. 128. Нет однозначных данных также о характере отношений Библа с другими месопотамскими государствами в последней четверти III тысячелетия, хотя на какие-то контакты указывают несколько найденных в Библе клинописных табличек и цилиндрические печати, а также письменное упоминание об энси Ku-ub-la^{ki} в архивах Дрехема (*Solberger E. Byblos sous les rois d'Ur // AfO. 1959–1960. 19. P. 120–122*).*

ской колонии говорит и политический статус Библа, о котором можно судить по следующей находке. В ходе раскопок «Сирийского» храма (здание II и здание XVIII М. Дюнона, или иначе «Храм Баалат Губль») была обнаружена цилиндрическая печать с надписью на архаическом египетском языке – так называемый цилиндр Монтэ № 42¹⁶, на котором Х. Гедике прочел титул ее владельца: «правитель нагорья в Библе»¹⁷. Дальнейшее изучение надписи привело исследователя к выводу, что правитель Библа был самостоятельной политической фигурой, независимой от фараонов, хотя это не исключало сильного влияния египетской культуры на библитов¹⁸. Такое понимание надписи принято многими исследователями, однако О.Д. Берлев предложил иной перевод и интерпретацию печати, согласно которой «правитель нагорья в Библе» был царем только для своего города и его населения, оставаясь в то же время подчиненным официальным лицом для фараона, «назначаемым последним для управления над зависимой от Египта территорией, либо получая инвестицию в форме цилиндрической печати Библа М. № 42»¹⁹. Из этого следует, как считает О.Д. Берлев, что фараон Пепи II, «Солнце всего нагорья (пустыни)», любимец Хатхор и богов, защищающих Библ и морские пути к нему (богини неба Нут и бога Немти – покровителя караванных путей), объявлял себя хозяином Библа и его природных ресурсов. Этот факт органично вписывался во внешнеполитическую доктрину Старого царства, согласно которой все иноземные боги были подвластны Солнцу, а государства соответственно фараонам²⁰.

Подобная концепция, очевидно, сформировалась еще до первых «сыновей Солнца» – правителей IV династии и естественным образом предполагала присутствие здесь египетских колонистов, которые нуждались в покровительстве и защите не только фараонов, но и привычных на их родине богов, и прежде всего, очевидно, Хатхор (которая была весьма популярна как во многих поселениях Египта, так и за его пределами, где ей посвящали храмы).

В Библе задолго до укрепления здесь египтян уже существовала своя традиция храмового строительства, уходящая корнями в эпоху энеолита, а один из его храмов вполне мог быть посвящен местному женскому божеству, имя которого нам становится известным как *dBēlit šá^{uru}Gub-la* впервые из Амарнской переписки (EA 68–70; 73–79 ff.) и *b'lt gbl* из эпиграфических памятников I тысячелетия (KA1 4: 3–4; 5: 2; 6: 2; 7: 3–4; 10: 2–15). История этого сооружения (здания II и здания XVIII), как кажется, в некоторой степени проливает свет на происхождение культа местной покровительницы.

До начала III тысячелетия на этом месте стоял другой храм – здание XL, план архитектурных комплексов и общая концепция которого повторяет в ряде деталей месопотамские образцы в Тель-Асмаре (храм Абу) и Хафадже (храм Сина). Однако техника его строительства на скальных породах, с опти-

¹⁶ *Montet*. Byblos... P. 62–68.

¹⁷ *Goedicke H.* A Cylinder Seal of a Ruler of Byblos of the Third Millenium // MDAIK. 1963. 19. S. 4.

¹⁸ *Ibid.* S. 6.

¹⁹ *Berlev O.* The Title to a Kingdom // GM. 1995. 149. P. 40.

²⁰ Подробнее о значении перевода О.Д. Берлева и внешнеполитической доктрине египетских фараонов см. *Демидчик А.Е.* Староегипетская печать «Правителя нагорья» и письмо Синухета царю // ВДИ. 2001. № 2. С. 79–88. Интересно отметить, что еще Г. Франкфорт предполагал, что библиский порт рассматривался египтянами как их собственность, увязывая эти притязания с религиозным фактором (*Frankfort H.* Egypt and Syria in the First Intermediate Period // JEA. 1926. 12. P. 85).

мальным учетом особенностей неровного, твердого скального и подвижного песчаного рельефа, характерна, как предполагает М. Дюнан, для анатолийской техники строительства, которая, вероятно, и была использована в местных условиях²¹. К этому можно добавить появление новой для Библа кладки стен в стиле «елочки», не характерной для сиро-палестинского региона²². Этот храм, как осторожно предположил французский археолог, уже тогда мог быть святилищем исконной богини – покровительницы поселения²³, что означало бы, при наличии дополнительных данных, увязывание ее персоны с культами плодородия древнейших земледельцев Месопотамии (тем более, что архитектурным новшеством предшествовало появление в Библе, как и в некоторых районах Палестины²⁴, отпечатков цилиндрических печатей из Месопотамии конца IV тысячелетия, которые ввиду своей оригинальности не могли быть независимым изобретением библистов, к тому же и не нуждавшихся в них для практического использования). Известны лишь отпечатки, нанесенные до обжига как дополнение к орнаменту керамических изделий, сделанных по образцам, восходящим к энеолиту²⁵.

После двух–трех столетий существования храм месопотамского типа по неизвестным нам причинам превратился в руины и на его фундаменте появляется новый – здание II. Первоначально оно имело трехчастную структуру, типичную для древних ханаанейских святилищ²⁶. Его строительство приходится на период правления первых двух династий в Египте. Позднее к нему пристраиваются с южной стороны четыре зала. Последующее расширение происходит за счет добавления с восточной стороны двух комплексов из четырех помещений каждый (здание XVIII) до воцарения фараонов III династии, как считает М. Дюнан²⁷. В таком виде храм просуществовал до конца египетского Старого царства. Однако М. Сагиех, проведшая подробное исследование по хроностратиграфии раскопок, обратила внимание, что этот храм в своем окончательном виде обнаруживает сходство двух основных фасадов с храмом Сахура в Абусире²⁸, что приближает дату последней реконструкции ко времени V династии. По этому вопросу есть и другие предположения²⁹.

В названном храме найдено наибольшее количество фрагментов даров египетских фараонов Старого царства, давших основание П. Монтэ и М. Дюнану утверждать, что это и был храм местной богини Баалат, которая уже на самом раннем этапе была отождествлена египтянами со своей Хатхор (а позднее, в эпоху Среднего царства, эти два божества слились здесь в одно)³⁰. Это утверж-

²¹ FB I. P. 295–296.

²² *Dunand. Chronologie...* P. 593.

²³ *Ibid.* P. 596. Впрочем, позже М. Дюнан уже не повторял своего предположения, ограничившись замечанием, что этот храм был посвящен неизвестному божеству: *Dunand. Byblos: son histoire...* P. 48.

²⁴ *Мерперт Н.Я.* Очерки археологии библейских стран. М., 2000. С. 127.

²⁵ *Dunand M. Byblia Grammata.* Beirut, 1945. P. 25–43.

²⁶ FB I. P. 85, 298–299.

²⁷ *Ibid.* P. 304.

²⁸ *Saghih M. Byblos in the Third Millennium B.C. A Reconstruction of the Stratigraphy and a Study of the Cultural Connections.* Warminster, 1983. Ch. IV. Not. 33.

²⁹ Например, В. Хейс считает, что египетский храм был построен еще при IV династии (*Hayes W.C. The Scepter of Egypt.* Massachussets, 1953. P. 67); И.М. Дьяконов – что египтяне построили храм своей Хатхор во второй четверти III тысячелетия (*Дьяконов И.М., Янковская Н.Б., Ардзинба В.Г.* Страны Восточного Средиземноморья в IV–II тысячелетиях до н.э. // *История древнего Востока.* М., 1988. 2. С. 211).

³⁰ FB I. P. 79–87; *Montet. Byblos...* P. 38, 275.

дение, как отмечалось выше, принято многими исследователями, хотя вопрос о соотношении двух божеств по-прежнему далек от удовлетворительного объяснения.

Мы не знаем исконного имени покровительницы Библа, так как слово *b'lt*, как известно, не является именем собственным, а означает «владычица», «госпожа». В угаритских текстах слово «Баалат» используется только в составе эпитета богинь, главным образом богини *'Anat*: «Хозяйка дома или дворца/дворцов» (*b'lt bt/bhmt/bwmt*), «Хозяйка колодца» (*b'lt 'n*)³¹. В египетских списках рабов конца периода Среднего царства упоминается имя *Varʒtwy*, которое, как считает В.Ф. Олбрайт, с учетом фонетики египетского языка должно быть признано передачей семитского имени *Ba'altūya*³². В аморейских именах из документов Мари встречается имя собственное *Ha-ab-du-ba-ah-la-ti*, что может означать «раб (слуга) моей хозяйки»³³. В Библии *b'lt* встречается либо в топонимах, происхождение которых не вполне ясно, либо в сопряженном сочетании с другими существительными, в значении «обладательница, носительница какого-либо качества, свойств» (например: 1 S. 28: 7; На. 3: 4).

На надписи, сохранившейся на черепке из Лахиша, датируемой XIV в., сохранилась часть посвящения – *lb'lt*. Но поскольку этот фрагмент найден в храме позднебронзового века вместе с золотой пластинкой, где изображена Астарты, то эту фразу можно понять как «Госпоже (Астарты)»³⁴. Другой формой обращения к женским божествам в Палестине этого периода было *rbt*, известное наряду с *'lt* как постоянный эпитет и поэтическая параллель к Асирату (KTU 1.6: I, 40, 44; 1.3: V, 37, 40 и др.) в угаритских текстах. *'lt* используется в качестве эпитета *'Anat* лишь в одном тексте (KTU 1.3: II, 17–18).

Исходя из этого, представляется вероятным, что при обращении к богиням, местным и иноземным, население Палестины и Южной Сирии использовало равнозначно *rbt* и *b'lt* в значении «госпожа», которое во всяком случае не имело никакого отношения к библскому божеству. Видимо, подобное происходило и на Синае, на плато Серабит эль-Хадем, где добывали бирюзу для египтян. Около рудника, находившегося вдалеке от постоянных поселений, был сооружен храм Хатхор³⁵. Для него из Египта посылались дары с посвященными надписями с именем Хатхор, которую местные работники называли также Баалат, прося у нее покровительства и защиты от опасностей, которые сопровождали их в работе. Очевидно, они подразумевали именно египетскую богиню, а не какую-либо другую. Об этом можно судить по найденному в храме

³¹ Gordon C.H. Ugaritic Textbook. Rome, 1965. Texts in transliteration, № 173.5–6; 1002.45; 2004.14. Об интерпретации редких эпитетов *'Anat* в тексте RŠ 24.252 (7–8): *b'lt mlk/drkt/šmm rmm/ kpt*, см. Ugaritica V. P., 1968. P. 555.

³² Albright W.F. Northwest-Semitic Names in a List of Egyptian Slaves from the Eighteenth Century B.C. // JAOS. 1954. 74. P. 231.

³³ Huffmon H.B. Amorite Personal Names in the Mari Texts: A Structural and Lexical Study. Baltimore, 1965. P. 174, 185.

³⁴ Puech E. Origine de l'alphabet // RB. 1986. 93. P. 184–185.

³⁵ Храм был сооружен на месте естественной пещеры, что, однако, не дает оснований считать ее древним семитским святилищем, так как помимо отсутствия свидетельств функционирования пещеры в этом качестве до прихода египтян, в ближайших окрестностях не обнаружено следов ни одного постоянного населенного пункта, кроме остатков небольших хижин работников и укрепленного лагеря египетского гарнизона. Если бы рядом были постоянные поселения, то количество надписей было бы больше, а их содержание более разнообразным. Ср. Лундин А.Г. Дешифровка прото-синаяского письма. М., 1991. С. 8–9, 84.

сфинксу с билинговой (надпись № 345) с египетским текстом на правом плече и протосинайским по бокам. Билингва позволила А. Гардинеру определить, что египетскому выражению «любимец Хатхор» – *mry Hwt-hr* соответствует *m'hb b'lt* (*mhb'lt*) – «любимец Баалат» в протосинайской графике³⁶.

К настоящему времени найдено около 50 подобных надписей и фрагментов, в которых выражение *m'hb b'lt* встречается 13 раз, а слово *b'lt* 9 раз. Все эти надписи сделаны на статуэтках египетской работы, камнях, на стенах у входа и в самих шахтах рудников Синайского полуострова – на плато Серабит эль-Хадем, в Вади Магара, Вади Лихьян и др. Исследователи датируют эти надписи временем от XVIII–XVII вв. до XV в. до н.э.³⁷

Д. Барамки высказывал даже предположение, что Баалат синайских рудников может быть идентичной Баалат Библиской, а надпись могли сделать библиские работники в XV в., специально посланные туда для добычи руды³⁸. Однако все эти надписи сделаны на языке, близком языку южно-ханаанейских надписей, и в графике, следы которой в самом Библие не обнаружены. Кроме того, в многочисленных надписях ни разу не упоминается ее постоянный эпитет «Библиская». Можно согласиться с мнением Э. Пюеша и ряда других авторов, что на синайских рудниках речь идет об имени богини семитов-рудокопов³⁹, точнее об ее эпитете. Однако остается неясным, какое отношение фараон, к которому непосредственно относится фраза «любимец Хатхор/Баалат», выражая напрямую его связи с египетским божеством, мог иметь к божеству наемных иноземных работников.

Что касается ситуации в Библие в период Старого царства, как было показано выше, египтяне, поддерживая двусторонние торгово-экономические отношения, обеспечили там свое длительное политическое и идеологическое доминирование, а город в свою очередь получил некоторые гарантии безопасности и экономического процветания⁴⁰. Это не только укрепляло позиции фараонов в этом районе, но и привело к возрастанию роли Хатхор, которая на первых этапах могла ассоциироваться, хотя и необязательно, с исконной покровительницей города, что безусловно отражало внешнеполитические и экономические интересы Египта на том этапе. Возможно, что культы обеих богинь какое-то время существовали независимо друг от друга.

Со временем само присутствие египтян и процветание благодаря этому города вполне могло привести библистов к мысли об особом покровительстве Хатхор их городу. Эта идея в первую очередь могла быть привлекательной для местных правителей и знати. Тем более, что Библи, в отличие от других территорий, ввиду своей экономической и религиозной важности⁴¹ становится

³⁶ Gardiner A.H. The Egyption Origin of the Semitic Alphabet // JEA. 1916. 3. P. 1–21.

³⁷ По дешифровке протосинайской письменности существует большая литература, обзор которой, однако, не входит сейчас в наши задачи.

³⁸ Baramki. Phoenicia... P. 54.

³⁹ Puech E. Notes sur quatre inscriptions protosinaïtiques // RB. 2002. 109. P. 37. А.Г. Лундин предлагает рассматривать синайскую Баалат как отождествление египетской Хатхор с общесемитской богиней 'Анат на основе схожих мифов, египетского и угаритского, об «опьянении кровью» (Лундин. Дешифровка... С. 83–84).

⁴⁰ Не лишним будет заметить, что в периоды ослабления централизованной власти в Египте Библи почти всегда оставался без защиты от внешних врагов и внутривосточной нестабильности. Так было в I и II Переходные периоды, в амарнскую эпоху и позднее.

⁴¹ Некоторые исследователи считают, что египтяне издревле считали горы Ливана и его окрестности обителью богов, отождествляя их с *Ngz* Текстов пирамид (Montet P. Le ray de Negau près de Byblos et son Dieu // Syria. 1923. 4. P. 181–192) или *T3-ntf* текстов XI–XVIII династий (Couroyer B. La terre du Dieu // RB. 1971. 78. P. 59–70).

своеобразным «заморским департаментом» Египта, со всеми преимуществами этого статуса. Во всяком случае, все сохранившиеся до наших дней упоминания о Хатхор/Баалат, как покровительнице города и царских династий, принадлежат именно правителям этого города.

Положение культа Хатхор в корне меняется после падения в Египте VI династии и приходом в Библию амореев-кочевников, которое произошло в последней четверти III тысячелетия. Их массовое появление в городе отмечено пожарами и разрушениями⁴². Вазы с картушами фараонов в храмах, в том числе Хатхор/Баалат, с ожесточением разбиваются и разбрасываются по всему городу. Связи с Египтом не прерываются полностью, хотя существенно ослабляются. Но уже через небольшой промежуток времени, примерно равный одному–двум поколениям⁴³, храмы восстанавливаются, а главным среди них становится новый храм, посвященный мужскому божеству. Центральное место в нем занимают многочисленные столбы-obelisks с нишами для закладки культовых металлических фигурок аморейских, в основном мужских, божеств. В недрах этого и других храмов обнаружены многочисленные посвященные вклады, содержащие помимо статуэток богов оружие, посуду, украшения, фигурки животных. Интересно отметить, что из почти 2000 найденных металлических статуэток всего несколько десятков составляют женские изображения. Две трети всех статуэток – это вооруженные мужские божества в состоянии нападения.

Судя по количеству и качеству статуэток, многие из которых изготовлены в египтизирующем стиле, набору традиционной для Библии мелкой зооморфной скульптуры, а также преемственности в керамических образцах с предшествующим периодом⁴⁴, можно подумать, что местное население быстро наладило отношения с завоевателями и адаптировало свои культы к преимущественно мужским божествам кочевников-пришельцев, принадлежавших к близкому им финикийско-ханаанейскому культурному кругу. В свою очередь, более развитая городская культура библиитов, находившаяся под сильным влиянием Египта, способствовала быстрому переходу амореев от кочевого и полукочевого образа жизни к городскому. Особенно быстро это проявилось в восстановлении городского хозяйства, прежде всего пострадавших храмовых комплексов, и освоению пришельцами египетской культуры.

В дальнейшем, по мере очередного усиления Египта в период Среднего царства и восстановления позиций египтян в Восточном Средиземноморье, отмечается возрождение египетских культов в Библие при участии не только египтян, но и, как предполагают, по инициативе местной политической верхушки аморейского происхождения⁴⁵. Во всяком случае, от периода конца XII династии сохранилась каменная стела Акера ($^c k \{ j = ^c k r (j)$), обнаруженная в одном из некрополей Библи, которая представляла собой посвященный дар египетским божествам Нут, Ра(-Хорахти), другим богам Великой и Малой Эннеад.

⁴² О времени этого нашествия и его непосредственном влиянии на жизнь библиитов в настоящее время можно судить только по материалам раскопок М. Дюнана, которые, однако, не дают достаточного представления о масштабах происшедших событий. Мы полагаем, что последние находки в Эбле и продолжающиеся раскопки в Сирии и Ливане позволят найти объяснение разрушения Библи не только в нашествии амореев, но и грабительском походе какого-либо соседнего государства.

⁴³ *Dunand M. Byblos au temps du Bronze Ancien et de la conquête amorite // RB. 1952. 59. P. 89.*

⁴⁴ *Seeden H. The Standing Armed Figurines in the Levant. München, 1980. P. 95–100.*

⁴⁵ См., например: *Stadelmann. Syrisch... S. 11. Anm. 2.*

Особо в ней отмечается, что посвяtitель, правитель города, ежедневно возносит хвалы богине Нут у памятника в ее храме, как делал это еще его отец⁴⁶. Позднее, от времени Тутмоса III, осталось сообщение об участии его подданного *Min-mšw* в реконструкции или строительстве какого-то храма в Библе⁴⁷. В самом Египте к многочисленным эпитетам Хатхор добавляется «Библьская», который станет весьма популярным в Среднем царстве.

Одна находка в Библе со всей очевидностью показывает, что функции Хатхор Библьской в период Среднего царства уже не имеют никакого отношения ни к исконной Баалат, ни к функциям известных нам финикийских, и шире, западносемитских божеств. Речь идет о хорошо сохранившейся надписи на египетской скульптуре писца, найденной в храме Баалат/Хатхор – здании II и XVIII: «Жертва, которую дает царь (для) Хатхор, владычице Дендеры, обитающей в Библе. Да возрадуются она возгласению, состоящее из хлеба и пива, быка и птицы, алебастровых сосудов и одежды, смолы и умащений, и 1000 всяких хороших и чистых вещей, которые дает небо [...]»⁴⁸. Также не вызывает сомнения, что именно на египетскую Хатхор возлагали свою надежду в потустороннем мире и современники Аменемхетов III и IV аморейские династы Библи Аби Шему и Ип-Шемуаби, чьи захоронения, по-египетски стилизованные, найдены в Библе⁴⁹.

В то же время с точки зрения иконографии остается спорной интерпретация фрагментов рельефов, возможно, собственного египетского производства, которые на основании их художественных особенностей можно отнести как к Среднему, так и Новому царству. Речь идет о «двустороннем барельефе»⁵⁰ и так называемом «Барельефе Ренана»⁵¹, в которых П. Монтэ видел сцены поклонения египетского правителя библьской богине Баалат. Однако с этим никак не согласуется облик запечатленной там богини, которая полностью воспроизводит известный нам образ Хатхор, в первом случае с головой львицы и коровьими рогами вокруг солнечного диска, а во втором, с такими же рогами и диском на женской голове⁵².

Второй образ Хатхор, с многочисленными вариациями, был весьма популярным в период Среднего и Нового царств в глиптике и мелкой скульптуре на огромном пространстве от Северной Сирии до Синайского полуострова⁵³. Однако трудно согласиться с предположением Х. Эдера о посреднической роли в этом процессе наряду с Синаем и Библи⁵⁴. Скорее всего, это результат прямых

⁴⁶ Прорисовка текста и исправления в первоначальную версию П. Монтэ: *Kitchen K.A. Byblos, Egypt and Mari in the Early Second Millennium B.C. // Orientalia. 1967. 36/1. P. 52–53. Tab. VII; анализ текста и перевод: Flammini R. The «h3tj-» from Byblos in the Early Second Millennium B.C. // GM. 1998. 164. P. 52–55.*

⁴⁷ *Helck. Die Beziehungen... S. 480.*

⁴⁸ *FB I. P. 181–182. Not. 2856; FB II. Pl. XL (пер. И.В. Богданова).*

⁴⁹ *Montet. Byblos... P. 155–214.*

⁵⁰ *Ibid. P. 35–38. Pl. XXIV, XXVIII, 2.* Надпись на рельефе можно прочитать как «Любимец Хатхор, господин Библи», так и «Любимец Хатхор, госпожи Библи», что в любом случае относится к египетскому фараону, а не местному правителю.

⁵¹ *Ibid. P. 38–39, 273. Pl. XXVIII, 1.*

⁵² Наиболее категоричной по этому вопросу выглядит позиция В. Варда, утверждающего, что на этих рельефах изображена египетская Хатхор, которая ни здесь, ни в других случаях никак не связана с местной библьской богиней (*Ward. Egypt and the East... P. 24. Not. 5).*

⁵³ *Falsone G. Anath or Astarte? A Phoenician Bronze Statuette of the Smiting Goddess // Studia Phoenicia IV. Namur, 1986. P. 53–76; Eder C. Die ägyptischen Motive in der Glyptik des östlichen Mittelmeerraums zu Anfang des 2 Jts.v. Chr. Leuven, 1995. S. 97–107.*

⁵⁴ *Eder. Op. cit. S. 107.*

контактов населения Палестины и Сирии с египтянами в период правления XII династии и позже, так как прямое влияние библистов едва ли когда-нибудь распространялось дальше нескольких зависимых соседних городов.

Следует подчеркнуть, что возрастание значения культа Хатхор в самом Библе имело место только в периоды египетского доминирования и главным образом на официальном уровне⁵⁵, в то время как в народной среде, не обремененной протокольными и политическими обязательствами перед египтянами, продолжалось поклонение местным богам общесемитского происхождения или точнее аморейско-ханаанейского «репертуара богов», выразительные фигурки которых сохранили для нас храмовые вклады. Похожая ситуация, видимо, была в Мари, где, как отмечает М. Дахуд, важнейшими богами официального пантеона были месопотамские божества, в то время как ономастика указывает на более значительную распространенность на бытовом уровне культа исконно аморейских богов. То же происходило, вероятно, и в Угарите, где, например, скромная роль, которая отводилась Дагану в официальных сакральных текстах, никак не отражала его широкую популярность среди народных масс⁵⁶.

Что касается богов библского простонародья, то им не находится специально-го места ни в гробницах, ни в сохранившихся официальных документах. Упоминания о них либо случайны, либо самые общие. Так, амарнские письма Рибб Адди, адресованные фараонам, всегда начинаются с упоминания ^d*Bêlit šá* ^{uru}*Gub-la* и подчеркивания, что она есть богиня фараона, а сам Библ принадлежит ему, один раз встречается сравнение адресата с Баалом (EA 108: 9) и Шамашем (EA 108: 10), а также несколько упоминаний о каких-то других божествах, которые находятся в городе. На стеле Йехимилка (KAI 4: 3–5), памятнике начала I тысячелетия, встречается имя Баалшамем перед именем Баал[ат] Губль, за которой, в свою очередь, следует некое «собрание святых богов Библа» – *mḫrt 'l gbl qdšm*⁵⁷. Очевидно, что в число этих богов и входят не названные поименно местные «народные» божества, оказавшиеся на втором плане за египетской Хатхор, официальной покровительницей города и правящей династии.

Изложенный материал позволяет сделать следующие выводы. Культ египетской богини Хатхор с самого начала его появления в Библе в период Старого царства, а возможно, и ранее, пользовался государственной поддержкой фараонов, которые рассматривали его как часть идеологического обоснования своей политической и экономической экспансии в регионе. Одновременно имела место египтизация правящей верхушки, что облегчило быстрое отождествление Хатхор с традиционной местной богиней, которая, очевидно, была далеко не единственным божеством в этом городе, насчитывавшем уже к середине III тысячелетия по крайней мере четыре крупных храма. По мере установления полного суверенитета египтян над Библом при VI династии фараонов Хатхор заняла ведущее место в местном официальном пантеоне, вытеснив на уровень низо-

⁵⁵ В этой связи интересно отметить, что на саркофаге Ахирама (XIII–XI вв. до н.э.) нет даже намек на Баалат/Хатхор ни на рельефе, который по своему художественному стилю лишь отдельными элементами отражает египетские каноны, ни в надписи. Это подтверждает, что его изготовление, как и сделанная позднее надпись, относятся к периоду ослабления египетского господства в этом городе и регионе.

⁵⁶ *Dahood M.J. Ancient Semitic Deities in Syria and Palestine // Antiche Divinità semitiche. Roma, 1958. P. 68.*

⁵⁷ С восстановлением конечного -t после слова b'l, что меняет мужское божество Баал Губль на женское Баалат, согласны не все исследователи. См., например: *Lipinski. Dieux et deesses... P. 79.*

вой, и прежде всего деревенской, обрядности традиционных богов местного населения. В конце III тысячелетия аморейское завоевание Библа привело ненадолго к деградации египетских культов, прежде всего Хатхор, и возвышению богов аморейско-ханаанейского происхождения, как старых библских, так и новых пришельцев. В период Среднего царства Египет восстанавливает утраченные позиции в Библе и одновременно возрождает почитание Хатхор, которая, получив новый эпитет «Библьская» непосредственно от египтян, вновь становится официальной покровительницей города и правящих династий⁵⁸. Остается неизвестным, какое место она занимала в народной мифологической иерархии, однако очевидно, что для коренного местного населения, а тем более пришельцев из Сирийской пустыни, *b'lt gbl* была обычной калькой с эпитета египетской Хатхор: *nbt kbn/kpny* – «Госпожа/Владычица Библа», подобно тому, как это было на Синае.

BAALAT GUBL AND HATHOR: THE HISTORY OF RELATIONS BETWEEN BYBLOS AND EGYPT IN THE PERIODS OF THE OLD AND MIDDLE KINGDOM

M.M. Yunusov

The author studies the basis of origin and steady development of the Egyptian cult of Hathor in Byblos against a background of the political events and ethnic processes the city went through from the beginning of the III mill. BC to the fall of the XII dynasty in Egypt. Archaeological, epigraphic and iconographic data from Byblos (excavations of P. Montet and M. Dunand) and partly from adjacent areas (Sinai, Palestine, Ugarit) considered by the author give him grounds to maintain that the cult of the Egyptian goddess Hathor was established and supported mainly for the reasons of providing ideological basis for the Egyptians' political and economical interests and that it had the status of local state cult without being directly connected with the religious beliefs of wide masses of the population.

Some Proto-Sinaitic texts and Ugarit written sources taken into consideration by the author allow him to suppose that addressing goddesses, both local and foreign, the inhabitants of Palestine and Southern Syria in the II mill. BC could use *b'lt* and *rht* interchangeably in the sense of «Lady», which in any case had nothing to do with the original deity of Byblos. For the indigenous inhabitants of Byblos and for the Amorite newcomers from the Syrian desert *b'lt gbl* was a usual calque of the epithet of Egyptian Hathor *nbt kbn/kpny* – «the Lady of Byblos», who from the Middle Kingdom on becomes one of the central figures of Byblos' pantheon, completely replacing the archaic goddess of Byblos that we only know under the conventional name of Baalat Gubl.

⁵⁸ В этой связи интересны выводы Р. Фламмини, которая на основе изучения титулов библских правителей первой половины II тысячелетия и египетских праздников, отмечавшихся в Библе, считает, что египетская администрация стремилась осуществлять свой контроль над элитой города не только политическими методами, но и прямо поощряя распространение своей религиозной практики в городе. При этом ассимиляция богов, иными словами, их «экспорт», также рассматривается как один из аспектов этого контроля: *Flammini. The «ḥ3tj-с» from Byblos... P. 54–55.*

В. Л. Цымбурский

НЕТНО-НОМЕРИКА (НАРЕЧЕНИЕ ОДИССЕЯ И НАРЕЧЕНИЕ
ЗЛОГО БРАТА В ХЕТТСКОЙ «СКАЗКЕ ОБ АППУ
И ЕГО СЫНОВЬЯХ»)

«Илиада» и «Одиссея» создавались в Малой Азии в условиях постоянного общения греков с иными народами этого полуострова, в значительной части принадлежавшими к хетто-лувийской языковой семье, т.е. обитавшими на малоазийской земле уже, как минимум, полтора тысячелетия. У самих греков ко времени оформления этих памятников было за спиной не менее 600 лет присутствия в этом регионе, считая с конца XV в. до н.э., когда в западноанатолийских городах появляются микенские импортные изделия, а в хеттских документах – первые упоминания о стране Ahhiya, позднее Ahhiyawa, Ahhiyuwa¹ (я не касаюсь здесь вопроса о весьма вероятном пребывании какой-то раннегреческой группы в Западной, особенно в Северо-Западной Малой Азии, по крайней мере с начала Трои VI, т.е. с XVIII в. до н.э., а также гипотезы, которая предполагает в этом регионе промежуточную прародину греков или какой-то их ветви, непосредственно предшествовавшую их проникновению на Балканский полуостров²).

Все эти обстоятельства, а также несомненное хетто-хуритское влияние на гесиодовскую «Теогонию» с ее схемой божественных поколений объясняют интерес хеттологов, филологов-классиков и индоевропеистов к выявлению перекличек между гомеровским эпосом и клинописными хеттскими памятниками древнего Хаттусаса (Богазкёй).

Едва ли не первым по времени достижением в этой области стала впечатляющая статья Г. Штайнера (1971), показавшего фактическое тождество обряда вызывания мертвых в «Одиссее», совершаемого на берегу мировой реки Оке-

¹ См. Güterbock H. The Hittites and the Aegean World. I. The Ahhiyawa-problem Reconsidered // AJA. 1983. 87. P. 133–138; Mellink M. The Hittites and the Aegean World. II. Archaeological Comments on Ahhiyawa-Achaians in Western Anatolia // AJA. 1983. 87. P. 138–142; Güterbock H. Hittite and Akheans // Proceedings of American Philosophical Society. 1984. 128. P. 114–122; Schachermeyr F. Mykene und das Hethiterreich. Wien, 1986; Гиндин Л.А., Цымбурский В.Л. Гомер и история Восточного Средиземноморья. М., 1996. Можно с определенностью утверждать, что после указанных работ Гютербока и особенно Шахермейра уже не на сторонниках отождествления Аххиявы с ахейской Грецией должно лежать бремя доказательства этого тезиса, но на противниках этого тождества – тяжесть его опровержения.

² Mellaart J. The End of the Early Bronze Age in Anatolia and the Aegean // AJA. 1958. 62. P. 9–34; Блеген К. Троя и троянцы. М., 2002. С. 177–179; Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Т. 2. Тбилиси, 1984. С. 899; Гиндин Л.А., Цымбурский В.Л. Прагеки в Трое // ВДИ. 1994. № 4. С. 19–39; они же. Троя и «Пра-Аххиява» // ВДИ. 1995. № 3. С. 14–37; Цымбурский В.Л. Этно- и лингвогенез Трои как преломление индоевропейской проблемы (К 75-летию со дня рождения Л.А. Гиндина) // Вопросы языкознания. 2003. № 3. С. 15–30.

ан (XI. 23 сл.), и хеттского ритуала заклинания на речном берегу подземных богов или «прежних богов» (*karuileš šiuneš*) из текста KUB VII 41³. Помимо соответствий собственно в процедуре жертвоприношения (выкапывание мечом или кинжалом ямы на берегу, убийство овец над ямой, сопровождаемое возлияниями и растительными жертвами), Штейнер отметил и иные параллели: неоднократное упоминание о Персефоне, высылающей мертвых навстречу Одиссею (XI. 47, 213, 216, 226, 385, 635), соответствует обращению в хеттском ритуале к богине – подземной владычице по прозванию «Богиня Солнца земли» (в смысле «подземного, Нижнего мира», *taknaš^d UTU-uš*), а фигура выходящего к герою из Аида пророка Тиресия – богу-пророку Адунтари, открывающему вместе с толковательницей снов богиней Цулки ряд вызываемых «прежних богов». Функции хеттского обряда, предназначенного очистить заказчика от «крови, скверны, лжи, клятвопреступления», проливают неожиданный свет на консультацию Одиссея с Тиресием о способе умиловить гневного Посейдона, преследующего Лаэртида за увечье, причиненное сыну бога киклопу Полифему. По мнению Штайнера, с учетом этого хеттского (возможно, хурритского по происхождению) текста должен быть совершенно по-новому решен старый гомероведческий спор насчет смысла гомеровской «Некии»: представляет ли она, по сути, вызывание мертвых или путешествие в Аид. Ученый предположил, что изначально речь должна была идти о воспринятой греками в Анатолии идее обрядового очищения от скверны через жертву подземным богам. Вторично в связи с образом подземного божественного пророка описываемый ритуал был переосмыслен в ключе вопрошания «оракула мертвых» и обогащен рассказом о встрече Одиссея с разными умершими героями и героинями, что, наконец, и дало повод, под влиянием аргонавтических мотивов путешествия на край света, к Океану, перенести «Некию» на берег мировой реки и в целом аранжировать данный эпизод в виде «плаванья в страну мертвых»⁴.

За работой Штейнера в 1980-х и начале 1990-х годов последовала серия публикаций Я. Пухвела на темы хетто-гомеровских дискурсивных соответствий, как выразился этот исследователь, «хеттских ответов на гомеровские вопросы»⁵. Эти разработки неравноценны, но среди них налицо подлинные откры-

³ Steiner G. Die Unterweltbeschwörung des Odysseus im Lichte hethitischer Texte // Ugarit-Forschungen. Bd III. 1971. S. 265–283; Штейнер широко использовал перевод текста KUB VII 41, представленный в работе: Otten H. Eine Beschwörung der Unterirdischen aus Bogazköy // ZA. 1961. 54 (20). S. 114–157. Не исключено, что речной берег в этом ритуале, как и в некоторых других хеттских обрядах, символизирует край мира, подобно гомеровскому Океану.

⁴ Штайнер (Op. cit. S. 277) впервые обратил внимание на функциональное уподобление пришедшей из аргонавтических сказаний Кирки, подготавливающей Одиссея к его путешествию в Аид, и хеттской исполнительницы очистительных ритуалов – «старой женщины» (SAL.ŠU.GI, хет. *ḥaššawa*. Оговорю, что шумерская идеограмма «женщина», ранее читавшаяся как SAL, теперь читается как MUNUS; здесь и ниже при воспроизведении транслитераций и названий работ иных авторов, употреблявших еще старое чтение, оно оставляется без замены). Через несколько лет к тому же сближению пришел, похоже не зная о статье Штайнера, Л.А. Гиндин в работе «Ритуально-мифологический смысл десятой песни “Одиссеи”» (Balkanica: Лингвистические исследования. М., 1979. С. 190–200), но пришел весьма окольным путем, отталкиваясь от статьи В.Н. Топорова «Хеттская SAL.ŠU.GI и славянская баба-яга» (Краткие сообщения Института славяноведения и балканистики АН СССР. 1963. Вып. 38. С. 28–37) и используя ритуалистскую интерпретацию сюжетики русской волшебной сказки по В.Я. Проппу как *tertium comparationis* между обрядами MUNUS (прежнее чтение – SAL).ŠU.GI и функциями Кирки в «Одиссее».

⁵ Puhvel J. Homeric Questions and Hittite Answers // AJPh. 1983. 104. P. 217–227; *idem*. On Anatolian Turn of Phrase in Iliad // AJPh. 1988. 109. P. 591–593; *idem*. Homer and Hittite. Innsbruck, 1991.

тия. Таковым, несомненно, следует считать, пухвеловское разъяснение формы πρωτεύουσι в П. I. 290–291 (слова Агамемнона об Ахилле) $\epsilon\acute{\iota} \delta\acute{\epsilon} \mu\upsilon\nu \alpha\acute{\iota}\chi\mu\text{-}\eta\tau\eta\nu \acute{\epsilon}\theta\epsilon\sigma\alpha\nu \theta\epsilon\omicron\iota \alpha\acute{\iota}\epsilon\nu \acute{\epsilon}\omicron\nu\tau\epsilon\varsigma, / \tau\omicron\upsilon\acute{\nu}\epsilon\kappa\acute{\alpha} \omicron\iota \text{πρωτεύουσιν} \omicron\nu\epsilon\acute{\iota}\delta\epsilon\alpha \mu\upsilon\theta\eta\sigma\alpha\sigma\theta\alpha$ «ежели вечно сущие боги сделали его копейщиком, / (так) ради этого они ему πρωτεύουσι изречь ругательные слова?» Значение глагола тут настолько очевидно расходится с обычным смыслом πρωτεύουσι «бежать впереди кого-либо», что составители словарей обычно склонны здесь видеть аномальное образование от πρωτίθῃσι в одном из многих его употреблений: именно «назначать, определять». Однако Пухвел блестяще показал, что πρωτεύουσι в П. I. 290–291 (и только в этом контексте из всех известных) может представлять точный аналог к хет. pīpaṅ ḫuwai- или para ḫuwai- букв. «бежать впереди кого-либо», но применительно к богам имеющему специальное значение «прикрывать, защищать кого-либо из смертных (обычно царя), покровительствовать ему в некоем деле»⁶. Эта уникальная гомология словесных клише, характеризующих божественное покровительство смертным избранникам, – один из тех случаев, когда можно думать, говоря словами Пухвела, «о культурных связях, тянувшихся из среды аэдов Восточной Ионии через азиатов-троянцев с их *interpretatio Graeca* и их (лувийско-)ликийскими союзниками в самое средоточие (heartland) анатолийской культуры, воплощенное в хеттских текстах»⁷.

Хетто-гомеровские сходжения по сей день остаются благодатной и благодарной темой для изысканий, каковые приносят и, без сомнения, принесут еще немало находок. Так, в начале 1990-х годов я обратил внимание (и позднее тезисно воспроизвел это наблюдение в нашей книге с Л.А. Гиндиным «Гомер и история Восточного Средиземноморья») на формульное соответствие VII песни «Илиады» (строки о поединке Гектора с Аяксом) и эпизода столкновения хеттского войска с колесничной армией Атрисияса (Атресия) или Атарсиса (ср. варианты передачи этого имени ${}^1\text{at-ta-ri-ši-ja-aš}$ и ${}^1\text{at-tar-ši-ja-aš}$) из страны Аххия в «Тексте о Маддуваттасе»⁸ – памятнике конца XV – начала XIV в. до н.э.⁹ Этот хеттский

⁶ Puhvel. On Anatolian Turn of Phrase...

⁷ *Idem.* Homer and Hittite. P. 10.

⁸ Цымбурский В.Л. *Netto-Nomericum* // Балканские чтения. 1. Симпозиум по структуре текста. Тезисы и материалы. М., 1990. С. 35–36; Гиндин, Цымбурский. Гомер и история Восточного Средиземноморья. С. 67.

⁹ Эта датировка Х. Оттена (*Otten H. Sprachliche Stellung und Datierung des Madduwatta-Textes.* Wiesbaden, 1969) предпочтительнее старой версии А. Гетце (*Goetze A. Madduwattas.* Lpz, 1928), отнесшего данный памятник к последним десятилетиям существования Хеттской империи. Этот результат Оттена, сделавший текст о Маддуваттасе древнейшим хеттским текстом об Аххияве, лежит в русле многочисленных датировок так называемых «ранневохеттских» по языку текстов соответствующим же, т.е. «ранневохеттским» («среднехеттским») временем (XV – начало XIV в.) вместо эпохи ок. 1200 г. (куда их относили первопубликаторы, не обратившие внимания на то, что они написаны куда более архаическим языком, нежели язык XIII и даже XIV в.). Подчеркнем, что вывод Оттена относительно текста о Маддуваттасе по доказательности отличается от прочих подобных передатировок – достаточно сказать, что это едва ли не единственная из них, признанная и такими их противниками, как А. Камменхубер и Ф. Шахермейер (*Kammenhuber A. Probleme der Textdatierung in der Hethitologie.* Heidelberg, 1979. S. 246, 292; *Schaermeier.* Op. cit. S. 141–161). В отличие от ряда иных подобных атрибуций, эта не создает хронологических трудностей, естественно вписывая историю Маддуваттаса в картину великих смут и внешнеполитических потрясений, предшествовавших восстановлению хеттского великодержавия при Сушпилиумасе I. А форма названия Aḫḫiyā , притом, что документы от Мурсила II до Тудхалияса IV употребляют форму Aḫḫiyawā (очень редкий вариант – Aḫḫiyuwā), наиболее правдоподобным образом должна быть отнесена к более раннему времени, когда фиксация имени ахейцев в хеттском еще не устоялась.

контекст выглядит так: Vs. (63) ...ki-iš-na-pí-li-ša A.NA ¹at-ta-ri-ši-ja me-na-aḫ-ḫa-an-ta za-aḫ-ḫi-ja pa-it n[u] ŠA ¹at-ta-ri-iš-ši-ja ^{GIŠ}G[IGIR...]-ir nu za-aḫ-ḫi-ir (64) na-aš-ta ŠA ¹at-ta-[ri-iš-š]i-ja-ja 1 LÛ SIG₅ (-in) ku-e-nir | an-zi-el-la-kán 1 LÛ SIG₅ ¹zi-da-a-an-za-an ku-e-nir nu-za? at-ta-ri-iš-ši-ja-aš (65) A.NA ¹[ma-a]d-du-ua-at-ta[.?.]-ne-e-a-at na-aš-za ar-ḫa I.NA KUR.ŠU pa-it¹⁰. «(63) ...Киснапили против Атрисия на битву вышел; и 100 колесниц Атрисия ... и сразились, (64) и у Атрисия одного “хорошего мужа” убили, и у нас одного “хорошего мужа”, Циданцу, убили. И Атрисия (65) от Маддуваттаса [отступи]лся, назад в свою страну ушел»¹¹. В литературе давно уже высказано мнение о том, что этот пассаж – «возможно ... одно из наиболее ранних письменных сведений о поединке, которым была решена участь сражения»¹², причем воины, выступившие в качестве поединщиков, обозначаются в хеттском тексте идеограммой LÛ.SIG₅ «хороший муж». Нельзя пройти мимо того явления, что в VII песни «Илиады» – песни, находящейся в стороне от основного гомеровского сюжета и по мнению многих гомероведов представляющей инкорпорированный эпизод из догомеровского троянского эпоса греков¹³, – герои, вызываемые на единоборство с Гектором, устойчиво характеризуются выражениями ἄριστος, ἀριστεύς «наилучший», ἀνὴρ ἀριστεύων «муж, являющий себя в качестве наилучшего». См. II.VII. 73 (слова Гектора, далее с небольшой вариацией повторяемые Нестором в VII. 159) ὑμῖν δ' ἐν γὰρ ἕσσιν ἀριστῆες Παναχαιῶν, «ведь среди вас – лучшие из всех ахейцев»; VII. 90 сл. (предполагаемые слова потомков об ахейце, сраженном Гектором) ἀνδρὸς μὲν τότε σῆμα... / ὄν ποτ' ἀριστεύοντα κατέκτανε φαίδιμος Ἔκτωρ «Это памятник мужа ... какового некогда, демонстрирующего свою доблесть (букв.: являющего себя в качестве наилучшего) сразил блистательный Гектор»; VII. 226 сл. (слова Аякса Гектору) ...vūn μὲν δὴ σάφα εἶσεαι...οἴοι καὶ Δαναοῖσιν ἀριστῆες μετέασι... «нынче ты ясно увидишь ... каковы и у данайцев лучшие»; VII. 285 (Аякс о Гекторе) αὐτὸς γὰρ χάρμη προκάλεσσατο πάντας ἀριστοῦς «ведь он вызвал на битву всех наилучших». Общее ситуативное сходство между данными эпизодами «Илиады» и «Текста о Маддуваттасе» (в обоих случаях враждебная встреча крупных вооруженных сил анатолийского государства и ахейской Греции, столкнувшихся в приморье Анатолии) усугубляется точным параллелизмом хет. LÛ.SIG₅ «хороший муж» и гом. ἄριστος, ἀριστεύς, ἀνὴρ ἀριστεύων применительно к воинам, часто предводителям, лично представляющим в битве каждое из войск (к чему, собственно, сводится и гомероведческий термин «аристия», если отвлечься от вторичного различения аристии как серии побед одного героя над рядом противников и поединка-мономахии). Похоже, что перед нами – отражение в хеттском и греческом источниках, разделенных шестью столетиями

¹⁰ Цит. по Goetze. Op. cit. S. 16.

¹¹ А. Гетце и Ф. Зоммер понимали LÛ.SIG₅ (досл. «хороший муж») в военных контекстах как обозначение некоего не самого высокого («офицерского») предводительского ранга; Goetze. Op. cit. S. 128; Sommer F. Die Ahhiyawa-Unkunden. München, 1932. S. 336.

¹² Ардзинба В.Г. Хеттское царство // Межгосударственные отношения и дипломатия на древнем Востоке. М., 1987. С. 108. См. замечание Гютербока по поводу этого эпизода (Güterbock. The Hittites... P. 134): «То, что в контексте колесничной битвы выделяется гибель по одному вождю с каждой стороны, даже с указанием имени хеттского вождя, – этот факт уникален в хеттских исторических текстах и несколько напоминает гомеровские битвы». Можно сказать иными словами, что этот пассаж «Текста о Маддуваттасе» скорее выдержан в манере героического эпоса, чем известных по хеттским архивам исторических хроник-анналов, и, возможно, это обстоятельство сказалось в особенностях фразеологии.

¹³ См. удачный обзор в кн.: Клейн Л.С. Анатомия «Илиады». СПб., 1998. С. 176–184.

ми, одного и того же фрагмента военной культуры эгейско-анатолийского позднебронзового века¹⁴.

В этой статье я бы хотел разобрать еще одно хетто-гомеровское дискурсивное соответствие, которое, однако, имеет смысл рассматривать иначе, чем предыдущий случай, – не в качестве древнего реликта, передаваемого из века в век греческим эпосом, но на правах непосредственного заимствования в этот эпос из фольклора хетто-лувийских соседей по Анатолии – заимствования, предпринятого либо самим создателем «Одиссеи», либо, в крайнем случае, кем-то из его ближайших предшественников-аэдов. Речь пойдет об эпизоде наречения новорожденного Одиссея его дедом по матери, посетившим Итаку обитателем Парнаса Автоликом, в Od. XIX. 399–409 $\text{Αὐτόλυκος... / παῖδα νέον γεγαῶτα κίχησατο θυγατέρος ἧς / τὸν ῥά οἱ Εὐρύκλεια φίλοις ἐπὶ γούνασι θῆκεν... / «Αὐτόλυκ' αὐτὸς νῦν ὄνομ' εὐρεο, ὅτι κε θεῖο/ παιδὸς παισὶ φίλω πολυάρητος δέ τοί ἐστιν».$ / $\text{Τὴν δ' αὐτ' Αὐτόλυκος ἀλαμείβετο φώνησέν τε / «Γαμβρὸς ἐμὸς θυγατέρ τε, τίθεσθ' ὄνομ' ὅτι κεν εἶπω. / Πολλοῖσιν γὰρ ἐγὼ γε ὀδυσσάμενος τόδ' ἰκάνω, / ἀνδράσιν ἠδὲ γυναιξίν ἀνὰ χθόνα πολυβότεθραν / τῷ δ' Ὀδυσσεὺς ὄνομ' ἔστω ἐπώνυμον»$ «Автолик ... / встретил новорожденного сына своей дочери. / Ибо оного ему Эвриклея положила на колени / ... “Автолик, сам нынче найди имя, чтобы положить / Чаду чада твоего. Ибо многожеланный он для тебя”. / А ей Автолик отвечал, сказав: / “Зять мой и дочь, положите имя, которое я назову. / Ибо пришел я сюда, гневаясь (ὀδυσσάμενος) на многих мужчин и женщин (живущих) на земле плодородной. / Пусть же имя ему будет наречено Одиссей”». В литературе давно подмечено, что обычное у Гомера сближение имени Одиссея с глаголом ὀδυσομαι «гневаюсь», «враждую» получает в этом месте уникальную мотивацию, расходящуюся с многократно выступающей в поэме трактовкой Одиссея как объекта гнева богов (Од. I. 60–61; V. 339–340, 423; XIX. 275–276). Имя, даваемое Автоликом любимому («многожеланному») внуку здесь, очевидно, означает не «Ненавистный», но «Гневный» (Hasser), «Враждующий» – как и сам Автолик питает вражду ко множеству мужчин и женщин¹⁵ (ср. в переводе В.А. Жуковского: «пусть назовется мой внук Одиссеем: то значит “Сердитый”»).

¹⁴ Важнейшим свидетельством единства этой культуры по обеим сторонам Эгейды является сообщение в хеттском «Письме о Тавакалавасе» о некоем шталмейстере (^{LÜ}KARTAPPU) Дабала-Тархундасе (Dabala-^{dU}), восходившим на колесницу вместе с хеттским царевичем, будущим царем, и с братом царя Аххиявы, возможно, давая им в руки управление ею (Sommer. Op. cit. 1932. S. 10 f.; к уточненному Г. Гюттербоком чтению этого текста, подтвердившему тождество упомянутого царевича из Аххиявы с Тавакалавасом (Этеоклом?) см. Güterbock. The Hittites... P. 136; Schachermeyr. Op. cit. S. 241, 249 f.; Гиндин, Цымбургский. Ук. соч. С. 80). Об интереснейшем терминологическом соответствии хеттской идеограммы ANŠU.KUR.RA.MEŠ «кони» в смысле «колесничное войско» и микенского i-qi-ja «колесница» в Кноссе (KN. 265–274), гомеровского ἰπλοχάρμης «боец, [сражающийся с] колесницы» писал Вяч. Вс. Иванов (Древние культурные и языковые связи южнобалканского, эгейского и малоазийского (анатолийского) ареалов // Балканский лингвистический сборник. М., 1977. С. 13) вслед за Г. Мюлештайном. Таким образом, параллель хет. LÜ.SIG₅ ~ гом. ἀνὴρ ἀριστος, ἀριστεύων оказывается уже вторым фактом в том же ряду.

¹⁵ Wüst E. Odysseus // Pauly's Real-Encyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft. Hbd. 34. Stuttgart, 1937. Kol. 1909. Там же о явно вымученной попытке гомеровского схолиаста (ad loc.) придать ὀδυσσάμενος в этом случае необычный смысл μισηθεῖς, т.е. подвергать этот случай под привычное гомеровское толкование Одиссея имени как «Ненавистный».

Я хочу обратить внимание на переключку этого места «Одиссеи» с одним эпизодом хеттской «Сказки об Аппу и его сыновьях», повествующей о рождении, возмужании и тяжбе двух братьев – Праведного и Злого, сыновей богача Аппу из страны Луллу¹⁶. Интересующий меня эпизод, следующий за словами о рождении у Аппу первенца, я привожу в транслитерации Я. Зиегеловой¹⁷, за исключением одного знака, о котором поговорю в следующем абзаце: Rs. III (10) SAL [UMME]DA-aš-za DUMU.NITA-an kar-ap-ta na-aš-ša-an ^map-pu (11) gi-nu-ṣa-aš ḫa-la-iš ^map-pu-uš-za DUMU.NITA-an du-us-ki-eš-ki-ṣa-an (12) da-a-i[š] na-an ku-un-ki-iš-ki-ṣa-an da-a-iš (13) nu-uš-ši-iš-ša-an ša-ni-iz-zi lam-an ^{LU}HUL-lu da-a-iš (14) ku-u-ṣa-pí[(-a)t-t(a)-aš]-m[i-i]š DINGIR^{MEŠ}-aš NÍG.SI.SÁ-an (15) KASKAL-an Ú-[UL e-ep-ri-ir(nu-za)] ^{LU}HUL-lu (вар. HUL-pa-an) KASKAL-an ḫar-ki-ir (16) nu-uš-ši-i[š-ša-an ^{LU}HUL-l]u ŠUM-an e-eš-du «(10) нянька подняла сына и к Аппу (11) на колени положила. И Аппу сыну радоваться стал, и нянчить его стал (13) и положил ему сладкое имя¹⁸ “Злой”». (14) «Поскольку (.) отчие мои боги благого (15) пути н(е выбрали, а) держали злой (злых людей, злодейский?) путь, (16) пусть е(му будет имя) “Злой”!».

Надо сказать, что мотивировка имени Злого сына не вполне ясна из-за практической невозможности одного знака в стк. 14. В первой по времени (1950) транслитерации И. Фридриха, сделанной по основному списку сказки KUB XXIV 8, в этой строке после ku-u-ṣa-pí оставлен пробел, указывающий на повреждение текста и не позволяющий судить, кому, собственно, отчие боги Аппу не выбрали благого пути, дав тем самым основание наречь младенца «злым» именем¹⁹. Я. Зиегелова в своей транслитерации предлагает конъектуру ku-u-ṣa-pí-[(ši)], основываясь на фрагменте другого списка (KUB XXXVI 59), где представлены утраченные в основном списке части последующего рассказа о выборе имени для Праведного сына – со ссылками на выбранную богами в этот раз «благую

¹⁶ Страна Луллу иногда локализуется где-то в горных областях на западе Иранско-го нагорья (северо-восточная периферия Ассирии), т.е. «в хурритско-аккадском пограничье» (*Friedrich J. Churritische Märchen und Sagen in hethitischer Sprache // ZA. 1950. 49 (15). S. 242.* Впрочем, иные авторы сомневаются в возможности сколько-нибудь точно определить ее местонахождение (*Siegelová J. Appu-Märchen und Hedammu-Mythus. Wiesbaden, 1971. S. 19 ff.*). По устному сообщению А. Немировского, ссылающегося на хурр. lul(l)ahḫe «чужак, чужеземец», хет.-лув. lulaḫḫi с тем же значением (формы, по наиболее правдоподобному предположению, образованные от названия страны Lullu), название этой страны может выступать в сказке об Аппу как обозначение неопределенной дальней земли на краю мира, «некоторого царства, некоторого государства» (реальная страна Луллу и в самом деле располагалась на горном восточном краю хетто-хурритского мира).

Традиционно «Сказку об Аппу» причисляют к хеттским памятникам хурритского происхождения, см. *Forrer E. Die Inschriften und Sprachen des Hatti-Reiches // ZDMG. NF. 1922. I. S. 188; Friedrich. Op. cit. S. 213; Луна, упавшая с неба // Древняя литература Малой Азии / Пер. Вяч. Вс. Иванова. М., 1977. С. 289.* Я. Зиегелова, перечисляя стилистические особенности, сближающие эту сказку с иными хеттскими текстами «хурритского круга» («Поэма о царствовании на небесах», «Песнь об Улликумми», «Миф о Хедамму», «Рассказ о бездетной рыбацкой чете», «Рассказ о горе Васитта»), вместе с тем допускает для нее более древние месопотамские истоки, на которые могли бы указывать упоминания божеств Мардука, Нанайи, Бога Солнца из г. Сиппара и т.д. Впрочем, тут же она отмечает и то, что предполагаемый иноязычный прототип хеттской сказки до сих пор нигде не засвидетельствован (*Siegelová. Op. cit. S. 28–33.*)

¹⁷ *Siegelová. Op. cit. S. 10 f.*

¹⁸ К истолкованию формулы šanizzi laman «сладкое имя» в хеттских обрядах наречения младенцев см. *Hoffner H. Birth and Name-giving in Hittite Texts // JNES. 1968. 27. P. 201 f.*

¹⁹ *Friedrich. Op. cit. S. 220 ff.*

дорогу». Два эпизода наречения сыновей Аппу впрямь построены параллельно. Однако сложность в том, что и в KUB XXXVI 59 знак после ku-ца-рi (col. II, 14) сильно поврежден – надежно просматривается только один вертикальный клин, дающий некоторый повод для чтения ž(i) «ему», каковое, однако, не является единственно возможным²⁰.

Похоже, что конъектура Зиегеловой была подсказана идеей Г. Хоффнера, высказанной в его известной статье «Рождение и наречение имени в хеттских текстах» и позднее поддержанной в монографии Г. Бекмана о хеттских ритуалах, связанных с рождением ребенка²¹. Согласно этим авторам, выражение «злой путь» (^LHUL-lu KASKAL-an или в другом списке HUL-pa-an KASKAL-an) представляет метафору для обстоятельств зачатия первенца у Аппу. В начале сказки повествуется о том, как бездетный, страдающий импотенцией богач Аппу обращается с жалобой к спустившемуся на землю богу Солнца. Тот, снизойдя к сетованиям Аппу, дает ответ Vs. II (6) i-it-[(za)] e-ku nu-za ni-in-qa nu-za rár-na-aš-ša (7) i-ja-an-ni nu-za DAM-KA aš-šu (8) ša-aš-ta-an še-eš-ki (š)a-aš-da-an-ta DIN-GIR.MEŠ-aš rí-an-zi (9) 1-an DUMU.NITA-an «(6) иди себе, пей допьяна и в дом свой (7) войди и с женой своей хорошо (8) на ложе возляг спать. На ложе твое боги (9) одного сына дадут»²². Хоффнер и Бекман полагают, что под «злым путем» надо понимать подсказанное Аппу богом Солнца зачатие первого из сыновей в алкогольном опьянении.

Показательно, что Вяч. Вс. Иванов, проигнорировав эту догадку Хоффнера, в своем переводе «Сказки об Аппу», местами приближающемся к вольному переложению, интерпретирует данный пассаж так: «Пока я был молодым, боги не выбирали для меня благого пути. Они мне определили злой путь. И имя пусть у него будет “Злой”»!²³ Для такого истолкования трудно найти подкрепление в тексте – если, конечно, не считать за основание для этой версии рассказ о мытарствах бездетного Аппу и его последующем исцелении божеством. Но важно само допущение, что косвенным объектом («бенефициантом» в кавычках) выбора богов – тем, для кого они выбрали и держали «злой путь», – вполне мог быть и сам Аппу.

Мне хотелось бы с должной осторожностью указать в этой связи на один мотив, несомненно присутствовавший в сильно разрушенной части текста между разговором Аппу с богом Солнца и сообщением о первой беременности жены богача. В начале этой части содержался эпизод с возвращением бога Солнца на небо, где бог Грозы устраивал ему пир (Vs. I. 11–20), во время которого между ними происходил некий разговор (Vs. I. 21 сл.). Не исключено, что по ходу этой беседы боги почему-то переменили первоначальное решение насчет будущего потомства Аппу: если сперва бог Солнца обещал ему, как мы помним, только одного наследника, то после встречи небожителей рождаются двое – Злой и Праведный. А затем в кусочках строк, уцелевших от начала колонки III Rs., прямо предшествуя зачатию и появлению на свет Злого сына, рассказывается о чем-то хождении в город, как-то затронувшем Аппу, может быть, даже о соб-

²⁰ В конце 1980-х годов, когда я впервые обратил внимание на этот контекст в связи со сценой наречения из «Одиссеи», Л.С. Баюн в устной беседе высказала допущение, что поврежденным знаком вполне мог быть ца (ku-ца-рi-ца «поскольку, дескать...»). Пользуюсь случаем через 15 лет выразить благодарность за этот комментарий.

²¹ Hoffner. Op. cit. P. 202 f.; Beckman G. Hittite Birth Rituals. Wiesbaden, 1983. P. 6.

²² Siegelová. Op. cit. S. 6 ff., с исправлением по KUB XXXVI 59 ошибочных написаний i-ja-an-ni в стк. 7 и pa-aš-ta-ta в стк. 8, вкравшихся в основной список.

²³ Луна, упавшая с неба. С. 162.

ственном его путешествии. См. Rs. III (1)[d]a-a-iš[...] (2) [nu]-ṭa-an-na-aš[...] (3) ú-da-ṭa^{URU}[...] (4) nu-kán^map-pu-i[...] (5) [p]a-i-ra-at^{URU}[...] (6) nu-kán ap-pu-ja[...]
 «(1) и начал ... (2) «нас, мол ... (3) понеси, мол, в город ... (4) и Аппу (дат. пад.) (5) пошли они в город... (6) и Аппу...»²⁴. Встает вопрос: не может ли мотив «выбора» и «держания» богами сперва злой, а потом благой дорог (^{LU}HUL-lu / HUL-ra-an KASKAL-an vs. NÍG.SI.SÁ-an KASKAL-an), давших повод к наречению первого сына Злым, а второго – Праведным, вовсе не иметь метафорического характера, но быть связанным с некими обстоятельствами путешествия, предпринятого Аппу перед зачатием будущего Злого сына?

В глаза бросается разительный текстуальный параллелизм между формулами наречения этого «антигероя» и гомеровского Одиссея. В первом случае формула звучит: «Поскольку мои отчие боги не выбрали благого пути, но держали злой путь, да будет ему имя “Злой!”». Во втором: «Поскольку я пришел сюда во гневе на многих мужчин и женщин, да будет ему имя “Гневный”, “Ненавистник!”». И там, и здесь «злое имя» мотивировано предваряющим акт наречения «злым путем». При этом подобное истолкование Одиссеева имени оказывается в гомеровском эпосе таким же гапаксом, как объясненная Пухвелом из хеттского семантика глагола προθεῖναι в II. I. 290–291.

Не менее важно то, что перекликающиеся мотивы «Одиссеи» у хеттской сказки выступают в чрезвычайно сходных сюжетных рамках. Ближайшей, непосредственной рамкой является конфигурация из двух актов – возложения ребенка на колени отцу или деду и последующего «изобретения», «нахождения» тем имени для новорожденного. Последний акт в обоих текстах обозначается словосочетаниями, продолжающими одну и ту же индоевропейскую формулу *(o)nomn̥ dheN₁ – «класть имя» – хет. lapan daiš, гом. ѓвома... θῆαι, τίθεσθ’ ὄνομα²⁵. Что же касается акта возложения на колени, то по наблюдению Хоффнера, этот символический жест признания ребенка в качестве законного отпрыска и зачастую наследника широко засвидетельствован для позднего бронзового и начала железного века по всему Восточному Средиземноморью и Передней Азии²⁶. Он упоминается и в аккадских документах, и в «Илиаде» (IX. 453–456), где Аминтор не желает принимать на колени ребенка, прижитого наложницей от Аминторова сына Феникса; и в Ветхом Завете, согласно которому служанка Рахили рожает ей на колени сына от Иакова, а Иосифу кладут на колени детей его внуков (Быт. 30:3, 50, 23; ср. еще Руфь 4:1; Иов 31:12). У хеттов также в восходящей к хурритскому прообразу «Песни об Улликумми», где в выражениях,

²⁴ Siegelová. Op. cit. S. 8 ff.

²⁵ Обзор отражений этой формулы в разных индоевропейских диалектах, с указанием, помимо греческого рефлекса, также древнеиндийского (pāna dhā), авестийского (pānan dā), славянских (ст.-чеш. dieti jmě, польск. dzieć imię), старофригийского (ovoμον δοϋετ), лувийского иероглифического (á-tí-ma-za-ni TUWA-na) см. Иванов Вяч.Вс. Славянский, балтийский и раннебалканский глагол: Индоевропейские истоки. М., 1981. С. 138–142. Об архаической и крайне редкой латинской формуле nomen facere см. Цымбурский В.Л. Анхиз-Змей. К регенерации раннефракийского мотива в «Энеиде» Вергилия // ВДИ. 1996. № 4. С. 34. Парадоксально, что в собственно клинописных хеттских текстах Иванов не усматривает свидетельств этой индоевропейской формулы, за исключением ее предполагаемого косвенного преломления в древнехеттском словосочетании ŠUM te-iz-zi «имя говорит», где глагол temi «называть, говорить», по мнению ученого, выступает субститутотом созвучного teḥḥi «класть». Но ведь оборот lapan daiš в «Сказке об Аппу», самим Ивановым переведенной на русский язык, представляет эту формулу в ее исконном виде, с использованием глагола teḥḥi.

²⁶ Hoffner. Op. cit. P. 201.

почти дословно совпадающих с конструкциями «Сказки об Аппу», повествуется, как богини Судьбы и боги Гулсы возложили новорожденное чудовище Улликумми на колени к его родителю – свергнутому царю богов Кумарби, и тот давал имя отпрыску-мстителю²⁷. Однако на этом широком фоне сцена из XIX песни «Одиссеи» обнаруживает некоторые исключительные сходжения с хеттскими нарративами. Только в «Одиссее», в «Сказке об Аппу» и в «Песни об Улликумми» возложение на колени является прологом к «положению имени», причем в изображаемом обряде взаимодействуют два актанта – именоволожник и нянька, подносящая ему дитя (Эвриклея в «Одиссее», MUNUS (SAL).UMMEDA в «Сказке об Аппу»); в «Песне об Улликумми» эту роль исполняет группа богинь Судьбы (^DMAN.ḪIA) и богов Гулсов²⁸. В плане лексического обозначения данного акта гомеровскому ἐπὶ γούνασι θῆκεν соответствует хет. *giṇuwaš ḫalaiš* с тем же глаголом *ḫalai-*, который используется и в аналогичном пассаже «Песни об Улликумми». Однако ритуальный текст КВо XVII 61 Vs. 19, где исполнительница обряда (*ḫaššawa*), уподобляясь няньке, говорит о себе [*nu-uš-ši-š*]a-an DUMU-an *gi-nu-ṣa-aš-ša-aš te-eḫ-ḫi* «ему (или ей) ребенка на колени я кладу»²⁹, показывает, что в хетто-лувийских языках этот же акт мог обозначаться и посредством рефлексов и.-е. *g'enu(o)s dheN-, генетически тождественных (с диалектными нюансами) и паронимичных на слух греческой формуле ἐπὶ γούνασι θῆκεν.

Если всмотреться в более широкие нарративные обрамления сопоставляемых мотивов, то в глаза бросаются и другие, дополнительные сходства. Так, отмечаемое в сказке обитание Аппу «наверху (т.е. на горах) посреди страны (Vs. 1 (9) *še-ir...* (10) *KUR-e-kán iš-tar-na*)», где обретаются его богатства (Vs. I (11) *ḫa-ar-pí-na-an-za G[UD^H]A^A-uš-ši-iš* (12) *UDU-uš me-ik-ki-iš* (13) *K[U.BABB]AR-ma-aš-ši GUŠKIN-aš^N[^A ZA.GI]N-aš ud-da-ni* (14) [*p*]a-an-ku ḫu-u-i-ga-tar ma-a-an ḫa-aḫ-ḫa-ri-ia-an: «(11) богат, быки у него (12) и овцы премногие: (12) а в изделиях из серебра, золота и ляпис-лазури у него (14) собран у него как бы целый ḫ.»)³⁰, сопоставимо с проживанием Автолика в середине Греции на хребте Парнаса, где, по словам его, стоит его большой дом и пребывают его богатства (Od. XIX. 409–413: ἀὐτὰρ ἐγὼ γέ / ὄλοτ' ἄν ἠβήσας μητρῶιον ἐς μέγα σῶμα / ἔλθη Παρνησόνδ' ὄθι τοῦ μοι κτήματ' ἔασιν / τῶν οἱ ἐγὼ δώσω καὶ μιν χαίροντ' ἀπολέμψω. «...А я, / (когда он (Одиссей), достигнув юности, в большой дом своего деда по матери / придет – на Парнас, где находятся мои богатства, / из них одарю его и отпущу радостного». Также и слова Эвриклеи к Автолику о младенце Одиссее *πολυάρτος δὲ τοῖ ἐστίν* «ибо он для тебя многожеланный», букв. «тот, о котором ты много молился» (от греч. ὄρα «молитва»), перекликаются с сетованиями бездетного Аппу перед богом Солнца об отсутствии потомков. Кстати, отголосок той же хеттской сказки можно было бы предположить и в другом месте гомеровской поэмы, когда Гермес, «уподобясь юноше» (Od. X. 278 *νεηνίη ἀνδρὶ ἑοικώς*), на-

²⁷ Güterbock H. The Song of Ullikummi // Journal of Cuneiform Studies. 1951. 5. P. 153: A, col. III (11) *nu^dGUL-šu-uš^DM[AN.ḪIA-uš DUMU-an kar-pí-ir na-an-kán A.NA^dK]u-mar-bi* (12) *gi-nu-ṣa-aš ḫa-la-i[ḫ^dKu-mar]-bi-iš-za a-[ši] DUMU.NITA-an* (13) *du-uš-ki-iš-ki-u-ṣa-an da-a-[iš na]-an ku-un-ke-eš-ki-u-ṣa-an da[-a-iš]* (14) *nu ša-ne-ez-zi ŠUM-an[xx] [p]é-eš-ki-u-ṣa-an da-a-iš* (11) «вот боги Гулсы и богини Су[дьбы ребенка подняли и его к К]умарби (12) на колени положили [Кумар]би сыну (13) радоваться ст[ал] и его нянчить ст[ал] (14) и начал давать ему “сладкое” имя».

²⁸ О роли MUNUS (SAL) UMMEDA в хеттских «обрядях рождения» см. Hoffner. Op. cit. P. 199 f.; Beckman. Op. cit. P. 48 f.

²⁹ Beckman. Op. cit. P. 42; ср. Hoffner. Op. cit. P. 201.

³⁰ Siegelová. Op. cit. P. 4 f.

ставляет Одиссея взять у Кирки перед соитием клятву, «да не сделает тебя, обнаженного, слабым и немужественным» (стк. 301). Не напоминает ли этот пассаж той сцены, где бог Солнца, «уподобясь юноше» (Vs. I. 42 ^{LU}GURUŠ-an-za kiša-[at]), избавляет Аппу от мужской немощи?³¹

Идя далее, можно бы отметить такую деталь, которая, наверное, должна была бы впечатлить ионийского аэда, уроженца греко-анатолийского культурного и лингвистического пограничья, если бы ему пришлось знакомиться с некой версией «Сказки об Аппу» в каком-то хетто-лувийском языковом воплощении. Я имею в виду параномасийное созвучие между греч. Παρνη(σ)σός как обозначением горного обиталища Автолика и местонахождения его «большого дома» и хет.-лув. рапа- «дом» (см. хет. рапа-, косвенная падежная основа от riḡ «дом», лув. иерогл., клин. рапа- «дом», лик. rḡḡnawate «строит», rḡḡnezi «οἰκεῖος»)³². В частности, в хеттской передаче сказки эта именная основа три раза повторяется в составе конструкции rāḡ-na-aš-ša i-ja-an-ni-iš «пошел в дом свой», rāḡ-na-aš-ša i-ja-an-ni «иди в дом свой» применительно к Аппу (Vs. I. 24–25; II. 6–7, 10–11), ср. ἔλθη Παρνησόνδ' в Od. XIX. 411. Практически в любом пересказе данного фольклорного сюжета на языках хетто-лувийской семьи (кроме лидийского, где biḡ(a)- «дом» непосредственно соответствует хеттской основе прямых падежей riḡ) упоминание о доме Аппу переключалось бы на слух выходца или потомка выходцев из Греции с наименованием резиденции богача Автолика, стимулируя – при прочих отмеченных сходствах – частичную конвергенцию сюжетов, перенос отдельных мотивов из одного в другой. Я склонен думать, что именно так могло обстоять дело с мотивом «злого пути» как причины наречения ребенка «злым именем».

Наконец, с немалой толикой предположительности, допустимо и еще одно параномасийное соприкосновение двух повествований. Имя Злого брата в сцене наречения, выглядящее на письме как ^{LU}HUL-lu, однозначно читается по-хеттски Idalu³³. Лувийским клинописным соответствием к хет. idalu- «злой» являлось aduwali-. Лувийская же иероглифика знает формы átuwata-, átuṭa/i- (с возможным звучанием [aduwata, aduṭa/i]) в том же смысле³⁴. Есть все основания допустить, что именно так – *Aduwalis или *Aduwatis, *Adutis – Злой брат должен был бы зваться в лувоязычных версиях сказки, каковые, если следовать лингвогеографическому критерию, с наибольшим правдоподобием могли бы бытовать на большей части осваиваемого греческими колонистами малоазийского прямо-

³¹ Ibid. S. 6 f.

³² Гиндин Л.А. Язык древнейшего населения юга Балканского полуострова. М., 1967 С. 147 с литературой; там же вслед за Л. Палмером (*Palmer L. Minoans and Mycenaens. N.Y., 1962. P. 26, 241 f.*) в рамках гипотезы о лувийском присутствии на Балканском полуострове в ранне- и среднебронзовом веке развивается мысль об отражении в греч. Παρνησός, обозначении горы со знаменитым святилищем той же хетто-лувийской основы в значении «храм, дом бога».

³³ Hoffner. Op. cit. P. 201; там же указание на то, что в контекстах, где данный персонаж выступает просто как Злой брат – а не «брат по имени “Злой”» – обычно написание ^{LU}HUL-aš (Rs. IV. 4, 8, 21, 24, 28; в IV. 4, 24 по спискам имеем также ^{LU}HUL-ра-аš), где HUL читается как ḫuwarra-.

³⁴ О лувийской клинописной форме см. Ларош Э. Очерк лувийского языка // Древние языки Малой Азии. М., 1981. С. 227; cf. Laroche E. Dictionnaire de la langue louwite. P., 1959. P. 35; Puhvel J. Hittite Etymological Dictionary. B., 1984. P. 491 f.; о вариантах лув. иерогл. átuwata-, átuṭa/i- «злой» см. Ibid. P. 492; Meriggi P. Hieroglyphisch-Hethitisches Glossar. 2-te Aufl. Wiesbaden, 1962. S. 44. Примечательно, что все приведенные лувийские версии данного прилагательного могут образовывать своего рода соединительно-трансформативную цепочку [aduwala- ~ aduwata- ~ aduṭa- ~ aduti-].

рья. Но при этом слух греческого рецептора-билингвы вполне в силах был бы ухватить фонетическую переключку имени *Aduwalis с начальной частью греч. Ἀὐτόλυκος «Сам-Волк», «Оборотень», что и давало повод превратить Автолика в главное действующее лицо сцены, смоделированной по образцу эпизода наречения из «Сказки об Аппу» (причем дополнительным, подкрепляющим стимулом могло бы послужить и частичное более отдаленное созвучие форм Aduwali-: 'Οδυ-σσεύς). Тем более впечатлить аэда могло созвучие *Adutis «Злой»: 'Οδυ-σσεύς «Носитель злого гнева»!

Таким образом, мы видим между этими нарративами целый ряд схождений, часть которых следует рассматривать как исходные переключки двух независимых друг от друга сюжетов, а другую часть как стимулированное этими переключками уподобление эпизода «Одиссеи» также и в других его моментах эпизоду анатолийской, хетто-лувийской сказки.

Что же в целом можно сказать о генезисе «парнасского» или «автоликовского» отступления из XIX песни «Одиссеи» в свете предложенных наблюдений? 20 лет назад в одной из моих первых, юношеских работ я специально писал о важности этого отступления для реконструкции ранних характеристик и привязок образа Одиссея³⁵. Основные положения той статьи я поддерживаю и сейчас. Вся история восхождения Одиссея на Парнас в сткк. 413–466 – его появление в доме Автолика за обещанными подарками и устроенный в честь него пир (сткк. 413–425); выход утром на охоту в компании сыновей Автолика, схватка с кабаном, поднявшимся из чащ, которых «не продувала влажная сила веющих ветров, ни блещущее солнце не бросало туда луча, ни дождь не проникал» и победа над зверем (сткк. 429–434); обретение Одиссеем в этой битве шрама (οὐλή) – той метки, по которой его позднее, вернувшегося на Итаку из морских скитаний в измененном обличье, будут опознавать его домашние и приверженцы (XIX. 390–394; XXI. 217–221); исцеление его раны заклетьями, которые исполняют сыновья Автолика, окончательное излечение героя в Автоликовом доме и отправка домой, щедро наделенного подарками (сткк. 455–462), – представляет изложение юношеской инициации Лаэртида в доме его деда по матери. Шрам – инициационная отметина, будучи перенесен из этого вставного рассказа в основной сюжет «Одиссеи», исполняет в нем ту же функцию опознавательного знака на герое, вернувшемся из потусторонних скитаний, опять-таки пережившем временную смерть. При этом греческая звуковая форма обозначения этого шрама – οὐλή, – конечно же, изначально отсылала к оставленным за рамками гомеровского эпоса формам имени того же персонажа, демонстрирующим плавную фонему – 'Ολυττεύς, 'Ολλυτεύς, 'Ολισεύς, ср. также итальянские рефлексy Olixes, Uluxes, Ulives³⁶. Мотив инициационной схватки с кабаном отражает то же представление о специфической («тотемной») связи Одиссея и Автолика со свиньей, которое получают вырожденные претворения в ряде ситуаций эпоса – будь то шлем Автолика с кабаньими клыками на голове, пускающегося в ночную разведку Одиссея «Долонии» (II. X. 260–271); или обращение спутников Одиссея в свиней в доме Кирки и спасение самого героя от этой участи милостью Гермеса, Автоликова божественного покровителя (Od. X. 280–307, ср. XIX. 396–397, слова об Автолике: ὅς ἀνθρώπους ἐκέκαστο/ κλεπτοσύνη θ' ὄρκω τε. θεὸς δὲ οἱ αὐτὸς ἔδωκεν/ 'Ερμείας «который [всех] людей превзошел в воровстве и

³⁵ Цымбурский В.Л. Древнебалканские мифологические истоки гомеровского рассказа об Автолике // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 1985. № 4. С. 62–68.

³⁶ Wüst. Op. cit. Kol. 1906–1909; Marot K. Odysseus-Ulixes // Acta Antiqua Academiae Hungaricensis. 1960. Vol. 8. P. 1–6.

ложных клятвах, ибо то ему дал сам бог Гермес»); или, наконец, приют, который Одиссей обретает по возвращении на Итаку в доме свинопаса Эвмея, закалывающего в честь гостя лучшую свинью, выделяя из нее специальную долю Гермесу (Od. XIV. 413–435).

Происхождение Одиссея по матери от Автолика, парнасского хитреца, по одной из версий – Гермесова сына, получившего от отца дар делать невидимым украденное добро (Pherecyd. FGH I. 92, F 120), указывает на континентально-греческие истоки образа до его перенесения на Кефалленский архипелаг, по-видимому, какой-то группой греков-мигрантов. В указанной старой статье я упоминал по этому поводу легенды о женитьбе Одиссея, покинувшего Итаку, на царице эпирских феспротов и основании им городов в Эпире (Apd. Ep. VII. 34; Schol. Lycophr. 800; St. Byz. s.v. Βούνεττα), о смерти его в Этолии и превращении его здесь в пророчествующего демона по имени Эврит (Apd. Ep. VII. 40; Schol. Lycophr. 799); даже о его происхождении из Беотии (Lycophr. 782–783; Plut. Quaest. gr. 43) – неясно, из исторической ли Беотии (древней Кадмеи) или из предполагаемой фессалийской прародины беотийских племен (Thuc. I. 10).

Восстанавливаемая древнейшая привязка «Пра-Одиссея» к Западной и Центральной Греции усиливает версию об имени парнасского оборотня и чародея Αὐτόλυκος как о результате греческой адаптации догреческого прототипа имени Одиссея с плавной зубной фонемой. Иногда полагают, что эта древняя форма непосредственно присутствует во второй части новообразованного композита (Αὐτ)-όλυκος. С другой стороны, можно предположить и то, что звучание Αὐτόλυκος обыгрывает в целом необычную для греческого слуха звуковую оболочку вроде *Od^λuks- / *Ud^λuks³⁷. Под этим переосмысленным именем греческая мифология сохранила фигуру «Пра-Одиссея», «еще не превратившегося из лесного разбойника и колдуна в морского скитальца», причем в какой-то момент этот «Пра-Одиссей» был переосмыслен в предка, совершающего инициацию над своим островным потомком³⁸. Таким образом, история хождения Одис-

³⁷ См. Carpenter R. Folk Tale, Fiction and Saga in the Homeric Epics. Berkeley-Los Angeles, 1946. P. 130 f.; Цымбурский. Древнебалканские мифологические истоки... С. 66 (с библиографией).

³⁸ О мифологии Автолика см. также Marot K. Autolykos // Minoica und Homer. В., 1961. S. 27. В названной моей работе я ссылаюсь на работу О. Шмидеберга, показавшего, что два растения, специфически связываемых в эпосе с Одиссеем – загадочное ρόλλυ, спасшее его от колдовства Кирки, и некий «яд из страны Эфиры», коего отчаянно страшатся женихи Пенелопы (Od. I. 249–262; II. 325–330), скорее всего, соответствуют двум видам морозника (Helleborus). В первом Шмидеберг доказательно усматривал Helleborus niger, белое растение с черными корнями, цветущее в зимнее время на Кефаллении, а также на склонах Эты, Коракса и Парнаса в «автоликовых краях». Яд же из Эфиры он отождествлял с соком Helleborus orientalis, распространенного особенно в Эпире (Schmiedeberg O. Über die Pharmaka in Ilias und Odyssee. Strassburg, 1918. S. 14–24).

К этому не утратившему значения очерку, доказывающему континентально-греческие привязки всей ботанической атрибутики Одиссея, следовало бы присоединить указание на то, что в античности некий вид морозника прямо носил прозвание αὐτόλυκος «автоликов цвет» (Hippiatr. 26). Словарь Лидделл–Скотта полагает, что речь в этом случае должна идти о белом (или ложном) морознике, под каковым понимался вид чемерицы Veratrum album (Liddell H.G., Scott R. A Greek-English Lexicon. Vol. 1. Oxf., 1940. P. 281; Schmiedeberg. Op. cit. S. 18–19). Однако Шмидеберг отмечал, что скудно распространенный в Греции Veratrum album в античной ботанике часто смешивается с Helleborus niger и, похоже, входит в практику греческой медицины довольно поздно – примерно ко времени Гиппократу (Ibid. P. 19, 21 ff.). Не могло ли «автоликовым цветом», само название коего указывает на связь с районом Парнаса, именоваться в этих краях то самое растение, которое под именем ρόλλυ сохранило Одиссея на острове Кирки?

сея к Автолику и охоты на Парнасе должна представлять старый балканский сюжет, который мог оформиться когда угодно с первой половины II тыс. до н.э., времени расселения греков по Балканскому полуострову и их проникновения на острова Ионического моря. Неизвестно, мог ли в этом раннем предании Автолик выступать «крестным», дающим имя внуку, и как, собственно, это имя тогда звучало. Однако в том виде, как это балканское предание предстает у Гомера, оно оказывается существенно доработано под воздействием анатолийской сказки, из которой могли быть заимствованы как общая ситуативная схема – с ролью няньки в обряде, возложением младенца на колени нарицателю имени, – так и мотив «злого пути», обосновывающий «злое имя». В конечном счете этот вывод подкрепляет общую характеристику гомеровских поэм как «эпоса этнокультурного пограничья», концептуальными «донорами» которого, помимо греков, могли выступать также и сосуществовавшие с ними негреческие народы Малой Азии³⁹.

HETHO-HOMERICA (NAMING OF ODYSSEUS AND NAMING OF THE EVIL BROTHER IN THE HITTITE TALE OF APPU AND HIS SONS)

V. L. Tsymbursky

The study is focused on the parallel drawn by the author for the first time between the naming of Odysseus by his grandfather Autolykos in τ 407–409 (πολλοῖσι γὰρ ἔγωγε ὀδυσοάμενος τόσ' ἰκάνω... τῷ δ' Ὀδυσσεὺς ὄνομ' ἔστω ἐπώνυμον «I came hither angry with many a man ... therefore may he be called by the name Odysseus»), where Odysseus' name is interpreted as «angry, wrathful», and the lines from the Hittite «Tale of Appu and His Sons» (in J. Siegelová's publication Rs. III, 14–16): ku-u-ṁa-pí[(.-a)t-t(a)-aš]-m[i-i]š DINGIR^{MEŠ}-aš NÍG.SI.SÁ-an (15) KASKAL-an Ú-[UL e-ep-pi-ir(nu-za)] LU^{HUL}-lu (вар. HUL-pa-an) KASKAL-an ḫar-ki-ir (16) nu-uš-ši-i[š-ša-an LU^{HUL}-I]u ŠUM-an e-eš-du «Because my paternal gods did not choose ... the good way, but kept the evil way (the way of the evil), may his name be 'the Evil One'». The idea of the «evil way» as a basis for giving the child an «evil» name is common for both narratives and is realized within similar plot frames. Their elements are: (1) Autilykos (born on Parnassus) and Appu both live a wealthy life in the central part of their lands, in the mountains; (2) Autolykos' prayer for granting him a grandson (τ 404) and Appu's prayer for granting him children; (3) ritual of naming with the participation of a nurse who puts the child upon the name-giver's knees. The author indicates phonetic closeness between the designation of Appu's abode in the Hittite tale (*parnassa* «into his house», the word is common Anatolian, cf. Luw. *parna-* «house», Lyc. *prñawatē* «he built») and the name of Autolykos' dwelling-place Παρνησός. He also admits that the name of the Evil son in Luwian versions of the same tale (Hit. *idualuš* ~ Luw. *adduwališ*, Hierogl. Luw. *átuwata-*, *átutí/a-*) may have been echoed by the names of Autolykos and/or Odysseus in Greek folklore (*Aduṭis: Ὀδυσεύς, *Aduwalis: Ἀὐτόλυκος). In the author's opinion, a bilingual Greek poet, Homer himself or one of his predecessors, having noticed numerous points that the Greek narrative had in common with that of Asia Minor, could have elaborated the former in the line of the vernacular tale, introducing in the epic the motif of the «evil» way as the basis for the «evil» name.

³⁹ Интереснейшее предположение о том, что «гениальный поэт мог быть даже и не греком по происхождению», а одним из «полуварваров», усвоивших с детства греческий язык и греческую культурную традицию, подобно Фалесу или Геродоту, см. Зайцев А.И. Древнегреческий героический эпос и «Илиада» Гомера // *Гомер. Илиада. Л., 1990* (Серия «Литературные памятники»). С. 400.

С. Г. Карпюк

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ КЛАССИЧЕСКИХ АФИН: ФУКИДИД И ЕГО СОВРЕМЕННОКИ ОБ ОСТРОВАХ И ОСТРОВИТЯНАХ*

Природно-географическая среда оказала весьма заметное влияние на формирование и развитие Афинского государства, и Афины не были исключением в мире древнегреческих полисов. Особенностью географического положения Аттики была «открытость» ее сухопутных границ при значительной протяженности береговой линии. Противоречие между «сухопутной» и «морской» ориентацией проявляются уже в архаический и раннеклассический периоды. Со времени Фемистокла (480-е годы до н.э.) Афины становятся ведущей морской державой со значительным флотом, возглавляют Делосскую симмахию (первый Афинский морской союз), в состав которого входили прежде всего островные и прибрежные полисы. При Фемистокле и Перикле (т.е. к середине V в. до н.э.) Афины и новопостроенный порт Пирей были связаны узким коридором так называемых Длинных стен, что позволило обеспечить снабжение города морем при осаде с суши. Это – общеизвестные факты. Проблема заключается в том, как и насколько они повлияли на психологию афинского гражданского коллектива, на восприятие афинянами географического и геополитического положения Афин и Аттики в целом.

В начальный период Пелопоннесской войны Афины были ближе всего к своей цели – достижению гегемонии над всей Грецией, господство афинян на море (во всяком случае, до Сицилийской катастрофы 413 г.) не подвергалось сомнению. Именно в этот период влияние «морской» составляющей могло быть наибольшим; но именно в конце V – начале IV в. до н.э. была написана как «История» Фукидида, так и сочинения его старших (Геродот, Аристофан, неизвестный автор Псевдо-ксенофоновой «Афинской политики») и младших (Ксенофонт, Лисий) современников. Поэтому изучение восприятия природно-географической среды в классических Афинах мы начинаем с исследования концепта острова или, попросту говоря, представления об островах и отношения к островитянам, которое сложилось у афинских авторов в конце V – начале IV в. до н.э., основное внимание уделив труду Фукидида.

«Теоретический» подход к островам, изучение восприятия островов почти не привлекали внимания исследователей античности, и только в последнее время

* Данная работа выполнена при поддержке РФФИ (проект 04-06-80279). Выражаю глубокую признательность Дому наук о человеке (Париж) за возможность работать в Библиотеке Жерне-Глотц, а также Морису Эмару и Франсуа Артогу.

появились работы, пусть и немногочисленные, в указанном направлении¹. Впрочем, существуют и более традиционные, востребованные наукой и ранее, подходы к изучению островов в древней Греции. Прежде всего, это мифологический (героико-мифологический). В рамках подобного подхода, к примеру, Роже Дион рассмотрел связь мифологических и эпических сюжетов (связанных с Ясоном, Одиссеем и т.п. и имеющих отношение к островам) с реалиями греческой колонизации и соперничеством греческих полисов в архаический период². Однако подобный подход иногда используется и авторами, труды которых имеют сомнительную научную ценность. Пример тому – книга Сильви Вилат, посвященная проблеме восприятия островов в греческой мысли³. Французская исследовательница пытается, основываясь на трудах классиков французской школы культурной антропологии (Жюльена Леви-Строса) и французской исторической школы (Люсьена Февра), построить некую концепцию. Увы, это – попытка с явно негодными средствами.

Автор утверждает (на основании поверхностного знакомства с древнегреческо-французским словарем), что термина, аналогичного французскому *insularité*, в древнегреческом языке не существовало⁴. Конечно, это так; если бы автор книги была хоть немного знакома с древнегреческим языком и текстами античных авторов, она смогла бы обнаружить понятие «островное положение» (*τὸ νησιωτικόν*) у Фукидида (VII. 57. 7), не говоря уже о названии пятой книги («Островная», *τὰ νησιωτικῆ*) «Исторической библиотеки» Диодора (Diod. V. 2. 1). Таким образом, греческие авторы пытались делать и теоретические обобщения. Впрочем, для автора книги «греческая мысль» заканчивается на Пиндаре и Вакхилиде. Причина понятна: если для архаической эпохи можно хоть как-то пытаться интерпретировать мифологические сюжеты с точки зрения культурной антропологии, то Фукидида с Ксенофонтом интерпретировать с точки зрения предложенной Леви-Стросом концепции «мудрости дикаря» совсем сложно. Неудивительно, что авторы вышедших позже статей в специальных энциклопедических словарях игнорируют данную книгу.

В последние десятилетия развивается также комплексный археологический подход к изучению отдельных островов, например, Мелоса (Ренфрю)⁵, Теноса (Ролан Этьен)⁶. Этот подход при расширении охвата может привести к подлинному научному прорыву, однако его осуществляют прежде всего археологи, и исторические изыскания их интересуют в значительно меньшей степени, нежели демографические, экономические, почвоведческие и прочие штудии. К тому же масштаб рассмотрения при подобном подходе столь велик, что весь античный период (или по крайней мере архаический вместе с классическим)

¹ *Hornblower S. Islands // The Oxford Classical Dictionary / Ed. S. Hornblower, A. Spawforth. 3rd ed. Oxf., 1996. P. 769; Gabba E. True History and False History in Classical Antiquity // JRS. 1981. 71. P. 50–62.* Историографию вопроса см. *Карпюк С.Г. Νησιωτικῆ на современном этапе: изучение политической географии островов классической Греции // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 4. СПб., 2005 (в печати).*

² *Dion R. Aspects politiques de la géographie antique. P., 1977.*

³ *Vilatte S. L'insularité dans la pensée grecque. P., 1991 (Annales littéraires de l'Université de Besançon, 446).*

⁴ *Ibid. P. 7.*

⁵ *An Island Polity. The Archaeology of Exploitation of Melos / Ed. C. Renfrew, M. Wagstaff. Cambr., 1982.*

⁶ *Étienne R. Ténos II. Ténos et les Cyclades du milieu du IVe s. av. J.-C. av. J.-C. au milieu de IIIe s. ap. J.-C. Athènes-Paris, 1990.*

может рассматриваться как единое целое, что делает исторические изыскания невозможными и ненужными⁷.

Итак, чтобы понять, как воспринимали острова и островитян афинские граждане в конце V в. до н.э., следует обратиться к афинскому театру: афинские драматурги чутко улавливали настроение своей аудитории.

Достаточно многочисленны упоминания островов и островитян в трагедиях Еврипида, причем почти все они носят тривиально географический характер. В «Гекубе» упоминаются незаселенные острова (стк. 1285), в «Ресе» – россыпь островов (Спорады – стк. 701), в «Ифигении в Авлиде» – цепь островов (стк. 287), в «Троянках» – островная земля (стк. 188). Тевкр в «Елене» сообщает, что Аполлон велел дать Саламину Кипрскому «островное имя» (ἄνοια νησιωτικόν) в честь острова Саламин (стк. 149). В «Андромахе» (стк. 1285) и в «Елене» упоминается остров блаженных (μακάρων νῆσος), причем в последнем случае вполне реальный островок Елены недалеко от побережья Аттики (стк. 1673) противопоставляется острову блаженных, который вскоре по воле рока получит Менелай (стк. 1677). Можно, конечно, истолковать упоминание островитянина Неоптолема, который коварно увез из Трои Андромаху (Andr. 14), как характеристику особого коварства островитян, но это было бы явной натяжкой.

Только в одном случае слово «остров» несет дополнительную смысловую и эмоциональную нагрузку: в «Гераклидах» неведомо откуда появившийся на побережье Иолай объясняет изумленным марафонским поселянам, что он прибыл не с острова, а напрямик из Микен (стк. 84). Обитателям Марафона островитяне (причем, очевидно, даже не жители ближайшей Эвбеи) представлялись опасными разбойниками, что соответствовало героико-мифологическому представлению о жителях островов, вполне подходящему к сюжету «Гераклидов».

Конечно, невозможно обойти и не исследовать в интересующем нас аспекте сочинения Аристофана; комедиограф только один раз упоминает остров в чисто географическом контексте: в «Ахарнянах» (Ленеи, 425 г.) предводитель хора предостерегает афинян от заключения невыгодного мира со спартамцами:

Вам поэтому мир предлагают сейчас и условием ставят лаконцы
Наш отказ от Эгины. Не то, чтоб они чрезвычайно пеклись об Эгине –
Здесь не в острове дело. Желают они отобрать у афинян поэта
(стк. 652 слл., пер. С. Апта).

Да и то контекст чисто географическим назвать нельзя – на Эгине после начала Пелопоннесской войны была афинская клерухия, возможно, семья Аристофана имела к ней какое-то отношение. Характерно, что на Эгине в 427 г. родился Платон. Кроме того, в комедии «Осы» (Ленеи, 422 г.) упоминаются «острова блаженных (μακάρων ... νῆσοις – стк. 639–640).

Остальные же упоминания островов Аристофаном вписываются в политико-географический «имперский» контекст – острова рассматриваются как неотъемлемая часть Афинской архэ. Эвбея, как уже было отмечено выше, была

⁷ Демография островов Восточного Средиземноморья, прежде всего современная (о древности лишь несколько пассажей), рассмотрена в фундаментальном исследовании: Kolodny E.E. Population des îles de la Grèce. Essai de géographie insulaire en Méditerranée orientale. Т. 1–2. Atlas. Aix-en-Provence, 1974. Представляет интерес и недавно появившееся исследование процесса синойкизма на островах, но и в данном случае не выявляется специфика островных полисов. См. Reger G. Islands with One Polis versus Islands with Several Poleis // The Polis as an Urban Centre and as a Political Community. Acts of the Copenhagen Polis Centre. Vol. 4 / Ed. M.H. Hansen. Copenhagen, 1997. P. 450–492.

приведена к покорности героем «Облаков» (Великие Дионисии, 423 г.) Стрепсиадам заодно с Периклом (сткк. 212–213). Вообще острова рассматриваются как вотчина афинских демагогов. Во «Всадниках» (Ленеи, 424 г.) Демосфен предлагает Колбаснику, грядущему политическому лидеру Афин, посмотреть вниз на все острова вокруг (καὶ κάτωθεν τὰς νήσους ἀλάσας ἐν κύκλῳ – стк. 170) и уверяет, что все они, вместе с торговыми кораблями и т.п., будут распроданы пришедшим к власти Колбасником (стк. 169 слл.)⁸.

Тот же самый Колбасник, пытаясь отгеснить Клеона от власти над островами, читает Демосу пророчество о Клеоне, который обвиняется в том, что «вылижет миски и острова (τὰς λοπάδας καὶ τὰς νήσους διαλείχων)» (стк. 1034). Как считают комментаторы, в данном пассаже Колбасник обвиняет Клеона в получении денег с островов, попросту говоря, в получении мзды от союзников за снижение суммы фороса⁹. И здесь острова вновь рассматриваются как неотъемлемая часть Афинской державы, причем в данном случае понятие «острова» метафорически переносится на всех афинских союзников, многие из которых располагались на материке.

Сам Демос имеет титул «защитника (покровителя) островов», и Старший всадник к нему обращается соответственно:

О, светоч священных Афин, защитник островов!
(ὦ ταῖς ἱεραῖς φέγγος Ἀθῆναις καὶ ταῖς νήσοις ἐπίκουρε)
(стк. 1319).

Получается что-то похожее на постоянный эпитет у Гомера: афинский демос – защитник островов по определению, причем, конечно же, имеются в виду подвластные острова.

В другой комедии, «Птицы» (городские Дионисии, 414 г.), один из персонажей, получает прибыль от такого положения. Он откровенно говорит о себе:

Я – судебный пристав «по островам», заодно и доносчик
(κλήτηρ εἰς νησιωτικὸς καὶ συκοφάντης) (сткк. 1422–1423).

Он рассчитывает воспользоваться крыльями от Писфетера для того, чтобы эффективнее облетать союзные города и пугать судом союзников¹⁰.

Наконец, в «Мире» (Великие Дионисии, 421 г.) жители островов в числе других групп афинского населения сзываются Тригеем для вызволения Эйрене, богини мира:

Эй, земледельцы, торговцы, и мастера,
И ремесленники, и метеки, и ксены,
И островитяне...
(ἀλλ' ὦ γεωργοὶ, κῆμποροι καὶ τέκτονες
καὶ δημιουργοὶ καὶ μετοῖκοι καὶ ξένοι
καὶ νησιῶται...)

(сткк. 296–298).

Островитяне здесь поставлены на последнее, совсем не почетное, место, вслед за ремесленниками и метеками...

⁸ Переводчик и комментатор Аристофана Соммерстейн утверждает, что аналогов подобного обзора сверху в греческой литературе нет и находит библейские аналогии (*Aristophanes. Knights* / Ed. A.H. Sommerstein. Warminster, 1981. P. 152). Но одна аналогия, хотя и нелитературная, напрашивается: это – вид с афинского Акрополя на Эгину и другие острова в Сароническом заливе.

⁹ Ibid. P. 159.

¹⁰ *Aristophanes. Birds* / Ed. Nan Dunbar. Oxf., 1995. P. 678.

А в манифесте миротворческих усилий поэта сами Афины рассматриваются уже в ряду других островов. Поэт, обращаясь к зрителям, говорит устами предводителя хора, что вступил с чудищем войны в смертельную битву «ради вас и других островов (ἀλλ' ὑπὲρ ὑμῶν πολεμίζων ἀντείχων ὀρεῖ καὶ τῶν ἄλλων νήσων)» (стк. 760). Аристофан обращался прежде всего к афинским зрителям, но, кроме них, на Великие Дионисии приезжали и союзники-островитяне¹¹. В этом контексте точка зрения комедиографа, поставившего своих сограждан в один ряд с островитянами, кажется вполне уместной; понятно и то, почему союзники-островитяне занимали последнее место в этом ряду. Аристофан, который чутко улавливал настроения внутри афинского гражданского коллектива в годы Пелопоннесской войны, рассматривал острова как часть Афинской державы, и «остров» был для него синонимом полиса – члена Афинской архэ.

Таким образом, восприятие островов в афинском театре зависело от жанра пьесы: если в трагедии, что определялось ее сюжетом, острова воспринимались в героико-мифологическом контексте, то древняя комедия давала примеры политической географии: представления об островах как о неотъемлемой части Афинской архэ.

Обратимся теперь к сочинениям историков. Совершенно неудивительно, что в труде Геродота мы встречаем множество (кстати, примерно столько же, сколько и у Фукидида, – 160) упоминаний об островах и островитянах¹²: задачи «Истории» Геродота диктовали их описание, а сам галикарнасский историк был хорошо знаком уж по крайней мере с островами Эгейского моря. Не случайно паводок в Египте он сравнивает со знакомой ему картиной: «Когда Нил затопляет страну, только одни лишь города возвышаются над водой почти как острова в нашем Эгейском море» (II. 97, пер. Г.А. Стратановского).

Подобно другим греческим авторам, Геродот одним и тем же словом – νῆσος – обозначает и острова на море (passim), и речные острова (II. 29, 41, 127, 138, 140, 156, 165, 166 и т.д.), и острова на озере (IV. 178). Историк не очень хорошо ориентируется в величине островов: он считает наибольшим из них Сардон (Сардинию) (I. 170; V. 106), а также полагает, что Эвбея по размерам не меньше Кипра. Остров – понятие естественное и неизменное, и, когда жители расположенного на полуострове малоазийского Книда собирались из-за угрозы персидского нашествия перешеек перекопать, Пифия им запретила это делать:

Зевс создал остров тут, коль только б захотел! (I. 174).

Впрочем, персидский царь Ксеркс также пожелал, путем прорытия канала, превратить греческие поселения на Афоне из материковых в островные (VII. 22).

Подавляющее большинство упоминаний островов и островитян у Геродота носит отчетливо географический характер и не имеет какого-либо политического либо иного «идеологического» подтекста (например, I. 64, 82, 142 и т.п.). Жители островов (νησιῶται) – ионийцы-островитяне (как и эолийцы-островитяне) специально выделяются Геродотом, в противоположность своим соплеменникам – жителям Малой Азии (I. 143, 151; VII. 94–95). Островитяне могли составлять отдельную филу, как это было, например, в Кирене (IV. 161).

¹¹ Во время этого праздника афинские союзники участвовали в специальной церемонии «принесения дани». См. *Родс П. Дж.* Афинский театр в политическом контексте // ВДИ. 2004. № 2. С. 43–44.

¹² *Powell A. A Lexicon to Herodorus.* Hildesheim, 1966. S. 231.

Однако очень часто под «островами» Геродот понимает именно острова Эгейского архипелага (например, III. 96)¹³. Подобное же понимание прослеживается в другом пассаже: «Со времени героической эпохи по крайней мере до Поликрата никто не стремился покорить Ионию и острова» (III. 122). За те же самые персидские владения сражались греки при Микале: Геродот указывает, что «наградой за победу были острова и Геллеспонт» (IX. 101). Те же самые острова после этого стали членами Эллинского союза – предшественника Афинской архэ: «Так что были приняты в Эллинский союз также самосцы, хиосцы, лесбосцы и прочие островитяне, сражавшиеся вместе с эллинами» (IX. 106).

Впрочем, иногда Геродот сужает понятие «острова» до Киклад (V. 31); он специально отмечает, что среди островитян, давших Дарию землю и воду, были и эгинцы (VI. 49)¹⁴ – таким образом подчеркивая положение Эгины вне Киклад, на которые и распространялось персидское влияние. В перечне войск и флота Ксеркса указывается, что ионийцы выставили 100 кораблей, а жители островов – 15 (VII. 94–95). Очевидно, что в данном случае имеется в виду «островная» часть персидских владений в Эгеиде, не включавшая в себя «ионийские» и «эолийские» острова (Хиос, Самос, Лесбос и др.) и соответствующая «островному» податному округу Афинской архэ. В подобном «политико-географическом» подходе к островам «отец истории» является предшественником Фукидида и Ксенофонта.

Фукидид, как и Геродот, достаточно часто (около полутора сотен раз) использует в своей истории слова «остров» и «островитяне». На первый взгляд, подобное словоупотребление кажется достаточно тривиальным: как и для других греческих авторов, остров – это суша, окруженная водой, а островитяне – обитатели этой суши. И, конечно же, большинство упоминаний островов в «Истории» носят тривиально-географический характер (I. 4. 1; 5. 1; 44. 3; 47. 1; II. 66. 1; 102. 3; III. 33. 3; 104. 1–2; IV. 44. 6; VIII. 17. 3 и т.д.). Например: «Ксеркс ... лишил свободы города на материке. Впоследствии Дарий с помощью финикийского флота покорил также и острова» (I. 16). Фукидид, как и его предшественник Геродот, одним и тем же словом νῆσος называет и острова на море, и речные острова¹⁵. Маленький, часто необитаемый островок, Фукидид называет νησίδιον (VI. 2. 6; VII. 23. 4; VIII. 11. 1). На острове может располагаться один либо несколько полисов: так, на острове Кефалления был тетраполис (тетράπολις), т.е. существовали четыре городские общины (III. 30. 2).

Впрочем, *остров* может приобрести и нарицательный смысл: так, остров Сфактерия стал для спартанцев символом постигшего их несчастья: «Кроме того, непрерывные удары судьбы, неожиданно обрушившиеся на лакедемонян, совершенно ошеломили их, и они находились теперь в вечном страхе, как бы их снова не поразила такая же беда, как на острове (ἐν τῇ νῆσῳ)» (IV. 55. 3;

¹³ Не случайно к данному месту в классическом комментарии У. Хау и Дж. Уэллса дается специальное разъяснение: «т.е. греческие острова Эгейского моря» (*How W.W., Wells J. A Commentary on Herodotus. Vol. I. Oxf., 1936. P. 287.*)

¹⁴ По мнению Хау и Уэллса, выражение πάντες δὲ νησίῳτα (VI. 49. 1) может относиться ко всем Кикладам, кроме Наксоса и Делоса (*How W.W., Wells J. A Commentary on Herodotus. Vol. II. Oxf., 1936. P. 82.*)

¹⁵ Мегабиз «изгнал эллинов из Мемфиса и запер их на острове Просопитиде. Полтора года вел Мегабиз осаду острова, пока, наконец, ему не удалось осушить канал, отведя воду в другое место, и посадить эллинские корабли на сушу, превратив большую часть острова в материк. После этого он перешел с войском на остров по суше и захватил его» (*Thuc. I. 109. 4; ср. II. 102. 3 – острова в устье Ахелоя.*)

ср. IV. 8. 9; 13–14; 16. 1; 17. 1; 19. 1 и т.п.)¹⁶. И предпосылкой Никиева мира было то, что лакедемоняне «потерпели на острове поражение, которого они никогда не испытывали» (V. 14. 3; ср. V. 24. 2; 34. 2; 35. 4; 43. 2; 75. 3). Сфактерия стала для спартанцев Островом с большой буквы, никаких пояснений к этому слову уже не требовалось¹⁷. В данном случае уже проявляется военно-политический оттенок островного положения.

В «Археологии» Фукидида встречается и порядком подзабытое отношение к островитянам как к разбойникам и пиратам: «Разбойниками были островитяне – карийцы и финикийцы, – поселения которых находились на большинстве островов» (I. 8. 1). Но подобное отношение, с точки зрения Фукидида, было характерно для героико-мифологического прошлого (ср. Eur. Her. 84) и никак не влияло на современную историку действительность. Да и в этом далеком прошлом материковые правители могли, подобно Агамемнону, властвовать над «тьмой островов» (Thuc. I. 9. 4).

Наконец, еще одно значение слова «остров» в наибольшей степени актуально и отражает политические реалии конца V в. до н.э. Общеизвестно, что острова составляли значительную часть Афинской архэ. Перикл говорил в одной из своих речей, что «...у нас много земли на островах и материке» (Thuc. I. 143. 4). Спартанский царь Архидам выразился еще более определенно: «Большинство афинских союзников – островитяне» (I. 81. 3).

Острова рассматриваются как территория, над которой Афины осуществляют свое господство, и соответственно островитяне – как подданные Афинской архэ по определению.

Примеров тому можно привести множество, и прежде всего знаменитый «мелосский диалог», в котором афиняне недвусмысленно заявляют мелосцам: «Мы господствуем на море и вы, как островитяне, должны нам подчиниться» (V. 97, пер. Г.А. Стратановского)¹⁸. В речи афинского посла Евфема есть характерные слова, свидетельствующие об уверенности афинян в легком подчинении именно островов: «Некоторые же хотя и островитяне (καίτερ νησιώτας ὄντας) и их легко покорить, вполне свободны, так как их острова расположены в важных пунктах для действий против Пелопоннеса» (VI. 85. 2).

Афиняне полагали, все островитяне должны по определению им подчиняться и более опасались никому не подвластных островитян (νησιώτας... ἀνάρκτους), нежели жителей материка (ὄσοι ἡπειρώται), которые еще долго будут медлить с мероприятиями для защиты своей свободы (V. 99).

Причина подчинения островов афинянам – τὸ νησιωτικόν (островное положение): «Из островов на западе около Пелопоннеса жители (νησιώται) Ке-

¹⁶ Сфактерия отделена от полуострова на материке лишь узким проливом (Gomme A.W. A Historical Commentary on Thucydides. Vol. III. Oxf., 1956. P. 484–486). Но это именно остров, поскольку пролив оказался непреодолимым для спартанцев.

¹⁷ Спартанская «боязнь островов» продолжалась достаточно долго, см. Xen. Hell. VI. 2. 26.

¹⁸ См. также Thuc. III. 91. 2: «Афиняне намеревались подчинить мелосцев, которые хотя и были островитянами, но все же сопротивлялись афинянам и не желали вступать в союз с ними», V. 84. 2: «Мелос – лакедемонская колония, и жители ее не желали подчиняться афинянам подобно другим островитянам». Причина проста, и афиняне ее мелосцам приводят: «Маловероятно, чтобы при нашем господстве на море они (лакедемоняне. – С.К.) переправились на ваш остров» (V. 109). Афинские притязания на все острова даны в полном объеме в мелосском диалоге (Thuc. V. 97; 99; ср. IV. 121: афиняне – господа островитян). См. Gomme A.W. A Historical Commentary on Thucydides. Vol. II. Oxf., 1956. P. 393.

фаллении и Закинфа, хотя и независимые (αὐτόνομοι), но из-за своего островного положения более других подверженные нажиму афинян, были вынуждены присоединиться к ним ввиду господства последних на море (κατὰ δὲ τὸ νησιωτικὸν μᾶλλον κατειργόμενοι, ὅτι θαλάσσης ἐκράτουσιν οἱ Ἀθηναῖοι)» (VII. 57. 7).

Идеологическое обоснование подчинения островитян – их слабость, склонность к подчинению, неспособность самостоятельно отстаивать общегреческие интересы. Афинский посол Ефрем заявляет, что афиняне подчинили своей власти ионийцев и островитян совершенно справедливо, поскольку последние не имели мужества противостоять персам и поддержали их в войне против греков (VI. 82. 3).

Соответственно враги Афин считали островитян «слабым звеном» Афинской архэ. Спартанский полководец Гилипп, обращаясь к сицилийцам, числил островитян среди ионийцев и прочего сброда (Ἴώνων καὶ νησιωτῶν καὶ ξυγκλύδων ἀνθρώπων)» (VII. 5. 4)¹⁹. Когда же положение афинских сил в Сицилии стало критическим, Гилипп пытался добиться сдачи прежде всего островитян и велел «объявить через глашатая, что островитяне (οἱ ζύμμοχοι πρῶτον μὲν τῶν νησιωτῶν) могут, если пожелают, переходить к ним (сиракузянам) на условиях сохранения свободы» (VII. 82. 1).

Афинский полководец Никий, напротив, стремился поддерживать гордость островитян, тем более, что островитяне составляли если не основу, то значительную часть афинского войска: «Действительно, если мы – аргосцы, мантинейцы, афиняне и главные представители островитян (νησιωτῶν οἱ πρῶτοι) – теперь объединились, неужели каждый из нас не должен быть уверен в победе...» (VI. 68. 2). Похоже, что островитяне составляли значительную, если не основную, часть афинского войска и в Сицилии (VII. 20. 2), и на Мелосе (V. 84. 1)²⁰.

Жителей каких островов афиняне преимущественно называли «островитянами» (понятно, что Фукидид выражал афинскую точку зрения)? В числе союзников афинян – «острова к востоку между Пелопоннесом и Критом и все остальные Киклады, кроме Мелоса и Феры» (II. 9. 4). Это – островитяне по-афински (к началу Пелопоннесской войны). Описание Афинской державы по податным округам дается Фукидидом в седьмой книге: «В числе подвластных и данников (афинян) находились: Эретрия, Халкида, Стира и Карист на Евбее; а из островов: Кеос, Андрос, Тенос, в Ионии: Милет, Самос, Хиос» (VII. 57. 4)²¹.

Когда Алкивиад с Тиссаферном потребовали отдать царю всю Ионию и все соседние острова (VIII. 56. 4), речь шла, очевидно, не обо всех островах, а лишь о прилегающих к Ионии. Если бы спартанцы действовали бы решительней после восстания на Евбее, то, как писал историк, «тогда Геллеспонт, Иония и все

¹⁹ Здесь «островитяне» осуждается не за их островное положение, а за то, что полисы Эгеиды презирались дорийцами Пелопоннеса и дорийскими колонистами (Gomme A.W., Andrewes A., Dover K.J. A Historical Commentary on Thucydides. Vol. IV. Oxf., 1970. P. 384). Гилипп лишь «переадресовал» обвинение, которое Алкивиад выдвинул против самих сицилийцев. В своей речи Алкивиад заявлял: сицилийские города «заселены перемешанными толпами», что является признаком их слабости (Thuc. VI. 17. 2). См. Карпюк С.Г. Общество, политика и идеология классических Афин. М., 2003. С. 111.

²⁰ Возможно, острова Эгейского моря, поскольку не имели сухопутных границ и содержали больше населения, чем могли прокормить, стали обычным и наиболее простым источником пополнения экипажей кораблей и войск. См. Gomme A.W., Andrewes A., Dover K.J. A Historical Commentary on Thucydides. Vol. IV. Oxf., 1970. P. 396.

²¹ Ср. Thuc. VIII. 43. 3 – представления спартанцев об «островах».

острова между Ионией и Евбеей, одним словом, вся Афинская держава попала бы в руки пелопоннесцев» (VIII. 96. 4). Очевидно, что в данном случае Фукидид дает географическое определение островных владений Афин.

Клазомены представляли собой особый случай, поскольку находились и на острове, и на материке одновременно (VIII. 14. 3). Афиняне, конечно же, были заинтересованы именно в островном положении Клазомен: «Афиняне... захватили на материке укрепленную клазоменцами Полихну. Жителей ее они перевели назад в город на острове. Так Клазомены снова присоединились к афинскому союзу» (VIII. 23. 6).

Все рассмотренные выше случаи свидетельствуют о том, что для Фукидида понятия «остров» и «островитяне» могли иметь и имели прежде всего политико-географическое значение. Однако по крайней мере они не противоречили собственно географическому значению, т.е. реальному положению островов. Обратимся теперь к примерам, когда географическое и «геополитическое» (т.е. политико-географическое) значения не совпадают.

Так, город Скиона с чисто географической точки зрения находился на материке: на полуострове Паллена – крайне западном полуострове Халкидики. Афиняне владели Потидеей, расположенной на перешейке этого полуострова. Однако, согласно Фукидиду, обе враждующие стороны – и спартанцы, и афиняне – рассматривали Скиону как островной полис. У спартанцев это сопровождалось оговорками и ссылкой на мнение афинян; Брасид, речь которого Фукидид приводит в пересказе, заявляет: «Действительно, скионцы, отрезанные на перешейке Паллены афинянами, владевшими Потидеей, и будучи никем иным, как островитянами (καὶ ὄντες οὐδὲν ἄλλο ἢ νησιῶται), все же добровольно перешли на сторону свободы и не стали трусливо дожидаться, пока их силой заставят сделать то, что совершенно очевидно пойдет им на пользу» (IV. 120. 3, пер. Г.А. Стратановского, с изменениями). Тот же Брасид «был уверен, что афиняне последуют за ним с кораблями на помощь Паллене, которую они рассматривали как остров (ἡγούμενος καὶ τοὺς Ἀθηναίους βοηθήσαι ἂν ὡς ἐς νῆσον)» (IV. 121. 2, пер. Г.А. Стратановского)²².

Точка зрения афинян (в передаче историка) была еще более определенной: после перемирия «...афиняне не пожелали идти на риск третейского разбирательства и решили немедленно выступить в поход. Действительно, афиняне были раздражены тем, что даже и живущие на островах отважились восстать против них (οἱ ἐν ταῖς νήσοις ἤδη ὄντες ἀξιούσι σφῶν ἀρίστασθαι), полагаясь на бесполезную для них сухопутную силу лакедемонян» (IV. 122. 5, пер. Г.А. Стратановского, с изменениями). Далее, совсем по сценарию, который был уже опробован на митиленцах, «по предложению Клеона афиняне немедленно постановили захватить Скиону и казнить жителей и стали готовиться к походу, оставив пока другие предприятия» (IV. 122. 6).

Таким образом, город Скиону афиняне рассматривали как находящийся на острове и соответственно как неотъемлемую часть Афинской державы, хотя в действительности Скиона была расположена на полуострове Паллена. В данном конкретном случае политическая география, геополитика в труде Фукидида решительно взяла верх над обычной, физической географией: материковое положение Скионы оказалось «упраздненным», поскольку афиняне контролировали Потидею (т.е. перешеек полуострова) и таким образом могли не допустить вме-

²² См. Hornblower S. A Commentary on Thucydides. Vol. II. Oxf., 1996. P. 379, 387.

шательства сухопутной державы (т.е. Спарты) в дела этого крайне западного полуострова Халкидики.

Расправа, учиненная афинянами над скионцами и мелосцами, стала обычным аргументом противников восстановления афинского господства. Уже в IV в. вынужденный оправдываться за родной город Исократ в «Панегирике» жаловался, что это обвинение буквально навязло на зубах (IV. 100). Навязло настолько, что даже Элий Аристид, много веков спустя, в середине II в. н.э. в «Панафинейской речи» (302–312) велеречиво, хотя и не очень убедительно, продолжал оправдывать деяния афинян. Гораздо более значимо с точки зрения нашей темы то, что Арриан в «Анабасисе Александра» под влиянием Фукидида также приписал Скионе островное положение: «Взятие Мелоса и Скионы, островных городков (νησιωτικά τε πόλιστα), принесло больше позора победителям и не было большой неожиданностью для всей Эллады» (I. 9. 5, пер. М.Е. Сергеенко)²³.

Таким образом, с точки зрения политической географии, «имперской геополитики» полуостров Паллена был на самом деле островом. Но, может быть, был и обратный пример? Такой пример есть, и это – Сицилия. Сицилия – остров. М. Финли начинает свою книгу о Сицилии, казалось бы, непререкаемым утверждением: «Сицилия – это остров»²⁴. Что тут можно возразить? Да и сам Фукидид, конечно же, называл Сицилию островом (VI. 1. 1, подчеркивая его уникальность из-за большого числа греческих поселений) и определял его размеры (VI. 1. 1–2)²⁵. Однако не все так просто, как кажется на первый взгляд. Сицилия – крупнейший остров Средиземноморья; его площадь превосходит площадь всех островов, входящих в настоящее время в состав Греции, и примерно на 20% больше площади полуострова Пелопоннес²⁶. Для греческого мира Сицилия не могла быть островом в обычном понимании этого слова: слишком она была велика и многолюдна; к тому же лишь очень узкий пролив отделял ее от материка (на что указывал сам Фукидид – VI. 1. 1), и само название «Великая Греция» для заселенных греками областей Сицилии и юга Италии говорит само за себя²⁷.

Характерно, что сам Фукидид называет Сицилию островом преимущественно в самом начале шестой книги, описывая догреческую историю Сицилии и ранние этапы освоения острова греками (VI. 1–2), затем он использует слова «остров» и «страна» (ἡ) попеременно, как синонимы (VI. 2. 5–6), а дальше он предпочитает называть ее не «островом», но «страной». Называя Сицилию «островом», он обязательно подчеркивает его уникальность, наличие множе-

²³ Интересен контекст: Арриан описывает ужас, который навел на греков Александр разгромом Фив в 335 г. и показывает, что ничего похожего по масштабу и воздействию на умы сами греки учинить не смогли. О Фукидиде и Исократе как источниках Арриана см. *Bosworth A.B. A Historical Commentary on Arrian's History of Alexander. Vol. I. Oxf., 1980. P. 88; Hornblower S. The Fourth-Century and Hellenistic Reception of Thucydides // JHS. 1995. 115. P. 50–51.*

²⁴ «Sicily is an island» (*Finley M.I. A History of Sicily. Ancient Sicily to the Arab Conquest. L., 1968. P. 3.*)

²⁵ Очевидно, преуменьшая их: путешествие вокруг Сицилии на тогдашнем корабле должно было занимать не 8 дней, как полагал Фукидид (VI. 1. 2), а более длительное время. С Геродота идет традиция считать Сардинию более крупным, чем Сицилия, островом (*Herod. I. 170; V. 106.*)

²⁶ Характерно, что Фукидид вкладывает в уста вождя сиракузских демократов Афинагора сравнение Сицилии с Пелопоннесом: «Сицилия скорее, чем Пелопоннес, выдержит большую войну» (VI. 37. 1).

²⁷ Австралию можно ведь тоже считать островом, как это делали французы в XIX в., она рассматривается как континент из-за ее размеров.

ства греческих поселений на нем (VI. 20. 2). В речи сиракузского политическо-го лидера Гермocrates дается в сущности верное определение Сицилии с точки зрения политической географии: «Ведь мы соседи, живем на одной, омываемой морем, земле (ξυνοίκους μίᾱς χῶρας καὶ περιρρύτου) и носим одно общее имя сикелиотов...» (IV. 64. 3). Т.е. Сицилия – это земля, омываемая морем, на которой располагается множество полисов²⁸.

Фукидид был совершенно уверен, что его читатель не ошибется, не перепутает остров Сфакторию с Сицилией, когда писал: «Большая афинская эскадра, направлявшаяся в Сицилию, была отвлечена осадой острова [т.е. Сфактерии]» (IV. 24. 3). Сами же сицилийцы, по мнению Фукидида, ясно отделяли себя от «островитян» – подчиненных Афинам обитателей островов Эгейского моря: «При этом он (Гилипп. – С.К.) просил воинов твердо помнить, что своей боевой силой и вооружением они не уступают врагу и что для них, обладающих воинской доблестью пелопоннесцев и дорян, невыносимо, если они будут не в состоянии одолеть и изгнать из своей земли ионян, островитян и прочий сброд (Ἴώνων καὶ νησιωτῶν καὶ ξυγκλύδων ἀνθρώπων)» (VII. 5. 4, пер. Г.А. Стратановского).

Итак, когда речь заходит о военно-политических реалиях своего времени, политическая география у Фукидида оттесняет на задний план географию тривиальную, физическую. Полуостров Паллена превращается у него в остров, а остров Сицилия превращается в континент²⁹. Для Фукидида, как и для других афинских авторов V–IV вв. до н.э., «островитяне» – прежде всего обитатели Киклад, входившие в пятый податный округ Афинской архэ. В более расширительном смысле – это все островные (и не только!) союзники Афин, т.е. подданные Афинской архэ. Причем Аристофан идет дальше Фукидида: для него «островитянин» – вообще синоним союзника, а Афины – один из «островов». В современной Фукидиду анонимной (Псевдо-ксенофонтной) «Афинской политике» сопоставляются преимущества и недостатки островного и материкового положения государства, причем соединенные Длинными стенами Афины и Пирей неизбежно воспринимаются автором как некое подобие острова (II. 2 и II. 13–16)³⁰.

Обратимся к сочинениям афинских авторов – младших современников Фукидида. Единственное во всем корпусе Лисия упоминание островов носит политико-географический характер: обвинитель Алкивиада Младшего припоминает «грехи» его отца, который «поехал на острова, чтобы вредить Афинам» (XIV. 30), причем далее упоминается Хиос, жителей которого Алкивиад так и не смог сделать друзьями (XIV. 36). «Островитяне» (νησιῶται) не упоминаются Лисием вовсе. Конечно, содержание речей Лисия носило вполне «прикладной» характер, и отсутствие подобных упоминаний можно считать вполне естественным. Однако и в Демосфеновом корпусе на 22 упоминания островов приходится только 2 упоминания островитян (De Haloneso 15 и De corona 234). Это уже можно рассматривать как некую тенденцию, направленную на снижение числа упоминаний островитян. Не

²⁸ Ср. с отношением к Родосу. Пелопоннесцы «решили плыть на Родос, чтобы привлечь на свою сторону этот могущественный остров (ἐλπίζοντες νησόν τε οὐκ ἀδύνατον)» (Thuc. VIII. 44. 1).

²⁹ Поэтому сопоставление *острова* Мелос с *островом* Сицилия, как это делает, к примеру, У. Коннор, не совсем корректно: Connor W.R. Thucydides. Princeton, 1984. P. 155.

³⁰ Еще Калинка в начале, а затем и Гомм в середине XX в., указывая на очевидный общий источник для Фукидида и Псевдо-Ксенофонта (Ath. pol. II. 14–16), предполагали, что таковым могла быть вполне реальная речь Перикла. См. Kalinka E. Die Pseudoxenophontische Ἀθηναίων Πολιτεία. Lpz.–B., 1913. S. 233; Gomme A.W. A Historical Commentary on Thucydides. Vol. I. Oxf., 1956. P. 461.

потому ли, что само слово «островитяне» (νησιῶται) ассоциировалось прежде всего с политико-географическим (а не просто с географическим) контекстом и почти перестало употребляться с закатом Афинской морской державы?

Употребление слов «остров» и «островитяне» Ксенофонтом мало отличается от фукидидовского. Наиболее отчетливо это видно в «Анабасисе», где слово «остров» встречается – по понятным причинам – крайне редко, лишь дважды. Во второй книге содержится вполне тривиальное географическое упоминание острова между рекой Тигр и каналом, который мог бы стать временным пристанищем грекам (II. 4. 22). А в завершающей седьмой книге автор приводит свою собственную, обращенную к сотоварищам, речь, произнесенную в Византии, в которой он предостерегает их от возможной конфронтации со Спартой. В качестве аргумента он ссылается на судьбу Афин, которые, обладая огромными финансовыми и военными возможностями и «правя всеми островами» (ἄρχοντες δὲ τῶν νήσων ἅλασῶν), войну со спартанцами тем не менее проиграли (VII. 1. 27). В данном случае это не столько риторическое преувеличение, сколько политико-географическая характеристика: под «островами» имеются в виду именно те, которые входили в Афинскую державу. Кстати, ни Ксенофонт, ни его слушатели не могли даже и помыслить о том, чтобы поставить Сицилию в один ряд со «всеми островами».

Значительно больше упоминаний островов содержит «Греческая история» Ксенофонта. Однако в явно тривиальном географическом смысле остров фигурирует там лишь дважды: в первом случае автор упоминает один из ближайших к Ализии островов (V. 4. 66), во втором – остров Керкиру, причем сама возможность быть застигнутыми врагами на острове пугала спартанцев (VI. 2. 26). Ксенофонт специально выделяет острова и приморские материковые города как два отдельных разряда (III. 4. 28; IV. 8. 1, 12). Но при этом и жители островов, и обитатели прибрежных городов Малой Азии трусливы и готовы бросить оружие при первом удобном случае, в чем мог убедиться спартанский полководец Деркилид во время военных действий против персидских сатрапов в Малой Азии (III. 2. 17).

В большинстве случаев Ксенофонт под «островами» понимает острова греческого архипелага, ранее входившие в Афинскую архэ (IV. 8. 1, 7, 12, 14, 15; V. 1. 2, 23; VI. 2. 12), причем близлежащая к Афинам Эгина к ним не относится (V. 1. 23). То, что под «островами» Ксенофонт понимает именно острова Эгейского моря, подтверждает пассаж из третьей книги «Греческой истории». Фиванский посол в Афинах, объясняя изменение внешней политики своего полиса, заявляет: «Мы теперь не за островитян и сиракузцев ... а за самих себя» (III. 15. 14). Таким образом, для Ксенофонта сиракузцы – не «островитяне», во всяком случае в политико-географическом значении этого слова. В «Греческой истории» политическое восприятие островов преобладает над чисто географическим.

Это особо подчеркивается текстом Анталкидова мира, который Ксенофонт цитирует, очевидно, по официальному документу. В данном документе проявляется иное, негреческое восприятие островов, и оно резко контрастирует с остальным текстом сочинения Ксенофонта: «Царь Артаксеркс считает справедливым, чтобы ему принадлежали все города Азии, а из островов – Клазомены и Кипр. Всем прочим же эллинским городам, большим и малым, должна быть предоставлена автономия, кроме Лемноса, Имброса и Скироса, которые по-прежнему остаются во власти афинян» (V. 1. 31, пер. С.Я. Лурье). В этом тексте происходит смешение понятий «остров» и «полис», что подчеркивает его негреческую основу.

Наконец, в «Греческой истории» Ксенофонта содержится важный пассаж, свидетельствующий о переоценке военно-политической роли островов. Неудивительно, что призыв опираться на материковые, а не на островные владения вложен в уста Полидаманта, посланника фессалийского правителя Ясона, который передал спартанцам слова последнего о возможности создания крупного континентального союза греческих полисов, ядром которого могла бы стать Фессалия: «Затем наша казна будет иметь гораздо большие доходы: нам не придется рассчитывать на какие-то островки ($\mu\eta\ \epsilon\iota\varsigma\ \nu\eta\sigma\upsilon\beta\eta\rho\iota\alpha$), мы будем облагать данью народы материка... Персидский царь – богаче всех людей на свете, и это потому, что он извлекает свои доходы не с островов, а с материка» (VI. 1. 12, пер. С.Я. Лурье). Противопоставление материка островам в рассматриваемом пассаже проявляется особенно отчетливо, и не случайно Ясон – правитель равнинной Фессалии – употребляет пренебрежительное «островки». Вообще речь Полидаманта – важный знак геополитической переориентации греческого мира. Материковые владения становятся важнее островных. Опираясь на острова, не завоюешь Персию, а, став господином береговой линии Восточного Средиземноморья, Александр Македонский и заставил сдать финикийский флот, и подчинил острова.

Как же возник «имперско-геополитический» взгляд на острова, свойственный как Фукидиду, так и его современникам?

Можно предположить, что афинян с давних пор одолевала зависть к островитянам, самой природой огражденным от сухопутных вторжений неприятеля: напомним хотя бы о вражде с мегарцами за Саламин, а также о ненависти к эгинцам, которая побудила афинян принять предложение Фемистокла и построить большой флот (Геродот, Фукидид). Сам вид защищенной морем и процветающей Эгины, которая хорошо видна с афинского Акрополя, должен был побуждать афинских граждан к решительным действиям. Это ведь даже не Карфаген, который отстоял от Рима на добрые семьсот километров! Напоминаний не требовалось. И, как только Афины стали ведущей морской державой в Эгейском бассейне, задача подчинения островов должна была стать на повестке дня афинской политической жизни. Так и случилось, и афинские союзники-островитяне – пусть и не совсем добровольно – должны были подчиниться Афинам.

Труд Фукидида дает множество примеров захвата афинянами островов и расправы с островитянами: афиняне под предводительством Кимона захватили остров Скирос, продали его жителей (долопов) в рабство и заселили своими колонистами (I. 98. 2)³¹; изгнали эгинцев с женами и детьми с их острова (II. 27); захватили необитаемый остров Аталанту (II. 32); расправились с восставшими митиленцами (см., например, речь Клеона – 3. 39. 2); совершили поход на остров Миною, что напротив Мегар (III. 51. 1); произвели очищение Делоса (III. 104. 1–2) и т.п. Образцовый пример подобной точки зрения дает мелосский диалог (V. 97 и др., см. выше).

Наконец, у афинян возникает желание отгородить Афины от суши и, напротив, связать с морским побережьем и с портом Пиреем Длинными стенами. Как известно, по инициативе сначала Фемистокла, а затем и Перикла этот грандиозный замысел был осуществлен, и Афины превратились в некое подобие острова. На «псевдоостровном» положении Афин основывалась выработанная Периклом стратегия ведения Пелопоннесской войны, и в «Истории»

³¹ Впрочем, та же судьба постигла и жителей города Эйон на Стримоне (*Thuc.* I. 98. 1).

Фукидида Перикл увещевает своих сограждан: «Подумайте, если бы мы были бы островитянами (εἰ γὰρ ἦμεν νησιῶται), кто тогда мог бы одолеть нас? Поэтому нам уже теперь следует как можно яснее мысленно представить себе такое положение, при котором нам придется покинуть нашу землю и жилища, ограничиться обороной города и войной на море и не вступать в порыве гнева в бой с превосходящими сухопутными силами пелопоннесцев» (I. 143. 5, пер. Г.А. Стратановского, с изменениями). Очевидно, подобные вопросы обсуждались в афинском обществе (см., например, Ps.-Xen. Ath. pol. II. 2; 13–16). Афинянам вскоре после начала Пелопоннесской войны пришлось на собственном опыте испытать преимущества и недостатки островного положения: «Выслушав речь Перикла, афиняне последовали его предложению и принялись вывозить с полей жен, детей и домашнюю утварь и даже уничтожали деревянные части домов. Овец и вьючных животных они переправили на Евбею и на соседние острова» (II. 14. 1).

Представление об Афинах как об островной державе оказало заметное влияние на самосознание афинских граждан. На этом представлении основывались многие военно-политические решения афинян в период Пелопоннесской войны. И только после поражения (и соответственно ослабления) Афин начинается постепенное ослабление «морской» составляющей полиса.

«Имперское» отношение к островам в силу определенной инерции общественного сознания сохранялось в Афинах еще некоторое время после падения архэ. Недолговечное существование второго Афинского морского союза, борьба Афин за последние подвластные им острова – тому подтверждение. Но происходят существенные изменения, которые отразились и в речах ораторов, и в сочинениях Ксенофонта.

Геополитические установки и представления могут казаться непреходящими, даже вечными. Но с исчезновением мира враждующих греческих полисов греки попытались, наконец, получить удовольствие от островов. Острова стали любимой темой парадоксографов – описателей катастроф, местом локализации утопий. Пропась, и не только хронологическая, отделяет Лесбос эпохи репрессий Клеона против митиленцев от Лесбоса, на котором разворачивается действие «Дафниса и Хлои». Острова как объекты геополитики исчезли в морской пучине, подобно платоновской Атлантиде, и на их месте возникли совершенно другие острова, которые стали местом почетной, а иногда – и предсмертной ссылки. Но это уже совсем другая история – римская.

POLITICAL GEOGRAPHY OF CLASSICAL ATHENS: THUCYDIDES AND HIS CONTEMPORARIES ON ISLANDS AND ISLANDERS

S. G. Karpyuk

The author undertakes a study of the concept of island in the work of Thucydides and his contemporaries. The problem is how and to what extent Athens' «sea» orientation of the 5th c. BC affected the psychology of the Athenian community and the Athenian's views of their geo-political position.

Aristophanes, who was especially sensitive to the mood of the Athenian community during the Peloponnesian War, regarded the islands as a part of the Athenian sea power (*arche*), «island» thus being for him synonymous with «polis-member of the Athenian Empire». As for Thucydides, when he speaks of war and political realities of his time, political geography supplants physical one. The peninsula of Pallene is treated by him as an island, and Sicily is described as if it were a continent. For Thucydides, as well as for other Athenian writers of the

5th and 4th c. BC. «islanders» were primarily inhabitants of the Cyclades constituting the fifth tribute area of the Athenian *arche*. In a wider sense the word applies to all the islands (and not only islands) allied with Athens, i.e. all the subjects of the *arche*. In this respect Aristophanes goes even further than Thucydides: for him, «islander» is a synonym for «ally» in general, and Athens is one of the «islands». The anonymous (Pseudo-Xenophon's) *Athenaion Politeia* (contemporary with Thucydides), discussing advantages and disadvantages of insular and continental location of a state, inevitably treats Athens and Piraeus (connected by the Long Walls) as a sort of island.

How can this «imperial» «geo-political» view of the islands in Thucydides and his contemporaries be accounted for? One may suppose that Athenians had long envied islanders, naturally protected against invasions from land. It would be enough to recall their struggle with Megara for Salamis or their hatred for the Aeginians, which made them adopt Themistocles' proposal and build a big navy (Herodotus, Thucydides). The very sight of prosperous Aegina protected by the sea and very well seen from the Athenian Acropolis could not but urge the Athenians to take decisive measures. As soon as Athens became the leading sea power in the Aegeis, the task of subjecting the islands became the first item to be put on the agenda. When it was, the allied islanders had to submit to Athens, sometimes not on quite voluntary lines. Obviously, Thucydides and the contemporary authors (Aristophanes, Pseudo-Xenophon), as well as common Athenians, came to see the inhabitants of the Archipelago primarily as subjects of the Athenian Empire, and thus the word «island», besides its common geographical meaning, acquired a geo-political (or politico-geographical) connotation.

The author concludes that in democratic Athens of the 5th c. BC its notional geographical self-positioning, i.e. the view of Athens as of a sort of island (or quasi-island) in the head of the island sea power, had a considerable impact upon the Athenians citizens' consciousness. Many a decision was made by them on the basis of this idea during the Peloponnesian war. Only after the defeat of Athens (and therefore, after its weakening) did this approach begin to be revised.

© 2005 г.

Ю. Г. Виноградов, С. А. Шестаков

LAUDATIO FUNEBRIS ИЗ ПАНТИКАПЕЯ

В 1985 году на станции Керчь II при рытье траншеи между котельной и механическим цехом на глубине 2.5 м был найден большой фрагмент плиты из белого мрамора с греческой надписью, от которой осталось 47 строк. При осмотре места находки сотрудником Керченского музея С.А. Шестаковым признаков культурного слоя обнаружено не было, не было и других находок, в том числе и утраченных частей камня. С.А. Шестаков произвел замеры плиты, которая имела высоту 82 см, ширину – 72 см, толщину – 14 см. Правая ее сторона была утрачена еще в древности вследствие сильного удара в центр (рис. 1 – вклейка).

Монумент, которому принадлежала плита, был сооружен на некрополе Пантикапея, так как в районе современного Керченского железнодорожного вокзала в эпоху античности находился так называемый «некрополь на хуторе Корецкого» – окраина кладбища столицы Боспора. Возможно, плита использовалась вторично в одном из более поздних погребений. О том, что в данном месте был древний некрополь, свидетельствуют дореволюционные раскопки, а несколько погребений были исследованы А.Е. Кислым и С.А. Шестаковым на месте строившейся контейнерной площадки вокзала. Правда этот участок некрополя отличался небольшой частотностью погребений.

С.А. Шестаков послал фотографию надписи Ю.Г. Виноградову, который прочитал текст, но не успел его опубликовать и окончательно доработать. В краткой информации о надписи он указал только следующее: «...документ является уникальным в эпиграфике Боспора и Греции. Это *ἐγκόμιον*, *laudatio funebris* в честь неизвестного, хотя и очень знатного человека, государственного и военного деятеля Боспора в правление царя Савромата I (93–123 гг. н.э.). Текст надгробный, составлен местным ритором в азианическом стиле, насыщен исторической информацией. Он был вырезан на нескольких мраморных плитах, которые, вероятно, относились к статуарному погребальному(?) монументу. Он открывает немало неожиданных фактов из истории Боспора в конце I – начале II в. н.э. Фрагмент начинается с описания какого-то сражения, выигранного чествуемым, который “обратил в бегство врага как бушующий поток” (*ἵκελος μαιν[ομένω]ι ποταμῶι*), *ὄσπερ τὴ ρέϋμ[α]*). Надпись информирует об отчетах о некоторых военных и политических делах, которые он направлял императору – последний не назван по имени, но упомянут анонимно: *Καίσαρ ὁ τότε* – нетрудно распознать в нем Домициана, который после смерти был предан *damnatio memoriae*. Упоминание каких-то местных варварских царей, выступивших для заключения альянса с аланами, могущество которых в это время представляло для Боспора угрозу, как и для Рима, появляется в тек-

Рис. 1. Энкомий из Пантिकाпея

сте дважды в связи с военной экспедицией через Таврику в Херсонес. Затем, неожиданно, чествуемый назван воспитателем и охранителем царя Савромата и сравнивается в этом с кентавром Хироном, воспитателем великого героя Ахилла! После этого упоминается местное племя псеханов. По-видимому, в противовес распространенному мнению, Савромат I не воевал с ними, а был склонен по настоянию своего воспитателя стать их защитником. Следующий пассаж говорит об экспедиции против скифов и тавров и после риторической парентезы перечисляются военные награды и должности, замещавшиеся умершим: хилиархия, золотые награды за военную доблесть, предводительство Фракийской когортой – очевидно, не римской, а боспорской военной единицей, нечто вроде царской личной гвардии, командование гоплитами. Затем царь восхваляется за такой счастливый выбор как назначение умершего на такие высокие посты. Текст сохранился лишь на одной плите монумента и заканчивается фразой едва ли финальной в надгробной речи: “Расчетливо и в то же время силой оружия он поставил себя законом даже для тех соседних народов, которые живут вокруг Меотиды и знают ее истоки”. Надпись требует тщательного исследования в контексте многих других эпиграфических и нумизматических памятников тридцатилетнего периода правления Савромата I»¹.

Итак, вот полный текст энкомия (с небольшими поправками С.Ю. Сапрыкина):

- 1 [.....πεινήσα[ς.....]
- 2 [.....ἀπὸ τῶν ἰ]ππέων ἐλείφ[θη.....e.g. κατα-]
- 3 [κόπτ]ων τὴν παρά[τ]αξιν ἴκελος μαιν[ομένῳ ποταμῶ]...e.g. κατα-]
- 4 θραύων τὸ ἐνπεῖπτον ὥσπερ τι ρεῦμ[α φερόμενον?.....]
- 5 μετὰ τῆς ἰδίας ἀρετῆς καὶ τύχῃ βα[σιλέως.....δι-]
- 6 ἄγων Καῖσαρ ὁ τότε μέγαν ἤκουεν κα[ι].....καὶ ἐπὶ δια-]
- 7 κρίσει τῶν ἔργων ὠνειδίσειν α[ι]τίαν [.....]
- 8 καὶ δι' ἐπιστολῆς μετεπέμψα[το] τῷ Κ[αίσαρι, ὃς τὰ μὲν παρόντα? δοκι-]
- 9 μάσας, προτρέψας δ' εἰς τὰ μέλλοντα [.....]
- 10 καὶ τοῖς Ἀλανῶν βασιλεῦσιν ὑπὲρ τῆς [αἰτίας ζημίαν δικαίαν? ἤξι-]
- 11 ὡσεν ὀρίσαι. τὰ [γα] γὰρ μεγάλα τῶν ἔργω[ν ἐμφανιζόμενα μὲν δημαγω-]
- 12 γεῖ τοὺς πλησίον, οὐχ ὀρώμενα δὲ βασαν[ί]ζει.....]
- 13 ὀφθῆναι Καῖσαρι τηλικούτος, ἡλικός ἤκο[υσμένος ἦν καὶ ἐπὶ τούτοις τιμη-]
- 14 σάμενος καὶ τὸν νῦν δεσπότην βασιλέα μ[έγαν Σαυρομάτην συναράμε-]
- 15 νος, καταλιπὼν μείζονα, διὰ τῆς Ταυρικ[ῆς ἐστρατεύσατο ἐπὶ Σκύθας]
- 16 τυγχάνοντι δ' αὐτῷ κατὰ τὴν Χερρόνησο[ν συνήνησαν? βασιλεῖς οἱ]
- 17 ἐπὶ τὴν Ἀλανῶν συνμαχίαν ἤκοντες, οἷς αὐτὸς ἀπὸ τοιούτων ἐλπί-]
- 18 δων ὑπέστρεψεν. ἔτι δ' αὐτῷ συνάγον[τι δύναμιν καὶ ἐπὶ Σκύθας στρα-]
- 19 τευομένῳ τὰς παρὰ τῶν βασιλέων πίστ[εις θεῶν καὶ τὰ ὄρκια? λαβεῖν]
- 20 συνήνητησεν. ὁ μὲν γὰρ μέγας ἤρωσ ἐσπ[οῦδασεν.....]
- 21 δ' αὐτὸν λαμπρὰ τύχῃ βασιλέως τῶ[ν?.....αὐτῆ?]
- 22 γὰρ ἐπὶ μείζον ἠϋξῆσεν συναραμένη [.....οὕτως γὰρ Χεί-]
- 23 ρων ὁ Κένταυρος τὸν Ἀχιλλέα μέγα[ν ἦρωα ἐξεπαίδευσεν προτρε -]
- 24 ψάμενος τὸν αὐτὸν οἶμαι τρόπ[ον, ὥσπερ αὐτὸς τὸν δεσπότην μέγαν]
- 25 γενόμενον βασιλέα Σαυρομάτην [.....καὶ τῆς αἰ-]

¹ Vinogradov Yu.G. Greek Epigraphy of the North Black Sea Coast, the Caucasus and Central Asia (1985-1990) // ACSS. 1994. Vol. I. № 1. P. 73, 74.

26 δοῦς ἀριστευτικῆς, οἷας ἔδει, κύρ[ιον.....τὸν ἀφ' Ἡρακλέους]
 27 καὶ Ποσειδῶνος γενόμενον καὶ οὐχ [ύφήγηται τὰ καλὰκάγαθα οὐδ' ἠύξη-]
 28 σεν οὐδ' ἔξεπαιδευσεν μόνον, ἀλλὰ κ[αὶ προυτρέψατο τὸν ἐκπεπαιδευμέ-]
 29 νον αὐτῷ προθεὶς μελέτην ἐπὶ Ψεχανοῦς [...Σκύ-]
 30 θας ἐπολέμησεν, Ταύρους ὑπέταξεν καὶ [ύποστρέψας, τῆς ὕβρεως?]
 31 καὶ τοῦ ἀνημέρου φρονήματος μετέβαλεν φόβο[ν μέγαν, ὥστε γε-]
 32 νέσθαι τὴν μὲν ἀνάγκην πάθησιν, τὸν δὲ πόλ[εμον ἡσυχίαν, τὸν δὲ]
 33 λόγον πειθοῦς φάρμακον, οἷς πᾶσιν ἐκεκόσμητο' [πρὸς μὲν τοὺς ἀντι-]
 34 ταττομένους ἦν πολεμικός, πρὸς δὲ τοὺς ὑποχειρίους ἐπιεικής, τοῖς]
 35 δὲ πειθομένοις νόμος, ἀνθ' ὧν αὐτῷ τὰ παράσημα [τῆς μεγαλοψυχί-]
 36 ας ὑπῆρξεν καὶ τῆς ἀμοιβῆς δίκαια' χειλιαρχία καὶ στ[ρατοῦ ἀριστεῖ-]
 37 α χρύσεια καὶ πρόοδος Θρακικοῦ τάγματος καὶ τῆς ὀπλε[ιτῶν τάξεως]
 38 ἡγεμονία κοσμοῦσα μὲν καὶ συναύξουσα τὸν [π]επιστευθέντα ἦδε]
 39 καὶ ἀξιέπαινον ἀποφαίνουσα τὸν πεπιστευμένον ὃ γὰρ ἐγλ[εκτὸς λο-]
 40 γισμὸς εὐκράτως τεθεὶς ἀξιέραστον ἀποφαίνει τὸν ἐπαι[νεθέντα,]
 41 ὅθεν αὐτῷ τὴν εὐδαιμονίαν ὀλόκληρον ἐτήρησεν ἀρετὴ χα[ρισμάτων]
 42 μετὰ πάντων καὶ τὸ μακαριώτατον καὶ πᾶσι περισπούδαστον ἦ[συσμα]
 43 τῆς βασιλείας . τὸ μὲν εἶναι μέγας οὐ φυσιούμενος, τὴν δὲ παρὰ [βασι-]
 44 λέως εὐνοίαν καταλογιζόμενος ἑαυτῷ κτῆμα μετ' ἐπεικειας [αἰ-]
 45 ρετὸν . ἀεὶ δὲ καὶ μᾶλλον μέγας εὐρίσκετο τοῖς χρόνοις ἐπινεάζω[ν,]
 46 λογισμένος ὁμοῦ καὶ πολεμικῶς καὶ τοῖς περικειμένοις ἔθνεσι γ ν[ό-]
 47 μον ἑαυτὸν καθιστάς, ὅσα περὶ τὴν Μαῶτιν οἰκεῖ καὶ πηγὰς οἶδεν
 [.....]

В стк. 2 Виноградов оставил ...ί]πλέων ἐλείφ[θ... без восстановления; стк. 4 он также не реконструировал, ограничившись чтением ῥεῦμ[α...]; в стк. 6 предлагал κα[ταπραττόμενον εἶναι καὶ δια?]/κρίσει; стк. 8 он изначально читал τῷ Κ[αἷσαρι, ὅς τοιοῦτον ἄνδρα? δοκι]/μάσας; в стк. 13 предложил ἡλίκος ἡκο[υσμένος ἦν καὶ ἐφ' οἷς τιμη]/σάμενος; в стк. 19 его конъектура была такая: ...πίστ[εις ἐνχειρισθείσας λαβεῖν]; в стк. 31 он склонялся реконструировать φόβο[ν μέγαν, ὅτι μὴ γε]/νέσθαι..., в стк. 40 – ἐπαι[νέσαντα].

Оценивая значение надписи и личность чествуемого, Ю.Г. Виноградов не исключал, что в его обязанности входило сообщать императору о текущих делах на Боспоре. Поэтому он мог являться ὁ ἐπὶ τῆς βασιλείας – агентом римского императора при дворе боспорского царя², корректором или куратором, назначавшимся римской администрацией в города Империи и в вассальные государства.

² Vinogradov Ju.G. Anmerkungen zu Kapitel VI: Staat und Kultur des Bosporanischen Reiches // Rostowzew M. Skythien und der Bosphorus. Bd II. Wiederentdeckte Kapitel und Verwandtes. Stuttgart, 1993. S. 151, 152. Anm. 52. Однако вряд ли такая оценка справедлива. Во-первых, в надписи не говорится, что чествуемый занимал эту должность. Во-вторых, эта должность вряд ли вообще подходила под понятие кураторства и корректорства политики царей вассального царства; из тех наместников на Боспоре, о которых мы знаем, а это Скрибоний при Августе и Ликорм при Траяне – они всегда являлись императорскими вольноотпущенниками. Чествуемый же в энкомии деятель был явно боспорского происхождения, на что указывает его *cursus honorum*, которого он добился исключительно на боспорской военной службе. В-третьих, указанная должность связана скорее с наместничеством на царской земле, о чем говорят многочисленные надписи из нескольких городов царства с упоминанием совершенно различных людей с преимущественно греческими именами, ее замещавших. Публикация и примечания подготовлены С.Ю. Сапрыкиным.

С. Ю. Сапрыкин

ЭНКОМИЙ ИЗ ПАНТИКАПЕЯ И ПОЛОЖЕНИЕ БОСПОРСКОГО ЦАРСТВА В КОНЦЕ I – НАЧАЛЕ II в. н.э.

Правление боспорского царя Савромата I (93–123 гг. н.э.) не избаловано вниманием письменных источников. Несмотря на его долгое и блестящее царствование, мы располагаем о нем в основном разрозненными данными надписей, по большей части фрагментарных, и обилием монетных серий¹. Сами по себе монеты рассказывают о времени и событиях царствования Савромата очень приблизительно, смысл их типологии раскрывается только тогда, когда на помощь привлекаются надписи этого царя. Однако большинство их сведений очень противоречивы из-за крайней лаконичности и фрагментарности, поэтому до сих пор трудно увязать их показания с типологией монет царя. Затруднительно было также согласовать имеющиеся сведения о военных кампаниях Савромата и его отца, царя Рескупорида I, о которых скудно сообщают надписи. Поэтому находка в Пантикапее важнейшего эпиграфического памятника – энкомия неизвестного по имени деятеля эпохи правления Савромата I с подробными сведениями о внешней политике, военном деле, отношениях с Херсонесом, Римской империей и варварами, позволяет по новому взглянуть на события из истории Боспора на рубеже I–II вв. н.э., дать разумное объяснение некоторым надписям, вызывавшим у исследователей большие разногласия (рис. 1 – вклейка).

Впервые Ю.Г. Виноградов ознакомил меня с этой надписью в 1990 г. по фотографии, но тогда она еще не была прочитана. Впоследствии он дал мне ее текст с восстановлением лакун, исправлениями и коррекцией чтения, чтобы я мог использовать его в статьях о Боспорском царстве при Савромате I². Учитывая огромную важность этого замечательного эпиграфического документа для истории Боспорского царства и считая необходимым как можно скорее познакомить ученых коллег с его содержанием, а также осознавая долг перед безвременно ушедшим от нас эпиграфистом, и как человек, уже пользовавшийся им в его чтении и с его же разрешения, я посчитал важным представить полный текст надписи в том виде, в каком она прочитана и восстановлена Ю.Г. Виноградовым. Мною сделаны только незначительные поправки в дополнениях к тексту и перевод, в работе над которым я пользовался любезной помощью Г.А. Тароняна, за что приношу ему искреннюю благодарность.

¹ Анохин В.А. Монетное дело Боспора. Киев, 1986. С. 103–108; Фролова Н.А. Монетное дело Боспора. Ч. I. М., 1997. С. 118–135.

² Сапрыкин С.Ю. Плиний Младший и Северное Причерноморье // ВДИ. 1998. 1. С. 202.

Верхняя и правая части надписи обломаны практически полностью, поэтому установить, сколько строчек текста пропало сверху и сколько букв утрачено справа не представляется возможным. Линия скола прошла неровно по поверхности камня как бы углом, так что нижняя его половина оказалась шире верхней. Очевидно, высота лежавшей в земле плиты была больше, нежели сейчас, о чем говорит свежий скол сверху. По всей видимости, камень был расколот экскаватором, с помощью которого производились работы на этом участке. А фрагменты отбитой верхней части найдены не были, так как их вывезли вместе с землей.

Мраморная плита, судя по слабо поврежденным левой и нижней сторонам с нетронутой резчиком поверхностью, являлась вставкой в наиск или эдикулу большого погребального монумента. Об этом свидетельствуют остатки пазов-пилонов для крепления железными или свинцовыми скобами к стенкам саркофага или надгробного памятника, хорошо заметные с левой стороны и внизу. Плита могла крепиться к другой плите, где было начало надгробной надписи. А то, что строка 47 являлась последней на камне, поскольку под ней отчетливо заметна нетронутая поверхность, указывает на существовавший в древности третий камень уже с окончанием всего текста. Все три плиты скреплялись друг с другом и могли быть вставлены во внутреннее углубление большого надгробного комплекса или саркофага. Не исключено, что погребальный комплекс увенчивала статуя погребенного, а сохранившийся фрагмент являлся средней частью большого текста, повествовавшего о его заслугах.

Перевод: «.....страстно желая.....остался (без) всадников..... (разрушая) строй, он, подобный бушующей (реке), сокрушая все, что нападало на него как (несущийся?) поток..... благодаря личной доблести и счастьем царя..... и тогдашний цезарь, находясь....., услышал о великом (и..... и при) решении дел порицал вину.... и письмом пригласил к цезарю, (который), одоблив (происходящее), побудив к этому на будущее..... и царям аланов за (вину их ?) счел нужным определить (справедливое наказание?). Ведь когда (выявляются) важные дела, то они привлекают тех, кто вблизи, а когда они не выявляются, то они их беспокоят.... он, (после того как) цезарь увидел его таким, каким он о нем услышал, был почтен (цезарем за эти дела) и, (оказав содействие) нынешнему владыке Великому царю (Савромату), покинув более великого государя, (совершил военный поход на скифов) через Таврику. Когда он достиг Херсонеса, (попались ему навстречу? цари, которые) пришли для заключения союза с аланами, которых (он от этих надежд) отвратил. И когда он еще собирал (войско и) собирался отправиться в поход (на скифов), случилось ему (получить) от царей, что они клянутся (богами) в верности (и союзе). Ведь великий герой приложил серьезные старания.... его же славное счастье царя.... (ведь оно?) к большему возвеличило его своим содействием..... (ведь так) кентавр Хирон (воспитал) великого (героя) Ахилла , побудив, думаю, таким же образом, (как сам он воспитал владыку), ставшего (великим) царем Савроматом..... (и) с доблестным почтением, должным, господина (своегоот Геракла) и Посейдона происходящего, и не только (учил благородным делам, возвеличил) и воспитал, но и (побудил воспитуемого), определив ему заботу по отношению к псеханам (.....) вел войну со скифами, подчинил тавров и, изменив (положение), их дерзость и (необузданный?) образ мыслей обратил в (большой) страх (так, что) необходимость стала претерпеванием, война (- миром), а слово - средством убеждения, всем этим он украсил себя. (Ведь против тех, кто) оказывался его

противниками, он был очень воинственным, по отношению к подчиненным (благожелательным), для повинующихся – законом! За что у него были заслуженные знаки отличия (великодушия) и благодарности: хилиархии и золотые (награды войска), и авангард Фракийского отряда, и командование (строем) гоплитов, украшающее и преумножающее того, кто доверил, и делающее достойным похвалы того, кто этим доверием пользовался. Даже этот весьма умеренно сделанный перечень заслуг в выборочном сочетании показывает восхваляемого достойным любви, вследствие чего доблесть со всеми милостями сохранила для него в полной мере счастье, а также счастливейшее и для всех желанное (украшение) царства. Быть великим, не будучи надменным, а со скромностью считая благоволение царя для себя приобретением – это желанно. Всегда он оказывался все более и более великим, испытывая юношеское удовольствие во все годы, и вместе с тем рассудительный и воинственно поставивший себя законом для всех тех окружающих племен, которые живут у Меотиды и знают истоки...».

* * *

Прежде чем перейти к комментированию и анализу документа, хотелось бы предложить некоторые конъектуры, на наш взгляд, более удачные: стк. 22 – συναρσμένη[v...]; стк. 24 – τρόλ[αίον...], т.е. «...побудив его думать об обращении врагов в бегство...»; стк. 39 – ὁ γὰρ ἐπ[ὶ αὐτὸν λο]γισμός. Анализ надписи сделан в основном по сохранившемуся на плите тексту, хотя, решив оставить дополнения Ю.Г. Виноградова, прекрасно понимаю, что если бы ему удалось окончательно доработать текст, он бы наверняка что-то изменил и от чего-то отказался. Судя по восстановлениям, Ю.Г. Виноградов исходил из того, что последние строки дошли практически полностью, если не считать утраты одной-двух букв в трех заключительных строчках. Это вполне вероятно, тогда в верхней и средней частях плиты потеряно приблизительно от 20 до 27–28 букв. В таком случае в каждой строке было около 50–53 букв. По палеографическим признакам надпись датируется II в. н.э., причем первой половиной или даже первой четвертью столетия. Об этом свидетельствуют отдельные формы букв, характерные еще для конца I в. н.э. Например, *тетта* с очень короткой поперечной внутренней гасгой, больше свойственной этой букве именно на рубеже I–II вв. н.э., нежели во II в. н.э.; это и среднего размера *омикрон*, встречающаяся в надписях конца I – начала II в. н.э., *фи* со слегка суженной окружностью и длинной вертикальной гасгой, *альфа* и *дельта* с выступающими верхними апексами боковых гасг, что несвойственно документам II в. н.э. В то же самое время большая часть букв находит аналогии в шрифте надписей II в. н.э.³

Впользу датировки документа первой четвертью II в. н.э. говорят, во-первых, выражение νῦν δεσπότην βασιλέα в стк. 14, под которым явно подразумевается царь Савромат, так как его имя отчетливо вычитывается в стк. 25. Это определенно царь Савромат I, правивший в Боспорском государстве в 93–123 гг. н.э.; во-вторых, это сохранившийся в стк. 27 фрагмент его титулатуры: καὶ Ποσειδῶνος γενόμενον. Упоминание мифических предков боспорских царей в надписях относится к Рескупориду I (КБН, 980), его сыну и преемнику Савро-

³ Болтунова А.И., Книпович Т.Н. Очерк истории греческого лапидарного письма на Боспоре // НЭ. 1962. III. С. 10, 11.

мату I (КБН, 1048), а также к Рескупориду II, сыну Савромата II (КБН, 53). При этом, если в титулатуре Рескупоридов I и II прямо сказано, что они потомки Геракла и Евмолпа, сына Посейдона, то в отношении Савромата I говорится, что он происходил от Посейдона и Геракла. Поскольку в энкомии в титулатуре фигурирует лишь бог Посейдон, а для имени Евмолпа там явно места нет, то царем, который имел таких мифических предков, мог быть только Савромат I. Следовательно, надпись появилась в правление царя Савромата I до 123 г. н.э., а перечисленные в ней заслуги и подвиги безымянного чествуемого, как и сама его смерть, случились до того, как этот монарх скончался.

Чтобы установить дату надписи и хронологию рассказанных в ней событий, важно определить личность римского императора, который поименован как Καῖσαρ ὁ τότε, т.е. «тогдашний цезарь» (стк. 6, ср. также стк. 8). Царь Савромат I в течение своего тридцатилетнего правления пережил трех римских императоров – Домициана, последнего кесаря из династии Флавиев (81–96 гг. н.э.), Нерву (96–98 гг. н.э.), Траяна (98–117 гг. н.э.) и умер в начале правления Адриана (117–138 гг. н.э.). Трое из них, за исключением Нервы, находившегося на троне очень короткое время, активно занимались делами Северного Причерноморья. Обращает на себя внимание отсутствие в надписи полной титулатуры и особенно имени римского цезаря. Это не свойственно ни Нерве, ни Траяну, ни Адриану, ибо, как правило, при их упоминании обычно давали более менее полный титул и обязательно имя (ср. ISM I. 177B: Истрия – Αὐτοκράτορα Νέρουαν Καίσαρα; *Cagnat R. Cours d'épigraphie latine. P., 1914. Pl. XI, 1:* Тимгад, Северная Африка – Imperatore Caesare, divi Hadriani filio, divi Traiani nepote, divi Nervae pronepote, T(it)o Aelio Hadriano Antonino Augusto Pio...; см. также IGR III. Index. P. 587, 588: Νέρουας Σεβαστός; Αὐτοκράτωρ Νέρουας Καίσαρ Σεβαστός; Θεὸς Νέρουας; Θεὸς Νέρουας Σεβαστός – император Нерва; Καίσαρ Τραιανός; Αὐτοκράτωρ Τραιανός; ὁ μέγιστος Αὐτοκράτωρ Καίσαρ Τραιανός; Αὐτοκράτωρ Νέρουας Τραιανός Καίσαρ Σεβαστός – император Траян; Καῖσαρ Ἀδριανός; Τραιανός Ἀδριανός; Αὐτοκράτωρ Καῖσαρ (Θεὸς) Τραιανός Ἀδριανός Σεβαστός; Αὐτοκράτωρ Καῖσαρ Τραιανός Ἀδριανός – император Адриан). Император Домициан при жизни величался как imperator Caesar Domitianus Augustus Germanicus (ILS 4914, Рим; ВДИ 1950, № 1. С. 177 – Бейк-Даш, Азербайджан, надпись Л. Юлия Максима, солдата XII легиона Фульмината в правление императора Домициана Цезаря Августа Германика) или сокращенно imperator Domitianus (ILS 1842, Рим). В греческой огласовке все это звучало как Αὐτοκράτωρ Δομετιανός (*vel.* Τ. Φλ. Δομετιανός) Καῖσαρ (ISM I. 177A; ср. IGR III. 23, 300, 551, 552, 944 etc. с добавлением эпитетов Σεβαστός и Γερμανικός), а также как Καῖσαρ Σεβαστοῦ υἱὸς Δομιτιανός (IGR III. 223, 466) или Δομετιανός Σεβαστός (IGR III. 945). Однако после смерти имя и память об императоре по постановлению Сената были преданы проклятию. Светоний пишет: «Сенат приказал также принести лестницы и, в своем присутствии, убрать отовсюду медальоны с барельефными его изображениями и бюсты и тут же разбить их о землю, а напоследок постановил стереть надписи с его именем и уничтожить его память» (Suet. Dom. 23). Известны надписи, где имя Домициана вообще отсутствует (ILS, 347 – Рим) или тщательно соскоблено (IGR III. 23, 300, 551, 552, 715, 729, 944), хотя титулатура и эпитеты оставлены. Мы вряд ли будем неправы в том, что автор надписи (которого Ю.Г. Виноградов считал ритором) специально не назвал имени кесаря, следуя распоряжению римского Сената. А это означает, что события, о ко-

торых повествуется в сткк. 1–13, происходили в правление Домициана, т.е. до 96 г. н.э., когда принцепс был убит в результате заговора.

В надписи тем не менее имеется косвенное указание, когда происходило сражение и имели место последующие события, о которых рассказывается в сткк. 1–11. К сожалению, первые строчки текста очень фрагментарны, но они все же дают возможность представить ход событий. В сткк. 1–2 сказано, что чествуемый «остался без всадников» – [...i]πλέων ἐλείφ[θη...]. Если это восстановление верно, то в ходе сражения чествуемый, очевидно, командуя боспорским войском, потерял большую часть своей конницы. Впрочем, мы не исключаем вероятности реконструкции в этой строке упоминания воинских соединений из городов Горгииппии или Агриппии-Фанагории – [...Γοργί]πλέων vel. [... Ἀγρί]πλέων ἐλείφ[θη...]. При таком чтении получается, что чествуемый остался без поддержки ополчения этих полисов. Но это восстановление все же менее вероятно, нежели предложенное Ю.Г. Виноградовым. Глагол λείπω означает «оставлять», «покидать», «оставлять строй», «дезертировать» (LSJ s.v.). У античных авторов часто встречается выражение λείπειν τὴν τάξις в значении «оставлять самовольно свой пост в армии» (And. I. 74; Pl. Ar. 29a; Dem. XIII. 34; XV. 32; Aeschin. III. 159) или попросту «дезертировать». Платон в «Апологии Сократа» прямо говорит, что оставление строя в битвах при Потидее, Амфиполе и Делии было бы расценено как ужасный поступок (Pl. Ar. 29a). Не исключено, что в энкомии говорилось о том, что всадники или вообще конница оставили строй воинов, т.е. пехоты, которым тот командовал. Ведь далее в стк. 37 в перечне заслуг и должностей умершего упомянуто, что он командовал тяжеловооруженной пехотой. Может быть, всадники сделали это самовольно, а может быть, осознанно, изменив командующему, что вынудило его сражаться в пешем строю – по выражению автора надписи «подобно бушующему потоку, сокрушая всех, кто нападал на него», проявляя при этом чудеса храбрости (сткк. 3–5). Косвенно на это указывает выражение [...]ων τὴν παρά[τ]αξις в стк. 3, в котором Ю.Г. Виноградов восстанавливал [κατακόπτ]ων..., т.е. «разбивать боевой порядок». Нам все же представляется здесь уместнее причастие [ποιέ]ων τὴν παρά[τ]αξις, т.е. «построить, создать строй» (ср. Isocr. X. 53: παράταξις ἐποίησαν – то, что означает «построить боевой порядок, вести войну или борьбу»). Термин παράταξις переводится как «боевой порядок, боевая линия, фаланга» (Ascl. Tact. II. 5; Ael. Tact. VII. 1; Polyb. XV. 12. 3: ἐν τῶι μεταξύ χωρίω τῶν παρατάξεων – «на промежутке между боевыми линиями» в битве при Заме между Ганнибалом и римлянами). Он встречается в эпиграфических источниках II в. до н.э. из Эпидавра (IG IV, 1 ed. 2. 28. 1) и Приены (μετὰ τὸν παράταξις τὸν γενομένον αὐτοῖς ποτὶ Πριωνεῖς – «после случившегося у них сражения с Приенцами»)⁴. Поэтому, учитывая предложенную конъектуру, мы предполагаем, что порядок событий в описываемой битве был следующим.

Лишенный поддержки конницы, очевидно, сарматской, что было обычным в боспорской армии, где конные сарматы в первые века нашей эры занимали ведущее положение⁵, чествуемый в энкомии деятель, будучи командиром тяжеловооруженной пехоты, построил строй подчиненных ему голплитов и вел ус-

⁴ Schwyzer E. Dialectorum Graecorum exempla epigraphica potiora. Lpz, 1923. № 282.

⁵ Блаватский В.Д. Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1954. С. 141, 142; Горончаровский В.А. Между Империей и варварами. Военное дело Боспора римского времени. СПб.–М., 2003. С. 36 сл.

пешное сражение с неприятелем, атаковавшим его ряды. Он отбивал все атаки врага, по всей видимости, конных его отрядов, ибо автор надписи, используя метафоры, сравнивает сражение с бушующей рекой и несущимся потоком. Из последующих строк текста становится ясно, что в этой битве успех был на стороне боспорцев, так как говорится о личной доблести чествуемого, счастье царя и о том, что даже римский император услышал о великом деянии. Подобные эпитеты исключают поражение войска, предводительствуемого чествуемым. Ход сражения чем-то напоминает события Диофантовых войн под стенами Херсонеса Таврического в конце II в. до н.э. Прибыв в Херсонес, Диофант, полководец Митридата Евпатора, как известно из декрета в его честь, переправился на северную сторону; а когда скифский царь Палак внезапно напал на него с большим полчищем варваров (Παλάκου δὲ τοῦ Σκυθῶν βασιλεῖος αἰφνιδίως ἐπιβαλόντος μετὰ ὄχλου πολλοῦ), Диофант, поневоле приняв битву (παρὰ[τα]ξάμενος ἐν χρ[ε]ία), обратил в бегство скифов, считавшихся непобедимыми (IOSPE I, ed. 2. 352). Основу понтийского войска составляла фаланга гоплитов, построенная в ряд, и она первой выдержала удар конных скифов. Испытав удар скифской кавалерии, фаланга, подавшись чуть назад, устояла, а когда скифские всадники завязли в противоборстве с пехотой, им во фланг ударила конница понтийцев, что довершило дело и обеспечило Диофанту победу⁶. В нашем же случае победу принесла стойкость тяжеловооруженной пехоты, т.е. той же фаланги гоплитов, командиром которой был чествуемый, так как конница либо изменила ему, либо была уничтожена ранее.

Для более точной фиксации событий битвы и определения врага, атаковавшего боспорское войско, большое значение имеет то, что говорится у автора надписи в следующих словах: «тогдашний цезарь», т.е. Домициан, «находясь ... услышал о великом деянии», т.е. об одержанной боспорским воинством победе, «при решении дел порицал вину» напавших на боспорцев врагов, «и письмом пригласил к цезарю» виновника этой победы, затем одобрил происходящее, т.е. победу Боспора, «побудив к этому на будущее», т.е. на новые победы во славу Рима и Боспора, «и царям аланов за» их нападение «счел нужным определить» наказание. Это описание имеет непреходящее значение для изучения взаимоотношений Боспорского царства с Римской империей и соседними варварскими племенами.

Ключевой является фраза в стк. 6 «тогдашний цезарь, находясь ([δι]άγων...)). К сожалению, из-за фрагментарности надписи в данном месте так и осталось неясно, где находился император Домициан и куда он вызвал к себе чествуемого после его победы. Восточная политика римлян при Флавиях и конкретно при Домициане осуществлялась по двум основным направлениям – в Подунавье и Закавказье. Домициан совершил четыре военных похода: один против сарматов, один против хаттов, германского племени, и два против даков; при этом за победы над даками император отпраздновал двойной триумф, а за победу над сарматами поднес лишь лавровый венок Юпитеру Капитолийскому (Suet. Dom., 6; Eutrop. VII. 23. 1; Aurel. Vict. XI. 4). Отличительной особенностью правления этого императора было его личное присутствие в районе боевых действий, хотя непосредственное ведение войны он поручал своим полководцам. Зимой 85/86 г. н.э. даки вторглись в Мезию и разбили римское войско во главе с наместником провинции Гаем Опнием Сабином. Из-за серьезности по-

⁶ О тактике скифов и Диофанта в первом сражении см. *Панченко В.В.* Херсонесские победы Диофанта. Севастополь, 1999. С. 15.

ложения на Дунай прибыл лично Домициан, который, как сообщает Дион Кассий, не принимал активной роли в конфликте, а расположился в одном из городов Мезии (Dio Cass. LXVII. 6. 3). Правда, Йордан утверждает, что цезарь прибыл в Иллирик со всеми своими силами и войнами со всего государства (Jord. Get. 76–78), но это не исключает свидетельств более ранних историков о том, что он расположился в Верхней Мезии, так как после разделов Империи при Диоклетиане и Константине Великом придунайские земли вошли в состав префектуры Иллирия. Считается, что император остановился в Наиссе (совр. Нише). Домициан поручил командование префекту претория Корнелию Фуску, войско которого было снова разбито даками под командованием царя Диурпаней (Oros. VII. 10. 4; Jord. Get., 77, 78). После этого Диурпаней заключил с римлянами перемирие, но был вынужден уступить власть Децебалу, предложившему императору мир на очень унижительных для Империи условиях. Однако вскоре римляне начали новое наступление, на этот раз командование было поручено Домицианом префекту претория Теттию Юлиану, который в 88 г. н.э. продвинулся в Трансильванию и одержал победу в битве при Тапах (совр. Дева). В 89 г. н.э. Децебал согласился заключить с Домицианом мир, но сам прибыть для его подписания отказался, прислав для этого своего брата Диега. Домициан находился в это время в Паннонии, ибо римляне вели войну с маркоманнами и квадами, отказавшимися помочь им против даков. Император короновал Диега и затем отправил в Рим с письмом в Сенат от царя даков Децебала (Dio Cass. LXVII. 1–6; 7, 1–4; Martial. V. 3; VI. 10. 7). Все это время – с 85 по 89 г. н.э. – Домициан находился в Мезии и Паннонии, принимал различных послов – от даков, маркоманнов, квадов, многих из которых умертвил (Dio Cass. LXVII. 7. 1). В 91–92 г. н.э. император снова вынужден был заниматься делами Мезии, так как жившие там племена лугиев, вовлеченные в войну с некоторыми из племен свебов (швабов), послали к нему за помощью. И получили ее в достаточном количестве, вследствие чего недовольные свебы вошли в союз с сарматами-языгами и готовились вместе с ними переправиться через Истр (Dio Cass. LXVII. 5. 2).

Пристальное внимание Домициана к сарматам объясняется тем, что в войне с языгами погиб целый римский легион, вероятно, прибывший с Рейна (Suet. Dom., 6; Tac. Agric. 41). Этим объясняется скромность победной церемонии Домициана за войну с сарматами. Столкновение с языгами произошло в 89 г. н.э. во время войны с маркоманнами и квадами тотчас после того, как был заключен мир с даками⁷. Как явствует из одной карфагенской надписи (CIL. VIII. 1082), где упомянут римский легионер, получивший от Домициана знаки отличия за войну с даками, германцами (хаттами) и опять с даками, в промежутке между походами Фуска и Юлиана, т.е. между 85 и 88 годами н.э., Домициан совершил победный рейд против хаттов, за что получил прозвище Germanicus (ILS. 4914). Т. Моммзен, ссылаясь на Евсебия, установил, что триумф за победы над даками Домициан отпраздновал в 89 или 90 г. н.э.⁸ Поскольку триумфы отмечались по обыкновению в Риме при большом скоплении подданных, то следу-

⁷ Моммзен Т. История Рима. Т. 5. М., 1949. С. 192; Saxer R. Untersuchungen zu den Vexillationen den römischen Kaiserheeres von Augustus bis Diocletian // Epigraphische Studien. I. Bd 18. Köln-Graz, 1967. S. 22: война с маркоманнами и квадами названа в источниках bellum Marcomannorum, Quadorum, Sarmatarum (см. также Колосовская Ю.К. Рим и мир племен на Дунае I–IV вв. н.э. М., 2000. С. 67: автор ошибочно дает ее описание до победы Домициана над даками).

⁸ Моммзен. Ук. соч. С. 191. Примеч. 3.

ет полагать, что в 89 или 90 г. н.э. император покинул дунайскую границу и временно вернулся в столицу Империи. Однако вскоре он был вынужден вступить в войну с языгами, для чего снова отбыл на Дунай и при обострении отношений со свебами и языгами в 91–92 гг. н.э. опять, видимо, находился в Мезии, следуя своему обычному правилу посещать театр военных действий.

Что касается Закавказья, то о внимании к нему Домициана как принцепса свидетельствуют упоминавшаяся уже надпись с горы Беюк-Даш и армянский историк Моисей Хоренский (История Армении. Кн. 2. § 54). Последний сообщает, что в правление Домициана армянский царь Арташес поднял против римлян восстание, на подавление которого из Рима прибыл в Армению Домет. В этом Домете при некоторой фантазии ума можно усмотреть Домициана. Однако установлено, что Домициан в Закавказье, как и на Востоке вообще, лично как император никогда не был⁹. Тогда пребывание Домициана вне Рима, когда согласно энкомию, он прослышал о победе боспорцев и после нее призвал письмом к себе чествуемого, приходится либо на время дакийских войн в 85–89/90 гг. н.э. в бытность его в Верхней Мезии и Паннонии, либо в 90–92 гг. н.э., когда он воевал с сарматами-языгами. А это значит, что описанные в начальных строках энкомия события имели место на рубеже 80–90-х годов н.э..

В стк. 7 говорится о том, что император Домициан при решении дел (ἐπί δία]κρίσει) порицал вину, скорее всего тех, кто напал на Боспорское царство. Этим противником боспорцев были аланы, что явствует из стк. 10: «и царям аланов за ... счел нужным определить», по всей видимости, наказание за нападение. Любопытны выражения, использованные автором надписи для характеристики решений принцепса по данному делу: [δοκ]μῶσας в сткк. 8–9 – Part. Aor. I act. от глагола δοκμῶζω, что значит «проверять, одобрять, утверждать, считать важным», и πρoτρῆψας – также причастие аориста от глагола πρoτρῆλω – «побуждать, принуждать, склонять». Первый из них имеет административный оттенок, так как относится к докимасии (δοκμoσία) – гражданско-правовой проверке на законность деяний; второй означает принятие решения на основе этой проверки согласно совершенному деянию. А поскольку в надписи указано, что цезарь порицал вину аланов, точнее их царей, и определил им справедливое наказание, то нападение на Боспор расценивалось как серьезное нарушение статус-кво и, вероятно, каких-то обязательств аланских царей перед Римом. Речь в этом месте документа идет о проведенной императором проверке действий аланов с точки зрения правовой ответственности перед Римской империей и Боспорским государством и о принудительном побуждении к недопущению такого рода поступков в будущем. Следовательно цари аланов признавали ответствен-

⁹ Длительное время считалось, что надпись из Беюк-Даша связана с походом Домициана против алан или албанцев (*Ямпольский З.И.* Вновь открытая латинская надпись у горы Беюк-Даш // ВДИ. 1950. 1. С. 182; *Ельницкий Л.А.* Северочерноморские заметки // ВДИ. 1950. 1. С. 193; *Тревер К.В.* Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. М.–Л., 1959. С. 127–129) и что именно там якобы был разбит сарматами римский легион (*Бокщанин А.Г.* Парфия и Рим. Ч. 2. М., 1966. С. 220–222). Из последних работ о походе Домициана в Закавказье против алан см. *Heidenreich H.* Zur östlichsten Lateinischen Inschrift // ZPE. 1983. Ht 52. S. 213, 214; *Braund D.* New Latin Inscriptions in Central Asia // ZPE. 1991. Ht 89. P. 188–190; *idem.* The Caspian Gates in Roman-Persian Relations in Ancient Transcaucasia // Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan. 2000. Bd 32. P. 38. Однако о личном присутствии Домициана в этом походе нигде сведений нет, а участвовавший в походе в Кобустан отряд XII легиона Фульмината был всего лишь вспомогательным, посланным царю Иберии для похода против албанцев (*Ломоури Н.Ю.* Грузино-римские взаимоотношения. Ч. 1. Тбилиси, 1981. С. 180, 181).

ность перед римской властью, считались с сюзеренитетом императора, воспринимали его, если не прямым, то уж определенно формальным повелителем. Такое было возможно только в случае принятия аланами на себя каких-то международных обязательств.

Чтобы определить, когда это могло произойти, надо углубиться в ранние годы правления императора Веспасиана, отца Домициана. В 72 г. н.э. аланы, обитавшие по берегам Танаиса и Меотиды, вторглись в Мидию и Армению и опустошили страну, взяв огромную добычу (Flav. Jos. Bel. Jud. VII. 7. 4; Ambrosius. De exsidio urbis Hier. V. 1). Напуганный этим парфянский царь Вологез попросил Веспасиана о помощи против аланов и одного из его сыновей в качестве командира отряда, но дело это расстроилось, хотя Домициан очень рассчитывал на него для умножения своей славы (Suet. Dom. 2). Помощь римлян парфянам не состоялась из-за того, что им было в тот момент выгодно ослабление Парфии и подвластной ей Армении, в противовес которым они стремились усилить Иберию. Согласно надписи из Мцхеты, найденной в 1867 г., Веспасиан и его сыновья Тит и Домициан оказали содействие царю иберов Митридату и народу укреплением стен. Риму были наруку вторжения аланов в Парфию и Армению и ограждение от их атак Иберии¹⁰. В это время между Римом и аланами могли быть заключены некие соглашения, по которым аланы воздерживались от нападений на римских союзников и друзей. В ответ римляне взяли на себя обязательство не помогать парфянам против алан, что стало поводом к отклонению просьбы Вологеза о присылке отряда против сармат. Поэтому вторжение аланов в 80-е годы н.э. в пределы Боспорского царства, дружественного Римской империи, могло расцениваться как нарушение этих договоренностей и оттого стало событием чрезвычайным. К тому же еще со времен Нерона передвижения аланов, доходивших уже тогда до Днепра, вызывали неизбежные перемещения их соседей – аорсов и сираков (Plin. IV. 80; 82). Это усиливало давление кочевой орды сарматов на дунайскую границу, способствуя агрессивности западного ответвления сарматских племен – языгов. При Домициане они, как мы видели, были крайне враждебны Риму, вот почему император очень обрадовался победе боспорского воинства над аланами. Это должно было ослабить агрессивность кочевников по отношению к дунайским провинциям.

На радостях Домициан вызвал чествуемого в энкомии к себе в Мезию, чтобы поподробнее узнать об успехе в войне с кочевниками. Очевидно, тот прибыл к императору тогда же, когда к нему приходили посольства от различных племен и народов, в том числе от лугиев и свебов. Очень знаменательно употребление автором энкомия выражения *δι' ἐμστολῆς* для обозначения того, каким образом кесарь вызвал к себе полководца. Оно очень близко по значению выражению, которое употребляет Геродот при описании ситуации, когда эгинец Криос, сын Поликрита, оказал сопротивление спартамцам, переправившимся на Эгину, и говорил перед их царем Клеоменом по приказанию (*ἐξ ἐμστολῆς*) Демарата (Herod. VI. 50). В выражении энкомия присутствует явный оттенок приказа или, говоря казенным языком, предписания явиться ко двору цезаря, послушаться которого не представлялось никакой возможности. Это письмо вышло из недр императорской канцелярии и его секретаря, о существовании которых

¹⁰ Ломоури. Ук. соч. С. 176; Амиранавили А.И. Иберия и римская экспансия в Азии // ВДИ. 1938. 4. С. 171; Dabrowa E. Roman Policy in Transcaucasia from Pompey to Domitian // The Eastern Frontier of the Roman Empire: Proceedings of a Conference at Ankara. Oxf., 1989. P. 72; Braund D. Georgia in Antiquity. Oxf., 1994. P. 229.

мы знаем из одной надписи (IG. XIV. 1085: ἐπιστολεύς τοῦ Αὐτοκράτορος). Это отражение прямых вассальных отношений Боспора и Римской империи, вследствие установившейся практики утверждения римскими цезарями боспорских правителей, ездивших для этого в столицу Империи. Они и их ближайшее окружение беспрекословно повиновались приказам императора. Неслучайно поэтому еще Страбон отмечал, что со времени Митридата Евпатора Боспорское царство перешло под власть римлян и они назначают тамошних царей на престол (Strabo. VII. 4. 4; 7).

Вызов боспорского вельможи к императору предшествовал решению и проверке-докимасии конфликта с аланами, поэтому можно предполагать, что в императорскую проверку входило также рассмотрение деяний боспорского полководца. И только после этого появилось решение о наказании аланских царей, признанных виновными. Значит инициатива в военном столкновении принадлежала аланам. Важное значение имеет указание автора энкомия, что принцепс одобрил происходящее и побудил чествуемого на будущее к таким же победным поступкам по отношению к коварным варварам: «ведь когда (случаются) важные дела, то они привлекают тех, кто вблизи (т.е. имеется в виду Домициан, прибывший в Подунавье. – С.С.), а когда они не выявляются, то они их беспокоят...» – этот пассаж ритора, не лишённого философского подхода к описываемым событиям, явно направлен в сторону императора, озабоченного положением на северо-восточных границах империи в течение более семи лет (сткк. 9–12), но преданного проклятию к моменту написания текста laudatio. Чтобы понять смысл этих слов, надо вернуться к ситуации в Таврике в третьей – начале четвертой четверти I в. н.э.

После того как при Нероне в середине 60-х годов н.э. римляне во главе с Тибрием Плавтием Сильваном высадились в Крыму и отогнали тавро-скифов, подошедших к Херсонесу, они закрепились в Хараксе и самом Херсонесе, введя туда гарнизоны и взяв под защиту его хору (CIL. XIV. 3608; ср. IOSPE I, ed. 2. 369). Какая-то часть их войск стояла и на Боспоре, как можно заключить из свидетельства Иосифа Флавия (Flav. Jos. Bell. Jud. II. 16. 4). Однако в скором времени их вексилляции были из Таврики выведены, по одним предположениям, в 69 г. н.э. во время социально-политического кризиса в Риме, по другим – в 80-х годах н.э., когда обстановка на дунайской границе серьезно обострилась¹¹. Есть, правда, мнение, что римляне вообще не выводили отряды из Юго-Западного Крыма или вывели их в самом конце I в. н.э.¹² До обнаружения нашей надписи ни прямых ни косвенных данных об этом не было, исследователи ограничивались в основном общими соображениями за и против. В публикуемой надписи имеются недвусмысленные указания на то, что ни в Херсонесе, ни в его окрестностях, ни, очевидно, на Боспоре к концу правления Домициана римских войск уже не

¹¹ *Ростовцев М.И.* Римские гарнизоны на Таврическом полуострове и Ай-Тодорская крепость // ЖМНП. 1900. Март. С. 144–149; *Блаватский В.Д.* Харакс // МИА 1951. 19. С. 259; *Репников Н.И.* О характере римской оккупации южного берега Крыма // СА. 1941. VII. С. 123–126; *Гриневиц К.Э.* Херсонес и Рим // ВДИ 1947. 2. С. 232, 233; *Белов Г.Д.* Херсонес Таврический. Л., 1948. С. 106; *Гайдукевич В.Ф.* История античных городов Северного Причерноморья // Античные государства Северного Причерноморья. М.–Л., 1955. С. 61; *Цветаева Г.А.* Боспор и Рим. М., 1979. С. 25; *Зубарь В.М.* Северный Понт и Римская империя. Киев, 1998. С. 57.

¹² *Дьяков В.Н.* Таврика в эпоху римской оккупации // Уч. Зап. МГПИ. 1942. I. С. 61; *Шелов Д.Б.* Римляне в Северном Причерноморье во II в. н.э. // ВДИ 1981. 4. С. 57; *Кадеев В.И.* Херсонес Таврический в первых веках н.э. Харьков, 1981. С. 24.

было. Иначе зачем бы тогда принцепсу было срочно вызывать к себе и слушать о сражении с аланами боспорского вельможу, а не собственных военных, а также, как явствует из сткк. 15, 29, 30, содействовать походу боспорских войск в Херсонес через весь Крым против тавров и скифов. Поэтому правы те, кто полагал правильной точку зрения М.И. Ростовцева и В.Д. Блаватского о выводе римских отрядов из Крыма при Домициане, что скорее всего произошло в 80-х годах н.э. в разгар войн на Дунае. Этим могли воспользоваться аланы и, нарушив договоренность с римскими императорами династии Флавиев, напали на боспорские владения в Азии. Завязнув в конфликтах на Дунае, Домициан не мог в тот момент снова послать военную экспедицию в Северное Причерноморье, как ранее это сделал Нерон усилиями легата Плавтия Сильвана. Поэтому он был вынужден возложить защиту греческих полисов Таврики и римских интересов в регионе на боспорского царя, что стимулировало поход его полководца, о котором речь, в Херсонес. Так, по-видимому, следует понимать слова автора энкомия в его честь о том, что кесарь побудил того на будущее держать победную марку против агрессивных кочевников.

В связи со всем этим возникает вопрос: отчего в столь серьезном деле, как создание щита против качевников и тавро-скифов для Римской империи, к императору был вызван не царь Боспора, которым, судя по времени случившихся событий, был Рескупорид I, отец будущего царя Савромата I, а всего лишь подданный царя, хотя и высокого государственного ранга. Это тем более малопонятно, если учесть, что столь достославная победа была добыта в том числе и благодаря «счастью царя» (стк. 5). При ответе на этот вопрос открываются неожиданные и доселе неизвестные страницы боспорской истории конца I в. н.э.

На медных монетах Рескупорида I 86–92 гг. н.э. (по В.А. Анохину) или 80–93 гг. н.э. (по Н.А. Фроловой) появляется изображение богини победы Ники с венком, круглого щита с копьем, головы коня, топора, шлема и меча и, что самое показательное, фигуры царя, поставившего ногу на стоящего на коленях на фоне трофея пленного варвара; имеются монеты с типом городских ворот с конной статуей наверху и башней, а также с фигурой скачущего всадника¹³. Во всаднике, в том числе в конной статуе над воротами, справедливо усматривают самого боспорского царя¹⁴, а в военной и победной символике всей монетной серии, вслед за М.И. Ростовцевым, видят отражение каких-то военных побед и роста военно-политического могущества Боспора¹⁵. Победы и возвышение царства, достигнутые при поддержке Рима, выражались и в том, что при Рескупориде I вместо традиционной монограммы, скрывавшей имя и титул монарха, появляются его полное имя и титул. Это следствие расширения с согласия Домициана политических и военных прерогатив царства, на которое возлагались обязанности противостоять аланам, тавро-скифам и опекать Херсонес. И в такой ситуации в ставку императора вызывается не Рескупорид I и даже не наследник престола – его сын Савромат I, а простой военачальник – хилиарх! Са-

¹³ Анохин В.А. Монетное дело Боспора. С. 153, 154. №№ 375–381, 385; Фролова Н.А. Монетное дело Боспора. С. 103–107, Кат. 226–233.

¹⁴ Зограф А.Н. Античные монеты. М.–Л., 1951. С. 202.

¹⁵ Ростовцев М.И. Эллинство и иранство на юге России. Петроград, 1918. С. 161; Rostovtzeff M.I. Iranians and Greeks in South Russia. Oxf., 1922. P. 158; Rostowzew M. Skythien und der Bosphorus, Bd II. Wiederentdeckte Kapitel und Verwandtes / Hrgb. H. Heinen // Historia Einzelschriften 83. Stuttgart, 1993. S. 93-95; Gajdukevič V.F. Das Bosporanische Reich. Berlin–Amsterdam, 1971. S. 352; Анохин В.А. История Боспора Киммерийского. Киев, 1999. С. 144–146; Горончаровский. Между Империей и варварами. С. 181.

мая ранняя надпись Савромата I датирована 93 г. н.э. и в ней он еще не имеет царского титула, хотя посвящает статую своему отцу Рескупориду I (КБН, 42). В танаисской надписи КБН. 1259 в первой ее редакции у Савромата I не было титула «друг цезаря и римлян», и только между 93–104 годами н.э. в ней выскоблили разуру, и этот титул был туда вставлен¹⁶. Царский титул и титул «друг цезаря и друг римлян» у Савромата I можно предполагать по надписям не позднее 97 г. н.э. (КБН. 43), после чего он упоминается неизменно с титулом.

Последним золотым выпуском царя Рескупорида I является монета 388 г. п.э. = 91/92 г. н.э., а первой золотой монетой Савромата I считается статер от 390 г. п.э. = 93/94 г. н.э. (Анохин. Монетное дело Боспора. № 369, 387; Фролова. Монетное дело Боспора. С. 226, 233). Между ними разрыв в пределах одного–полутора лет, когда царского золота не выпускали. Этим же временем датируется надпись из Пантикапея о воздвижении статуи Савроматом I своему отцу, в которой наследник не титулуется царем. На этом основании можно предполагать соправительство отца и сына¹⁷. Обращает на себя внимание серия медных монет Рескупорида I с изображением царя, попирающего пленного варвара, и двух голов – царя и, как полагают, царицы (или богини Афродиты Урании – рис. 2, 1) (Анохин. Монетное дело Боспора. № 382; Фролова. Монетное дело Боспора. С. 229. Табл. XXXIII, 1–8). Монеты выпущены в честь какой-то победы над варварами, скорее всего, аланами, если следовать энкомиию. В таком случае их отчеканили в последние годы царствования Рескупорида. В правом бюсте на реверсе этих монет усматривали женский портрет, однако монета из собрания Одесского музея нумизматики (Вестники Одесского музея нумизматики. Вып. 4. 2000. Сентябрь. Одесса. С. 47. № 12) отчетливо показывает, что это не женский, а мужской профиль с диадемой, подчеркивавшей царское происхождение изображенного (рис. 2, 1 – вклейка). Черты его лица аналогичны портрету царя Савромата I на серии меди с изображением городских стен и башен и варваром-пленным на коленях (рис. 2, 2–3) (Фролова. Монетное дело Боспора. Табл. XLI, 3–4; Вестники... С. 47. № 14, 16), к тому же женский бюст на монетах Рескупорида I обычно в калафе и покрывале (рис. 2, 4) (Вестники... С. 47. 3, 10). Поэтому правдоподобным выглядит предположение, что в правом портрете на сестерциях Рескупорида I представлен его сын Савромат I, который являлся соправителем отца в те годы, когда были побеждены аланы. После его смерти молодой царевич унаследовал трон и титул.

Любопытно, что год, когда царского золота не били, совпадает с активностью Домициана в Мезии (91–92 гг. н.э.), где принцепс занимался делами местных племен в связи с обращением к нему лугиев и опасностью сарматского вторжения (см. выше). Поэтому мы полагаем, что именно в данный момент и был вызван к нему чествуемый. А почему туда прибыл он, а не царь, которому он служил, следует объяснить тем, что Рескупорид I, вероятно, скончался в 92 г. н.э., что стало причиной постановки ему статуи сыном. Но его наследник

¹⁶ Арсеньева Т.М., Бемтгер Б., Виноградов Ю.Г. Новые исследования в Танаисе // ВДИ. 1996. 3. С. 69; Arsen'eva T., Böttger B., Vinogradov Ju.G. Griechen am Don. Die Grabungen in Tanais 1994 // Eurasia Antiqua. 1995. Bd 1. S. 222. Anm. 13; Сапрыкин. Плиний Младший... С. 200.

¹⁷ Сапрыкин. Плиний Младший... С. 200. О политике Савромата I см. подробно Сапрыкин С.Ю. Царь Савромат I Боспорский // Античность: история и историки. Казань, 1997. С. 89–94; Saprykine S.Ju. Le roi Sauromace Ier du Bosphore Cimmérien // Les Sites archéologiques en Crimée et au Caucase durant l'Antiquité tardive et le haut Moyen-Age. Leiden, 2000. P. 47–52.

Рис. 2. 1, 4–6 – монеты боспорского царя Рескупорида I; 2, 3, 7 – монеты его сына Савромата I. Собрание Одесского музея нумизматики (увеличено)

был еще несовершеннолетним и не имел право на самостоятельное принятие решений. Из *laudatio funebris* следует, что вызванный к кесарю деятель был воспитателем царя Савромата I, причем помогал ему при решении очень важных государственных дел, касающихся азиатской части Боспора. Полагаем, что это был не простой воспитатель, а регент при малолетнем царевиче, еще не занявшем престол умершего в разгар военных успехов Рескупорида I. При таком раскладе становится понятным неожиданный вызов к императору вельможи, а не царя или его преемника. И лишь через год после посещения чествуемым ставки Домициана, т.е. в конце 93 г. н.э., молодой наследник принял титул и трон, о чем свидетельствуют монеты. Чуть позже он по обыкновению был утвержден в Риме Сенатом. Тогда находит объяснение наличие разуры для исправления титула Савромата I в одной из танаисских надписей. Это заставляет уверенно утверждать, что предписание чествуемому в надписи полководцу явиться к Домициану поступило в 92 г. н.э. и именно ему было поручено вдохновлять молодого монарха («воспитанника» или «воспитуемого» – ἐξελαΐδευσεν, [ἐκτελαΐδευμέ]νον, как говорится в сткк. 28–29 надписи) продолжать победную поступь отца на благо Боспора и Римской империи.

Какой путь избрал чествуемый для визита к принцепсу, неясно, скорее всего он прибыл в Мезию морем вдоль побережья Таврики через Тиру. На выбор такого маршрута указывает декрет тирассцев в честь боспорца Валента, сына Филокала, дважды совершавшего посольства к императору Марку Аврелию¹⁸.

Крайне важным представляется упоминание в надписи «царей аланов» (τοῖς Ἀλανῶν βασιλεῦσιν), которым Домициан определил наказание. Античная традиция нередко говорит о царях скифов и сарматов во множественном числе: от Мемнона или его источника мы слышим о царях колхов вокруг Фасиса и о царях скифов, которым Митридат Евпатор возвратил отцовские владения (Мемн., 30); в ольвийском, очевидно, декрете второй половины I в. н.э., обнаруженном на Мангуле, говорится о восхваляемом гражданине, совершившем посольство «к величайшим царям Аорсии»¹⁹; безымянные местные цари упоминаются в окрестностях Ольвии (см. IOSPE. I, ed. 2. 30), там же в римское время знатные горожане встречали каких-то «царей Сарматии» (IOSPE. I, ed. 2. 52: [...τοὺς Σκυθῶν] vel. [...Σαρματῶν] βασιλεῖς; 54: Σαρματίας βασιλεῖς, ср. IOSPE I, ed. 2. 70: [βασι]λέων) или сами отправлялись с посольством к «соседним царям» (IOSPE I, ed. 2. 39: ἐν ταῖς πρὸς γειτνιῶντας βασιλέας πρεσβείας). Такое многовластие у варваров объясняют по-разному: его считают отражением деления Скифии и Сарматии на несколько царств либо на ряд улусов-областей с относительно самостоятельными царями-вождями²⁰. Но это может быть также следствием рыхлости социально-общественной структуры кочевых народов на этапе перехода к оседлости, когда с разложением родовых отношений усиливаются позиции знати и племенных вождей. А само общество представляет собой не государство, а союз племен, управляемых отдельными вождями, при военной опасности или для походов за добычей временно объединявшихся и признававших верховенство сильнейшего из них. Даже у осед-

¹⁸ Avram A. Décret inédit de Tyras // *Studia Antiqua et Archaeologica*. Iași, 1997. III–IV. P. 116.

¹⁹ Виноградов Ю.Г. Очерк военно-политической истории сарматов в I в. н.э. // ВДИ. 1994. 2. С. 167.

²⁰ Храпунов И.Н. Очерки этнической истории Крыма в раннем железном веке. Тавры, скифы, сарматы. Симферополь, 1995. С. 70 сл.

лых народов, например, у фракийцев, длительное время сохранялся институт парадинастии, являвшийся пережитком племенного деления²¹. Пережитки родовых отношений приводили к длительному сохранению такого элемента власти, как соправительство. Последнее было характерно для аланов в I–III вв. н.э.

В армянских источниках – у Моисея Хоренского (Мовсеса Хоренаци) и в агиографической литературе имеются сведения о походе в Армению аланов, который связывают с их вторжением в 72 г. н.э. Хотя у исследователей нет единства по поводу даты событий у Моисея Хоренского (их относят к 114 г. н.э. и к середине III в. н.э.)²², важно то, что ими предводительствовали братья-соправители Базук и Амбазук, погибшие в Армении (*Хоренаци М.* История Армении. Кн. II. 50. С. 177). У Лукиана в диалоге «Токсарид» в том месте, где говорится об Алании и аланах, упоминается царский род царицы Мاستиры, вышедшей замуж за боспорского царя, и ее братья, очевидно, правители страны, так как они были крайне обеспокоены положением на Боспоре (Лис. Тох., 51. 30–35). Несмотря на то, что рассказ Лукиана очень противоречив, в нем отчетливо выделяются два пласта событий – эллинистический и римский, причем последний, касающийся алано-боспоро-скифских отношений, датируется не временем правления царей Рескупорида I и Савромата I²³, а третьей четвертью – серединой II в. н.э., когда после смерти Реметалка (царь Левканор у Лукиана) к власти пришел не законный сын и наследник Савромат II, а Евпатор, вероятно, его сводный брат (Евбиот у Лукиана)²⁴. Но для нас знаменательно, что с конца I в. н.э. и позднее аланам управляли братья-соправители. Очевидно, соправительство у аланов отражено в тексте энкомия, где употреблено выражение «царям аланов». Во всяком случае этот источник недвусмысленно дает понять, что попытки усматривать в аланах не племя, а аристократическую прослойку номадов типа военной касты, несостоятельны, ибо это определено сарматское племя, которое играло важную роль в политической жизни Северного Причерноморья в последней четверти I в. н.э. и имело своих цариц-вождей.

В стк. 5 бесспорно восстановление τύχη βα[σιλέως...]. Такое же выражение находим и в стк. 21. Самое первое упоминание «Счастья царя» на Боспоре встречается в известной надписи Хрисалиска, вельможи царя Асандра, из его резиденции на Таманском полуострове: «царь Асандр, счастье Хрисалиска»²⁵.

²¹ Фол А. Демографска и социална структура на Древна Тракия. София, 1970. С. 140–153; Сапрыкин С.Ю. Фракия как эллинистическое государство // МВѢЩА. Сборник научных трудов, посвященных памяти проф. В.Д. Жигунина. Казань, 2002. С. 252.

²² Ср., например: Акоюн А.А. Албания-Алуанк в греко-латинских и древнеармянских источниках. Ереван, 1987. С. 69; Берлизов Н.Е. Ранние аланы Северного Кавказа (по материалам катакомбных погребений III в. до н.э. – III в. н.э.). Автореф. дис. ... канд ист. наук. Л., 1990. С.14; Яценко С.А. Аланы в Восточной Европе в середине I – середине IV в. н.э. (локализация и политическая история) // ПАВ. 1993. 6. С. 86.

²³ См., например, Яценко. Аланы в Восточной Европе... С. 86; *он же*. Аланы и Рим в Северном Причерноморье в начале II в. н.э. // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и в средние века. Ростов-на-Дону, 1992.

²⁴ На такое развитие событий указывает свидетельство Лукиана, что аланские цари-соправители, братья Мاستиры, были крайне озабочены приходом к власти на Боспоре Евбиота/Евпатора, «который к скифам постоянно питает сочувствие, а к аланам вражду» (Лис. Тох., 51. 35–40). Им, вероятно, была бы более выгодна интронизация в Пантикапее Савромата, другого сына почившего монарха, который, если судить по имени, имел больше сарматских кровей и разумеется мог симпатизировать не тавро-скифам, а сарматам.

²⁵ Сокольский Н.И. Таманский толос и резиденция Хрисалиска. М., 1976. С. 40. Рис. 30.

На Боспоре традиция упоминать «Счастье царя» идет от клятвы понтийских Митридатидов, которые в святилище Мена-Фаранака в Америке произносили следующие слова: «Клянусь Счастьем царя и Меном Фарнака» (Strabo. XII. 3. 31)²⁶. Τύχη βασιλέως – это персонификация личного счастья царей, а обращение к счастью владык стало своего рода отражением их обожествленности и часто использовалось в идеологии крупнейших эллинистических монархий – Селевкидского царства и государства Птолемеев. Там богиня судьбы Тюхе выступала заступницей Селевкидов, в частности царей Селевка II и Деметрия I (SIG. 2693b; 3137. l. 61), а также царицы Береники, супруги Птолемея III²⁷. Поскольку события, в контексте которых в стк. 5 упоминается «Счастье царя,» происходили в правление Рескупорида I, то мы не исключаем возможности дополнить τύχη βα[σιλέως Ῥησκούλοριδος...] vel. Βα[σιλέως βασιλέων Ῥησκούλοριδος? ...] (ср. КБН. 980). В стк. 21 речь идет о царе Савромате I, последняя буква в строке явно *омикрон*, а не *омега*, так что здесь, по-видимому, уместно дополнять τύχη βασιλέως το[ῦ σύμπαντος Βοσπόρου Σαυρομάτου vel. Τιβερίου Ἰουλίου Σαυρομάτου], ср. КБН. 32, 44, 1048. Употребление данного выражения в конце I в. н.э. свидетельствует о пережитках митридатовских эллинистических традиций почитания царской власти, возможно, это отражает введение на Боспоре царского культа, уходящего корнями в эпоху эллинизма, когда еще царь Перисад I в конце IV в. до н.э. был объявлен богом, а позднее были обожествлены Аспург и Савромат I.

Итак, в 80-х годах н.э. территория Боспорского царства, очевидно, в основном азиатская его половина (если судить по энкомии, согласно которому чествуемый был тесно связан с племенами этой части царства) подверглась нашествию аланов. В результате какой-то битвы боспорское войско, состоявшее преимущественно из тяжеловооруженной пехоты, сумело отразить нападение и выиграть сражение с аланами. Это получило одобрение римлян и самого принцепса Домициана, вызвавшего в 92 г. н.э. к себе чествуемого, который командовал боспорцами и после смерти царя Рескупорида I мог стать регентом при молодом Савромате I, не достигшем еще совершеннолетия. Занятый на Дунае Домициан поручил Боспору в лице этого чествуемого деятеля выполнять функции защитника северо-восточных рубежей Римской империи против аланов и других кочевников, а также оберегать Херсонес и другие греческие города Крыма от тавро-скифов²⁸. Естественно, это способствовало подъему военного и политического могущества Боспорского царства, вследствие чего его правители получили большую свободу действий. Как результат, они стали ставить на монеты свое полное имя и титул, но это несколько не уменьшило их вассальной зависимости от Римской империи. Вся политика Боспора по-прежнему строилась на поддержке римлян и защите их интересов в Причерноморье.

²⁶ Сапрыкин С.Ю., Масленников А.А. Люди и их боги: религиозное мировоззрение в Понтийском царстве // Человек в античном мире. М., 1998. С. 413 сл.

²⁷ Gardner P. Countries and Cities in Ancient Art // JHS. 1888. IX. P. 73–79; An Obsession with Fortune. Tyche in Greek and Roman Art. Yale, 1994. P. 19–21; Champeaux J. Le culte de la Fortune dans le monde romain. II. Recherches sur le cult de la Fortune à Rome et dans le monde romain des origines à la mort de Cesar. Les transformations de Fortuna sous la République. P., 1987. P. 56; Summerer L., Atasoy S. Die Tyche von Amisos // AA. 2002. Hbd 1. S. 247 suiv. О Тюхе правителя Колхиды Аристарха см. Сапрыкин С.Ю. Аристарх Колхидский // Scripta Gregoriana. М., 2003. С. 247.

²⁸ Об озабоченности римских императоров отношениями с аланами и их стремлении заручиться поддержкой против них Боспора см. Levick B. Pliny in Bithynia – and What Followed // Greece and Rome. 1979. Vol. 26. P. 127–131.

Археологические материалы показывают, что в конце I в. н.э. укрепленные поселения северо-запада Таманского полуострова, расположенные здесь города Кепы, Патрей, Тирамба, Корокондама, укрепления на юго-восточной окраине в окрестностях Бат подвергаются разрушениям и пожарам. Время гибели крепостей относят либо к концу I в. н.э., либо к началу II в. н.э., точнее – к правлению царя Савромата I. Те же материалы показывают, что не позднее середины II в. н.э. эти поселения восстанавливаются и наследуют прежнюю планировку²⁹. Разрушения прослеживаются и на европейском Боспоре, где в это время гибнут ранний Илурат, Либкнехтовка, Андреевка Северная. В.П. Толстиков, опираясь на выводы Н.А. Фроловой, что в период между 102 и 108 гг. н.э. с медных монет Савромата I исчезает изображение римского кесаря, выдвинул предположение, согласно которому вследствие антиримских настроений жителей азиатского Боспора и сепаратистских устремлений самого царя римляне обязали Савромата I разрушить укрепленные поселения и крепости на Фанталовском полуострове и в других местах Боспорского царства³⁰. Действительно, в правление Рескупорида I и Савромата I некоторые признаки усиления царской власти на Боспоре в сторону возрождения эллинистических традиций и относительной самостоятельности по отношению к Риму прослеживаются, но это следствие того, что римляне сами переложили на боспорские власти обязанности контроля за ситуацией на Северном Кавказе и в Крыму. Этим они содействовали военно-экономическому подъему царства, возрождению и дальнейшему развитию военно-хозяйственных поселений на хоре, основы могущества боспорских царей. А из публикуемой надписи со всей очевидностью следует, что разрушения в городах и на сельской периферии имели место не в начале II в. н.э., а в 80-х годах н.э., при Рескупориде I, в результате нападения аланов, последствия которого надо было ликвидировать и побыстрее. Военная и победная символика на монетах Рескупорида I и его сына Савромата I, в том числе изображения крепостей, оборонительных стен и башен, говорят скорее за то, что эти правители не разрушали собственные укрепления, а деятельно старались восстановить и реконструировать их как можно скорее во имя своих, а главное на благо долговременных римских интересов, и, не исключено, на римские же деньги³¹. Этим они создава-

²⁹ Сокольский Н.И. Крепость на поселении Батарейка II // КСИА. 1967. 109. С. 114; он же. К истории северо-западной части Таманского полуострова в античную эпоху // VIe Conférence Internationale d'études classiques des pays socialistes. София, 1963. С. 18; он же. Крепость на городище у хутора Батарейка I // СА. 1963. 1. С. 183, 184; он же. Таманский толос... С. 113; Онайко Н.А., Дмитриев А.В. Сторожевые посты в окрестностях Бат и некоторые вопросы социально-экономической и политической истории юго-восточной окраины Боспора на рубеже н.э. // ВДИ. 1982. 2. С. 119–121; Античные государства Северного Причерноморья. М., 1984. С. 86–92. О разрушении поселений при Савромате I см. Сокольский Н.И., Стручалина Р.А., Голенко К.В. Третий Патрейский клад // АМА. 1974. 2. С. 93.

³⁰ Толстиков В.П. Неизвестные страницы истории Боспорского царства // Археология и искусство Боспора. СГМИИ. 1992. Вып. 10. С. 54–62; Требелева Г. Типы оборонительных сооружений на Боспоре в первые века нашей эры // ПИФК. 2001. XI. С. 134.

³¹ Ростовцев. Эллинизм и иранство... С. 161; Блаватский В.Д. Пантикапей. М., 1964. С. 165; Gajdukevič. Op. cit. S. 352; Горончаровский. Между Империей и варварами. С. 181–186; интересно предположение автора, что Рескупорид I одержал победы над сарматами на азиатской стороне Боспора и в честь этого назвал своего сына именем Савромат; о разрушении крепостей на Тамани аланами высказывался С.А. Яценко (Яценко. Аланы в Восточной Европе... С. 86; ср. Зубарь В.М. Северный Понт и Римская империя. Киев, 1998. С. 65).

ли надежный тыл против агрессивных кочевников, главным образом сарматов – аорсов, сираков, аланов. История Боспорского царства в первые века н.э. показывает, что только после укрепления северо-восточных и восточных рубежей его цари начинали полномасштабные военные действия в Таврике: так было во времена Аспурга (КБН. 39, 40), так произошло, согласно энкомию, при Савромате I, то же самое случилось при Савромате II в 193 г. н.э., когда после победы над сираками он совершил военный поход против тавроскифов (КБН. 1237). Поэтому, если следовать энкомию и относить гибель укрепленных поселений-катоикий ко времени нападения аланов при Рескупориде I, то надо признать, что точка зрения В.П. Толстикова не соответствует действительности. Ибо разрушения укреплений на азиатском Боспоре могли быть связаны с нападениями его сарматских соседей, а на европейском, например, раннего Илурата и других укрепленных поселений, с рейдом скифо-тавров или их союзников сарматов, воспользовавшихся осложнением обстановки на восточных окраинах Боспора.

Эпиграфические свидетельства подтверждают, что боспорские властители активно противостояли противникам по всему царству. О каком-то избавлении от опасностей при Рескупориде I повествуется в надписи из Пантикапея, так как члены одного из фиасов сделали посвящение Зевсу и Гере Спасителям (КБН. 76); во фрагменте надписи из некрополя Фанагории или Кеп говорилось, очевидно, о каком-то штурме при Рескупориде I, «взявшем» (ἐλόντοα) безымянный населенный пункт, возможно, одну из крепостей на Тамани, занятую неприятелем (КБН. 980); в надписи КБН. 1118 Рескупорид I назван благодетелем народа горгиппейцев, так как царь мог чем-то осчастливить их город, опять-таки устранив угрозу захвата его аланами. Война или войны с аланами и другими варварскими племенами, как и сопутствовавшие им разрушения на Северном Кавказе, произошли, по всей видимости, в последние годы правления Рескупорида I, о чем говорят его монетные серии (см. выше). Его сыну и наследнику Савромату I пришлось продолжать сражения, о чем свидетельствуют его монеты с победной символикой, а затем восстанавливать разрушенное, что показывают его надписи из Танаиса, Горгиппии, Фанагории, а также надпись его внука Реметалка из Гермонассы (КБН. 1052), в которых повествуется о реконструкциях оборонительных сооружений, ворот и башен после побед над аланами и скифами³². При этом, если ранее основу обороны царства составляли крепости-катоикии, то во II в. н.э. уже греческие города стали опорой его обороны. В этом просматривается определенное влияние Рима, что совсем не стыкуется с предположением о разрушении римлянами или под их давлением самим царем укреплений на Азиатском Боспоре. Напротив, археологические материалы убедительно указывают на проведение в конце I – начале II в. н.э. восстановительных работ на укреплениях хоры по всему царству. Если система крепостей на азиатском Боспоре была ориентирована на отпор сарматских племен с востока, то укрепленные поселения на европейском Боспоре были направлены преимущественно на отра-

³² Болтунова А.И. Греческие надписи из донских музеев // НЭ. 1965. V. С. 77; Сан-рыкин. Плиний Младший... С. 203; он же. Савромат I Боспорский. С. 90; Saprykine. Le roi Saurotase Ier... P. 47; см. также Блаватская Т.В. Фанагорийская надпись Савромата I // КСИА. 1976. 145. С. 92–97; Толстиков. Ук. соч. С. 54–65; Требелева. Ук. соч. С. 134 сл.

жение агрессии тавро-скифов и служили базой для организации походов вглубь Таврики³³.

Получив указания от Домициана и воспользовавшись временным умиротворением аланов, которым было определено наказание за войну с Рескупоридом I, чествуемый, как сказано в сткк. 13–15 энкомия, совершил поход через Таврику. О войне со скифами и о подчинении тавров говорится также в стк. 30. Трудно определить, имеется ли в виду одна и та же война или это два разных похода, но нам представляется, что это различные военно-политические акции. В сткк. 18–20 упоминается о том, что во время подготовки к походу в Таврику чествуемый заручился клятвами в верности со стороны царей тех племен, которые, как следует из предыдущих строк, собирались заключить соглашения с аланами (стк. 19–20: *παρὰ τῶν βασιλέων πίστ[εις καὶ τὰ ὄρκια λαβεῖν?]*, ср. *πίστιν καὶ ὄρκια ποιέεσθαι*, что означает заключить договор о доверии друг к другу, скрепленный клятвами в верности – Herod. IX. 92; Hom. II. 3. 269). Под этими «царями» могли подразумеваться цари тавро-скифов или сарматов, которые, как явствует из элогия Тиберия Плавтия Сильвана и одной херсонесской надписи, подошли к Херсонесу и были от него отогнаны римлянами (CIL. XIV. 3608; ср. IOSPE. I, ed. 2. 369). Тот факт, что, находясь в Херсонесе, чествуемый не военным, а дипломатическим путем отвратил «царей», очевидно, тавро-скифов и сарматов, от намерения заключить соглашение с аланами, свидетельствует о сохранении Скифским царством в Крыму некоторой самостоятельности и права вступать в договоры и союзы. Это значит, что скифы и тавры не были покорены боспорцами, а признавали их политическое господство и свою вассальную зависимость. Чтобы понять причину такого положения соседей Боспора, надо вернуться назад и проследить, как развивались отношения крымских скифов с Боспором, Римом и Херсонесом.

После того как при Аспурге в первой четверти I в. н.э. скифы и тавры были подчинены (КБН. 39; 40), но сохраняли самостоятельность в делах и союзах, будучи, правда, клиентами Боспорского царства³⁴, они могли несколько ослабить

³³ Горончаровский В.А. Греко-скифские взаимодействия на территории европейского Боспора в I–III вв. н.э. // Проблемы истории Крыма. Симферополь, 1991. Вып. 1. С. 39; на многих крупных укрепленных поселениях европейского Боспора, таких как Новоотрадное, Артезиан, Михайловка, Придорожное, Багерово Северное, Темир-гора, Либкнехтовка и других прослеживаются следы разрушений в конце I в. н.э. и в то же время остатки довольно значительных перестроек на рубеже I–II вв. н.э. (Масленников А.А. Эллинская хора на краю Ойкумены. М., 1998. С. 234; он же. Сельские поселения европейского Боспора (Некоторые проблемы и итоги исследований) // БИ. 2001. Вып. 1. С. 97). Налицо попытка укрепить обороноспособность Европейского Боспора перед угрозой со стороны тавро-скифов и проникавших в Таврику сарматов, а также желание создать базу для расширения боспорского влияния в Крыму.

³⁴ В.М. Зубарь полагает, что Аспург не подчинил всех тавров и скифов Крыма, а ограничился включением в свое царство лишь тех из них, которые обитали в окрестностях Феодосии (Зубарь В.М. Херсонес Таврический и население Таврики в античную эпоху. Киев, 2004. С. 139, 140). Глагол *ὑποτάσσω* в надписях КБН. 39, 40 означает «подчинять, помещать ниже, т.е. ставить что-то на второе место, относить, причислять», что действительно не показывает полного подчинения Скифского царства в Крыму Боспору (см. Виноградов. Очерк... С. 154, 155). Но ведь Аспург и не покорял тавро-скифов, чтобы полностью интегрировать их в свое царство, а только ограничился водворением в Неаполе своего ставленника или ставленников (Раевский Д.С. К истории скифо-греческих отношений (II в. до н.э. – II в. н.э.) // ВДИ. 1973. № 1. С. 114–120; Виноградов. Очерк... С. 155). Это подразумевает большую долю самостоятельности скифских царей, о чем свидетельствует дар, вероятно, дипломатический, тарелки Гипеппири, поднесенной этим царям (или царю) в 37–38 гг. н.э. (Пуздровский А.Е. Политическая история Крымской Скифии во II в. до н.э. – III в. н.э. // ВДИ. 2001. № 3. С. 102).

свою зависимость от боспорских правителей во время римско-боспорской войны 45–49 гг. н.э. Как результат, усилилось их давление на Херсонес, обусловленное также передвижениями сарматских племен в междуречье Днепра и Дона. После того, как скифо-тавры и сарматы вторглись во владения херсонесцев, но в середине 60-х годов н.э. были вынуждены под ударами римлян покинуть их пределы, Римская империя взяла под контроль бывшую хору Херсонеса до Сакской пересыпи и южное побережье Таврики в районе Харакса. Однако у скифов осталась большая часть их прежней территории в Предгорном и Центральном Крыму, доходившая до северной стороны современной Севастопольской бухты. Как только в 80-х годах н.э. из-за обострения обстановки на Дунае Домициан вывел свои войска из Крыма, а Боспор подвергся нападению аланов, тавро-скифы осуществили рейд в Восточную Таврику и разрушили укрепления на царской хоре Боспора. Но Боспорское царство добилось важной победы над аланами. Отражением этих событий стала, очевидно, серия медных монет с победными типами, выпущенная Рескупоридом I в конце его правления. Очень показательна монета с изображением царя, поставившего ногу на пленного варвара (рис. 2, 1), варвара на коленях, трофеем на аверсе и венком на реверсе (Анохин. Монетное дело Боспора. 379, ср. 377 – тип: курульное кресло – венок). Если вспомнить, что за победу над сарматами в конце 80-х годов н.э. Домициан поднес венок храму Юпитера Капитолийского (см. выше), то его вассал Рескупорид I мог в это время сделать то же самое за победу над аланами или скифо-таврами, тем более что в Пантикапее имелся пятиколонный храм Юпитера Капитолийского (см. Анохин. Монетное дело Боспора. № 370–372). Нельзя исключать, что на монете боспорского царя отражена победа его покровителя, римского императора, над сарматами, также врагами Боспора. Когда же чествуемый в энкомии деятель, внесший немалый вклад в эту победу, был принят у императора, а цари аланов наказаны за дерзость, после чего Боспор получил право протектората над владениями херсонесцев, да и над всей Таврикой, их цари пошли на сближение с владыками Боспора. Они заключили с Боспором договор о доверии, что было достигнуто усилиями чествуемого, и разрешили проход боспорского войска, предводительствуемого им же, в Херсонес. Однако, чувствуя, что аланы усмирены лишь временно, цари тавро-скифов решили пойти на союз с их вождями. Разумеется, подобное развитие событий было крайне опасно для Боспора и римлян, но римляне были далеко. Поэтому чествуемый в энкомии, применив всю свою дипломатическую смекалку, сумел не допустить заключения союзного договора аланов с тавро-скифами и, возможно, с сарматами-аорсами.

Почему именно Херсонес был выбран боспорцами, чтобы добиться срыва этого соглашения? Это объясняется тем, что император поручил боспорским властям опекать город и его хору после ухода римлян из Таврики, восстановив, очевидно, действие херсонесско-боспорского оборонительного союза. А главное – это сложившаяся в степях между Днепром и Доном новая этнополитическая ситуация, которая накладывала отпечаток на отношения Боспора и Крымской Скифии. К 60-м годам н.э. отдельные аланские племена уже доходили до Дуная (Sen. Thyestes. 630), а ко времени Плиния Старшего они уже обитали к северу от этой реки по соседству с роксоланами (Plin. IV. 80). Давление аланов на роксоланов и аорсов приводило к перемещениям кочевников и усиливало их грабительские нападения на римские границы в Подунавье. Эти передвижения затрагивали языгов, западных соседей Дакии и Паннонии, и роксоланов, обитав-

ших к востоку от этих римских провинций³⁵. Такое положение тревожило Домициана и заставило его пристально следить за событиями алано-боспорских войн. Сарматские памятники на юге Украины и в Молдове имеют в I – начале II в. н.э. отчетливые следы пребывания племен аланского союза: это погребения в курганных могильниках с преобладанием южной ориентировки, меотская и северокавказская керамика, фибулы и бронзовые колокольчики, наборы фаянсовых плакеток-скарабеоидов³⁶. Анализ погребальных комплексов сарматов показывает, что миграция новых орд кочевников-аланов началась около середины I в. н.э., ей предшествовало уничтожение ряда более ранних могильников в Подонье, что свидетельствует о массовых передвижениях сарматских племен на запад³⁷. Одна из волн этих миграций прокатилась по Боспору, по крайней мере по азиатской его половине, что нашло отражение в энкомии. Одновременно во второй половине I в. н.э. начинается усиленное проникновение в Крым сарматских племен. Эти варвары под архаическим названием «савроматы», если верить фрагменту херсонесского декрета (IOSPE. I, ed. 2. 369), совершали набеги на хору этого полиса вместе с тавро-скифами. Поэтому существует предположение, сейчас, после обнаружения энкомия, вполне оправданное, что скифы достигли соглашения с аланами о совместном проживании в Северо-Западном Причерноморье и отчасти в Таврике. Ряд воинских погребений конца I в. н.э. в Неаполе Скифском с ярко выраженными алано-сарматскими чертами, и среди них так называемое «погребение аланского военачальника», убедительно показывают возможность совместного проживания и военных акций скифо-тавров и сарматов, включая проникавших в Таврику аланов³⁸. На реальность такого союза намекают слова вышеозначенного херсонесского декрета ...]ν καὶ Σαυρομάτων καὶ σ[υ?.....], в лакунах которого могли упоминаться тавры и скифы.

Все это недвусмысленно указывает на вполне реальную возможность соглашения скифов Таврики и аланских кочевников. В таком случае непосредственная опасность угрожала в первую очередь Херсонесу, очевидно, согласившемуся с римским планом опеки над ним Боспора и оттого пригласившим к себе чествуемого в энкомии боспорского полководца вместе с войском. Опасность от такого сближения грозила и самому Боспору, испытывавшему давле-

³⁵ Кулаковский Ю.А. Избранные труды по истории аланов и Сарматии. СПб., 2000. С. 66, 67.

³⁶ Симоненко А.В. Связи сарматских племен Поднепровья и Подонья в I в. н.э. // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Ростов-на-Дону, 2003. С. 39; Шукин М.Б. Некоторые замечания к вопросу о хронологии Зубовско-Воздвиженской группы и проблеме ранних алан // Античная цивилизация и варварский мир. Ч. 1. Новочеркасск, 1992. С. 117; Раев Б.А., Яценко С.А. О времени первого появления аланов в Юго-Восточной Европе // Скифия и Боспор. Новочеркасск, 1993. С. 121; Яценко. Аланы в Восточной Европе... С. 83–86; Габуев Т.А. Ранняя история алан. Владикавказ, 1999. С. 69–71.

³⁷ Симоненко А.В. Соотношение ранне- и среднесарматской культур в Северном Причерноморье // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. Вып. 2. Самара, 2000. С. 194–198; Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Саратов, 1990. С. 204–211.

³⁸ Пуздровский А.Е. Очерк этносоциальной истории Крымской Скифии во II в. до н.э. – III в. н.э. // ВДИ. 1999. № 4. С. 108–110; Высотская Т.Н. Неаполь – столица государства поздних скифов. Киев, 1979. С. 202; Зубарь. Херсонес Таврический... С. 143–147; см. также Пуздровский. Политическая история Крымской Скифии. С. 104–106; Туаллагов А.А. Сарматы и аланы в IV в. до н.э. – I в. н.э. (Основные проблемы этногенеза и этнополитической истории). Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Владикавказ, 2002. С. 16.

ние скифо-тавров и пережившему недавний конфликт с аланами. Под угрозой ставился и римский план защиты Херсонеса и в конечном итоге всего Крыма, поэтому боспорский полководец поспешил в Таврику и развил там дипломатическую активность по недопущению опасного сближения аланского союза и тавро-скифов. Из слов надписи следует, что он преуспел в этом, но, возможно, временно. Во всяком случае Скифское царство в Крыму осталось пока под влиянием боспорского протектората.

В стк. 15 заслуживает внимания выражение *καταλείπων μείζονα*. Глагол *καταλείπω* в своем первом значении переводится как «оставлять, покидать, сохранять, сберечь», и лишь во втором как «передать» (LSJ s.v.). В энкомии оно может означать, что чествуемый, покинув ставку более высокого, нежели боспорский царь, правителя, т.е. императора Домициана (в тексте явная парентеза *μέγιστον* > царь Савромат, *μείζονα* > император Рима), отбыл с отрядом в Таврику и прибыл в Херсонес. Это объясняется благорасположением в то время крымских варваров к Боспору, поскольку чествуемый до похода взял с их царей клятвы на верность. Поход через Таврику планировался как дипломатическая и лишь во вторую очередь как военная акция.

О дате похода можно судить по замечанию автора энкомии: восхваляемый оказал содействие «нынешнему владыке Великому царю Савромату». Значит поход происходил не ранее 93 г. н.э., когда Савромат I вступил на престол. Скорее всего данная акция имела место в 90-х годах н.э. и, очевидно, до убийства Домициана в 96 г. н.э., поскольку автор энкомии напрямую связывает ее с посещением чествуемым ставки этого принцепса. На такую дату косвенно указывает последующий пассаж энкомии о том, что наш герой, пышно величаемый «Великим», приложил для успеха этого дела серьезные старания.

В связи с тем, что титул «друг цезаря и друг римлян» молодой Савромат I получил не сразу, а только ок. 97 г. н.э. (см. КБН. 42, 43), и был соответственно утвержден Римом не раньше этого времени, можно предполагать выполнение чествуемым обязанностей регента до 96/97 г. н.э. Монеты Савромата с царским титулом и портретом Домициана, которые он чеканил с 93 г. н.э., не препятствуют такому заключению, поскольку показывают, что он лишь наследовал трон у отца и был признан римлянами, но окончательно утвержден ими как царь Боспора не был. Получению титула *φιλόκαισαρ καὶ φιλορώμιλος* = *amicus Caesaris principis Romani* предшествовало заключение договора о дружбе с Римской империей, а царю Боспора предоставлялись знаки чести – курульное кресло, венок, скипетр с бюстом императора, щит и копье как символы власти. Монеты с курульным креслом чеканились обычно в первые годы вступления царя на престол³⁹. Однако в начале правления Савромата I мы видим только одну золотую монету от 93 г. н.э., выпущенную при Домициане, все остальные чеканились уже при Нерве и Траяне с 96 г. н.э. На медных монетах 93–98 гг. н.э. можно видеть только портрет, имя и титул самого царя, портрет Домициана, Нику, венок, бюст богини, городские ворота с фигурой пленного (рис. 2, 2, 7) – отражение побед в войнах с аланами, может быть еще при его отце Рескупориде, и военно-политических успехов в Таврике в начале последнего десятилетия I в н.э., достигнутых усилиями воспитателя царя. И лишь на монетах второй серии (98–103 гг. н.э.) на лицевой стороне появляется бюст Траяна с его именем и титулом, а на обороте царь, восседающий на курульном кресле или само кресло, скипетр, щит

³⁹ *Надэль Б.И.* Боспорская надпись IOSPE II. 33 // ВДИ. 1948. № 3. С. 212; *Цветева. Ук. соч.* С. 27; *Фролова.* Монетное дело Боспора. С. 142.

с копьем⁴⁰. Это доказывает получение Савроматом I знаков царского достоинства от римлян, что открывало для него возможность ставить на них легенду ΤΕΙ-ΜΑΙ ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΣΑΥΡΟΜΑΤΟΥ, как и заключение с ними договора, позволившего ему величать себя «другом цезаря и другом римлян», не ранее вступления на престол Траяна. Что препятствовало этому раньше, неясно, возможно, политический кризис в самом Риме, заговор и убийство Домициана, переход власти к Нерве, а затем к Траяну, а быть может, несовершеннолетие царя, почему и дела на Боспоре вел его воспитатель-регент, чествуемый в нашем энкомии. Но во всяком случае, договор с Савроматом I и его официальное утверждение начал оформлять Нерва, а завершил процедуру уже новый император Траян. Следовательно описанные в энкомии события, происходившие в Херсонесе, могли случиться в самом начале правления молодого боспорского царя – в первой половине 90-х годов н.э.

В сткк. 22–29 восхваляются достоинства чествуемого как воспитателя (и регента?) царя Савромата I. Автор энкомия сравнивает его с кентавром Хироном, воспитавшим героя Ахилла, тем самым уподобляя молодого царевича прославленному герою Троянской войны, а его воспитателя возвеличивая за образ мыслей, благородство, почтение и заботу к подданным, которые он внушил будущему царю, ставшему Великим, как герой Ахилл. Здесь же отмечается, что чествуемый считал воспитанника-царя своим господином (стк. 26: κύριος), мифическими предками которого являлись Посейдон и Геракл. Это верноподданническое отступление, слегка затмевающее даже подвиги чествуемого в энкомии деятеля, показательно тем, что в нем отражены эллинистические традиции, сохранявшиеся при дворе боспорских царей в римскую эпоху.

Во-первых, это обращение к известному эллинскому мифу о воспитании Ахилла. В нем говорится, что мать его, Фетида, стремясь сделать своего сына неуязвимым и бессмертным, днем натирала амброзией, а по ночам закаляла огнем. Увидев это, отец героя, Пелей, выхватил Ахилла из рук матери. Оскорбленная Фетида покинула мужа и скрылась на дне моря у своего отца Нерея. Пелей же отдал сына на воспитание к кентавру Хирону, в пещере которого ранее сыграл свадьбу с Фетидой и многие олимпийские боги, в том числе Посейдон, одарили их разнообразными подарками. Мудрый кентавр выкормил Ахилла внутренностями диких зверей, обучил игре на кифаре и пению, охоте на львов и диких кабанов, быстроте и легкости бега, который помогал герою догонять оленей без помощи собак⁴¹. Во-вторых, упоминание Геракла и Посейдона среди предков царя, что стало официальной идеологией и отразилось в царской титулатуре с правления Рескупорида I, отца Савромата (см. КБН. 980, 1048), и позднее (КБН. 53). Эта тенденция восходит еще к Спартокидам, считавшимися потомками Евмолпа, сына Посейдона, позднее ею воспользовался Митридат VIII. Чтобы открыто обосновать независимость от римлян, он помещал на монеты трезубец Посейдона и палицу Геракла (*Анохин*. Монетное дело Боспора, № 330).

⁴⁰ *Анохин*. Монетное дело Боспора. С. 154–157; *Фролова*. Монетное дело Боспора. С. 120–124: изображение городских ворот на меди Савромата I близко такому же изображению на монетах Рескупорида I, следовательно медь первой группы Савромата могла отражать победу в войне с аланами при его отце, когда прославился воспитатель молодого царевича, командовавший боспорским войском.

⁴¹ Миф об Ахилле, Хироне и Пелее см. у Гомера (II. XVI. 140–145) и Аполлодора (III. 13. 6). Хирон был гиппокентавром, воспитателем многих героев, в том числе Геракла, он жил в пещере в Фессалии, тренировал Ахилла и обучал его стрельбе из лука, посадил к себе на конскую спину (*Westermann A. Mythographi Graeci. Brunsvigae, 1843. P. 365; Graves R. Les mythes grecs. P., 1967. P. 499*).

Возвращение к этой генеалогической легенде при Флавиях стало следствием некоторой самостоятельности Боспора по отношению к Риму, когда при Рескупориде I на монетах появляется полная легенда и имя царя, сменившие невыразительную монограмму. Но не вызывает сомнений, что легенда снова вошла в обиход не без разрешения римлян, предоставивших боспорцам при Домициане большую свободу действий⁴².

Сравнение правящего царя с греческим героем, ставшим бессмертным за свои деяния, примененное автором энкомия, выдает его прямое отношение к придворной историографии, предназначением которой было создавать и внедрять в сознание подданных культ обожествленного властителя, возвеличивая его дела и обосновывая мифологическими подробностями. Отождествление царя с Ахиллом, а его воспитателя или регента с Хироном живо напоминает стиль придворных историографов Митридата Евпатора. Согласно его биографам, воспитание царя в горах на лоне дикой природы якобы закалили его тело и дух, сподвигнув на великие деяния⁴³. Близкие черты имеются в сочинениях придворных историков Александра Македонского⁴⁴. Отголоском существования на Боспоре местной школы историков является рассказ Диодора о междоусобной войне сыновей Перисада I, а также отдельные пассажи о правлении Евмела, Археанактидов и ранних Спартокидов⁴⁵. Вполне возможно, что традиции историко-философского описания событий в Боспорском царстве, заложенные в эпоху эллинизма, сохранялись и были продолжены в римское время историками, творившими при дворе Тибериев Юлиев. Косвенно на это указывает сильно переработанный римскими новеллистами рассказ о Боспоре, скифах и аланах в Лукиановом диалоге «Токсарид», явно восходящий к какой-то местной традиции. Вполне возможно, что усилиями боспорского историка, работавшего при дворе царя, был составлен энкомий неизвестного по имени деятеля, жившего при Рескупориде I и Савромате I и бывшего одно время регентом при последнем.

Из некоторых фраз можно составить представление об этико-философских воззрениях автора энкомия. Это тема счастья и судьбы, очень популярная в литературных и философских кругах в эпоху ранней Римской империи. В тексте

⁴² Цветаева. Ук. соч. С. 18; Шелов. Римляне... С. 58; Блаватская. Фанагорийская надпись... С. 95; Толстиков. Ук. соч. С. 55; Сапрыкин. Царь Савромат I Боспорский. С. 93; Saprykine. Le roi Sauromace Ier... P. 50; Сапрыкин. Плиний Младший... С. 203; Фролова. Монетное дело Боспора. С. 83.

⁴³ Об этом см. McGing B. The Foreign Policy of Mithridates VI Eupator, King of Pontus. Leiden, 1986. P. 43–46: традиция об обучении царя на лоне дикой природы охоте и назидничеству отражает греческую и иранскую систему воспитания молодых монархов в эпоху эллинизма; эта традиция применительно к юному Митридату восходит к биографии царя, составленной придворным историографом (Сапрыкин С.Ю. Природные катастрофы и явления в идеологии Митридата Евпатора // ВДИ. 1997. № 3. С. 89; Saprykin S. Naturkatastrophen und Naturerscheinungen in der Ideologie des Mithridates Eupator // Stuttgarter Kolloquium zur Historischen Geographie des Altertums 6, 1996. Stuttgart, 1998. S. 396 suiv.).

⁴⁴ Официальным придворным историографом Александра был Каллисфен, который стремился создать образ царя как греческого героя, пользовавшегося покровительством богов, а его сочинение было своего рода риторическим энкомием Александра (Hamilton J.R. Plutarch. Alexander. A Commentary. Oxf., 1969. P. 53; Маринович Л.П. Греки и Александр Македонский. М., 1993. С. 26).

⁴⁵ Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. Л., 1925. С. 125 сл.; Жебелёв С.А. Источники для изучения истории античной культуры Северного Причерноморья // АГСП. С. 9; Сапрыкин С.Ю. Греческие государства в Причерноморье // Источниковедение Древней Греции (эпоха эллинизма). М., 1982. С. 189. См. также Блаватский В.Д. Античная археология и история. М., 1985. С. 203–207; Струве В.В. Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии. Л., 1968. С. 150.

надписи неоднократно говорится о счастье царя, которое тот обрел благодаря бескорыстной и верной службе усопшего, оно возвеличивало его и помогало в военных и государственных делах (сткк. 21–22). Победы над варварами изменили их дикий и необузданный нрав, они боялись посланной им в лице чествуемого судьбы, прислушивались к его слову победителя, т.е. склонились перед неизбежностью рока. В это понятие автор энкомия вкладывает обращение войны на пользу мира, а убеждение и слово ставит на первое место по сравнению с войной и силой. За это и за свою службу восхваляемый достоин любви, ибо доблесть сохранила для него счастье в полной мере со всеми милостями, а также расположение царской власти, что также делало человека счастливым (сткк. 31–33, 39–43). В надписи просматривается определенная доброжелательность к варварам. По мысли автора энкомия, сам восхваляемый действовал подобным же образом и оттого его слово для варварских народов, подданных Боспора, было законом (сткк. 29–35). Он умело пользовался тем, что предоставила ему судьба, и учил этому царя Савромата. Налицо приверженность автора энкомия к стоикам, выведившим на передний план силу духа человека, добродетели и доброту, отвагу, милость к побежденным, благожелательность, любовь и интерес к варварам, которых надобно привлекать к ценностям греко-римской цивилизации. Стоицизм в императорское время был особенно популярен у авторов сочинений о деяниях великих личностей вроде Александра Македонского, Митридата Евпатора, Юлия Цезаря, Агриппы и других. В римской риторической литературе часто разрабатывались проблемы доблести и удачи на примере великих людей⁴⁶. Эта тенденция также имеется у автора надписи о деяниях воспитателя или опекуна царя Савромата, что ставит его в ряд последователей этой школы историков.

Особенный интерес вызывает фраза в стк. 29: ἀλλὰ κ[αί...]νον αὐτῶι προθεῖς μελέτην ἐπὶ Ψεχανοῦς [...]). Псеханы, скорее всего, тождественны псессам, которые упоминались в титулатуре Спартокидов еще в IV в. до н.э. Впервые псессы были включены в нее при Левконе I, после того как он подчинил Синдику, поэтому они названы там вместе с синдами, дандариями, торетами (КБН, 6, ба, 1037, 1038)⁴⁷. Это недвусмысленно доказывает их местоположение на азиатском Боспоре по-соседству с синдами. Из сообщения Стефана Византийского, которое основано на сведениях Аполлодора, можно заключить, что псессы жили недалеко от Боспора (Steph. Byz. s.v. Ψήσοι). Птолемей говорит, что они располагались за сиракинами (сираками) между Меотидой и Иппийскими горами (Ptol. V. 9. 17)⁴⁸. Их, очевидно, следует локализовать в районе так называемой Псои, которая была размежевана на участки-клеры при Евмеле, когда

⁴⁶ Об основных положениях греко-римского стоицизма см. *Асмус В.Ф.* Античная философия. М., 1976. С. 453–465; *Богомолов А.С.* Античная философия. М., 1985. С. 287: условие нравственного поведения – невозмутимость духа, совесть – награда за добродетельные поступки. Эти положения стоицизма Сенеки прослеживаются в тексте боспорской надписи, что подтверждает приверженность автора энкомия к римским стоикам. О римской биографической литературе, навеянной стоическими представлениями см. *McQueen E.I.* Quintus Curtius Rufus. Latin Biography. L., 1967. P. 33; о римской риторической литературе см. *Дуров В.С.* Художественная историография Древнего Рима. СПб., 1993. С. 90.

⁴⁷ *Власова Е.В.* Фрагмент посвяtitельной надписи из Нимфея // *Hypoboreus*. 1994/1995. 1/2. С. 135; *Соколова О.Ю.* Новая надпись из Нимфея (Предварительное сообщение) // ДБ. 2001. 4. С. 368 сл.; *Соколова О.Ю., Павличенко Н.А.* Новая посвяtitельная надпись из Нимфея // *Hypoboreus*. 2002. 8/1. С. 99–121.

⁴⁸ Плиний называет в числе меотов неких gnissi, коих пытаются отождествлять с псессами (Plin. VI. 7. 19), см. *Латышев В.В.* ПОНТИКА. СПб., 1909. С. 66.

он в 309 г. до н.э. переселил на Боспор тысячу каллатийцев, бежавших во время осады Лисимахом их города (Diod. XX. 25: $\Psi\acute{o}\sigma\sigma\upsilon\iota$ καὶ $\chi\acute{\omega}\rho\sigma\sigma\upsilon\iota$). $\Psi\acute{\eta}\sigma\sigma\upsilon\iota$ = $\psi\epsilon\chi\alpha\sigma\sigma\upsilon\iota$ и Псоя – этногеографические понятия азиатской части Боспора и Северного Кавказа, что подтверждает основа этих слов, соответствующая адыгейским лексемам – *ис*, *-исы*, которые означают «река», «вода». Их включает ряд названий рек в совр. Краснодарском крае в районе Восточной Меотиды: $\Psi\acute{o}\sigma\tau\iota\varsigma$ – совр. р. Протока или Ангелинский ерик, впадающая в Азовское море северо-восточнее Кубани (Ptol. V. 8. 2)⁴⁹, $\Psi\acute{o}\chi\alpha\sigma\tau\iota\varsigma$ – река в земле зигов (Ps.-Ag. Perip. 58), т.е. к югу от Новороссийска, возможно, в районе Туапсе; р. Псоу на современной границе России и Абхазии. Эти названия объединяются одним корнем – адыгейским *исыхе* – «низовье», *исыгу* – «середина воды», «остров», *исухо* – «речная долина», *исыиу* – «побережье». Одного с ними корня и такое этногеографическое понятие как Алсны > Алсила, Алсила – древнее обозначение Абхазии. Это связывает псессов с синдо-меотскими племенами и с более поздним автохтонным населением Северного Кавказа, родственным адыгам и абхазам, карачаево-черкесам (керкетам древних писателей).

После Левкона I псессы исчезают из титулатуры боспорских династов, поэтому Перисад I называл себя «царем синдов и всех меотов и фатеев» (см. КБН. 1015 и др.). Было выдвинуто предположение, что во второй половине IV в. до н.э. псессы вышли из подчинения Боспору⁵⁰, хотя скорее всего их исчезновение из титулатуры тиранов вызвано ее упрощением после подчинения всей Синдики и большей части Меотики, когда незначительные синдо-меотские племена просто скрывались под выражением $\kappa\alpha\iota$ Μοῦτῶν πάντων ⁵¹. Много позже при Аспурге псессы вместе с синдами, меотами, торетами, тарпитами и танаитами вновь попадают в титулатуру царя «всего Боспора и Феодосии» (КБН. 39, 40), что говорит о некотором изменении их статусного положения в государстве. Включение псессов в разряд «всех меотов» могло быть результатом расширения хоры Горгии при Евмеле, когда он размежевал на участки область расселения псессов – Псою в связи с поселением каллатийцев в Горгии. После падения Спартокидов и перераспределения полисной земли за счет увеличения царских земельных доменов при Митридатах и их преемниках, земли псессов попали в разряд царских и они, как и другие синдо-меотские племена, стали управляться этнархом (Асандр, как известно, до того как стать архонтом, а затем царем Боспора, являлся одним из этнархов-«начальников» племени или группы племен). Это потребовало включить некоторые племена в царскую титулатуру.

Что произошло с псессами после Аспурга, мы не знаем, как не знаем и то, какую позицию они заняли в римско-боспорской войне при Митридате VIII. «Псаханы» появляются в надписях только в конце I в. н.э. при Савромате I. Этноним Psaccani > $\Psi\epsilon\chi\alpha\sigma\sigma\upsilon\iota$ засвидетельствован в Певтингеровой таблице в области близ Меотиды в районе Фанагории приблизительно во II–III вв. н.э. Некоторые полагают даже, что псаханы обитали на обширных пространствах между Волгой и Доном где-то в районе Маныча. По данным Певтингеровой карты они

⁴⁹ Яйленко В.П. Ольвия и Боспор в эллинистическую эпоху // Эллинизм: экономика, политика, культура. М., 1990. С. 298; Зубарев В.Г. Северное Причерноморье в историко-географической концепции Клавдия Птолемея. Тула, 1998. С. 79.

⁵⁰ Каллистов Д.П. Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи. Л., 1949. С. 219, 220.

⁵¹ Gajdukevič. Op. cit. S. 72; Молев Е.А. Политическая история Боспора VI–IV вв. до н.э. Нижний Новгород, 1997. С. 86; Тохтасьев С.Р. Боспор и Синдика в эпоху Левкона I (Обзор новых эпиграфических публикаций) // ВДИ. 2004. 3. С. 167: очень путанно и многословно о том, что уже говорилось ранее, проще и более убедительно; недоумение вызывает отсутствие ссылок на выводы других исследователей о том же, о чем высказывается автор.

сосуществовали с аспургианами и танаитами, но это не позволяет распространять ареал их расселения столь широко. Очевидно, псеханы занимали области в юго-восточной части Меотиды⁵². Можно лишь догадываться, что это название племени, тождественного псессам, хотя нельзя исключать, что это разные, но близкие по происхождению племена. В надписи из Гермонассы читаем: «(Статую) происходящего от Посейдона и Геракла, великого царя царей всего Боспора Тиберия Юлия Савромата, сына царя Рескупорида, друга цезаря и друга римлян, благочестивого, совершившего поход против псеханов ([στρατεύσ]αντα <τα> κατὰ Ψεχανῶ[v...]), своего бога и спасителя, посвятил по обету ... сын Диофанта, пантикапеец» (КБН. 1048). На основании этого документа (а точнее взятого в скобки дополнения) В.П. Яйленко дал реконструкцию и трактовку трех фрагментарных фанагорийских надписей с упоминанием титулатуры Савромата I: в одной, найденной еще в 1973 г., он восстанавливал [τὸν ἄπο Ποσειδῶνος καὶ Ἄφ' Ἡρακλέους βασιλέα βασιλέων μέγαν Τι]βέριον [Ἰούλιον Σαυρομάτην, υἱὸν βασιλέ]ως Ῥη[σκούροιδος...] Ψεχα[νῶν...]; КБН. 980, которую ранее относили к Рескупориду I, он посчитал поставленной в честь Савромата I в ознаменование какой-то военной кампании, на что указывает слово ἔλόντα; КБН. 981, которую ее комментаторы, ссылаясь на Б.Н. Гракова, датировали временем Савромата I, он на основе дополнения στρα[τεύσαντος...] связал с фанагорийскими и гермонасской надписями, в том числе сына Диофанта, и пришел к выводу, что все они поставлены вследствие победоносного похода царя Савромата I против псеханов, состоявшегося ок. 105–106 гг. н.э. после их нашествия на азиатский Боспор. Таким образом, с его легкой руки закрепилось мнение, что псеханы были враждебным Боспору племенем, которое появилось в его пределах из Адыгеи, вероятно, под давлением аланов⁵³.

Из всех надписей с упоминанием псеханов⁵⁴ подробно об их отношениях с Савроматом I говорят только гермонасская (КБН. 1048) и пантикапейская с текс-

⁵² Tab. Reut. VIII. 3–4; Подосинов А.В. Восточная Европа в римской картографической традиции. М., 2002. С. 354.

⁵³ Яйленко В.П. Материалы по боспорской эпиграфике // Надписи и языки древней Малой Азии, Кипра и античного Северного Причерноморья. М., 1987. С. 45–49; он же. Поход Савромата I на азиатский Боспор // Эпиграфические памятники и языки древней Анатолии, Кипра и античного Северного Причерноморья. М., 1990. С. 216–220; Болгов Н.Н. Закат античного Боспора. Белгород, 1996. С. 27; Левченко Н.В. Эпизод правления Савромата I // Древнейшие государства Восточной Европы. М., 1999. С. 209–213; Анохин. История.... С. 146; Русяева А.С., Зубарь В.М. Боспор Киммерийский: история и культура. Николаев, 1998. С. 73; Подосинов. Ук. соч. С. 354.

⁵⁴ К памятникам, упоминающим псеханов, Н.В. Левченко (Ук. соч. С. 211) предлагает добавить надпись из Танаиса (КБН. 1240 – по копии Грефа: Βασιλεῖ...τὴν εἰκ[όνα ἀνέστησεν] Ἐπιτυγ/χάνων [τοῦ δεινός... / ὁ ἐπὶ τοῦ... / Ἐπὶ τῶι [...ἔτει]), которую читает так:

[Ἀγαθῆι τύχηι. Τῶι ἐκ προγόνων βασιλέων]

1. βασιλεῖ, μ[εγάλωι Τι]β. Ἰουλίωι Σαυρομά-]

τη νεική[σαντι στρατεύμα τὸ κατὰ Ψε-]

χάνων [ἀνέστησεν.....]

ὁ ἐπὶ τοῦ.....

5. Ἐν τῶι.....

Реконструкция безусловно интересная, но спорная, так как от камня остался лишь небольшой фрагмент левой половины и неизвестно, сколько букв утрачено справа. Настораживает отсутствие патронимика и развернутого титула царя. Поэтому право на существование имеют оба варианта, как с восстановлением имени Эпитинханона, так и с псеханами, но при втором варианте неясно, а воевал ли вообще с псеханами царь Савромат I? Стк. 2 по аналогии с КБН. 32 и нашим энкомием можно дополнить и как [...ἐπὶ] τη νεικήι [ἀπὸ τῶν Σκυθῶν? Ἀλανῶν? Ταυρῶν? καὶ μελέτηι κατὰ τῶν Ψε]/χάνων. Во всяком случае о победоносном походе на псеханов по этой надписи говорить пока преждевременно.

том *laudatio*. Толкование первой основывается на словах ...σ]αντα τὰ κατὰ Ψε-
 χάνω[v?...τὸ]ν ἴδι[ον / θεὸν? καὶ σω]τήρα... в сткк. 6–7. К сожалению, надпись
 утеряна, восстановление можно проверить только по фотографии у В.В. Латы-
 шева⁵⁵. Сам он предлагал конъектуры [μικῆς]αντα или [τιμῆς]αντα и κατὰ Ψε-
 χανον или κατ' Ἀψέχανον, а далее восстанавливать текст не решался. Позднее
 он склонялся к чтению τὰ κατὰ Ψεχάνων, т.е. в стране псеханов (Comm. ad
 CIRB. 1048. P. 608). В.П. Яйленко, как говорилось (см. прим. 53), предложил
 [...στρατεῦς?]αντα <τα> κατὰ Ψεχάνω[v...], т.е. совершившего военный поход
 против псеханов (племени). Н.В. Левченко, ссылаясь на Ю.Г. Виноградова, ко-
 торый по фотографии в ИАК. 1913. 47. С. 113. Рис. 10 в конце стк. 6 якобы су-
 мел вычитать буквы ΣΤΡΑΤΕ, предложила такое ее чтение: [νεικῆς]αντα τὰ
 κατὰ Ψεχάνων στρατε[ύματα ἑαυτοῦ σω]τήρα... – «одержавшего победы в по-
 ходах против псеханов...»⁵⁶. Однако текст в этом месте на камне настолько ис-
 порчен, что непонятно, как Виноградов сумел найти здесь эти буквы, я, напри-
 мер, тщательно пытался рассмотреть их на фотографии, но смог обнаружить
 только Χ (которую Виноградов принял за Σ), затем Ο или Ω, остатки Ρ и Α (как
 и Виноградов), а далее скол. А восстановление Левченко во многом основыва-
 ется на этом чтении и на предлагаемой ею же конъектуре сткк. 2–3 танаисской
 надписи КБН. 1240 (см. прим. 54), что уже само по себе недопустимо.

Для восстановления сткк. 6–7 надписи ... сына Диофанта из Гермонассы не-
 ktorую помощь может оказать стк. 29 *laudatio*: αὐτῶι προθεῖς μελέτην ἐπὶ
 Ψεχανούς [...]. Μελέτη в основном значении – «забота», «упражнение», «за-
 нятие», а глагол μελετάω всегда имеет оттенок «заботиться», «стараться»; в
 военном, не главном своем значении, это слово всегда сопровождается со-
 ответствующими глаголами, прилагательными и дополнениями, имея отноше-
 ние к проведению военной подготовки во время войны или в случае военной
 опасности (ср. Thuc. I. 18; II. 39; IG. II, ed. 2, 1028). С предлогом ἐπὶ оно дейст-
 вительно может означать «военные упражнения, занятия или военную подготов-
 ку против кого-либо», но, поскольку в этой строке надписи отсутствуют соответ-
 ствующие глаголы и дополнения, μελέτη ἐπὶ с винительным падежом показыва-
 ет, что царь, следуя рекомендациям своего опекуна (или воспитателя), занимался
 не военной подготовкой против псеханов, а был озабочен делами по отношению
 к ним, точнее проявил к ним заботу. Μελέτη ἐπὶ близко таким понятиям, как –
 ἡ ἐπιμέλεια – «попечение, «забота», «старание», ἐπιμελέομαι – «заботиться»,
 «иметь попечение о чем-либо», которые в боспорских и в иных документах отно-
 сятся обычно к попечительству о строительстве, восстановлении разрушенного,
 религиозных церемониях и вообще ко всякого рода мероприятиям вплоть до ор-
 ганизации городов и поселений⁵⁷, и практически никогда не связаны с военным
 делом и военными действиями⁵⁸. Поэтому переводить μελέτη ἐπὶ как «военное
 занятие, упражнение против псеханов» представляется в данном случае малоре-

⁵⁵ Латышев В.В. Эпиграфические новости из Южной России // ИАК. 1913. 47. С. 113, 114. Рис. 10.

⁵⁶ Левченко. Ук. соч. С. 211, 212.

⁵⁷ О значении этих слов в эпиграфических источниках см. Roussel P. Les épiméletes aitoliens à Delphes // BCH. 1926. 50. P. 124–134; Stauber J. Die Bucht von Adramytteion. II. // Inschriften griechischer Städte aus Kleinasien. Bd 51. Bonn, 1996. S. 20–23; Salomon N. Le cleruchie di Atene. Pisa, 1997. P. 159–162; об употреблении этих терминов в боспорских надписях см. Сапрыкин С.Ю., Куликов А.В. Новые эпиграфические находки в Пантикапее // Древнейшие государства Восточной Европы. М., 1999. С. 204, 205.

⁵⁸ Meisterhans K. Grammatik der attischen Inschriften. В., 1990. S. 175 suiv.

альным (это, очевидно, заставило Ю.Г. Виноградова в его кратком комментарии к тексту энкомия отказаться от мысли о военном решении дела псеханов). Учитывая все это, можно (с большой долей гипотетичности) предложить реконструкцию сткк. 6–7 гермонасской надписи: [μελετήσ]αντα τὰ κατὰ Ψεχανῶν χώρα[v ἔθνη? / καὶ αὐτῶν σω]τήρα..., т.е. «позаботившегося о племенах в стране псеханов и их спасителя».

Такая характеристика царя Савромата I, отраженная на постаменте статуи, воздвигнутой неким пантикапейцем ... сыном Диофанта, скорее всего, одним из наместников в азиатской половине Боспорского царства, подтверждается некоторыми пассажами энкомия. Например, следуя явному варварофильству своего воспитателя, царь старался действовать больше убеждением, нежели силой, и потому снискал себе уважение подданных, как и его воспитатель, слово которого, и, разумеется, царя, для народов, «обитавших у Меотиды» (стк. 47), считалось законом и высшим непререкаемым авторитетом. Смысловые параллели между двумя надписями столь очевидны, что невольно встает вопрос, а не являлся ли пантикапеец ... сын Диофанта, поставивший статую своего благодетеля царя Савромата I в Гермонассе, поблизости от тех народов и псеханов, которые испытали на себе благодеяния суверена и его воспитателя-наместника, тем самым чествуемым в энкомии, которого похоронили на родине в столице Боспора?

Вопрос естественно, повисает в воздухе, но энкомий недвусмысленно дает понять, что никакой победоносной военной кампании против псеханов не было. Напротив, они находились под заботой царя и его чиновников-наместников. Это объясняется двумя обстоятельствами. Во-первых, в связи с нападением аланов на азиатский Боспор создавалась угроза перемещения других племен на восточных его границах и под ударом оказывались греческие города Синдики и Меотики. Поэтому параллельно с восстановительными работами по ликвидации последствий аланского нашествия в городах Савромат I осуществлял какие-то мероприятия по усилению своих варварских подданных меотского происхождения, чтобы они могли успешно противостоять аланам и другим сарматским племенам, подвижка которых на границах царства создавала военную опасность⁵⁹. В число этих «забот» царя могло входить строительство новых укрепленных поселений типа катойкий и восстановление старых, разрушенных аланами крепостей. А для этого следовало привлечь псеханов и родственные им племена на службу Боспору, закрепить их более менее прочное юридическое и административное положение в пределах царской хоры. Отсюда столь большое количество надписей с упоминанием псеханов из Фанагории и Гермонассы. Во-вторых, новое обострение на западных рубежах отношений со скифами и таврами, сближавшимися с продвинувшимися на запад аланами, и возложенная на Савромата I римлянами, покинувшими Тавриду, задача удерживать Херсонес и Предгорный Крым от нападений варваров, требовали стабильности на восточных кавказских границах Боспора. Это все обусловило благодеяния и заботу о псеханах и других племенах региона, пострадавших от агрессии аланских кочевников.

Стк. 30 энкомия свидетельствует, что положение в Крыму для Савромата I было отнюдь не безопасным: чествуемый «вел войну со скифами, подчинил тавров...». В начале II в. н.э. боспорские вельможи – начальники или наместники

⁵⁹ Угроза псеханам со стороны аланов была удачно подмечена только Н.Н. Болговым (Ук. соч. С. 27).

(οὐ ἐπὶ...) Парфенокл, Антиммах и Прим? – посвятили в Пантикапее статую царя Савромата I богам – никефорам за победу над скифами (КБН. 32). Из этой надписи, а также из энкомия становится понятно, о каком военном походе (στρατ[εύσαντος]) говорилось во фрагментарной надписи из Фанагории КБН. 981, поставленной в честь Савромата I. Это поход не против псеханов, а против скифов и тавров и, возможно, против аланов, проникавших с севера в Крым. Выше указывалось, что ранее чествуемый заключил с таврами и скифами договор и сумел недопустить их сближения с аланами. Однако позднее, уже после усиления Боспора на Северном Кавказе, согласно энкомию, восхваляемому пришлось снова идти в Таврику, на этот раз военным походом, поскольку тавры и скифы, надо думать, выказали неповиновение, нарушили договор с боспорцами и опять угрожали Херсонесу и западным рубежам Боспорского царства. Изучение дошедших до нас надписей с титулатурой Савромата I показало, что после успешных походов против скифов, тавров и аланов, после привлечения на свою сторону псеханов, царь Савромат стал величать себя «Великим царем», «царем царей», «Великим царем царей всего Боспора», и это произошло незадолго до 110/111 г. н.э.⁶⁰ Значит война со скифами и таврами могла происходить во второй половине первой декады II в. н.э., когда римских войск в Таврике еще не было (они появились в конце второй – третьей декаде столетия).

Любопытно, что автор энкомия четко различает понятия. Он говорит, что восхваляемый, а значит и его повелитель Савромат, [...Σκύ]θαζ ἐπολέμησεν, Ταύρους ὑπέταξεν – «вел войну со скифами, подчинил тавров», тем самым условно разделяя между собой результат этой войны. О победоносном ее завершении говорит надпись КБН. 32. Преемнику Савромата I, царю Котису II, в 123 г. н.э. – в первый год его царствования – пришлось опять воевать со скифами и одерживать над ними очередную победу, поскольку они отложились, вероятно, в последние годы пребывания у власти Савромата I (КБН. 33). Значит, в отличие от тавров, которых подчинили усилиями чествуемого и предводительствуемого им войска, скифы были только усмирены и должны были еще раз признать протекторат Боспорского царства, сохранив относительную независимость. Видимо, как и в первые годы правления Савромата I, тавры и скифы усилились вследствие союза с аланами. Об этом говорит так называемое «второе захоронение сарматского (аланского) военачальника» в Неаполе Скифском не позднее начала II в. н.э. В нем найдены короткий меч без перекрестия, амфора II в. н.э., бронзовая фибула, конская сбруя, бронзовые круглые бляхи с крестообразными украшениями. Это погребение справедливо связывают с победами Савромата I над скифами⁶¹, однако оно появилось не после этой победы, а до

⁶⁰ Сапрыкин. Царь Савромат I Боспорский. С. 89–94; он же. Плиний Младший... С. 202, 203; Левченко. Ук. соч. С. 214. О победе над скифами и о подчинении тавров свидетельствуют монеты Савромата I от 103–115 гг. н.э. с типом Ники на реверсе (рис. 2, 5) и сестерции с изображением крепостной стены с двумя фланкирующими башнями и коленопреклоненной фигурой пленного варвара со связанными за спиной руками (рис. 2, 2–3) (Фролова. Монетное дело Боспора. С. 244–259. Табл. XLVII, 15, 16; Анохин. Монетное дело Боспора. С. 155. № 415, 416 сл.). Считается, что это либо стены Неаполя Скифского, либо укрепления акрополя Пантикапея (см. Пуздровский. Политическая история... С. 108, там же литература вопроса; автор датирует войну в Крыму концом правления Траяна – началом принципата Адриана, что не совсем точно).

⁶¹ Об оживлении военно-политической активности скифов в начале II в. н.э. см. Граков Б.Н. Термин Σκύθαζ и его производные в надписях Северного Причерноморья // КСИИМК. 1947. 16. С. 87; Высотская. Неаполь. С. 202–204.

нее. На рубеже I–II вв. н.э. в степном и предгорном Крыму появляются впускные подкурганые погребения с небогатым инвентарем (Константиновка, Мамай-оба, Скалистое II), прекращается жизнь на поселениях в его северо-западном и центральном районах, включая городище Булганак. Сарматы и скифы обитали здесь компактно, но чаще происходило вливание сарматов в число обитателей скифских городищ и поселений⁶². Это способствовало сближению скифов и тавров с сармато-аланами, и, если следовать энкомии, представляло большую угрозу для Боспорского государства, вызывая военные конфликты с этими варварами.

Очевидно, после войны Савромата I с таврами и скифами ок. 110 г. н.э. были разграничены области контроля Херсонеса и Боспорского царства в Таврике: за херсонесцами осталась юго-западная часть приблизительно до Аю-Дага (Партенита), а за царем Боспора – южное побережье от Партенита до Феодосии. Жившие там тавры оказались в подчинении у Боспора и под контролем Херсонеса, союзника Боспора, а значит опять-таки под сюзеренитетом его царя. Тем самым в целом была выполнена задача по защите Таврики от кочевников, поставленная перед чествуемым в энкомии деятелем еще Домицианом, а позднее императором Траяном уже перед Савроматом I. Подчинение тавров позволило контролировать морской путь вдоль побережья и не допускать их пиратских нападений на суда, шедшие в Херсонес и на Боспор. Центральная Скифия и предгорья номинально признавали вассалитет Боспорского государства, но это, по-видимому, не остановило, а лишь замедлило процесс закрепления сарматов в Крыму, и стало причиной новых столкновений Боспора со скифами. Такое положение сохранялось до прихода римских войск в Крым и даже до конца II в. н.э., до очередной войны с тавро-скифами, когда после ее окончания пришлось заключать новый договор о владениях в Тавриде между римской администрацией и херсонесцами, с одной стороны, и Савроматом II, с другой⁶³.

В сткк. 33–35 чествуемый восхваляется как очень воинственный к врагам и терпимый к подданным, обладавший словом убеждения и тведостью к тем, кто выполнял его поручения («для повинующихся он закон!»). За это он был отмечен наградами и знаками достоинства, быстро продвинулся по карьерной лестнице, в основном военной. Знаки достоинства (τὰ λοράσημα) и вознаграждения (τῆς ἀμοιβῆς), которые получил восхваляемый за свою службу, автор надписи начинает перечислять с высшей его должности – хилиарха. Употребление именительного падежа множественного числа χιλιάρχηα должно было, очевидно, означать, что чествуемый был в должности хилиарха не один раз. Как хилиарх он командовал войском в 1000 человек, в этой должности он мог одержать победу над аланами, затем дважды совершал походы в Таврику, и тогда, когда вел дипломатические переговоры с царями скифов и тавров, и когда ок. 110 г. н.э. предводительствовал в военном походе против них. Хилиархи неоднократно упоминаются среди воинских должностей в Боспорском царстве в императорскую эпоху. В 270-х гг. н.э. Фанн, сын Саклея, был хилиархом и начальником аспургиган (КБН. 36); в 216 г. н.э. хилиархом был Ульпий Антисфен, сын Антимаха (КБН. 53); в 249 г. н.э. Аврелий Родон, сын Лоллея, служил хилиархом и одновременно являлся начальником царских земель, к тому же он входил в сословие

⁶² Храпунов. Очерки этнической истории Крыма... С. 70–72.

⁶³ Зубарь. Северный Понт... С. 79; он же. Херсонес Таврический и население Таврики... С. 186. См. также Кругликова И.Т. Боспор в позднеантичное время. М., 1966. С. 10, 11.

римских всадников (КБН. 58); хилиархом был назначен и некий Аврелийос из Фанагории (КБН. 984); при Савромате II в число хилиархов вошел и Юлий Менестрат, о чем говорит надпись, обнаруженная в Тамани (КБН. 1049)⁶⁴. Хилиархи на римском Боспоре могли одновременно быть заместителями на царских землях, к которым причислялась и область расселения аспургин. Это восходит к традициям эллинистической эпохи, когда хилиарх – уполномоченный царем чиновник – управлял хилиархией, куда входили различные селения, имения и деревни-комы. Он собирал с их обитателей подать, поступавшую в царскую казну, так как это была земля из категории царской, о чем известно из надписи Мнесимаха из Лидии времени Антигона Одноглазого⁶⁵. В случае войны хилиарх ставил их «под ружье» и самолично ими командовал. Таким образом, на Боспоре в римское время хилиархи осуществляли военное командование и управляли округами на царской земле, где жили военно-хозяйственные поселенцы, из которых многие были варварского происхождения.

Энокмий косвенно подтверждает, что чествуемый как хилиарх мог быть царским заместителем на азиатском Боспоре. В сткк. 46–47 сказано, что всегда он оказывался более великим, проявляя юношеский пыл, рассчетливо и воинственно, и для окружающих племен поставил себя законом. Это намек на сармато-метотские племена, которые «живут у Меотиды и знают истоки...», очевидно, истоки крупнейших рек Боспорского царства – Кубани (Гипаниса-Антикита) и Дона (Танаиса). А слово *πολεμικῶς* показывает военный характер его деятельности.

Должность хилиарха всегда имела военный и политический аспекты. Греческий тактик Асклепидот (I в. до н.э.) оставил описание боевого построения позднеэллинистической греко-македонской фаланги, которая состояла из 16384 человек (цифра преувеличена, общее ее число вряд ли превышало 16000 человек). В ее основе лежала *syntagma*, которой командовал синтагматарх. Она делилась на два отряда – *taxeis* – под командованием таксиархов, каждый отряд – *taxis* – на две тетрархии под командованием тетрархов, каждая тетрархия – на две дилохии, или две филы, под управлением дилохитов, а дилохия подразделялась на два лоха, командирами которых были лохаги – должность, известная и на Боспоре. У персов, Александра и диадохов хилиархи считались видными и очень значимыми фигурами, они носили соответствующие регалии и занимали место рядом с царем. Хилиархом конницы «друзей» у Александра был Гефестион, после смерти которого царь никому эту должность не передал, чтобы имя ее командующего не забылось в войсках, а сама хилиархия именовалась бы Гефестионовой и имела

⁶⁴ Это, вероятно, представитель аристократической боспорской семьи, проживавшей на азиатском Боспоре, члены которой занимали ведущие должности в царской канцелярии еще с времен Аспурга: ср. КБН. 40 – Менестрат, сын Менестрата, начальник острова, поставил памятник своему спасителю и благодетелю царю Аспургу, сыну Асандроха; КБН. 1243 – при Савромате II пресбевт царя в Танаисе и архикойтонит (старший постельничий) Юлий Менестрат, тот же самый, который согласно таманской надписи позднее (или чуть раньше) был хилиархом, содействовал восстановлению разрушенной у танаитов башни; этот же человек в должности архикойтонита поставил памятник Савромату II в Фанагории, о чем рассказывает надпись на мраморном постаменте этой статуи, обнаруженной при раскопках затопленной части Фанагории в 2004 г. Возможно, к этому роду принадлежал Менестрат, сын Менестрата, грамматевс при царе Тейране (КБН. 36). Основатель рода Менестратов мог быть знатным боспорским греком еще при Юлиях Клавдиях, когда получил римское гражданство и право на римский родовой *gentilicium* «Юлий».

⁶⁵ *Buckler W.H., Robinson D.M. Greek Inscriptions from Sardes. I // AJA. 1912. XVI. P. 11–82; Ранович А.Б. Зависимые крестьяне в эллинистической Малой Азии // ВДИ. 1947. № 2. С. 33–35.*

свое знамя (Агг. Анаб. VII. 14. 10). Следовательно хилиархи назначались царем. О важности и политическом оттенке должности хилиарха свидетельствует эпизод из посталександровской истории диадохов: в 319 г. до н.э. Антипатр, будучи при смерти, назначил эпимелетом царей и стратегом-автократором Полиперхонта, а своего сына Кассандра сделал хилиархом и вторым по значимости человеком в государстве. Положение и продвижение хилиарха (ἡ δὲ τοῦ χιλιάρχου τάξις καὶ προσχωρή) к славе и почету впервые произошло при царях персов, а при Александре Македонском носитель этой должности получил еще большую власть и славу, оттого Антипатр и назначил своего сына на эту должность (Diod. XVIII. 48. 4–5).

Таким образом хилиарх на Боспоре имел под командованием тысячу с небольшим пехоты или конницы, как в армиях эллинистических государств. Чествуемый как хилиарх, скорее всего, командовал увеличенной в два раза пентекосиархией, т.е. двумя синтагмами фаланги тяжеловооруженных воинов, объединенных в хилиархию. Однако боспорская армия строилась в первые века нашей эры по римскому образцу, сохраняя в основе греческий, точнее эллинистический принцип боевого построения. В этой системе хилиарх соответствовал по должности римскому военному трибуну легиона (Iv Olympria, 447)⁶⁶. Эллинистическая традиция проявляется и в том, что хилиархи на Боспоре назначались царем по рангу и состояли в ближайшем его окружении, занимая после него второе место. Они имели римские родовые имена, обладали римским гражданством, служили наместниками царя в различных регионах царства, а отдельные их представители входили во всадническое сословие римлян. В римской армии всаднический ценз был необходимым условием для получения должности военного трибуна, выше были только префект и легат⁶⁷. Отсюда понятно, почему хилиархи на Боспоре получали всаднический ценз, а восхваляемый стал воспитателем или даже регентом молодого Савромата I после неожиданной смерти его отца царя Рескупорида I, в 91–93 г. н.э. Столь высокая и почетная должность сделала его государственным человеком, позволив лично вести переговоры с римским императором от имени своего повелителя – царя всего Боспора.

С должностью хилиарха связана и награда чествуемого, которую Ю.Г. Виноградов реконструировал как στ[ρατοῦ ἀριστεῖ]/α χρύσεα. Однако удачнее дополнить в стк. 36 στ[εφανηφορί]/α χρυσεά, т.е. право ношения золотого венка, присужденного за победы в сражениях. Это был венок чести и почета, что подтверждается многочисленными надписями, где среди почестей обязательно упоминалось об увенчании чествуемых золотым венком. О таких венках свидетельствуют Геродот: δωρήσασθαι χρυσέῃ στεφάνῃ τὸν κυβερνήτην (Herod. VIII. 118), а также надпись III в. до н.э. из Канопы (OGIS. 56: πανήγυριν... συντελεῖν μετὰ στεφανηφορίας καὶ θυσιῶν). Венки за победу назывались νίκας στεφαν-

⁶⁶ Brandis C. Chiliarchos // RE. 1899. Bd III, 2. Hbd 6. S. 2275, 2276; о греко-македонской тактике и боевом построении боспорского войска при Спартокидах см. Блаватский В.Д. Битва при Фате и греческая тактика IV в. до н.э. // ВДИ. 1946. № 1. С. 105; он же. Очерки... С. 87; Петерс Б.Г. Военное дело // Античные государства Северного Причерноморья. М., 1984. С. 188: сочетание боевого строя – фаланги и конницы не на фланге, а в центре боевой линии. Разгром конницы или ее бегство в битве с аланами, как можно вывести из начальных строк энкомия, привело к тому, что основной удар противника пришелся на тяжеловооруженную пехоту, стоявшую строем. О командных должностях в боспорской армии в римское время см. Горончаровский. Между Империей и варварами... С. 18 сл.

⁶⁷ Smith R.E. Service in the Post-Marian Roman Army. Manchester, 1958. P. 61.

ηφορία (Eurip. Electra, 86. 2). Поэтому не исключено, что воспитатель-регент при молодом царе – хилярх получил венки за победу над врагами Боспора, главным образом, варварами, – аланами, таврами и скифами, во время сражений с которыми он командовал войском⁶⁸.

Однако прежде чем добиться высших почестей в Боспорском государстве, чествуемый служил в качестве *πρόδοξ* *Θρακικοῦ τάγματος*. *Πρόδοξ* означает «выступление», «выход», «шествие впереди», переводится также как «передовой разведчик», «дозорный» (LSJ. s.v. *πρόδοξ*). В энкомии автор различает термины – командование (*ἡγεμονία*) и *πρόδοξ*. О военном значении этого термина свидетельствует Ксенофонт: "Ἦν δὲ δι' ἐπικινδύων ἐλάυνητε ποῦ, φρονίμου ἱπάρχου τὸ τῶν πρόδοξων ἄλλους πρόδοξους διερευνομένους προηγεῖσθαι – «если твой путь лежит где-то среди опасностей, у опытного командира конницы другие разведывательные отряды идут впереди тех, кто из его же дозорных» (Xen. Eq. Mag. IV. 5). *Πρόδοξ* вряд ли мог быть командиром отряда – *τάγμα*, т.е. в данном случае Фракийской когорты, так как тагмой на Боспоре обычно командовал тагматарх (ср. КБН. 1213 – Горгиппия: ... сын Селевка, тагматарх). Чествуемый являлся, по всей видимости, не предводителем, а дозорным или командиром дозорного (разведывательного) отряда Фракийской когорты, у которой был свой командир. Скорее всего, это был конный разведчик, ибо у Арриана (Apt. Acies contra Alanos.1) в его описании построения римского войска говорится: «Во главе всего войска идти конным разведчикам, построенным по двое, со своим начальником». В римской армии это была особая часть – *numerus exploratorum*. Боспорское войско строилось по образцу римского, поэтому на Боспоре начальнику конных разведчиков императорской армии по должности вполне мог соответствовать *πρόδοξ*, именованный так по традиции, ушедшей корнями в греческую эпоху. Это мог быть также командир, который возглавлял авангард войска на марше или в бою и всегда выступал впереди остальных. Последнее косвенно подтверждается сообщением Суды о построении агемы – гвардии македонского войска (Suid. s.v. Ἄγημα. τὸ προῖον τοῦ βασιλέως τάγμα...: «Агема – это отряд, идущий впереди царя...»). Этот отряд явно возглавлял командир – *proodos*, т.е. «идущий впереди». Следовательно, чествуемый мог служить командиром отряда из состава Фракийской когорты, который шел во главе колонны.

До недавнего времени⁶⁹ на римском Боспоре единственным свидетельством о воинском подразделении под названием «Фракийская когорта» служила пантикапейская надгробная надпись II в. н.э. (КБН. 666: Διζα υἱὲ Βεῖθου, κεντυρίων ὁ κα[ί] πρίνκιψ στείρας Θρακῶν, καὶ γυνὴ Ἐλένη, χαίρετ[ε] – «Диз, сын Бифия, центурион и начальник отряда фракийцев, и жена Елена, прощайте!»). По поводу этой надписи развернулась дискуссия, являлась ли означенная фракийская спейра (когорта) вспомогательным соединением римской армии на Боспоре, или это местный отряд, набранный из фракийцев. Вопрос осложнялся тем, что в Ольвии не ранее первой половины II в. н.э. был расквартирован фракийский нумер дизуров (IOSPE. I, ed. 2. 223: Διζάζηλιμις Σεύθου ἡγεμῶν Διζύρων).

⁶⁸ Прямым подтверждением этому служит изображение победного венка на монетах Рескупорида I с символом победы над варварами – царем, поставившим ногу на пленника (Анохин. Монетное дело Боспора. № 379), и на монетах Савромата I (рис. 2, 6–7) (Там же. № 416, 421: венок, в нем богиня победы Ника; ср. также № 419, 420 (венок, в нем голова богини Афродиты Урании Апатуры в калафе), 422, 427, 440, 443, 445, 454, 456, 463, 466).

⁶⁹ Το Θρακικὸν τάγμα упоминается еще раз в одной из недавно найденных надписей из Танаиса, к сожалению, пока неопубликованной.

Высказывалось предположение, что он и фракийская спейра в Пантикапее – это вспомогательные римские отряды в Северном Причерноморье. На Боспоре они объединялись в V или VI Фракийские римские когорты, в особенности последняя, ибо в начале II в. н.э. она стояла в Подунавье и оттуда могла быть временно переброшена в Пантикапей⁷⁰. Группа исследователей предполагала, что надгробие относилось к ветерану I Фракийской конной когорты *Sygiasa*, одну из частей которой возглавлял центурион⁷¹. Однако другая группа ученых склонялась считать «гегемона дизуров» представителем племенной организации фракийцев, которые состояли в военном отряде, набранном из фракийских элементов, поселенных в окрестностях Ольвии⁷². Позднее было выдвинуто убедительное предположение, что отряд дизуров попал в Ольвию при Митридате Евпаторе, а в надписи фигурирует наемник из Фракии или Малой Азии⁷³. Такой вывод позволил сторонникам боспорского происхождения Фракийской когорты предположить, что она состояла из наемников-фракийцев, которые служили в боспорском войске со времени Спартокидов или Митридата Евпатора, или из фракийцев, поселенных как катойки в Боспорском царстве. Они могли составлять отряды типа военной милиции⁷⁴.

Основные аргументы в пользу боспорского происхождения фракийской спейры следующие: неримское имя центуриона, если бы он был командиром римского подразделения, то непременно имел бы римские родовые имена, ибо центурионы были римскими гражданами. Спейра – воинская единица на Боспоре, командирами которой были центурион и начальник-принцепс спейры. Это подтверждает надгробие спирарха Гаттиона, сына Аристократа, из Пантикапее II–I вв. до н.э. (КБН. 263), а также сообщение Диодора о том, что в междоусобной войне Евмела и братьев участвовало 2 тысячи фракийских наемников (*Di-od. XX. 22–25*). *Syntagma*, основа эллинистической греко-македонской фаланги, тождественна *spreiga*, являвшейся ее греческой версией. В то же время спейра в римской системе соответствовала манипуле, самому маленькому подразделению легиона, или когорте⁷⁵. В организованном со времени Митридата VI на римский манер боспорском войске (ср. *Tac. Ann. XII. 16*) спейра – подразделение

⁷⁰ *Brandis C. Bosphoros // RE. 1897. Bd III. Ht 1. Hbd 5. S. 788; Блаватский. Очерки... С. 132, 133 (позднее В.Д. Блаватский стал склоняться в пользу боспорского происхождения отряда, исходя из того что принцепс – это «начальник отряда» в боспорской армии (Блаватский В.Д. Античная археология и история. М., 1985. С. 244; Gajdukevič. Op. cit. S. 352).*

⁷¹ *Герасимова В. Дислокация на римските помощни войски в провинция Мезия от 44 до 86 г. н.э. // Археология. 1970. № 4. С. 25; Цветаева. Ук. соч. С. 39.*

⁷² *Латъшев В.В. Эпиграфические новости из Южной России (находки 1901–1903 годов) // ИАК. 1904. 10. С. 15; Ростовцев М.И. Святилище фракийских богов и надписи бенефициариев в Ай-Тодоре // ИАК. 1911. 40. С. 39. Ср. Mateescu G.G. Nomi traci nel territorio scito-sarmatico // Ephemeris Dacoromana. II. Roma, 1924. P. 223 suiv.*

⁷³ *Виноградов Ю.Г. Политическая история Ольвийского полиса VII–I вв. до н.э. М., 1989. С. 255; Крыкин С.М. Фракийцы в античном Северном Причерноморье. М., 1993. С. 249, 250.*

⁷⁴ *Латъшев. Эпиграфические новости... С. 15; Ростовцев. Святилище... С. 39; Крыкин. Ук. соч. С. 250–253; Зубарь. Северный Понт... С. 82–84; Горончаровский. Между Империей и варварами... С. 23.*

⁷⁵ *Connolly P. Greece and Rome at War. L., 1981. P. 77; в структуре римских армейских должностей за префектом (или эпархом) когорты (спейры) следовал военный трибун (хилиарх), см. AE 1888, № 173; Domaszewski A. von. Die Rangordnung des Römischen Heeres. Wien, 1981. S. 130.*

боспорской армии, а не римская когорта или манипула⁷⁶ – была тождественна синтагме, одной из единиц которой выступала тагма. Следовательно, спейрарх по рангу соответствовал синтагматарху, под началом которого было 256 человек, а центурион – командир римской центурии в 100 с небольшим солдат приближался по значению к тагматарху, командиру 1/2 синтагмы. Вполне возможно, что спейрарх – это римский *principes* или *princeps* – командир спейры после реорганизации войска по римскому образцу.

Из всего этого следует, что *στῆρα Θρακῶν* и ее подразделение *τό Θρακικὸν τάγμα* это не римские, а боспорские воинские единицы. Причем не милиция и не подобие царской гвардии, появившейся в результате прибытия фракийской царицы Гипепирии в Пантикапей после женитьбы на ней Аспурга⁷⁷, а постоянное боевое подразделение царской армии Боспорского государства, состоявшее из фракийских наемников либо из фракийцев, поселенных на царских землях военно-хозяйственных поселенцев. Ее боевая, а не охранная функция, подтверждается включением в состав дозорного или разведывательного конного отряда под началом *proodos*, подчинявшегося тагматарху (= центуриону), а через него спейрарху (= принцепсу или синтагматарху). Свое начало она вела еще с эпохи Спартокидов.

Следующим этапом военной карьеры чествуемого была *τῆς ὀπλε[ιτῶν τάξεως] ἡγεμονία* в восстановлении Ю.Г.Виноградова, т.е. «командование строем гоплитов». Однако полагаем здесь уместнее *τῆς ὀπλε[ιτικῆς τάξεως] ἡγεμονία* с характерным для Боспора первых веков нашей эры написанием гласного *i* через *ei* (ср. КБН. С. 804 о передаче дифтонга *-ei* через *-i*). Это показывает, что восхваляемый предводительствовал гоплитским отрядом, составлявшим часть фаланги. Основанием для такого дополнения служат сообщения Ксенофонта: *οἱ ὀπλιτικοὶ τάξεις* – «он (Агесилай) назначил награды тем из тяжеловооруженных отрядов...» (Хен. Нелл. III. 4. 16); *ἡμῖν δὲ ὀπλιτικὸν μὲν ἦν.....* – «ведь у нас были только гоплиты...» (Хен. Анаб. VII. 6. 26). Здесь *τὸ ὀπλιτικόν* = *οἱ ὀπλιτοὶ* – тяжеловооруженная пехота, фаланга гоплитов, основа военного строя греческой армии. Гоплиты составляли фалангу тяжеловооруженной пехоты в войсках эллинских полисов с эпохи архаики, а на Боспоре греческие города имели свои ополчения граждан, которые формировали фалангу гоплитов в дорогостоящем тяжелом вооружении. С IV в. до н.э. греческая фаланга гоплитов состояла из наемников, в том числе и находившихся на службе у Спартокидов. В состав тяжеловооруженной пехоты при Левконе I входили аркадяне (КБН. 37), а у Сатира II это были наемники из разных мест Эллады (Diod. XX. 22). В результате совершенствования греко-македонской фаланги при Эпаминонде, Филиппе II и Александре, она успешно координировала с конными отрядами и стала более мобильной.

Синтагма, основная единица эллинистической позднемакедонской фаланги, подразделялась на два отряда или строя – *τάξεις* – каждый под командованием таксиарха, должность которого предшествовала хилярхии⁷⁸. Таксиарахи как

⁷⁶ Зубарь. Северный Понт... С. 250–253.

⁷⁷ Крыкин. Ук. соч. С. 252; SEG 1995. XLV. P. 247, 248; Vinogradov Ju.G. Pontische Studien. Mainz, 1997. S. 63, 64.

⁷⁸ Connolly. Op. cit. P. 69–78; о фаланге гоплитов на Боспоре см. Блаватский. Битва при Фате... С. 101–103; он же. Очерки... С. 70–74. При Александре и позднее строй греко-македонской фаланги вглубину составлял 16 гоплитов (см. Pritchett W.K. Ancient Greek Military Practices. Pt I. Berkeley–Los Angeles–London, 1971. P. 134–138).

командиры гоплитских отрядов в составе фаланги граждан или наемников в греческих полисах Причерноморья засвидетельствованы в Месембрии (IGB. I, ed. 2. 325, I в. н.э.) и Истрии (ISM. I. 121, II в. до н.э.). В римскую эпоху, как явствует из описания Аррианом построения римской армии при наместнике провинции Каппадокии, словом $\tau\acute{\alpha}\xi\varsigma$ обозначали колонну с четырьмя гоплитами в ряд, причем в состав тяжелой пехоты входили гоплиты из греческого города Трапезунда (Агг. *Acies contra Alanos*. 4; 7). На этом основании можно предположить, что чествуемый служил командиром колонны гоплитов, построенной на римский манер, но сохранявшей строй эллинистической фаланги в количестве 16 тяжеловооруженных воинов. В составе его отряда могли быть наемники, а также представители ополчения граждан одного или нескольких боспорских городов, как это было в колонне римского наместника в Каппадокии, куда входили трапезундцы. Но в надписи не говорится, что чествуемый являлся таксиархом, его позиция поименована как $\eta\gamma\epsilon\mu\omicron\nu\acute{\iota}\alpha$, т.е. «командование», «предводительство». Очевидно, под его водительством был отряд гоплитов не полисного, а царского войска, куда могли входить отряды из городов Боспора, но они подчинялись царским командирам.

Таким образом, энкомий показывает не последовательный ряд военных должностей, а лишь отдельные этапы военной карьеры чествуемого, когда он проявлял себя наиболее ярко. В конце концов он стал хилиархом и предводительствовал войском, той же фалангой, в битве с аланами на азиатском Боспоре. В этой должности он командовал походами в Таврику. Именно опыт, приобретенный за годы командования разными подразделениями фаланги, помогли чествуемому в трудных условиях разгрома конницы сохранить строй и переломить ход сражения с аланами в свою пользу. Энкомий свидетельствует, что в боспорских войсках императорского времени, несмотря на римское вооружение и структуру, соблюдали традиции эллинистической эпохи, в частности, сохранили фалангу тяжеловооруженных пехотинцев-гоплитов, не вытесненную легковооруженными пехотинцами-пелтастами. Она успешно взаимодействовала с сарматской конницей и в ее ряды могли вливаться гражданские ополчения греческих городов, которыми командовали свои стратеги. Мы знаем о стратегах граждан в Танаисе (КБН. 1237, 1256), Горгиппии (КБН. 1134, 1141, 1179), Пантикапее (КБН. 382, 827), где был даже специальный участок некрополя для их захоронения.

В надписи вообще отчетливо проступают эллинистические черты при дворе царя, в характере войска, в отношениях с варварскими подданными, в господствующей идеологии. Она является важным доказательством взаимоотношений с окружающими племенами, которые вряд ли строились на основе активной сарматизации, как считалось ранее. Отношения боспорцев с сармато-меотами и прочими варварами связаны с прямой эллинизацией последних, что открывало возможность включать их в число подданных царей Боспора и ликвидировало потенциальную угрозу его границам. При этом цари и их ставленники на периферии действовали больше убеждением, нежели силой. Политика, направленная на превращение Боспорского царства в сильное эллинистическое государство, напрямую поощрялась римлянами. Она давала возможность расширять боспорские владения в Центральном и Юго-Западном Крыму, осуществлять протекторат над Херсонесом, скифами и таврами.

LAUDATIO FUNEBRIS FROM PANTICAPAEUM

[*Yu. G. Vinogradov*], *S. A. Shestakov*

ENCOMION FROM PANTICAPAEUM AND THE HISTORY OF THE BOSPORAN KINGDOM ON THE TURN OF THE 1st AND THE 2nd CC. AD

S. Yu. Saprykin

The articles are prepared as the publication of an important inscription found in 1985 in Panticapaeum on the territory of its necropolis. It was reconstructed by J.G. Vinogradov, who did not publish it, but only made a brief report on the contents of this document. The full publication has been made by S. Saprykin after Ju. Vinogradov's death. The inscription concerns the political and military career of an unknown statesman who lived during the reign of the Bosporan kings Rhaescuporis I and his son and successor Sauromates I. From this inscription we can see that the man to whom this *laudatio funebris* belonged, was a tutor or probably a regent of the young King Sauromates I, called in the inscription «the Great King». The king is compared with the hero Achilles, his ancestors were Heracles and Poseidon. According to the epigraphic and archaeological evidence, the buried man's activities took place in the early 90s AD during the rule of the Roman emperor Domitian, who was murdered in 96 AD and damned. In the inscription he is called simply «the former Caesar». Being a commander of the hoplites' unit, the honored man won a victory over the Sarmatians-Alans and after that was called to the emperor's court, when Domitian was presumably in Moesia. Emperor Domitian accused the Alans and inspired the general (who was *khiliarkhos* by that time) to arrange a military expedition to Taurica against the Scythians and the Taurians. When he came to Chersonesus Taurica, he managed to turn the local kings from concluding a treaty with the Alans, which was against the interests of Rome. During his career, the honoured person organized another military campaign against the Taurians and the Scythians, inspired the king to do something good for the Psechani, a Caucasian tribe near the Maeotis and did much benefits to other tribes of the region, who took his words orders as if they were a law. The encomion was composed by a royal Bosporan biographer in accordance with Hellenistic traditions around the first or second decade of the 2nd c. BC.

Международный «круглый стол» «Проблемы истории и археологии Херсонеса Таврического»

© 2005 г.

И. А. Макаров

«ПЕРВАЯ ЭЛЕВТЕРИЯ» ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО В ЭПИГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКАХ¹

История античного Херсонеса нашла слабое отражение в литературной традиции. Тем легче объяснить особый интерес исследователей к немногочисленным упоминаниям таврического полиса у античных авторов и стремление соотнести каждое из этих сообщений с основным источником информации – данными херсонесской эпиграфики и нумизматики. Одним из такого рода ценных свидетельств античной традиции является фраза из VI книги «Естественной истории» Плиния Старшего, где упомянут Херсонес и сказано, что «римлянами ему была дарована свобода» (NH. VI. 85: «*mox Heraclea Cherronesus libertate a Romanis donatum*»).

Это замечание Плиния получило интересное развитие в одной из работ М.И. Ростовцева², поводом для которой послужило обнаружение во время раскопок Р.Х. Лепера в Херсонесе в 1911 г. декрета в честь Г. Юлия Сатира. Декрет был издан В.В. Латышевым несколько лет спустя в разделе *Addenda et corrigenda* второго издания первого тома IOSPE (IOSPE. I². 691) и с тех пор не переиздавался³. Замечу попутно, что камень с надписью долгое время хранился в Херсонесском музее-заповеднике (инв. № 34846, рис. 1), откуда он был украден в 1991 г.

Ростовцев дал подробный комментарий к этому документу и усмотрел связь между ним и приведенным выше сообщением Плиния. Данное сопоставление позволило ученому набросать гипотетический очерк политического положения Херсонеса на рубеже эр, в частности, реконструировать историю его отношений с Боспорским царством и Римом в этот период. Напомним его основные положения⁴. В результате Диофантовых войн Херсонес вошел в состав

¹ Статья написана в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Этнокультурное взаимодействие в Евразии».

² Ростовцев М. Цезарь и Херсонес // ИАК. 1917. 63. С. 1–21. Ср. английский вариант данной работы: *Rostovtzeff M. Caesar and the South of Russia* // JRS. 1917. 7. P. 27–44.

³ Надпись недавно была включена в третий том сборника «*Iscrizioni storiche ellenistiche*» (Roma, 2002), подготовленный Ф. Канали де Росси, но данное издание не вносит практически ничего нового в чтение или понимание документа (ср. ISE. III. 148).

⁴ Ростовцев. Цезарь и Херсонес. С. 15–16.

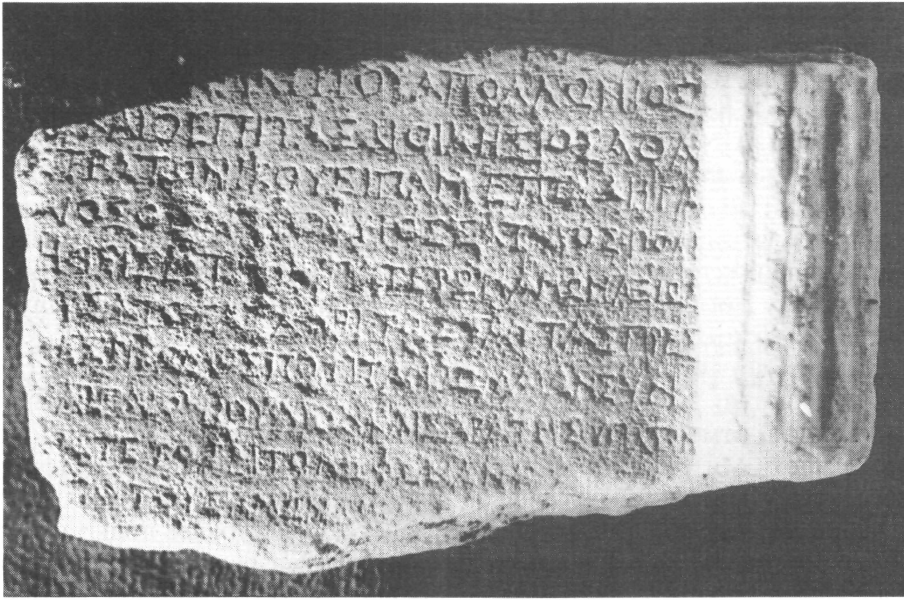

Рис. 1. Декрет в честь Гая Юлия Сатира. Херсонес Таврический

Понтийского царства Митридата Евпатора. При Фарнаке положение города «скорее ухудшилось». После битвы при Зеле у Херсонеса появилась надежда получить независимость от понтийских монархов, подобно тому как Фанагория получила свободу благодаря Помпею или Амис благодаря Цезарю. Как отметил Ростовцев, чествуемый в декрете персонаж, херсонесский гражданин Гай Юлий Сатир, безусловно, являлся фигурой международного масштаба. Его имя позволяет видеть в нем одного из уроженцев греческого Востока, получившего римское гражданство непосредственно от Юлия Цезаря. Это обстоятельство дает возможность сопоставить Сатира с такими значимыми историческими персонажами рассматриваемой эпохи, как Феопомп и Артемидор Книдский или Потамон Митиленский. Эти сопоставления, а также упоминание в сткк. 7–9 посольства Сатира в Рим в период третьей диктатуры и третьего консулата Цезаря (т.е. в 46/45 г. до н.э.) привели Ростовцева к логичному заключению о том, что «...херсонесский посол Г. Юлий Сатир побывал в Риме как один из многочисленных послов-греков, хлопотавших после битвы при Фарсале и Зеле за свою родину»⁵. Учитывая политическую ситуацию, в которой находился Херсонес в это время, и масштабность чествуемой фигуры, Ростовцев сделал и второе предположение: предметом переговоров Сатира являлось, скорее всего, предоставление городу независимости от Боспорского царства ок. 46 г. до н.э. (так называемой «первой элевтерии»), о которой и идет речь в упоминавшемся тексте Плиния Старшего.

Данная реконструкция получила признание и развитие в последующей научной литературе. В частности, были приведены дополнительные аргументы в ее пользу. Нумизматами было предложено связать с гипотетической элевтерией 46 г. до н.э. две монеты с надписью ΧΕΡΣΟΝΗΣΟΥ ΕΛΕΥΘΕΡΑΣ, первоначально датировавшиеся, как и весь комплекс монет с той же легендой, II в. н.э. Речь идет о двух разновидностях одного типа, отличающегося более крупным разме-

⁵ Там же. С. 11.

ром⁶. В одном случае мы имеем изображение на лицевой стороне бодающего быка с надписью ΕΛΕΥΘΕ и изображение на оборотной стороне Девы, разящей копьем лань. В другом случае Дева с ланью и надпись ΧΕΡΣΕΛΕΥΘ помещены на аверсе, а реверс содержит изображение бодающего быка и магистратское имя ΑΠΟΛΛΩΝΙΔΟΥ. В плане эпиграфической аргументации отмечалось, что со времени завершения кампании Диофанта и до времени принятия данного декрета полностью отсутствуют декреты, принятые от имени херсонесских магистратов, что указывает на связь этого документа с освобождением полиса от боспорского протектората⁷. Отмечалось также, что дарование «первой элевтерии» Херсонесу логично встраивается в политику Цезаря, направленную на подрыв помпеянской оппозиции в греческих городах Востока⁸.

В то же время с самого начала имелось одно затруднение, существенно ослаблявшее эту гипотезу. Как известно, Страбон, чья «География» датируется правлением Августа, отмечал, что Херсонес находился в подчинении у боспорских династов с эпохи Митридата и вплоть до времени, когда Страбон создавал свое произведение (VII. 4. 3: ἐξ ἐκείνου δὴ τοῦ χρόνου τοῖς τοῦ Βοσπόρου δυνάσταις ἢ τῶν Χερρονησιτῶν πόλις ὑπήκοος μέχρι νῦν ἐστὶ). Ростовцев попытался объяснить это противоречие тем обстоятельством, что цезаревская элевтерия вскоре после смерти Цезаря была отменена Антонием и, таким образом, ускользнула от внимания Страбона или его источника информации. Говоря словами Ростовцева, «...у Антония можно было купить все. У Асандра, чеканившего полновесное золото было больше денег на покупки, чем у Херсонеса»⁹. Тем не менее имеющееся противоречие не снимается данным объяснением. Попытка избежать указанного противоречия была предпринята В.М. Зубарем¹⁰, который отнес данное сообщение Страбона к источнику первой половины I в. до н.э., т.е. ко времени правления Митридата и Фарнака, когда город, безусловно, находился под боспорским протекторатом. Однако с этим последним объяснением нельзя согласиться, поскольку Страбон, несомненно, демонстрирует осведомленность в боспорской истории второй половины I в. до н.э., когда говорит о назначении римлянами боспорских царей (VII. 4. 7: τοῖς τῶν Βοσπορανῶν βασιλεῦσιν οὓς ἄν Ῥωμαῖοι καταστήσωσιν). Иными словами, способа примирить свидетельство Страбона и гипотезу относительно элевтерии 46 г. до н.э. не было найдено.

Вернемся к главному источнику в пользу существования цезаревской элевтерии – декрету в честь Г. Юлия Сатира. В сткк. 4–7 читаем, следуя восстановлению В.В. Латышева: ἐλειδὴ Γά[ι]ος Ἰού[λι]ος Θε[ο]υ[έ]νου υἱὸς Σάτυρος

⁶ Предложение связать эти монеты с «первой элевтерией» было высказано А.В. Орешниковым (Этюды по нумизматике Черноморского побережья // ИРАИМК. 1922. 2) и принято А.Н. Зографом (Античные монеты. М.–Л., 1951. С. 153).

⁷ Шелов-Коведяев Ф.В. Новый декрет из Херсонеса // ВДИ. 1982. № 2. С. 82; Виноградов Ю.Г. От элевтерии к зависимости: проблема политической правоспособности Херсонеса в конце II–I вв. до н.э. // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса, 1888–1988. Севастополь, 1988. С. 20.

⁸ Зубарь В.М. Из истории Херсонеса Таврического на рубеже нашей эры // ВДИ. 1987. № 2. С. 118.

⁹ Ростовцев. Цезарь и Херсонес. С. 19. Предлагалась и более точная дата отмены «первой элевтерии» – ок. 42 г. до н.э., когда Антоний лишил некоторые греческие города на Востоке дарованной ранее свободы (см. Кадеев В.И. Херсонес, Боспор и Рим в I в. до н.э. – III в. н.э. // ВДИ. 1979. № 2. С. 57). Однако связь между этими двумя событиями выглядит искусственной.

¹⁰ Зубарь. Ук. соч. С. 119.

πολί[[τας ποι]θηεῖς ἐπ[ὶ τῶν]πατέρων ἀμῶν ἀξίως | [ἐπολιτε]ύσατο τὰς χάριτος ταύτας ... – «поскольку Гай Юлий, сын Феогена, Сатир, получив право гражданства ἐπὶ τῶν πατέρων ἀμῶν, исполнил гражданские обязанности достойно этой почести...». Комментируя словосочетание ἐπὶ τῶν πατέρων ἀμῶν, Ростовцев отметил, что Г. Юлий Сатир получил херсонесское гражданство «при отцах», т.е. уже был стариком к моменту постановки надписи¹¹. Это толкование, несмотря на его безупречность с точки зрения формальной грамматики, вызывает недоумение. Не ясно, что хотели подчеркнуть редакторы документа, не ограничившись простой ссылкой на херсонесское гражданство, полученное чествуемым лицом, но дополнив ее указанием на хронологию, причем указанием крайне расплывчатым. Действительно, какому историческому отрезку соответствует определение «при наших отцах» с точки зрения принимавших данный декрет граждан, среди которых, очевидно, были люди, принадлежавшие разным поколениям?

Единственным исследователем, обратившим внимание на эту странную деталь, оказался Ю.Г. Виноградов¹². Он напомнил, что в ряде херсонесских документов словом «отцы» (πατέρες) обозначаются граждане метрополии Херсонеса Гераклеи Понтийской. Так, в IOSPE. I². 362 говорится о «благочестивейших отцах гераклеотах» (τοὶ εὐσεβέστατοι πατέρες Ἡρακλεῶται), а в IOSPE. I². 357 речь идет об «отеческом расположении» гераклеота по отношению к гражданам Херсонеса (οἱα πατέρων ἀγαθῶν πρὸς υἱοὺς φιλοστόργους [εἶχ]εν εὖνοιαν). Эти параллели позволили Виноградову интерпретировать интересующее нас выражение в смысле «у наших отцов», т.е. у граждан Гераклеи. Данный перевод полностью соответствует контексту, его можно упрекнуть разве что в некоторой грамматической шероховатости. Однако для греческого языка эллинистического времени конструкция ἐπὶ + gen. в локальном значении широко засвидетельствована как в документальных жанрах, так и в литературе¹³.

Тем самым в декрете отсутствует указание на херсонесское гражданство Сатира, что постулировалось Ростовцевым. О его деятельности и даже пребывании в Херсонесе ничего не сказано. Отсутствие этника рядом с именем чествуемого лица в данном случае никоим образом не может рассматриваться в пользу его местного происхождения. Родина Сатира не названа, так как, именно Сатир в соответствии с римской традицией обозначать *tria nomina*, редакторы декрета намеревались представить его прежде всего римским гражданином. Обратим также внимание на подчеркнута строгое следование римской ономастической формуле, что видно в передаче патронимика через «сын такого-то» и в его постановке между *nomen* и *cognomen*. В качестве параллели можно указать на надпись из сирийской Лаодикеи в честь Г. Юлия Феопомпа, где он представлен как римский гражданин и его книйское происхождение не упомянуто (IK-41, Knidos, 58). Подобным же образом этот персонаж обозначен и в надписях, поставленных в его честь родосцами (IG. XII. 1. 90) и гражданами Коса (AE. 1934. 91)¹⁴. О происхождении Сатира можно только гадать. Ростовцев, считал его предположительно судовладельцем, уроженцем одного из южно-

¹¹ Ростовцев. Цезарь и Херсонес. С. 2.

¹² Виноградов Ю.Г. Цезарь, Херсонес и Боспор // Херсонес в античном мире: историко-археологический аспект. Севастополь, 1997. С. 19–20.

¹³ См., например: Polybios-Lexicon / Bearb. von A. Mauersberger et al. В., 1956—... S. 878, s.v. ἐπί. Ср. также Preisigke F. Wörterbuch der griechischen Papyrusurkunden. В., 1924. S.v. ἐπί, 1.

¹⁴ Этим указанием я обязан Ж.-Л. Феррари (Университет Париж-1, Париж).

понтийских полисов¹⁵, который служил навархом у Цезаря во время Александрийской войны, подобно Асклеиаду из Кизика. Против данного сопоставления говорит, однако, то обстоятельство, что Асклеиад, несмотря на высочайшие почести, оказанные ему в его родном городе (два поколения спустя в Кизике в честь него продолжали справляться ежегодные состязания), судя по всему не был достоин римского гражданства, как и его соотечественник Фенет, посланный во главе корабля во время Африканской войны¹⁶.

Как бы то ни было, фраза декрета (сткк. 7–9) «он исполнил гражданские обязанности достойно этой почести, отправившись с посольством в Рим в римский сенат и к Г. Юлию Цезарю» должна указывать на посольство, отправленное Гераклеей Понтийской, а не Херсонесом Таврическим, как полагал Ростовцев. Однако в свете этого заключения правомерно вновь задаться вопросом относительно цели дипломатической миссии Г. Юлия Сатира. Виноградов, не отступая от основной идеи Ростовцева, предположил, что по ходатайству Херсонеса граждане Гераклеи убедили Сатира поставить перед Цезарем вопрос о независимости Херсонеса от Боспорского царства. По его мнению, херсонеситы предложили включить свой полис в договор на верность Риму и, в частности, предложили Митридату Пергамскому, посланному Цезарем в Крым на борьбу с Асандром, свою помощь в виде вспомогательных отрядов (*auxilia*)¹⁷. В соответствии с этой гипотезой Виноградов предложил новое восстановление двух последних строк данного декрета¹⁸. В издании Латышева в сткк. 10–11, после упоминания третьей диктатуры Цезаря дан следующий текст: ἐφ' ὧν [.....] | [.....] ἐ αὐτοῦς ἀμῶν [---]¹⁹. Ссылаясь на эстампаж данного документа, обследованный им в октябре 1993 г. в Херсонесском музее, Виноградов предложил иное чтение и восстановление: ἐφ' ὧν ἀνεκ[τάσατο] | [τὰ δίκαια? πο]τ' αὐτοῦς ἀμῶν ὁμο[λογί-αν ἐλανευε]υ[[κῶν? κτλ.] и перевел эту фразу следующим образом: «...у которых (т.е. у сената и Цезаря. – И.М.) он выспросил назад наши (законные права?, обратившись с предложением?) к ним заключить с нами (т.е. с херсонеситами. – И.М.) договор о союзе».

¹⁵ В качестве возможной родины Сатира Ростовцевым предлагались Амис, Синопа, Гераклея. Последнюю возможность теперь приходится исключить. Комментарий Ростовцева относительно Г. Юлиев греческого происхождения в настоящее время дополняют и уточняют наблюдения Л. Робера (*Robert L. Inscriptions d'Aphrodisias // Ant. Class. 1966. 35. P. 418 suiv = OMS. VI. P. 42*), диссертация Б. Хольтхайде (*Holtheide B. Römische Bürgerrechtspolitik und römische Neubürger in der Provinz Asia. Freiburg, 1983. S. 26*) и статья Ж.-Л. Феррари (*Ferrary J.-L. Les Grecs des cités et l'obtention de la civitas Romana*), которая должна появиться в готовящемся издании материалов коллоквиума «Citoyenneté et participation à la basse époque hellénistique» (Paris, 2004).

¹⁶ На это обращено внимание в работе: *Ferrary. Op. cit. Not. 38, 39. Ср. IGR. IV. 159 и Syll.³ 763.*

¹⁷ Виноградов. Цезарь, Херсонес и Боспор. С. 20. Фарнак, разбитый при Зеле, заключил в Синопе мир с римлянами (*App. Mithr. 120*). Со своей стороны, Цезарь воспользовался изменой Асандра Фарнаку как поводом, чтобы разрешить Митридату Пергамскому начать войну с Асандром (*Dio. Cass. 42. 9. 48*).

¹⁸ Предложенные исправления нашли отражение в упомянутой работе Ю.Г. Виноградова «Цезарь, Херсонес и Боспор», но греческий текст и перевод надписи не были опубликованы. Они были обнаружены мной в подготовительных материалах, хранящихся в архиве ученого. Благодарю А.Ю. Виноградова за предоставленную возможность работы с этими материалами и их цитирования.

¹⁹ В стк. 11 Латышев не исключал возможность иной разбивки слов: [.....] ἐ αὐ τοῦς ἀμῶν [---]. Канали де Росси (*ISE. III. 148*) читает [.....] ἐαυτοῦς ἀμῶν [---].

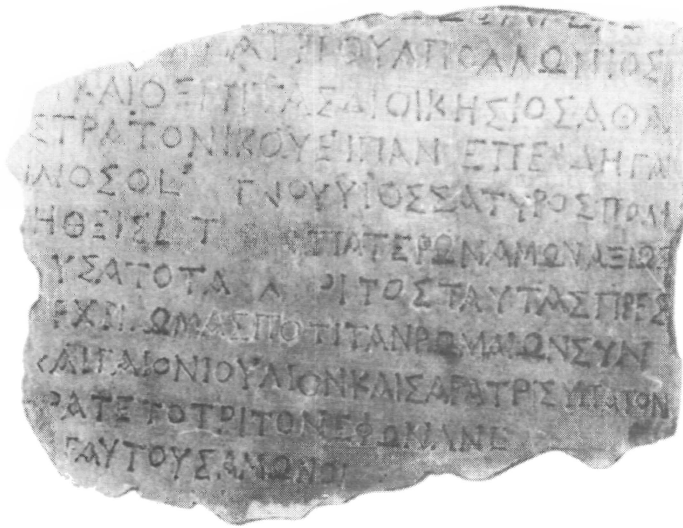

Рис 2. Эстампаж херсонесского декрета в честь Гая Юлия Сатира. Национальный заповедник «Херсонес Таврический». Архив

Два года назад я также осмотрел упомянутый эстампаж, выполненный, видимо, М.И. Скубетовым и хранящийся в архиве Херсонесского музея (рис. 2). Сразу следует указать на его существенный недостаток: контуры букв были продавлены на нем карандашом по-сырому, что не позволяет с абсолютной надежностью контролировать чтение именно в наиболее фрагментарно сохранившихся частях. Так или иначе я могу подтвердить лишь чтение букв *альфы* и *ню* (но не АНЕК) в конце стк. 10, вероятность чтения *тау*, а не *эпсилона* (Латышев) в начале стк. 11 и наличие *омикрона* и последующей вертикальной гасты (но не ОМО) в конце стк. 11. Данное обстоятельство существенно ослабляет убедительность восстановления, предложенного Ю.Г. Виноградовым. Кроме того, восстанавливаемое им ключевое слово *ὀμολογία*, насколько мне известно, не засвидетельствовано в эпиграфических памятниках как эквивалент латинского *foedus* для обозначения союзных договоров между Римом и греческими полисами. В известных нам документах регулярно используются иные термины: *φιλία*, *συνμαχία*, *συνθήκαι*²⁰. Это побуждает искать другие варианты восстановления и толкования строк 10–11.

Надежно читаемое в начале интересующей нас синтагмы выражение *ἐφ' ὧν* следует понимать в значении обстоятельства места (ср. похожую конструкцию в разбиравшемся выше словосочетании *ἐπὶ τῶν πατέρων ἀμῶν*): «в присутствии которых», «перед которыми». Подразумеваются, несомненно, «римский сенат и Цезарь», упомянутые непосредственно перед *ἐφ' ὧν*. В качестве параллели процитирую письмо Нерона гражданам Родоса (Syll.³ 810), где император также говорит о направленном к нему посольстве: *τοὺς ὑπὲρ ὑμῶν ἐπ'*

²⁰ См., например, IG. IV². 1. 63 (Эпидавр); OGIS. 762 (Кибира); Syll.³ 694 (Пергам?). Ср. Gruen E.S. *The Hellenistic World and the Coming of Rome*. Berkeley–Los Angeles, 1984. P. 731–744; Avram A. *Der Vertrag zwischen Rom und Kallatis. Ein Beitrag zum römischen Völkerrecht*. Amsterdam, 1999. S. 30.

ἐμοῦ ποιησαμένων λόγους («произносившие в моем присутствии речи в вашу защиту»). Далее с большой вероятностью следует ожидать глагола, описывающего действия посла перед лицом Цезаря и сенаторов. Читаемые на эстампаже *альфа* и *ню* относятся, скорее всего, к этому слову. Предложенный Виноградовым глагол ἀνακτάομαι, означающий «получать назад», «восстанавливать», был бы скорее уместен для описания результата посольства, а не действий посла, выступающего перед (ἐφ' ὧν) высокопоставленными лицами. В данном же случае ожидается один из глаголов со значением «говорить» или «просить»²¹. В качестве искомого глагола с приставкой ἀνα- я предложил бы *exempli gratia* восстановить ἀν[ενεώσατο]. В значении «упоминать», «напоминать» глагол ἀνανεοῦμαι хорошо засвидетельствован в литературных и эпиграфических текстах, описывающих посольства²². В начале стк. 11 *tau* может принадлежать лишь слову, финальная гласная которого была элидирована перед αὐτοῦς. Другой возможности, кроме восстановления предлога ποτί, предложенного и Виноградовым, я не вижу²³. Интерпретация же непосредственно следующего местоимения αὐτοῦς не кажется однозначной. Как говорилось выше, Виноградов предполагал, что имеются в виду римляне. С другой стороны, коль скоро посольство во главе с Сатиром было отправлено гражданами Гераклеи Понтийской, ничто не мешает видеть в слове αὐτοῦς указание на отцов-гераклеотов.

Что касается восстановления ключевого слова, то, на мой взгляд, достаточно вероятным в данном контексте было бы такое предположение: буквы *омикрон* и *иота* (?), сохранившиеся после ὁμων в конце стк. 11, скорее всего относятся к существительному οἰκειότης, которое часто обозначает тесные связи между государствами: как между союзниками²⁴, так и между колонией и метрополией²⁵. Соответственно, имеются две возможности интерпретации текста, в равной степени вероятные. Можно предполагать, что в ходе своего посольства в Рим Сатир указал на родственные узы, связывающие Гераклею Понтийскую и ее таврическую колонию. В этом случае мы ожидаем употребление формулы οἰκειότης καὶ συγγένεια в примерно следующем тексте: ἐφ' ὧν ἀν[ενεώσατο? τάν]||[ἀρχᾶθεν πο]τῖ αὐτοῦς ὁμων οἰ[κειότητα καὶ συγγένειαν? ---] – «...перед

²¹ Не случайно и Виноградов, следуя контексту, по-русски передал ἀνακτάομαι как «выспросил», что, однако, не соответствует значению этого глагола. Кроме того, небольшой размер лакуны не позволяет восстановить необходимое при глаголе в случае истинности интерпретации Виноградова дополнение, а именно τάν ἐλευθερίαν. Предложенное им τὰ δίκαια («права»), хотя и подходит по количеству букв, но выглядит не слишком удачным термином для обозначения полученной гражданами свободы, особенно без притяжательного местоимения ἡμέτερα («наши»), добавленного исследователем в русском переводе, но, очевидно, не помещающегося в лакуну в греческом тексте.

²² Ср. *Diod. XIV. 19* (ἀπέστειλε δὲ καὶ πρὸς Λακεδαιμονίους πρεσβευτὰς τοὺς ἀνανεωσομένους τὰς κατὰ τὸν πρὸς Ἀθηναίους πόλεμον εὐεργεσίας); SEG. 34. 558 (Фессалия); IG. XI. 4. 756 (Делос).

²³ По поводу возможных вариантов восстановления ср. *Kretschmer-Locker. P. 74–75, 98.*

²⁴ При этом упоминается обычно пара «солидарность и дружба» (οἰκειότης καὶ φιλία). Ср., например, IG. XI. 4. 756 (Делос, договор с Римом) и комментарий Ф. Дюррбака ad loc. (*Choix inscr. Délos, p. 85*): «l'expression de φιλία καὶ οἰκειότης est courante et de style pour signifier entre états des relations de cordiale amitié». См. также Syll.³ 404 (Хиос и этолийцы); 560 (Магнезия и Эпидамы); REG. 1898. 11. P. 258 (Алабанда, договор с Римом). Ср. *Curty O. Les parentés légendaires entre cités grecques. Genève, 1995. P. 228.*

²⁵ В этом случае часто фигурирует пара «солидарность и родство» (οἰκειότης καὶ συγγένεια). См., например, Syll.³ 591 (декрет из Лампсака), A. Rehm, *Milet. I. 3, 37* (Милет и Крит). Ср. *Curty. Op. cit. P. 224.*

лицом которых [Цезаря и сената] он (упомянул) наши (давние связи и родство) с ними [т.е. с гераклеотами]». В самом деле, подобная фразеология известна из херсонесских декретов в честь граждан Гераклеи. В одном из документов херсонеситы говорят, что гераклеоты оказывают им помощь в силу «чувства родственной солидарности» (IOSPE. I². 362, 4: οἰκειῶι πάθει), а в другом херсонесском декрете упоминается «братская преданность» гражданина Гераклеи по отношению к Херсонесу (IOSPE. I². 359, 7: ἰσαδέλφωι εὐνοίῳ). Впрочем, не исключена и другая интерпретация предложенного выше восстановления заключительных строк надписи. В Риме Сатир мог упомянуть договор о дружбе, уже заключенный херсонеситами и римлянами примерно веком раньше. Об этом договоре нам известно благодаря еще одному эпиграфическому памятнику – договору Херсонеса и Фарнака Понтийского, датирующемуся, вероятнее всего, 155 г. до н.э.²⁶ (IOSPE. I². 402, 26: τὴν τε πρὸς Ῥωμαίους φιλίαν διαφυλασσόντων). В этом случае мы ожидали бы употребление формулы οἰκειότης καὶ φιλία для указания на договор о дружбе между Херсонесом и Римом: ἐφ' ὧν ἀν[ενεώσατο? τάν] [[ὑπαρχουσαν πο]τ' αὐτοὺς ἀμῶν οἰ[κειότητα καὶ φι][λίαν? ---] – «...перед лицом которых [Цезаря и сената] он (упомянул) существующие у нас с ними [т.е. с римлянами] (тесные связи и дружбу)». Не было бы удивительным, если бы гераклейский посол упомянул договор о дружбе, заключенный в прежние времена между Римом и Херсонесом, причем, скорее всего, при посредничестве все той же Гераклеи Понтийской²⁷.

Итак, согласно предложенному прочтению документа, в заслугу гераклейскому послу Сатиру вменяется упоминание в римском сенате таврического полиса либо в качестве колонии и союзника Гераклеи Понтийской, либо как государства, связанного в былые времена союзным договором с римлянами. В то же время из текста декрета не следует, что задачей дипломатической миссии Сатира было получение независимости Херсонеса от Боспора. Об истории самой Гераклеи Понтийской, отправившей данное посольство, в рассматриваемый период мы знаем немного. Можно, однако, напомнить, что миссия Сатира примерно совпадает по времени с выводом на гераклейскую территорию римской колонии, о которой сообщает Страбон (XII. 3. 6: γενομένη δ' ὑπὸ τοῖς Ῥωμαίοις ἐδέξατο ἄποικίαν Ῥωμαίων ἐπὶ μέρει τῆς πόλεως καὶ τῆς χώρας)²⁸. Обычно полагают, что она была послана Цезарем²⁹ после победы над Фарнаком в 47 г. Не исключено, что посольство Г. Юлия Сатира было связано именно с этим событием.

Теперь обратимся к другим доводам, выдвигавшимся в пользу гипотезы об элевтерии 46 г. до н.э. Как отмечалось выше, редкие оболы «первой элевтерии» были атрибуированы Орешниковым и Зографом именно на основе гипо-

²⁶ Аргументация в пользу исправления прежней датировки IOSPE. I². 402 суммирована в работе: *Leschhorn W. Antike Ären. Zeitrechnung, Politik und Geschichte im Schwarzmeerraum und in Kleinasien nördlich des Taurus. Stuttgart, 1993. S. 78 f.*

²⁷ О договоре между Римом и Гераклеей Понтийской сообщает Мемнон (FrGrHist 434, F 26), и отвергать это свидетельство нет достаточных оснований, несмотря на отсутствие точной датировки этого события.

²⁸ На основании сообщения Мемнона (FrGrHist 434, F 40) можно заключить, что после организации Помпеем провинции Понт-Вифиния восстановленная Гераклея не получила статус свободного города. Он упоминает гераклейское посольство, добивавшееся свободного статуса для города (Βριθαγόρας δὲ, ἤδη τῆς πόλεως αὐξομένης, ἐλπίδας ἐποίησατο πρὸς ἐλευθερίαν τὸν δῆμον ἀνευκεῖν) и ожидавшее прибытия Цезаря в Рим в течение 12 лет. Ср. *Marek Chr. Stadt, Ara und Territorium in Pontus-Bithynia und Nord-Galatia. Tübingen, 1988. S. 43.*

²⁹ *Ibid.* S. 48–49.

тезы Ростоцева. В связи с этим вспомним, что Зограф приводил интересные соображения относительно того, что оболы «первой элевтерии» весом до 15 г были приравнены к двум ассариям, или одному дупондию³⁰. В пользу этого, по мнению ученого, говорят другие херсонесские монеты серии элевтерии. Однако если данная идентификация верна, то она должна служить доводом против принимаемой самим же Зографом связи этих монет с элевтерией 46 г. до н.э. Дело в том, что первые эмиссии соответствующего номинала дупондия весом, в среднем варьирующимся между 11–14 г, датируются лишь временем Августа, а именно, после 27 г. до н.э. в Малой Азии (Пергам) и после 18 г. до н.э. в самом Риме³¹. Признавая всю сложность проблемы идентификации римских бронзовых номиналов на греческом Востоке³², отмечу следующее. Можно интерпретировать интересующие нас монеты как оболы и отвергнуть гипотезу об их возможной связи с римской системой номиналов. В этом случае у нас нет ключа к их датировке, и предлагавшаяся дата ок. середины 40-х годов является лишь одним из возможных вариантов. Если же признать эту связь, следует датировать данные монеты не раньше времени Августа. По весу (ок. 14–15 г) они окажутся наиболее близки номиналу дупондия конца периода Юлиев-Клавдиев³³. В пользу более поздней даты для этих монет говорят и два общих соображения. При следовании традиционной датировке мы имеем дело с редкой городской эмиссией на фоне полного господства боспорской монеты³⁴. С другой стороны, восстановление в Херсонесе местного массового чекана на основе римской системы номиналов наблюдается не ранее середины I в. н.э.³⁵ В этом случае ничто не помешало бы поместить данные монеты ближе к концу периода правления Юлиев-Клавдиев.

В поддержку гипотезы о цезаревской элевтерии приводилось также следующее наблюдение. Отмечалось, что хронологическая классификация херсонесских государственно-правовых актов дает следующую картину³⁶. Ко II в. до н.э. (до Митридатовой эпохи) относятся семь надписей; к нескольким годам, непосредственно предшествующим и следующим за Крымской кампанией Диффанта, относятся, как минимум, четыре надписи; в течение последующего временного отрезка длиной в полстолетия исчезают все документы законодательного содержания. С другой стороны, лишь на краткий период цезаревской элевтерии приходится три декрета: декрет в честь Сатира, декрет IOSPE. I². 347 и маленький фрагмент декрета, опубликованный в 1982 г.³⁷ Из этого наблюдения был сделан вывод, что появление данных эпиграфических докумен-

³⁰ А.Н. Зограф (Античные монеты. С. 159) приводит доводы в пользу такой идентификации номинала: «В других городах, особенно в III в., гораздо чаще можно встретить серию без номинала в 1 единицу, чем без дупондия, во-вторых, ... по размеру и весу он больше подходит к этой функции и, наконец, на роль самого младшего номинала может претендовать монетка с типом бюста “Херсонас” на лицевой стороне и фигуры Ники на оборотной».

³¹ Giard J.-B. Catalogue des monnaies de l'Empire romaine. I. P., 1976. P. 7. Весовой стандарт довольно редкого дупондия республиканского времени базируется на ассе весом ок. 27 г. См. RRC. I. P. 12, 159.

³² Характеристику проблемы см. RPC. I. P. 30 ff.

³³ Ср. Der neue Pauly. Bd 3. S. 845, s.v. dupondius (ср. RIC². I. P. 90, 102, 114).

³⁴ Голенко К.В. Состав денежного обращения Херсонеса в I в. до н.э. // ВДИ. 1964. № 4. С. 65.

³⁵ Зограф. Античные монеты. С. 157.

³⁶ Виноградов. От элевтерии к зависимости... С. 20.

³⁷ Шелов-Коведяев. Ук. соч.

тов знаменует новый этап в херсонесской истории, связанный с прекращением боспорского протектората и возвращением херсонесской общине ее законодательных полномочий.

Этот аргумент *ex silentio* не имеет достаточной доказательной силы. Во-первых, большая часть херсонесских надписей датируется на основании палеографии, а этот критерий чаще всего не позволяет датировать документы с точностью до полувека. Поэтому мы не можем уверенно постулировать отсутствие фрагментов декретов первой половиной I в. до н.э. Во-вторых, примеры других полисов, в частности Ольвии и Фанагории, показывают, что понтийский протекторат не означал прекращения деятельности демократических институтов, продолжавших издавать декреты (ср. IOSPE. I². 35, ольвийский декрет в честь кибернета из Амиса, датирующийся митридатским временем, и фанагорийский декрет 88/87 г. до н.э. относительно наемников³⁸). Наконец, и упомянутые только что надписи «времени цезаревской элевтерии» не являются столь однозначными свидетельствами в пользу существования последней. Декрет IOSPE. I². 347, одновременный декрету в честь Г. Юлия Сатира³⁹, был объединен Ю.Г. Виноградовым с фрагментом, найденным в 1976 г. М.И. Золотаревым⁴⁰. Однако признанное Виноградовым наиболее вероятным дополнением демотикона чествуемого лица как «боспорянин» должно говорить за то, что граждане Боспорской державы продолжали играть важную роль в Херсонесе именно в период независимости полиса от Боспора, что кажется не вполне логичным⁴¹. Фрагмент декрета, опубликованный в 1982 г., может быть датирован на основании палеографии и реконструкции формульного типа преамбулы позднее декретов в честь Сатира и IOSPE. I². 347 (около 46/45 г. до н.э.), но ранее IOSPE. I². 354 (время правления боспорской царицы Динамии). Это, в свою очередь, не позволяет надежно связать его с кратким периодом «первой элевтерии».

Наконец, в связи с интересующей нас проблемой элевтерии 46 г. до н.э. рассмотрим, на какой документальной основе базируется мнение исследователей, полагающих, что введение локальной эры ок. 25 г. до н.э. должно быть связано с подтверждением или повторным предоставлением независимости Херсонесу⁴². Имеющиеся эпиграфические источники не позволяют в настоящий момент вынести суждение относительно наличия такой связи. Хронологически наиболее близок к этой дате херсонесский декрет, упоминающий посла боспорской царицы Динамии (ее правление датируется ок. 21–12 гг. до н.э.)⁴³. Об-

³⁸ См. Виноградов Ю.Г. Фанагорийские наемники // ВДИ. 1991. № 4. С. 14–32; *Vinogradov Ju.G., Wörrle M. Die Söldner von Phanagoreia // Chiron. 1992. 22. S. 159–170.*

³⁹ На это указывают имена номофилаков Ламаха, сына Деметрия, и Аполлония, сына Зета, а также и диойкета Афиня, сына Стратоника, зафиксированные также среди рогаторов декрета IOSPE. I². 691.

⁴⁰ Виноградов. От элевтерии к зависимости... С. 19.

⁴¹ Ю.Г. Виноградов (там же) попытался объяснить это противоречие тем, что чествуемый персонаж мог быть одним из тех, кто помогал Херсонесу обрести независимость. Если исходить из того, что независимость была получена от Цезаря при посредничестве гераклеотов, такое предположение кажется лишенным оснований.

⁴² Так, Лешхорн, считает херсонесскую эру «эрой элевтерии», полученной впервые около 25 г. до н.э. (Op. cit. S. 66). Более осторожны авторы, говорящие о подтверждении Августом в 25 г. до н.э. «первой элевтерии» (Кадеев. Херсонес, Боспор и Рим... С. 57; он же. Херсонес Таврический в первых веках н.э. Харьков, 1981. С. 17) или о предоставлении таврическому полису неких привилегий, характер которых не поддается определению (Зубарь. Ук. соч. С. 126).

⁴³ О хронологии правления Динамии см. Сапрыкин С.Ю. Боспорское царство на рубеже двух эпох. М., 2002. С. 97, 116–117.

следование камня с этой надписью позволило мне улучшить чтение и предложить новое восстановление сткк. 4–6 декрета, наиболее существенных для понимания документа⁴⁴. О миссии посла Динамии говорится следующее: τὸν ὀφειλομέναν τῇ πόλει ἀμῶν βοήθειαν|[π]επιστευμένος προ[αγορευεῖν - - ἀξίως | τε τὸν ἐπιδόμιαν τὰς φι[λίας ὑπαρχούσας ἐποίησατο] – «(посол), наделенный полномочиями (провозгласить) полагающуюся (нашему городу военную помощь)... сделал свое пребывание достойным (существующей между нами) дружбы». С большой вероятностью восстанавливаемое в стк. 6 слово φιλία указывает на характер отношений между Херсонесом и Боспорским царством. Формально-юридически речь шла о договоре о дружбе и, скорее всего, военном союзе (συμμαχία) между двумя государствами. Таким образом, можно считать эпиграфически подтвержденным предположение (высказывавшееся еще Ростовцевым) о том, что протекторат над Херсонесом осуществлялся в рассматриваемый период, по всей вероятности, в форме военного союза. Была ли иной правовая база этих отношений при Фарнаке и Асандре, сказать сложно. Во всяком случае, в течение ряда последующих лет эти отношения не претерпели существенных изменений: о сохранении военного союза свидетельствуют две херсонесские надписи, упоминающие Полемона I Понтийского (IOSPE. I². 419 и 704)⁴⁵.

В качестве свидетельства в пользу подтверждения херсонесской элевтерии в правление Августа приводился еще один документ – большой, но очень фрагментарно сохранившийся декрет IOSPE. I². 355, в котором дважды встречается слово ἐλευθερία (сткк. 14, 31). На основании палеографии документ предлагалось датировать не позднее I в. до н.э., вероятнее всего временем Августа⁴⁶. К сожалению, нынешнее состояние камня делает крайне затруднительным не только контроль чтения надписи, но и ее палеографический анализ. Можно признать, что палеография должна помещаться в рамках последней четверти I в. до н.э. – первой половины I в. н.э., оснований же для более точной датировки я не вижу⁴⁷. В данном документе обращает на себя внимание то обстоятельство, что контекст, в котором упомянута «отеческая свобода» херсонеситов (стк. 31), имеет скорее всего *внутриполитический* характер. Внимательное чтение текста показывает, что выражение πάτριον Χερσονασίταις ἐλευθερία[v] логичнее относить не к предыдущей фразе, где речь идет о «величайшем императоре», сенате и римском народе, но к последующей, где упомянут некто, поставленный в Херсонесе тираном «сторонниками новшеств» (ὕπὸ τῶν νεωτερίζοντων τύραννον), очевидно, вопреки именно этой «отеческой свободе». В пользу этого говорит и дополненное Латышевым в постановляющей части декрета (стк. 40) слово «демократия» (τῆς δαμοκратίας) – ее восстановление вменяется в заслугу чествуемому лицу. При отсутствии в постановлении о почестях специального упоминания элевтерии кажется вероятным предположение, что «демократия» в

⁴⁴ Ср. текст этих строк в IOSPE: τὸν ὀφειλομέναν [έναν ---] | [π]επιστευμένος πρὸς ἀμὲ φέρειν? ---] | [- τὸν ἐπιδόμιαν[v] τὰς I[---] и реконструкцию, предлагавшуюся Ю.Г. Виноградовым (Полемон, Херсонес и Рим // ВДИ. 1992. № 3. С. 131, ср. Vinogradov Ju.G. Pontische Studien. Mainz, 1997. S. 563 + addenda).

⁴⁵ Я не могу разделить мнение Ю.Г. Виноградова (Полемон, Херсонес и Рим. С. 137) о том, что в IOSPE. I². 419 речь идет о Полемене II, так как эта интерпретация основывается на крайне сомнительном чтении эстампажа.

⁴⁶ Кадеев. Херсонес, Боспор и Рим... С. 57; он же. Херсонес Таврический... С. 15.

⁴⁷ Обзор мнений исследователей относительно датировки этой надписи см. в работе: Зубарь. Ук. соч. С. 122.

данном контексте выступает ее эквивалентом. Если это рассуждение верно, то у нас нет оснований связывать декрет IOSPE. I². 355 с получением Херсонесом независимости от Боспорского царства.

Резюмируя, можно сказать, что рассмотрение эпиграфических источников, связанных с проблемой «первой элевтерии», не позволяет ни один из них с уверенностью связать с сообщением Плиния Старшего (NH. VI. 85), являющимся главным (если не единственным) источником на этот счет. Значит ли это, что все попытки определить дату события, о котором пишет Плиний, следует считать безнадежными? В связи с этим, на мой взгляд, заслуживает внимания одна достаточно давно высказанная идея. В свое время П.О. Карышковский⁴⁸ усмотрел связь между первыми датированными по местному летоисчислению выпусками херсонесского золота и меди (71 г. херсонесской эры) и первым выпуском боспорского золота с монограммой Котиса I (342 г. боспорской эры). Им было выдвинуто предположение, что таким образом в Херсонесе была ознаменована независимость, полученная херсонеситами в награду за поддержку Котиса и римлян в период римско-боспорского военного конфликта 40-х годов I в. н.э. Именно с этим событием он предложил связать и упомянутую Плинием свободу Херсонеса. Данная точка зрения представляется мне на сегодняшний день наиболее приемлемой. В частности, она позволяет примирить указание Плиния с цитированным выше свидетельством Страбона (VII. 4. 3) и данными херсонесской эпиграфики.

«THE FIRST ELEUTHERIA» OF CHERSONESUS TAURICA IN EPIGRAPHICAL SOURCES

I. A. Makarov

M. Rostovtzeff's hypothesis that the *eleutheria* was granted to Chersonesus by J. Cesar in 46 BC was based upon the Chersonesian decree in honour of G. Julius Satyros (IOSPE. I². 691) as well as on Pliny's evidence (NH. VI. 85). The author of this paper considers different variants of restoration of the final lines of IOSPE. I². 691 and makes an attempt of its historical interpretation. Satyros was sent as ambassador to Rome by Heraclea Pontica, Chersonesus' metropolis (this thesis was first put forward by Yu.G. Vinogradov). Lines 10–11, when restored, offer an ambivalent understanding: (1) in the course of his mission Satyros mentioned old connections between Chersonesus and Heraclea; (2) Satyros mentioned a treaty between Chersonesus and Rome concluded a century before through the mediation of Heraclea. However, the text of the decree as it is preserved bears no mention of the *eleutheria*. The connection postulated between a series of Chersonesian coins with the *eleutheria* of 46 BC cannot be reliably established. Moreover, the hypothesis of Cesar's *eleutheria* contradicts the data of Strabo (VII. 4. 3). These facts make it possible to connect Pliny's evidence with some events of later time (probably, with the Roman-Bosporan war of the 1st c. AD).

⁴⁸ Карышковский П.О. Об эре Херсонеса Таврического // КСОАМ. Одесса, 1961. С. 111–112.

Международный «круглый стол»
«Hispania в системе древних цивилизаций Средиземноморья»

© 2005 г.

Х. Альвар

**ПОВЕРЖЕННЫЕ ИСПАНЦЫ. ОТНОШЕНИЯ РИМЛЯН
С ПОБЕЖДЕННЫМИ**

«Однако сама природа, я полагаю, доказывает, что справедливо, когда сильный имеет больше, чем слабый, и могущественный больше, чем тот, кто им не является» (Plat. Gorg. 483 c-d).

«Однако этот мир возможен только в том случае, если вы согласны выслушать его (Ганнибала) условия в сознании, что вы побеждены и что Ганнибал ставит их как победитель, если вы, памятуя, что победителю принадлежит все, согласны считать подарком то, что он оставляет вам, а не потерей то, что он у вас отнимает. Итак, он отнимает у вас город, который и без того уже в его власти, будучи в значительной степени разрушен и почти весь взят им; зато он оставляет вам землю, предоставляя себе указать вам место для основания нового города. Сверх того, он требует отдать ему все золото и серебро, находящееся как в общественной казне, так и у частных лиц; зато он обеспечивает вам жизнь, честь и свободу, как вашу собственную, так и ваших жен и детей, — если вы согласны покинуть Сагунт без оружия, взяв по две одежды на человека. Таков приказ победоносного врага, таков же и совет — совет тяжкий и грустный — нашей судьбы. Я со своей стороны не теряю надежды, что Ганнибал, видя вашу покорность, несколько умерит свои требования; но и теперь я полагаю, что лучше подчиниться им, чем допустить, чтобы враг по праву войны убивал вас или же перед вашими глазами силой отнимал и волок в рабство ваших жен и детей» (Liv. XXI. 13. 5–9¹).

Такова речь, которую Тит Ливий приписывает Аморку, солдату Ганнибала, но соединенному узами гостеприимства с сагунтийцами, которую он произнес накануне захвата города. В действительности, не имеет особого значения, какой конкретной ситуации соответствует это выступление; оно исключительно подходит в качестве введения для нашего намерения понять мотивацию, особенности и формы поведения победителей, поскольку вскрывает необходимые для этого предпосылки.

«Ганнибал ... со всем своим войском напал на город. В одно мгновение Сагунт был взят; Ганнибал распорядился предавать смерти всех взрослых (отпес

¹ Здесь и далее переводы даются по изданию: *Тит Ливий. История от основания города. Т. I–III / Отв. ред. Е.С. Голубцова. М., 1989–1993.*

puberes) подряд. Этот приказ был жесток, но исход дела как бы оправдал его. Действительно, возможно ли было пощадить хоть одного из этих людей, которые частью, запершись со своими женами и детьми, сами подожгли дома, в которых находились, частью же бросались с оружием в руках на врага и дрались с ним до последнего дыхания.

Город был взят с несметной добычей. Многое, правда, было сознательно испорчено самими владельцами; правда и то, что ожесточенные воины резали всех, редко различая взрослых и малолетних, и что пленники были добычей самих воинов. Все же не подлежит сомнению, что от продажи ценных вещей выручили значительную сумму денег и что в Карфаген было отправлено много дорогой утвари и тканей» (Liv. XXI. 14. 3–4; 15.1–2).

Несмотря на полную ясность изложения, в приведенных выше указаниях Ливия не видно убедительного объяснения причин, в силу которых варьировалась степень жестокости поведения римлян; почему, например, античный автор указывает, что Ганнибалом был отдан приказ убить всех взрослых (Liv. XXI. 14. 3)². Отдельные из возникающих вопросов имеют, по-видимому, легкие ответы и для читателя книги античного историка они очевидны; моя же цель состоит в попытке их обобщения на основе тех сведений, которые предлагают письменные источники³, предпринять своего рода экскурс в суть проблемы. Это намерение является нелегким в силу особенностей источниковой информации. Например, она с трудом позволяет воссоздать в диахронии формы поведения победителей; нелегко установить поведенческую парадигму как таковую и определить характер ее восприятия побежденными народами (как в историографии это было сделано, в частности, для самого Рима)⁴.

* * *

Культурно-духовное насилие, которое предполагает покорение индивида, приобретает еще более драматичные размеры, если ему предшествует такой жестокий вид физического и психологического угнетения, каковым является война. Анализ обстоятельств покорения народа, следующего за военным поражением, открывает возможности для размышлений о той специфике социально-политических отношений, на которую оказывают влияние побуждения и мотивации самого различного рода, например, обстоятельства, при которых произошло поражение, логика победителей, мотивы военного противоборства или, наконец, стратегии, проистекающие из триумфа. Речь идет, таким образом, о серии факторов, способствующих выяснению вопроса о том, почему в одних случаях поведение победителей являлось отличным от других и почему оно было дифференцированным с учетом, например, возраста или пола побежденных.

² Краткие, но справедливые замечания о том, как воспринимается факт покорения народа в результате войны, см. *Rihll T. War, slavery and settlement in early Greece / Ed. J. Rich, G. Shipley. War and Society in the Greek World. L.-N.Y., 1995. P. 77 ff.*

³ Известна таксономия, специально разработанная для суицида и сознательно спровоцированной смерти. Эта таксономия достаточно наглядна в свете тематики, которая привлекает наше внимание. См. *Hooff A.J.L. van. From Autothanasia to Suicide. Self-Killing in Classical Antiquity. L.-N.Y., 1990. P. 85 ff.*

⁴ В этом смысле интересна работа: *Evans J.K. War, women and children in Ancient Rome. L.-N.Y., 1991*, в которой указанные в названии категории лиц анализируются с точки зрения жертв военных конфликтов, но не как субъекты, поставленные в отношения зависимости вследствие войны. А именно этот ракурс интересует нас.

Исторический момент, избранный для осуществления анализа подобного рода, – это длительный период от начала второй Пунической войны и до конца завоевания. На протяжении этого периода римские войска вступают в контакты с местными обществами, находившимися на разном уровне историко-культурного развития. В результате к естественным переменам в их жизни добавляются другие, не менее значимые изменения, которые оказывают влияние на социально-экономическую разбалансировку парадигмы поведения противоборствующих сторон.

Из такого подхода вытекает наша гипотеза, которая – несмотря на кажущуюся ясность – нуждается в обосновании: взаимодействие с побежденными серьезным образом обуславливается производственными отношениями в лагере победителей. Так, многие туземные народы, чья экономика базировалась на сельском хозяйстве и домашнем характере производства, не находили лучшей участи для военнопленных, кроме как их убийство⁵. И это проистекало не оттого, что их жестокость была выше той, которая была свойственна цивилизованным народам, а потому, что интеграция побежденных в их производственную систему была невозможной. Исходя из этого, для античных авторов нередко не имело принципиального значения, каким образом победители-aborигены избавлялись от противника, хотя они и указывают, что сублимация триумфа часто вела к принесению пленника в жертву богам. О существовании такой практики у лужитан со всей очевидностью свидетельствует Страбон (III. 3–6): «У них в обычае гадания по человеческим внутренностям пленников, которых они сначала закутывают в плащи, затем, когда жрец-гаруспик поражает жертву во внутренности, гадают прежде всего по падению тела жертвы»⁶.

Ритуальная экзекуция противника не являлась исключительно лужитанской традицией; Страбон (III. 3. 7) связывает ее и с религиозной практикой северных горцев (Пиренейского полуострова. – *Прим. переводчика*), указывая, что они посвящали Аресу (предположительно, богу Косу, отождествляемому Страбоном с Аресом) молодого козла, военнопленных и коней. Однако было бы крайним упрощением считать, что человеческие жертвоприношения объясняются исключительно необходимостью избавления от взятых в плен врагов. В действительности посвящение человеческой жизни богам имело множество идеологических и социальных узлов, связанных с образом жизни и способом его восприятия не только «варварскими», но и «цивилизованными» обществами, и порождавших среди интеллектуалов споры, которые своей сутью иногда волновали и их чувствительность (например, см. Liv. XXII. 57. 1–7 – относительно человеческих жертвоприношений, осуществленных римлянами в 216 г. до н.э. Автор связывает этот обряд с религиозными практиками эллинов и, в частности, Дельф)⁷. Ве-

⁵ Например, см. *Diod. XXXI. 42.*

⁶ Эта же традиция засвидетельствована и среди галлов (например, см. *Strabo. IV. 4. 5; Diod. V. 31. 1.*)

⁷ Изучению этого феномена посвящены многочисленные исследования, достаточно вспомнить: *Dumézil G. La religion romaine archaïque. P., 1966. P. 435–437; Clavel-Lévêque M. Les Gaules et les Gaulois: pour une analyse du fonctionnement de la «Géographie» de Strabon // DHA. 1974. 1. P. 75–94; eadem. Religion, culture, identité. Mais où sont les druides d'antan...? // DHA. 1985. 11. P. 557–604; Zecchini G. I druidi e l'opposizione dei Celti a Roma. Milan, 1984. P. 35–39. О длительности существования этого обряда, нашедшего развитие в виде ритуальных игр, см. *Clavel-Lévêque M. Rituels de mort et consommation de gladiateurs: images de domination et pratiques imperialistes de reproduction / Hommages à L. Lerat. I. P., 1984. P. 189–208.**

роятно, один из наиболее пугающих примеров, в которых со всей убедительностью выражено отвращение к этому типу действий и которые одновременно фиксируют безмерную пропасть между цивилизованным и варварским мирами, содержится в рассказе Ливия о катастрофе, разразившейся с вновь избранным консулом Постумием во время войны с бойями: «Постумий пал, сражаясь из последних сил, только бы не попасть в плен. Бойи с ликованием внесли его доспехи в наиболее почитаемый у них храм; с отрубленной головы счистили все мясо и по обычаю своему оправили череп в золото; из него, как из священного сосуда, совершали по праздникам возлияния и пили, как из чаши, жрецы и предстоятели храма» (Liv. XXIII. 24. 11–12)⁸.

В свою очередь римляне обращением повергнутого неприятеля в рабство достигали наивысшего удовлетворения от затраченных ради победы усилий: они лишали противника его территории⁹, продавали население и сеяли страх, необходимый для того, чтобы соседние народы сдавались *in fides* и чтобы успех высвечивал победителям новые горизонты и программировал гораздо более низкую цену предстоящим победам. С точки зрения как римлян, так и многих туземцев, существовала лишь одна худшая, чем порабощение, ситуация – это смерть. Ужас, который вызывала насильственная смерть, служил необходимым стимулом для того, чтобы проучить народы и заставить их сдаться без сопротивления. Таким образом, то, что на первый взгляд казалось малорентабельным (жертвоприношение побежденного), впоследствии могло принести наибольшие результаты для победителей¹⁰. Поэтому в наших источниках часты сцены уничтожения противника. Традицией засвидетельствованы и другие, пожалуй, еще более жестокие акции: их осуществляли туземцы по отношению к римлянам, а они, в свою очередь, включили их в собственный опыт. Речь идет об ампутации у воина рук, что являлось ни чем иным, как отсроченной смертью, так как тот, кто не умирал немедленно от потери крови, умирал позже от сепсиса и инфекций, а те немногие калеки, которые выживали, были обречены стать маргиналами, лишенными какой-либо опоры и поддержки¹¹.

⁸ «...all warfare involves sociopolitical suspensions of the ethical, whereby the otherness of the enemy is radically accentuated, a situation that permits and legitimates their victimization. War is, in truth, that situation in which the killing of other people on a grand (or even total) scale is rendered not only licit but requisite, even glorious, by virtue of the fact that those others belong to a rival group to whom ethical norms do not extend, they having been effectively defined as subhuman or even nonhuman» (*Lincoln B. Death, War, and Sacrifice. Studies in Ideology and Practice. Chicago, 1991*). Более конкретно см. в главах 13 («Sacrificial Ideology and Indo-European Society») и 14 («The Druids and Human Sacrifice»).

⁹ Относительно территориальных конфискаций у галлов см. *Clavel-Lévêque M. Puzzle Gaulois. Les Gaules en Mémoire. Images. Textes. Histoire. Besançon–Paris, 1989. P. 221 sqq.*

¹⁰ Страх насильственной смерти находит точный коррелят в сюжетах сказок и басен, как авторских, так и безымянных. Это сформулировал Х. Каскаjero (см. *Cascajero J. Lucha de clases e ideología: introducción al estudio de la fábula esópica como fuente histórica // Gerion. 1991. 9. P. 11–58; idem. Lucha de clases e ideología: aproximación temática a las colecciones no contenidas en las colecciones anónimas // Gerion. 1992. 10. P. 24–53*). Заинтересовавшийся этой темой может найти соответствующие подборки сказок на с. 52 первой из цитированных работ и на с. 59 – второй. Противоположный исход ассоциируется, естественно, с добровольной смертью – предметом исследования А. ван Хооффа (*From Autothanasia to Suicide... Passim*).

¹¹ *Strabo. III. 3. 6: «[лузитаны] отрезают руки у пленников и приносят правые в жертву богам»*. О том, что римляне усвоили этот обычай, можно прочитать у Фронтинана (IV. 1. 42) или Диона Кассия (Fr. 75).

У покоренных римским империализмом народов средства для того, чтобы переломить уготованную им судьбу, были достаточно скудными. Фактически они сводились к просьбам о помиловании (римляне воспринимали их обычно с издевками и глумлением) или к смерти. Драматизация этого второго варианта очень характерна для античной историографии, подчеркивавшей таким способом примитивизм варваров, в отличие от которых римляне подчиняли свое поведение специально разработанным для подобных ситуаций правилам «военного искусства». Однако не все смерти были одинаковы, так что античные авторы – в соответствии со своими намерениями – выделяли их разные виды. Во-первых, следует различать суицид и убийство; для обоих этих видов в наших источниках существуют соответствующие примеры.

Один случай, привлекающий внимание своей необычностью как совмещающий оба способа ухода из жизни, приведен Диодором. Автор сообщает, что один совсем маленький мальчик убивает своих сестер и затем погибает от истощения¹². Этот способ требовал гораздо большего мужества, чем другие, ставшие известными, в частности, благодаря Страбону (III. 4. 17): «...во время Кантабрийской войны матери убивали своих детей, прежде чем их захватывали в плен; и даже маленький мальчик, по приказанию отца захватив меч, убил взятых в плен и закованных в цепи своих родителей и всех братьев; и женщина умертвила своих товарищей-пленников; какой-то кантабр, когда его призвали к пьяным солдатам, сам бросился в огонь. Эти нравы были свойственны также кельтским, фракийским и скифским племенам».

Это сообщение Страбона повторяется с теми или иными деталями в качестве своего рода топоса (предназначенного, видимо, для восхваления любви к свободе) Аппианом. Он утверждает, что бракары были очень воинственны и что они предпочитали убивать своих женщин и детей собственными руками вместо того, чтобы отдавать их в рабство (в частности, см. App. Ib. 33¹³). Диодор (XXV. 15) сообщает, что при взятии Ганнибалом Сагунта женщины, совершив убийство своих детей, повесились сами. Факты такого рода предполагали, помимо прочего, и сокращение добычи, на приобретение которой рассчитывали победители. Рассказ Ливия (XXVIII. 22. 2–23. 5) о взятии Астапы (ср. App. Ib. 33) окрашен в драматические тона, которые по силе воздействия вполне сопоставимы с впечатлениями от наиболее часто вспоминаемых героических подвигов.

Смысл этих сведений можно дешифровать, если вслед за античными авторами принять во внимание, что речь идет об отчаянном стремлении иберов к свободе, достижению которой, однако, мешала присущая варварам дезорганизованность. Таким образом, в факте позитивного признания храбрости и отваги закодирована и «негативная» информация, которая идентифицирует варвара с беспокойным и крайне неудобным оппонентом римской системы ценностей и интересов. Нет сомнения, что при выделении странностей поведения другого становится возможным то отчуждение, которое порождает особую симпатию к своему миру и отказ от чужого как чуждого; а так как в риторических упражнениях любой пример служит поставленной цели, то обратимся к Страбону (III.

¹² См. *Diod. XXXIV–XXXV*. Этот пример использован А. ван Хооффом (From Autothanasia to Suicide... P. 46, 111), в то же время автор обходит молчанием, например, случай потопления рабами того судна, на котором их перевозили.

¹³ Здесь и далее переводы даются по изданию: *Аппиан Александрийский. Иберийско-пунийские войны (Иберика) / Перевод С.П. Кондратьева // ВДИ. 1939. № 2. С. 265–300.*

4. 18): «Что касается безрассудства, отчаянности кантабров, то приводят такой пример: несколько пленников-кантабров, распятых на крестах, запели победную песнь».

Такой ремаркой безграничное достоинство превращается в трудно переносимую неумеренность. Ее крайним воплощением является варварская женщина – символ опасности, порождаемой скрытой жестокостью, способной посягнуть даже на естественный, природный порядок. Фактически варварка идентифицируется с идеей ниспровержения установленного порядка, и это объясняется ее участием в войне, производстве и обряде кувады, когда она, завершив роды, давала отдых не себе, а мужчине¹⁴.

Когда для победы над римской военной машиной испанцам одной храбрости было недостаточно, они привлекали самые различные методы, лишь бы избежать порабощения. Обычно эти методы сводились к разным видам предания смерти. Помимо применения для этой цели оружия, Страбон сообщает, что «иберийским является также обычай постоянно держать при себе наготове на всякий случай безболезненный яд, который они добывают из травы, очень похожей на сельдерей; далее, у них принято посвящать свою жизнь тем, с кем их связывают узы дружбы, и даже самим умереть за них» (Strabo. III. 4. 18). По-видимому, здесь речь идет об обряде *devotio*, который практиковался, правда, не так часто, как это принято считать, например, на основании случая с варваром, убившим Гасдрубала за то, что он подверг смерти его господина (Liv. XXI. 2.6); Аппиан называет этого мстителя рабом (Ib. 8)¹⁵.

Реакция на порабощение не всегда оказывалась немедленной, хотя можно привести много примеров для понимания того, насколько варвар был подвержен духу и жажде свободы. Иногда обстоятельства могли сломить волю пленных, и в силу их апатии или отсутствия у них организации их погружали на корабли и отправляли на невольничьи рынки, где судьба открывала им новые горизонты. В действительности бо́льшая часть противников Рима оказывалась покоренной именно таким способом и использовалась для укрепления производственной системы империи. Однако в отдельных случаях пленники оказывались в состоянии реагировать даже в тот момент, «когда жребий уже был брошен». Последователи Тангина в Нумантийской войне были захвачены в плен, но многие из них предпочли смерть, чтобы избежать унижения, другие убили своих покупателей, а иные во время плаванья просверливали отверстия в ко-

¹⁴ Об обычаях инверсии (*inversio*) на севере (Пиренейского полуострова. – *Прим. переводчика*) см. также *Just.* XLIV. 3. Важно принять во внимание тонкий анализ проблемы, предпринятый М. Клавель-Левек (*Clavel-Lévêque M. Codage, norme, marginalité, exclusion. Le guerrier, la plerouse et la forte femme dans la barbarie gauloise // DHA. 1996. 22. P. 223–251; в частности, см. с. 227*). По моему мнению, кувада является формой ритуализации факта признания отцовства за партнером по куваде, демонстрируемого матерью младенца. Давая ему отдохновение, женщина смиренно соглашается с тем, что отец ребенка – это благодетель, нуждающийся в восстановлении сил. Таким образом, обряд кувады свидетельствует не о слабости мужчины и силе женщины-северянки, а о господстве маскулинной социоэкономической системы, которая факту неясности отцовства противопоставляет крайне оскорбительный ритуал женского подчинения и почитания мужчины.

¹⁵ Часто допускается, что эта практика была чисто испанской. Однако при этом забывается о многочисленных случаях подобного рода, имевших место в греческом и римском мире вплоть до гораздо более позднего времени. См. *Hooff. From Autothanasia to Suicide... P. 126 ff.*, а также *Versnel H.S. Two Types of Roman Devotio // Mnemosyne. 1976. 29. P. 364–410.*

раблях, на которых их перевозили, и таким образом тонули (App. Ib. 77). В силу своей широкой известности заслуживает безусловного упоминания факт коллективного самоубийства сагунтийцев, ставшего образцом экзотической смерти, свойственной варварскому максимализму и экзальтации и повторенной индиями, изауриями, сидонянами, виктомеланами¹⁶. Столь героические поступки не могли покончить с системой, но они облегчали те страдания, которыми несчастных была готова наградить цивилизация. Подобные случаи оправдывали существование тех рассказов, по-видимому, преувеличенных, в которых униженная жертва, находясь на пределе возможностей, оказывалась способной пожертвовать жизнью, если этим поступком она добивалась смерти того, кто подвергал ее пыткам и мучениям¹⁷.

Однако известны случаи, когда столь решительные меры не использовались. Люди покидали собственную землю, оставляя при этом имущество в руках врага, и пытаясь найти пристанище у тех, кто мог его предоставить. Реакция римлян на такое поведение варьировалась в зависимости от конъюнктуры войны, однако, достаточно красноречив пример, сообщенный Аппианом (Ib. 75) в связи с капитуляцией Талабриги (Авейро). Брут потребовал передачи римских перебежчиков, которые, – как и в Нуманции во время пребывания там Помпея (App. Ib. 79), – были приняты туземцами и даже сражались на их стороне; кроме того, он приказал вернуть пленных, которых захватили талабриганцы, и сложить оружие. Безоружным мужчинам он велел покинуть город вместе с женами и детьми. Однако впоследствии Галлаик пересмотрел ситуацию, посчитав, что умеренно-мягкое поведение облегчит ему продвижение на север, так как уменьшит сопротивление на местах. Поэтому он решил дать изгнанникам право на возвращение, и по прямым последствиям этот акт, несомненно, явился наиболее эффективным.

ФОРМЫ ПОДЧИНЕНИЯ ПОБЕЖДЕННОГО ПРОТИВНИКА

Победа выражалась посредством присвоения имущества побежденного и его собственной жизни. Действительно, в менталитете римлян отсутствовало известное современному человеку различие между имуществом и человеческой жизнью, поскольку варвар ценился не больше, чем его собственность и в рабовладельческой экономике он был не более, чем орудием производства. Его собственники могли делать с ним все, что считали целесообразным, для них не существовало различий в использовании земли, движимого имущества или людей. Победитель мог физически уничтожить противника, включить его в войско, взять в заложники, обложить штрафами и поборами, заставить оплатить военные убытки, обратить в раба, присвоить себе его землю, продать его имущество, но также мог проявить мнимое милосердие, когда/если хотел превратить благоволение в наиболее изощренный инструмент господства.

¹⁶ См. Hooff. From Autothanasia to Suicide... P. 57.

¹⁷ Это соображение было высказано Х. Каскаjero, и этот же автор напомнил мне о тех безымянных рассказах, судя по которым, моряк мог с особым удовлетворением принять смерть, если видел, как от удущья погиб его недруг; тунец мог погибнуть, выпрыгнув из воды, чтобы вызвать одновременную агонию атакующего его дельфина; змее было легче оказаться раздавленной телегой вместе с мучающей ее своим жалом осой. См. Cascajero. Lucha de clases e ideología... P. 37.

После взятия Сагунта Ганнибал предал казни оставшуюся в живых часть взрослого населения и превратил город в колонию. Нет сомнения, что сагунтийский вариант расправы должен был стать назидательным в планах карфагенского предводителя, т.к. город показался ему откровенно враждебным, готовым превратиться в самый эпицентр борьбы между пунийцами и римлянами. Ни в одном другом регионе не конкурировало между собой столько факторов, благоприятствовавших зверской расправе, которая могла бы понадобиться для пресечения попыток отложения, способных проявиться самым непредвиденным образом в какой-либо перспективе. То же самое необходимо иметь в виду в связи с действиями Сципиона в Иллирии, когда все жители подряд, и дети, и женщины, оказались жертвами его гнева, вызванного их преднамеренным предательством (App. Ib. 32). Выделив особо детей и женщин, Аппиан указал тем самым на аморальность поведения римского полководца, так как предпринятое им дело – экспансия *romanitas* – не могло осуществляться посредством систематического уничтожения противника. Оправдание завоевания базировалось фактически на пропаганде идеи о целесообразности интеграции варваров в *romanitas*.

Лишь гнев и доходность военного террора могут объяснить бесчеловечный жест образцового генерала, который, как известно, даже при осаде Кастакса вел себя довольно благородно (см. App. Ib. 32; о положительной оценке образа Сципиона также см. Diod. XXVI. 21; Liv. XXVI. 49–50). Приведенный выше пассаж Аппиана по своему содержанию может быть связан, несмотря на искажения автором имен, с Ливиевым рассказом о взятии Илитургиса и Кастуллона (Liv. XXVIII. 19. 1 sqq.). В пассаже Ливия содержится одно из наиболее серьезных обоснований того наказания, которому должны были быть подвернуты предатели-илитургийцы: «Испанцы заперли перед вами (римлянами. – *Прим. переводчика*) ворота и тем показали, что им есть чего бояться; сражаться с ними будем ожесточеннее, чем с карфагенянами; мы на карфагенян не в гневе и сражаемся с ними за славу и власть, илитургийцев же наказываем за вероломство, жестокость и злодейство. Наступил момент отомстить за гнусное избиение наших соратников и за ловушку, в которую они попали, занесенные сюда бегством. Пусть останется в веках суровый пример, чтобы никто никогда, ни при каких обстоятельствах, не осмелился обидеть римского гражданина или воина, даже униженного судьбой» (Liv. XXVIII. 19. 6–9).

Вследствие этого выступления Сципиона поведение римских солдат стало зверским, на что указал тот же Ливий (XXVIII. 20. 6–7): «Город явно осаждали гнев и ненависть: никого не брали в плен, никто и не вспомнил о добыче, хотя все было открыто настезь; убивали подряд всех: вооруженных и безоружных, женщин и мужчин; свирепый гнев не угашали даже младенцы. Поджигали дома, разрушали то, что не горело; уничтожить следы города, стереть даже память о нем – вот чего хотелось римлянам». Что касается Кастуллона (это, безусловно, Кастакс, упоминаемый Аппианом), то эта «победа была не такой кровавой: и вина кастуллонцев была не столь велика, и добровольная сдача смягчила гнев победителей» (Liv. XXVIII. 20. 12).

Таким образом, совпадение оценок Аппиана и Ливия является полным, и у обоих авторов нашла отражение идея о крайней необходимости наказания, осуществленного римлянами, которые, теряя все в конкретной ситуации, гарантировали себе таким образом наибольший успех и добычу в будущем. В других

случаях для гарантии успеха предприятия использовались комбинированные меры. Одним из римских военачальников, который во время пребывания в Испании причинил огромный вред самому Риму, был Лукулл, хотя очевидно, что ущерб, нанесенный им испанцам, был еще более серьезным. Аппиан в рассказе о событиях в Кауке (App. Ib. 52) сообщает, что он взял заложников, в силу чего старейшины ваккеев, накануне посетившие его в готовности сделать все, «чтобы заслужить его дружбу», могли счесть, что наихудшее зло для их города уже миновало. Тем более что по приказу Лукулла ваккеи выдали ему 100 талантов серебра и выделили всадников для участия в его походах. Однако безнравственность римлянина коренилась в уверенности, что заложники ни в коей мере не обеспечивали целостности и покорности города, – а ведь именно таковым был истинный мотив их захвата, и Лукулл не только потребовал принятия ваккеями Кауки римского гарнизона, но и вошел в город с 2000 отборных воинов и истребил поголовно все его население, «не пощадив ни пола, ни возраста». Лишь немногим из 20000 человек, находившихся в городе, удалось бежать. Убийство противника было необходимо Лукуллу и для того, чтобы избежать возмездия, которое последовало бы за исполнением плана, задуманного им без какого-либо стыда и включавшего захват такой добычи, которая способствовала бы его личному обогащению.

После победы Сципиона в Нуманции убийства становятся нормой, поскольку ресурсы, доступные для эксплуатации в этой области, были скудными вследствие их систематического уничтожения, и страдания римских войск могли быть компенсированы лишь политикой мщения. С другой стороны, уместно предположить, что рынок был с избытком переполнен кельтиберами, ибо иначе было бы трудно понять, почему Тит Дидий убил 20000 аруаков (App. Ib. 99) и большое количество жителей Коленды (ibid. 100), почему Флакк убил 20000 кельтиберов и казнил зачинщиков жестокой расправы, учиненной жителями города Бельгеды над своими сенаторами за их колебания в деле организации отпора римлянам (ibid.), и т.д.

Ранее Сципион намекнул на иной вариант: взамен немедленному уничтожению – ампутация руки. Свирепость экзекуции может быть осмыслена лишь в терминах безмерной жесткости, осложнявшейся порой еще и какими-либо конкретными обстоятельствами, которые – в силу характера информации – нам не известны. С такого рода обстоятельствам сопряжен, вероятно, случай с Коннабой, предводителем разбойников, который добровольно сдался Фабию Максиму Сервилиану и был прощен (App. Ib. 68). Возможно, что между римским полководцем и бандитом существовал какой-либо тип договора, поскольку всем со товарищам Коннабы были отрублены руки, в то время как сам он, главарь, избежал этого и даже остался на свободе. Смысл состоял, конечно, в стремлении покончить с любым типом повстанческих выступлений или нарушения порядка, однако прощение, данное Коннабе, как кажется, преследовало явно двойную цель – наградить его за предательство и сделать этот поступок показательным для бандитов, также занимавшихся грабежом и разбоем. С другой стороны, в конце Нумантийской войны город Лютия передает римлянам 400 юношей из числа сторонников нумантийцев, которым Сципион велел отрубить руки (App. Ib. 94). Военные перипетии служат еще одной причиной жестокости наказаний; по мнению римского военачальника, необходимость быстрого завершения войны требовала столь решительных мер, которые, безусловно, ослабляли союзы аруаков, хотя одновременно предполагали и гибель людей, которых можно было бы обратить в рабство или включить в состав войска.

О военной эксплуатации побежденного противника можно говорить на основании Страбона, который утверждает, что галлы не одарены способностью ведения боя и что, поскольку они более сильные всадники, чем пехотинцы, то из них рекрутируется лучшая конница римлян. В ряде случаев варваров включали даже в число прямой свиты римского военачальника, что свидетельствует не только о том, до какой степени покоренный может интегрироваться в войско, но и о тактике социального разделения заложников, часть которых включалась в состав *amicī* римлян.

Такое явление должно было быть распространенным в эпоху завоевания Испании, особенно если принять во внимание длительную традицию службы испанцев в иноземных войсках. Практика включения туземцев в римские войска начинается фактически со времени появления римлян на Пиренейском полуострове. Это произошло, в частности, и с рекрутированием Гнеем Корнелием Сципионом своих вспомогательных когорт (Liv. XXI. 60. 4). С тех пор участие испанцев стало постоянным и продлилось до времени полного усмирения полуострова.

Другая форма интеграции осуществлялась не обращением в полную зависимость, а путем контракции, широко известной среди испанцев и хорошо ими принимавшейся. Любопытно, что до Ливия докатилось эхо упоминаний о первом случае включения римлянами наемников в свои войска; они были объединены в группы по возрастному цензу: «В Испании не произошло ничего достопамятного; только римские военачальники призвали к себе юношей-кельтиберов, пообещав платить им такое же жалование, за которое они договорились с карфагенянами; и послали более трехсот знатнейших испанцев в Италию отговорить соплеменников, служивших у Ганнибала, от службы в его вспомогательных войсках. Это единственное, что стоит отметить в испанских событиях того года, – ведь прежде у римлян никогда не бывало в лагере никаких наемных воинов» (Liv. XXIV. 49. 7–8).

Однако в мои намерения не входит разговор об этих событиях, прекрасно известных к тому же благодаря работам Х.М. Рольдана¹⁸. Хочу лишь подчеркнуть, что этот способ покорения, присущий любой форме интеграции противника в войско, касался лишь мужчин призывного возраста и что во многих случаях он являлся более положительным, чем то, что побежденному неприятелю могла предложить судьба. Необходимо отметить особо, что лишь немногие из покоренных получали эту привилегию, так как большая часть испанцев включалась в римское войско на основе союзничества, а не как следствие военной конфронтации. Однако союзы и договоренности с легкостью нарушались, и во избежание этого было необходимо применять всяческие меры предосторожности, как, например, взятие заложников.

ЗАЛОЖНИЧЕСТВО И ЗАЛОЖНИКИ

Часто военные или политические условия вели римских военачальников к применению заложничества – специфического способа лишения свободы,

¹⁸ Например, см. *Roldán J.M. Hispania y el ejército romano. Contribución a la historia social de la España Antigua. Salamanca, 1974. P. 21–47; idem. Los hispanos en el ejército romano de la época republicana. Salamanca, 1993.*

чрезвычайно распространенного в античном мире и потому предоставляющего большое количество вариантов и ситуаций¹⁹.

Тит Ливий очередной раз приводит корректные векторы римского поведения соответствующего типа: «У римлян было старинным правилом: народ, с которым не было ни скрепленного договором союза, ни дружбы на равных условиях, считать сдавшимся и замиренным, только когда он выдаст все божеское и человеческое, пришлет заложников, отдаст оружие и когда по его городам поставят римские гарнизоны» (Liv. XXVIII. 34. 7).

В 210 г. до н.э., после падения Нового Карфагена, Ливий называет в числе добычи римского полководца заложников от различных испанских народов, о которых он заботился так, как если бы они были сыновьями союзников (Liv. XXVI. 47. 4). «Здесь, -- сказал Сципион, -- заложники от всех знаменитых царей и народов»; они немедленно окажутся в вашей власти и тем самым передадут в вашу власть все, что сейчас подчинено карфагенянам» (Liv. XXVI. 43. 4)²⁰. Этот пассаж со всей ясностью показывает, что заложники, принадлежавшие противнику, – вопреки праву – не только не обретали свободы, но и становились заложниками победителя²¹. Это явствует и из текста Аппиана (Ib. 23), в котором, кстати говоря, сделано различие между заложниками иберийских племен и их пленниками: Сципион отправил последних по домам, чтобы таким образом вызвать расположение их городов (также см. Liv. XXVI. 49. 7–10; Diod. XXVI. 21)*. Уверенность в послушании иберов основывалась, безусловно, на том факте, что заложники – и нередко пленные – принадлежали к господствующим семьям туземных поселений²².

На выбор заложников влиял, наряду со знатностью происхождения, возраст. Полибий и Ливий указывают, что карфагенские заложники, захваченные в результате войны, были в возрасте от 14 до 30 лет. Есть и другие данные, например, о том, что этолийцы передали римлянам заложников 12–40-летнего возраста (Polyb. XXI. 32. 10) и что заложники Антиоха – это мужчины 18–45 лет (ibid. 43. 22; Liv. XXXVIII. 38. 15). Из аргументов, использованных С. Надье для объяснения этого «веера» возрастов, один из наиболее убедительных – это наименьшая вероятность смертности среди молодых лю-

¹⁹ Проблема заложничества в эпоху античности не заслужила пока избыточного внимания; тем не менее, можно напомнить о двух работах довольно недавнего времени, относящихся к различным эпохам античной истории: *Ndiaye S. Le recours aux otages á Rome sous la République* // DHA. 1995. 21. P. 149–165; *Rodríguez Cerezo T.M. Alejandro Magno y el problema de los rehenes: una aproximación* // Hispania Antiqua. 1990. 14. P. 117–134.

²⁰ Автор не может с точностью указать количество заложников. Он пишет: «У одних авторов я нахожу указание, что их было около трехсот, а у других – 3724 человека» (Liv. XXVI. 49. 1 sqq.). Полибий принимает как правдоподобное первое число (Polyb. X. 18. 3).

²¹ Представляется чрезмерным (или по крайней мере заслуживает уточнения) утверждение С. Надье о том, что цель захвата заложников «...était de désarmer politiquement et économiquement les nations dominées, en les privant d'une partie de leur *intelligentsia*» (Le recours... P. 153). С другой стороны, политика захвата и освобождения ясно выражает идею о том, что выбирающий заложников представляет римскую власть. Эта идея совпадает с тезисом А. Эмара (Aymard A. Philippe de Macédoine, otage á Thèbes // Etudes d'Histoire Ancienne. P., 1967. P. 427).

* У Аппиана речь идет о заложниках и пленниках карфагенян, захваченных у иберийских племен (Прим. ред.).

²² В случае с Сагунтом речь Абелуция, переданная Ливием, не оставляет места для сомнений о социальном происхождении заложников: «Отошли заложников к их согражданам, – говорит он Бостару. – Это обрадует и их родственников, людей знатнейших в своем отечестве, и вообще весь народ» (Liv. XXII. 22. 13).

дей²³. В рассуждениях о возрасте заложников следует принять во внимание работу римской пропагандистской машины, которая могла намеренно превозносить *humanitas* римлян, не бравших в заложники малолетних. Подобная практика действительно не носила систематического характера. Не требовались обычно и заложницы, что, возможно, объясняется двумя причинами: первая могла быть связана с вышеупомянутой идеей *humanitas*; вторая, более прагматичная – с представлением о бесполезности (непригодности) женщины в производстве. Редкие упоминания о заложницах связаны с испанками, которые удерживались в Новом Карфагене и, следовательно, были не захвачены римлянами, а «унаследованы» ими в результате победы над карфагенянами. Это были знатные женщины, которые – в лице супруги Мандония, брата царька илергетов Индибила, – пав к ногам Сципиона, заклинали его, чтобы он внушил охране, что с женщинами нужно обращаться почтительнее и внимательнее в соответствии с их статусом (Liv. XXVI. 49. 11; ср. Polyb. X. 18. 7–14), и особенно это должно относиться к девушкам – знатым, «в расцвете юности и красоты» (Liv. XXVI. 49. 13). Другой известный из традиции пример подобного типа зависимости связан с женой Эдекона, именитого иберийского вождя, жена которого и дети находились у римлян (Liv. XXVII. 17. 1–2; ср. Polyb. X. 34. 2). В целом же с этим римским обычаем контрастирует обычай карфагенян (казавшийся римлянам негативным) брать в залог женщин, и это неоднократно подчеркивается Полибием (см. Polyb. X. 35. 6; 38. 1–2, 4–5, а также ранее приведенные факты из его произведения).

Интересно отметить, что в ряде случаев римляне не брали заложниками мужчин дееспособного возраста. Это происходило, видимо, когда их наличие казалось бесполезным, что подтверждается речью Сципиона 206 г. до н.э., произнесенной после победы над Мандонием. Римский полководец обещает, что он не будет свирепствовать над невинными заложниками; что будет наказывать не безоружного, а вооруженного врага (Liv. XXVIII. 34. 9–10). Эти соображения покажутся особенно убедительными, если вспомнить о том, что с расширением Римской державы и все возрастающей неэффективностью ее социально-экономической системы правительству становилось все сложнее управлять столь непокорными и несговорчивыми людьми.

Можно думать, что с демографической точки зрения захват заложников не обязательно создавал суперпроблему для покоренного населения. Это происходило, во-первых, потому, что в случае разгрома последствия были более серьезными, чем временная потеря какой-либо части мужского населения, и, во-вторых, в силу того, что число заложников обычно было ограниченным и пропорциональным по отношению к покоренному обществу. Например, 50 заложников потребовал Лукулл от иберийского города Интеркации (App. Ib. 54), число карфагенских заложников, гарантов мира после окончания второй Пунической войны, колебалось, как сообщают источники, между 150–200 человек. 200 заложников (во главе с вождем Индуциомаром) потребовал Цезарь у галлов и еще несколько раз, в чрезвычайных обстоятельствах, он брал у них по несколько заложников из числа их элиты (например, см. Caes. B.G. V. 3–5²⁴). Несколькими

²³ *Ndiaye*. Le recours... P. 157. К ним автор добавляет также возможность использования заложников на военной службе, опровергаемую, правда, иногда иным, более юным, возрастом некоторых из них. Юный возраст заложников служил, порой, поводом, чтобы дать им образование.

²⁴ Приводится по переводу М.М. Покровского (см. Записки Юлия Цезаря и его продолжателей о Галльской войне, об Александрийской войне, об Африканской войне / Перевод и комментарии акад. М.М. Покровского. М.–Л., 1948. С. 7–217.

же заложниками ограничился при захвате нергобригского города Хокилиса Клавдий Марцелл (App. Ib. 48); кстати, весьма скоро он вернул их на родину (ibid. 50). Немногих он потребовал в качестве заложников и от кельтиберов Плаценции (ibid. 50, 52) и т.д. Эти факты свидетельствуют о том, что число заложников, как правило, действительно было незначительным²⁵.

С. Надье справедливо утверждает, что Рим требовал заложников, чтобы быть уверенным в покорности побежденного противника, чтобы гарантировать верность союзников или во избежание их отпадения, чтобы подготовить переговоры или вести торг по вопросу о перемирии, или чтобы обеспечить клаузулы мирного договора, – в общем, в тех случаях, когда отсутствовало доверие. В среде побежденных передача заложников рассматривалась как менее унизительная и более прагматичная мера, чем, например, введение военных гарнизонов²⁶.

Меньшее количество пленных требовалось, когда заложников брали не в качестве гарантов исполнения принятых решений, а для их использования как статистов в тех грандиозных парадах, которыми Рим праздновал победоносные возвращения своих войск. К примеру, Сципион выбрал 50 нумантийцев после захвата их города для того, чтобы они прошли перед его колесницей во время триумфа (App. Ib. 98). Прекрасно известно, что для таких торжественных случаев избирались принцы, цари (вспомните тщеславие Августа, заявившего в Res Gestae (4. 3): «В моих триумфах перед моей колесницей было проведено девять царей или царских детей» (*Перевод переводчика*²⁷) или наиболее воинственные и непокорные из числа выживших в войне. Вместе с ними по *via sacra* провозили захваченное имущество.

НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ И ВОЗМЕЩЕНИЕ ВОЕННЫХ УБЫТКОВ

В античной традиции сохранилась немалая информация об этой форме отношений римлян с побежденными иберами. В частности, Аппиан указывает, что Сципион наложил штраф на иберийского царька Индибила, который, хотя и заключил мирный договор с римским военачальником, совершил набег на одну из подчиненных ему областей и убил 1200 римских солдат, однако, потеряв около 20000 своих, отправил к Сципиону послов с просьбой о мире. Сципион простил его, наложив на него штраф (App. Ib. 37). Племена, поддержавшие Индибила после ухода Сципиона из Иберии, также были обложены денежным штрафом, лишены права иметь оружие, отправили в Рим заложников и приняли в свои города усиленные римские гарнизоны (Ib. 38).

Еще бóльшие наказания выпали на долю илергетов в результате последнего и бесплодного выступления Мандония. Вместе с другими *principes* сам он был предан казни, а его союзники должны были выплатить в тот год двойную подать; они отдали шестимесячный запас зерна, обмундирование для войска и почти 30 сел отправили римлянам заложников (Liv. XXIX. 3. 4–5).

Обложение податью было ходовой монетой, ибо это способствовало обеспечению войска провиантом, уменьшению вражеских запасов и утверждению идеи повиновения. Во время Кельтиберийской войны нумантийцы и термессии оказались вынужденными отдать от каждой общины по 300 заложников, 9000 пла-

²⁵ Ndiaye. Le recours... P. 156.

²⁶ Ibid. P. 162–163.

²⁷ Res Gestae Divi Augusti / Ed. C. Barini. Romae, 1937.

щей, 3000 кожаных бурдюков, 800 боевых коней и все свое оружие. Лишь когда наступил момент отдать все это добро, они начали сожалеть, что признали волю римлян. В этой связи Диодор с немалым драматизмом дает понять, что суждения, оценки ситуации и соглашения принимаются не столько семьями, сколько отдельными группами одного возраста и пола, определявшими общественное мнение: «...устыдившись принятых решений, стали критиковать и порицать друг друга, и отцы обвиняли детей, дети – отцов, женщины – своих мужей. Вернувшись, таким образом, к своим прежним решениям и не разоружившись, они возобновили войну против римлян» (Diod. XXXIII. 16. – *Перевод переводчика*²⁸).

Известно, что Сципион, прежде чем вернуться в Рим после победы в Нуманции, разделил земли ее жителей между их ближайшими соседями, провел собрания с участием других городов и общин, высказал свое порицание или наложил штраф на тех, кого нашел подозрительным (см. App. Ib. 98). Подобные меры римляне повторяли постоянно как для доказательства своего могущества, так и ради извлечения быстрой прибыли для компенсации затрат на испанские кампании.

ОБРАЩЕНИЕ В РАБСТВО

Безусловно, одним из основных источников обогащения являлись рабы. Мы имели не одну возможность говорить, почему порабощение являлось наихудшим выходом из положения для многих варваров. Угроза порабощения – это не чисто риторическое клише, которое использовалось лишь как способ убеждения противника, даже если сама акция и не следовала за ним. Так, Аппиан (Ib. 41) сообщает о том, что Катон потребовал у иберийских городов, располагавшихся в долине Эбро, увеличения количества иберийских заложников (чтобы гарантировать таким образом исполнение своего строжайшего приказа о разрушении стен их родных городов), а в случае невыполнения пригрозил жителям обращением в рабство.

То, что в варианте с Катоном не вышло за рамки угрозы (поскольку иберы, не медля, выполнили его приказ), являлось обычным способом избавления от побежденного противника. Как правило, порабощение осуществлялось посредством продажи военнопленных с торгов (см. Liv. XXIV. 42. 11). Покорение путем порабощения было весьма распространенным явлением на протяжении всего периода завоевания, что можно заключить не только из частого упоминания об этом в литературных источниках, но и из самой логики развития социальных отношений, господствовавших в Риме того времени.

Своего рода квинтэссенция тех конкретных ситуаций, которые рассмотрены по этому вопросу в данной статье, содержится в описании результатов взятия Нового Карфагена, сделанном Ливием: «Пока происходила сдача, по всему городу избивали людей, не щадя никого из встреченных взрослых. По данному сигналу избивание прекратилось; победители занялись добычей: она была огромна и разнообразна.

Свободных людей мужского пола было захвачено около десяти тысяч. Тех из них, которые были гражданами Карфагена, Сципион отпустил; он возвра-

²⁸ Здесь и далее перевод сделан по изданию: Diodorus Siculus. Works / With an English translation by G.H. Oldfather. In 12 vol. [The Loeb classical library] / Ed. T.E. Page. Vol. 11–12. L., 1957.

тил им город и все имущество, уцелевшее от войны. Было взято около 2000 ремесленников-орifices; Сципион объявил их рабами римского народа, но обещал вскоре освободить, если они будут усердно изготавливать все необходимое для войны. Много молодых жителей (*multitudinem incolarum iuvenum*), а также сильных рабов (*ac validorum servorum*) он отправил на суда, чтобы пополнить число гребцов... Кроме многочисленных жителей, в городе были испанские заложники; Сципион позаботился о них как о детях союзников» (Liv. XXVI. 46. 10–47. 1–5)²⁹.

Хочу привести еще одну вселяющую страх меру, использованную в войне с Вириатом; я имею в виду поступок Фабия Максима Сервилиана. Захватив в плен 10000 человек, он отрубил головы пятистам из них и продал в рабство остальных (App. Ib. 68). Сципион, в свою очередь, выбрал – после победы над Нуманцией – 50 нумантийцев, чтобы они прошли в его триумфе, остальных продал (App. Ib. 98), и в результате он приобрел ту наживу, которую впоследствии весьма приумножил другими видами прибыльной деятельности. Не лучшую долю имели и жители Коленды – города, захваченного Титом Дидием. Они в своем большинстве были проданы в рабство, включая женщин и детей (App. Ib. 99). Однако существовали и другие способы присвоения ресурсов.

ЗАХВАТ ЗЕМЕЛЬ

Среди экономических интересов, проистекавших из победы, разделы земли всегда должны были особенно воодушевлять военную алчность римлян. Однако захват земли не всегда приносил им непосредственную выгоду; отчуждение территории могло быть превращено в политический инструмент для укрепления опоры, ослабления противника или просто для смягчения ситуации, если она могла обернуться против интересов победителя. С одной из таких ситуаций был связан раздел земель округа Комплеги на участки среди нуждающихся, осуществленный Тиберием Гракхом после победы над этим городом (App. Ib. 43), ибо, как хорошо известно, земельный голод являлся основой нестабильности на большей части полуострова. Другой случай, когда завоеванная территория не перешла немедленно в руки римлян, – это Нуманция. Аппиан (Ib. 98) говорит, что Сципион разделил ее земли между соседними народами. Вероятно, повсеместный земельный голод в регионе – он был прекрасно отмечен Гальбой в его обращении к лузитанам (App. Ib. 59) – принудил к принятию подобной меры, внесшей свою лепту в рост стабильности в этом регионе в гораздо большей степени, чем если бы эти земли были поделены между римлянами.

РАСПРОДАЖА ИМУЩЕСТВА

Мы уже приводили случай с нергобригами, кони которых были проданы Марцеллом (App. Ib. 48). Этот поступок искусного римского полководца следует понимать не только как желание приобрести, например, дополнительные военные ресурсы, но и как хорошо рассчитанный акт, наполненный символическими коннотациями, поскольку лишение сотни пленных их боевых коней – это способ насильственного изъятия того атрибута, который идентифициро-

²⁹ Подробное описание обычного поведения римского войска при разделе добычи и лаконичный комментарий к нему сделаны Полибием (X. 15. 4).

вал этих пленников как аристократов и который, в конечном счете, объяснял, почему именно они были избраны на роль пленников.

Часто победители, не удовлетворяясь продажей противника в рабство и разделом его земель, увеличивали свою прибыль путем махинаций с конфискованным имуществом³⁰. Однако размеры и качество добычи не всегда соответствовали их запросам, как, например, это имело место в случае с захватом иберийского городка Циссиса Гнеем Корнелием Сципионом, когда он приобрел не имевшие ценности варварское имущество и «негодных рабов» (Liv. XXI. 60. 8). Иногда, как видим, гораздо более положительным может оказаться меньшее честолюбие.

МИЛОСЕРДИЕ

Относительно частыми были случаи того, как победоносный полководец принимал решение оставить на свободе побежденных не столько в силу сочувствия к ним, сколько из расчета на последующую выгоду. Однако наиболее распространенным был комбинированный тип поведения, при котором в хорошо рассчитанных пропорциях соединялись беспримерная, неслыханная жестокость и милосердие и который полностью сгибал волю и порождал иррациональную зависимость побежденного от победителя. До прибытия римлян испанские общины испытали такой стиль поведения со стороны захватнических войск Карфагена. Показательным в этом смысле примером служит событие, описанное и происшедшее незадолго до прибытия Барки: «...Индорт, после того как собранный им отряд в 50000 человек бросился в бегство еще до начала сражения, сам спрятался за холмом и, окруженный Гамилькаром, ночью сумел бежать еще раз. Большая часть его воинов была разбита, а он сам был захвачен в плен. Гамилькар, ослепив его и подвергнув пыткам, распял его на кресте, а остальным пленным, которых было более 10000 человек, сохранил свободу. Многие города он расположил к себе путем убеждения, а другие – посредством оружия» (Diod. XXV. 10. *Перевод переводчика*).

Если судить по античной традиции, то ни одним римским военачальником периода завоевания Испании не было проявлено такого положительного отношения к иберам, как Сципионом. В частности, он, как уже указывалось, предоставил жителям Кастакса возможность добровольной передачи Риму своего города. И хотя Сципион поставил там гарнизон, но управление городом поручил одному из его граждан, пользовавшемуся хорошей репутацией (App. Ib. 32). После взятия Нового Карфагена, как отмечает Диодор, Сципион освобождением заложников показал, что часто доблесть одного-единственного человека является тем, что в конечном счете воздвигает над народами правителей (Diod. XXVI. 21).

Полибий, весьма склонный превозносить Публия Корнелия Сципиона как военачальника и политика (к примеру, об этом см. Polyb. X. 2–6), рассказывает о том, как он, большой женолюб, находясь в Иберии, из-за своего статуса полководца отказывается от одной юной прелестной девушки, приведенной к нему солдатами и предложенной ему в дар. Более того, он вернул ее отцу, посо-

³⁰ Иллюстрация содержится, в частности, у Полибия (X. 16–19), когда он в связи с описанием взятия Нового Карфагена не только излагает процедуру раздела, но отмечает те проблемы, которые она породила среди солдат, и касается тех событий, которые произошли в связи с учетом добычи.

ветовав «выдать ее замуж за кого из своих сограждан он сам пожелает» (см. Polyb. X. 19. 3–9, в частности, X. 19. 6–7³¹).

Очень взволновало иберов поведение Сципионов в 214 г. до н.э., не только вернувших Сагунт его прежним владельцам, но и совершивших тот жест милосердия и сострадания, о котором посольство сагунтийцев (в лице самого старшего из них) поведало в римском сенате: «Мы претерпели тяжчайшие бедствия, отцы-сенаторы, лишь бы до конца сохранить вам верность. О своих бедах мы не скорбим: ведь столько доброго сделали нам и вы, и ваши военачальники. Ради нас вы начали эту войну и, начав, упорно ведете ее уже четырнадцатый год; вы нередко и сами оказывались на краю гибели, и карфагенян подвергали такой же опасности... Публий и Гней Корнелии с того дня, как прибыли в Испанию, не упустили возможности сделать что-нибудь нам на пользу, а нашим врагам во вред. Прежде всего они возвратили нам наш город; по всей Испании они разослали гонцов разыскивать наших сограждан, распроданных в рабство, и возвратили им свободу» (Liv. XXVIII. 39. 5).

Какие усилия в угоду городу, незадолго до того предавшему Сагунт печальной участи! Сколько желания сагунтийцев продемонстрировать Риму свою благодарность! И какая риторика для того, чтобы очередной раз показать, насколько лучше жить под покровительством цивилизации, чем под властью варварства!

В попытке объяснения тактики милосердия закономерно задать вопрос: всегда ли благожелательная деятельность римлян была следствием их *humanitas* или, напротив, она являлась выражением их неспособности поступить иным образом. Наши источники в большинстве случаев не позволяют оценить конъюнктуру. Таким может быть пример с ИндIBILом, который получил прощение от Сципиона, хотя вместо того, чтобы признать римское господство, он подстрекал своих, как только мог. Кстати сказать, этот факт вызывает у Диодора порицание Сципиона за его мягкость (Diod. XXVI. 22).

Пример комбинации жестокости и милосердия связан с именем Лукулла, который, как уже указывалось со ссылкой на Аппиана, не желая простить предательства жителям Кауки, пообещал их старейшинам не трогать города, но взамен потребовал заложников, 100 талантов серебра, участия ваккейских всадников в его походах и принятия городом римского гарнизона. Несмотря на то что ваккеи выполнили все требования Лукулла, он ввел в Кауку свое войско и дал знак к поголовному истреблению жителей, не щадя ни возраста, ни пола. Ваккеи, «взывая к слову чести и к богам, свидетелям клятв, и понося римлян за неверность (слову) и предательство, погибали жестокой смертью. Город Лукулл разграбил и ... покрыл имя римлян позором и поношением» (App. Ib. 52).

Полибий считает, что милосердие римлян во многом было связано с их цивилизованным поведением и противопоставляет ему поступки Филиппа Македонского: «Для людей доблестных задача войны состоит не в гибели и уничтожении провинившихся, но в исправлении их и возмещении ошибок, не в том, чтобы истреблять вместе с виновными ни в чем неповинных, но скорее в том, чтобы спасти и сохранять от гибели вместе с невинными и тех, которые почитаются виновниками неправды. Дело тирана – творить зло, владычествовать с помощью страха над непокорными, быть предметом ненависти для сво-

³¹ Здесь и далее цитаты из Полибия в русском переводе приводятся по изданию: *Полибий*. Всеобщая история в сорока книгах. Т. II / Перевод Ф.Г. Мищенко. СПб., 1995.

их подданных и самому ненавидеть их. Напротив, царю свойственно творить всем добро, стяжать себе любовь добрыми делами и милосердием, руководить и управлять людьми, повинующимися ему по доброй воле» (Polyb. V. 11. 5–6).

Для завершения этого раздела представляется целесообразным напомнить о другом пассаже Полибия, в котором милосердие служит артикулирующей компонентой для таких вышеисследованных явлений, как, например, заложничество и/или военная добыча, тесным образом связанных с содержанием данной работы. При освобождении заложников Нового Карфагена Сципион захотел продемонстрировать им свое великодушие, объявив им не только о полной свободе и о возможности письменно уведомить об этом близких, но и выбрав для них из своей добычи то, что наиболее адекватно отвечало его намерениям: «...затем он наделил их довольно ценными подарками, приличными возрасту и полу каждого, которые ради этого заранее выбрал из добычи; девушкам раздавал серьги и браслеты, а юношам – кинжалы и мечи» (Polyb. X. 18. 6).

* * *

Говоря о завоевании Испании, трудно выделить такие линии поведения римлян по отношению к побежденным, которые различались бы в зависимости от возраста и пола последних, хотя очевидно, что оба эти критерия играли свою роль.

Представляется, что возможность и способность интеграции в экономическую сферу – это то, что маркирует судьбу каждой группы, хотя всегда существовали и конъюнктурные варианты. Это означает, что автохтоны не приобретали каких-либо экономических выгод от захвата в плен, так как пленные не были им необходимы в системе их производства. Римская же экономика абсорбировала то количество рабочих рук, в котором нуждались ее собственники для своего благополучия. В свете сказанного становится ясно, что казнь была весьма распространенным явлением среди туземцев не потому, что они были дикими, как считает Страбон, а оттого, что вследствие своего варварства они не ведали о выгодах отчуждения труда чужаков.

Если говорить о возрасте и поле, то старики обычно были расположены к дипломатии и поиску взаимопонимания с противником, в то время как надежду на спасение поддерживали до последнего напор и военная сила молодых. Когда все казалось потерянным безвозвратно, то только женщины становились хранительницами внутренней силы, необходимой для того, чтобы ужесточить бой³² или избежать рабской участи. Правда, весьма возможно, что факты подобного рода были созданы (в своем большинстве) риторикой, поскольку из античной традиции следует, что нередко иберийские города попадали под римское господство без проявления героизма, которое каким-либо специальным образом соответствовало бы возрасту или полу. С другой стороны, приведенные античной традицией случаи самопожертвования содержат в себе определенные черты сходства с обрядом *devotio*, который, как известно, был распространен в иберийской среде.

Что касается вопроса об обращении римлян с побежденными, то победители не оказывали уважения старикам; во всяком случае, соответствующие упоминания в источниках фактически отсутствуют. Дети появляются в античных

³² Тацит (Герм. VII–VIII) приводит примеры того, как женщины своими криками вдохновляли воинов.

произведениях лишь в случаях осуществления тотальной казни населения или его продажи в рабство по формуле: «включая даже детей». То же самое относится к женщинам. Дееспособные же мужчины подвергались угнетению в его различных формах. Наиболее распространенной была, видимо, продажа в рабство. На другой вершине треугольника было физическое уничтожение воинов и замыкался он разными формами телесного наказания, которое прибавляло к гримасам и ужасам войны насилие, поддерживавшееся государственным террором.

Ампутация конечностей и смерть – это зло, необходимое для господства над варварами. Война была неумолимым инструментом в цивилизаторской миссии римлянина, который часто лишь посредством насилия достигал интеграции варваров в *romanitas*. Между тем речь всегда велась о *bellum justum*, хорошо (можно сказать, что даже очень) исследованной современной историографией.

В конечном счете, можно утверждать, что покорение являлось цивилизующим фактором для варвара. В ряде пассажей Диодора и Страбона хорошо охарактеризовано мышление господ-покорителей относительно завоевания испанцев: «Неукротимость и дикость этих народностей явились следствием не только войн и походной жизни, но и их отдаленности ... а так как контакты с ними трудны, то они потеряли общительность и гуманность. Впрочем, в настоящее время они уже в меньшей степени отличаются этими недостатками благодаря миру и пребыванию римлян в их стране. Но те племена, которые реже общаются с римлянами, отличаются большей суровостью и дикостью...» (Strabo. III. 3. 8).

Между Страбоновыми «вчера» и «сегодня», столь блистательно освещенными М. Клавель-Левек³³, существовала эпоха перехода, на протяжении которой варвар, физически и культурно вырванный с корнем из своего мира, не сразу оказался готовым к «погружению в блага» цивилизации. Диодор выразил это так: «Большая часть пленных варваров, пока маршировала по дорогам войны, кончала жизнь самоубийством либо одни убивали других, так как они были не в состоянии перенести позора рабства.

Один малолетний ребенок обезглавил трех сестер, с которыми прибыл и которые были изнурены от усталости; так как ему самому не удалось спастись бегством, то его задержали и спросили, почему он убил своих сестер. Он ответил, что у них не осталось ничего, что заслуживало бы наказания жизнью; что касается его самого, то он, отказываясь от какой-либо еды, окончил свою жизнь голодной смертью.

Сами пленники, когда достигли предгорий своей страны, бросились наземь и целовали землю, стелая и жалуясь; они прятали родную землю в складки одежды и таким поведением довели все войско до того, что оно начало испытывать к ним сострадание и симпатию. Ведь под влиянием страстей, свойственных человеческой природе, каждый (римский солдат) почувствовал себя охваченным священным трепетом, убедившись, что даже зверские души варваров, когда слепой случай разлучает их с привычной жизнью на родине, не забывают тем не менее нежности и любви к земле, которая взрастила их» (Diod. XXXIV–XXXV. 4. *Перевод переводчика*).

Чувство родины описано Диодором весьма искренне. Однако полная обнаженность варваров (как физическая, так и духовная) эпохи римского завоева-

³³ Clavel-Lévêque M. Les Gaules et les Gaulois. P., 1974. P. 75 sqq.; eadem. Puzzle Gaulois // P. 285 sqq.

ния была необходима им (варварам) для того, чтобы они могли напрямую, с глазу на глаз и во всем своем естестве встретиться с тем, что им предлагала «цивилизация с ее выгодами и преимуществами»³⁴.

THE IBERIANS OVERTHROWN. THE ROMANS' ATTITUDE TOWARDS THE VANQUISHED PEOPLE

J. Alvar

The paper takes up a problem which has not been sufficiently studied by Spanish classical scholarship, that of the Romans' relations with the Iberians during the conquest of the Iberian Peninsula. The author examines the data of written sources on killing the enemy, on enslaving them, on hostages, taxation, taking over the enemies' land, selling their property etc., describing the peculiarities of these forms, the circumstances in which they could be resorted to and their consequences. All these aspects are analysed in order to find out whether there was a definite paradigm of conduct of the Romans during the subjugation of Spain, and if there was, what its essence was and how dynamic and efficient it turned out to be.

³⁴ При таком подходе к проблеме романизации мне не кажется второстепенной традиция изображения варвара обнаженным (и, как правило, надломленным физически и духовно) на триумфальных сооружениях города Рима и империи (например, в Сен-Реми Прованса, Сен-Бертранне Комманжа, Трире, Безансоне и т.д.). Нагота варвара превосходит все пределы в воспроизведении реальности и превращает его в нарицательный образ, ведь он также испытывает холод и потребность в одежде. Таким образом, из двух вариантов изображения варвара: одетого в шкуры животных или укрытого лишь собственной – римляне неслучайно избрали второй, как символизировавший его готовность вступить на путь цивилизации. (см. *Charles-Picard G. Les trophées romains. P., 1953; Walter H. Les barbares de l'Occident Romain. Corpus des Gaules et des provinces de Germanie. Besançon-Paris, 1993*).

Перевод В.И. Козловской.

© 2005 г.

А. Н. Темерев

ЖАЛОВАНИЕ И ВСПОМОЩЕСТВОВАНИЕ В ПОЗДНЕМ ЕГИПТЕ (К вопросу о трактовке арамейского термина *tnt*')

Служилые люди (мелкие чиновники, писцы, воины) являлись основной опорой власти правителей древнего Египта. На протяжении всей истории древнеегипетской цивилизации система оплаты и вознаграждений этой категории свободного населения видоизменялась. В саисскую эпоху ее основу составляли ежемесячные (или ежедневные) рационы (продукты питания), нерегулярные раздачи даров (предметы повседневного обихода или изделия из драгоценных металлов). После ухода со службы ветераны могли получить земельные участки и льготы по уплате налогов. Основу ежемесячных рационов составляли зерновые (разные сорта пшеницы и ячмень). В случае необходимости излишки можно было обменять или ссудить на выгодных условиях. Ежедневные пайки состояли из полуфабрикатов или готовых к употреблению продуктов (мясо, масло, мука, рыба, вино). В Египте выработалась четкая система сбора, доставки, хранения и распределения собранных налоговых отчислений в виде зерна, мяса, рыбы и других продуктов питания, изделий ремесел, драгоценных камней и металлов. Достаток членов семей служилых людей зависел от того, насколько добросовестно они выполняли возложенные на них обязанности. Жалобы на нерадивых чиновников носили массовый характер. Деление древнеегипетского общества по сословной принадлежности способствовало переходу профессии (ремесла), с соответствующими правами и льготами, домовладыки к его правопреемникам. В случае смерти кормильца, при отсутствии наследника мужского пола, женская часть его семьи могла получить помощь со стороны государства в виде постоянного пенсионера или пособия.

Больше всего сведений, благодаря античной традиции и египетским источникам, мы имеем о положении воинского сословия. Его численность Геродот определяет в 410 тыс. человек, которые подразделялись на две группы (гермотибиев и каласириев) и компактно проживали с семьями на дарованных и наследуемых земельных угодьях¹. Заметим, что Диодор отмечал, что в I тыс. до н.э. численность населения Египта достигала 3 млн. человек².

Египетские правители на протяжении всей истории древнего Египта проявляли заботу о ветеранах и совершенствовали систему оплаты труда служилым лю-

¹ *Herod.* II. 165–168. Как считает А.Б. Ллойд, это сословие, включавшее и членов их семей, могло насчитывать 1640000 человек. Фактически в их распоряжении находилось до половины удобной для обработки пашни (*Lloyd A.B. The Late Period (664–323) // Ancient Egypt: A Social History / Ed. B.G. Trigger, B.J. Kemp, D. O'Connor, A.B. Lloyd. Camb., 1983. P. 300.*)

² *Diod.* I. 31. 7–8.

дам. Принципы, лежавшие в основе оплаты труда – регулярность выдач, натуральный характер рационов, система поощрений – были разработаны еще в эпоху Нового царства и на протяжении длительного времени не менялись. Как отмечалось в указе второй половины XIV в. до н.э. фараона Хоремхеба, «каждый человек живет на доле от всего хорошего в хлебе, мясе, пирожках из царского имущества... (Воины) берут довольствие из житницы. Каждый из них с ячменем и полбой, и нельзя найти (среди них) неимущего»³.

Таким образом, трактуя приведенный отрывок, можно утверждать, что воины, в зависимости от их статуса (телохранитель или резервист), в указанное время получали оплату ежедневно (хлеб, мясо, кондитерские изделия и напитки) или ежемесячно (ячмень, полба).

Основу благосостояния семей профессиональных воинов составляла недвижимость в виде земельных участков и различных построек. Саисские наемники в качестве оплаты получали продукты питания и жилье в местах, где проходила их служба. Потомкам ветеранов эпохи Нового царства не удалось сохранить первоначальные размеры (12 арур – Herod. II. 168) земельных участков⁴. После многократных дроблений в распоряжении семей воинов находилась пашня в 2–5 арур⁵. Владельцы участков освобождались, по всей видимости, от поземельного налога лишь в случае, когда кто-либо из членов данной семьи состоял на воинской службе. Александр Македонский по примеру египетских правителей предоставил в распоряжение ветеранов земельные участки в районе Фив (Jos. Jud. Ant. XI. 8), конфискованные у ахеменидской знати. Это часть «царской земли», которую Ахемениды предоставляли своим приближенным для создания крупных поместий⁶ (арам. ед. ч. *bg' / bgh*⁷; иран. *bāga*⁸ – «доля») и хозяйств (арам. *btu*⁹). Как считает М.А. Дандамаев, «владельцы таких наделов уплачивали подати царю и сатрапу, а сами наделы могли быть переданы по наследству только по распоряжению государственной администрации»¹⁰. Чаще всего поместья дробились на мелкие участки, которые сдавались в аренду с обязательной уплатой соответствующего земельного налога (*hlk*¹¹) или арендной платы¹².

³ Перевод Н.С. Петровского см. Хрестоматия по истории древнего Востока. Ч. 1. М., 1980. С. 102–103.

⁴ 1 арура равна 2.735 м² или 2.75625 м².

⁵ *Lloyd. The Late Period...* P. 300.

⁶ Например: «*bg'... zu mn mr' u yhyb ly bMšrpn*» («поместье ... которое мой господин передал мне в Египте» – D 10:11) (ср. D 2:1) (Aramaic Documents of the Fifth Century B.C. / Ed. G.R. Driver. Oxf., 1965 (с. 1957) (тексты – D).

⁷ «Жалованное имение или поместье» (*Винников И.Н. Словарь арамейских надписей* (Приложение к Палестинскому сборнику. Вып. 3–13. М., 1958–1965). Вып. 3. 1958. С. 202; *Hoftijzer J., Jongeling K. Dictionary of the North-West Semitic Inscriptions. Pt 1. Leiden, 1995. P. 143.*

⁸ Букв. «владение, лен» (*Eilers W. Neue aramäische Urkunden aus Ägypten // AoF. 1954–1956. 17. S. 333; Hinz W. Altiranisches Sprachgut der Nebenüberlieferungen. Wiesbaden, 1975. S. 54.*

⁹ «Дом, храм, имение, хозяйство, поместье, дворец» (*Винников. Словарь арамейских надписей. Вып. 3. 1958. С. 206–209; Hoftijzer, Jongeling. Dictionary... P. 156–163.*

¹⁰ *Дандамаев М.А., Луконин В.Г. Культура и экономика древнего Ирана. М., 1980. С. 62.*

¹¹ *Винников. Словарь арамейских терминов. Вып. 7. 1962. С. 198; Hoftijzer, Jongeling. Dictionary... P. 283; Ср. акк. *ilku* (*Soden W. von. Akkadisches Handwörterbuch. 5. Wiesbaden, 1963. S. 371; The Assyrian Dictionary of the Oriental Institute / Ed. A.L. Oppenheim et al. / Vol. I. Chicago–Gluckstadt, 1960. P. 78; Kaufman S. The Akkadian Influences on Aramaic. Chicago–London, 1974. P. 58 (The Oriental Institute of the University of Chicago. Assyriological Studies. 19).**

¹² Подробнее см. *Tuplin Chr. The Administration of the Achaemenian Empire // Coinage and Administration in the Athenian and Persian Empires. The Ninth Oxford Symposium on Coinage and Monetary History / Ed. J. Carradice. L., 1987. P. 133–137 (Bar International Series. 343).*

При Амасисе (570–526 гг. до н.э.) в Египте была проведена налоговая реформа. В соответствии с ней каждый египтянин обязан был предоставлять областному правителю, который отвечал за сбор налогов, сведения о своих доходах (Herod. II. 177)¹³. При такой системе с каждого человека (двора) должен был взиматься соответствующий налог с прибыли.

В мирное время войны несли службу в гарнизонных частях, получая за это оплату в виде ежемесячных пайков. Ежегодно отбирались 2000 человек из числа молодых новобранцев для охраны царских дворцов и многочисленного семейства фараона (Herod. II. 168). Они жили на казарменном положении и несли службу посменно, поэтому у них не было времени заниматься приготовлением пищи (др.-гр. ἐδωδῆ)¹⁴. Ежедневный рацион воина состоял из 5 мин печеного хлеба (1700 г), 4 аристеры / ковшы вина и 2 мины говядины. И в Ахеменидской империи основу оплаты составляли ежедневные и ежемесячные рационы в виде продуктов питания (букв.: др.-гр. τροφή «пища, провизия»)¹⁵.

Кир и Камбиз не стали проводить налоговую реформу. Сатрапы собирали налоги и поборы по существовавшим исстари нормам, отправляя в Персию дань¹⁶. При Дарии I были осуществлены мероприятия по упорядочению размеров прямых и косвенных налогов (ilku / hlk'; maddattu / mandattu, араб. mndt¹⁷), которые регулярно собирались на местах представителями местной администрации под контролем чиновников центрального аппарата, присылаемых из Персии (Herod. III. 89–97). С населения взыскивались пошлины, подарки (соль, рыба, ткань, ремесленные изделия) для царского двора и подати (деньги, товары, продукты питания): подушная (доход от ремесла, земли, со скота), коммерческая (портовые сборы, ввозные и рыночные пошлины), трудовая. Лишь небольшой процент населения был освобожден от выполнения трудовой повинности. Только часть налогов выплачивалась серебром¹⁸. Наемники и служилые люди часть оплаты получали серебром. Ситуация изменилась в начале V в. до н.э., когда даже работники-курташ часть оплаты получали серебром¹⁹. Продолжалось взимание с местного населения Египта на содержание администрации (местной и центральной) и гарнизонных частей продуктов питания. Гарнизоны постоянно пополнялись новым контингентом за счет перевода в эту отдаленную область воинов с семьями из числа союзников (букв.: ἐπίκουροισι)²⁰ персов и наемников (μισ-

¹³ Lloyd. The Late Period... P. 334.

¹⁴ О термине см. Древнегреческо-русский словарь / Состав И.Х. Дворецкий. Т. 1. М., 1958. С. 457; An Intermediate Greek-English Lexicon Founded Upon the Seventh Edition of Liddell and Scott's Greek-English lexicon. Oxf., 2001 (с. 1889). P. 225.

¹⁵ Древнегреческо-русский словарь. Т. 2. М., 1958. С. 1650; An Intermediate Greek-English lexicon... P. 821.

¹⁶ Об этом подробнее см. Дандамаев, Луконин. Культура и экономика... С. 186–202; Tuplin. The Administration of the Achaemenian... P. 124–127; Petit Th. Satrapes et satrapies dans l'empire achéménide de Cyrus le Grand à Xerxés Ier. P., 1990. P. 115–118 (Bibliothèque de la Faculté de Philosophie et Lettres de l'Université de Liège. 2154); Briant P. Histoire de l'empire perse de Cyrus à Alexandre. Leiden, 1996. Vol. 1. P. 399–487 (Achaemenid History. X).

¹⁷ О термине см. Kaufan. The Akkadian Influences... P. 67; Hofstijzer, Jongeling. Dictionary... P. 656.

¹⁸ Дандамаев, Луконин. Культура и экономика... С. 190.

¹⁹ Там же. С. 168.

²⁰ О термине см. Древнегреческо-русский словарь. Т. 1. С. 617; An Intermediate Greek-English Lexicon... P. 294. Арамейские документы ахеменидской эпохи содержат упоминания о хорезмийце (hrzmy), каспийце (kspy), мидянина (mdy), представителях малоазийских городов-государств, которые проходили службу в египетских гарнизонах.

θοζόρος)²¹. Геродот (III. 91) отмечает лишь зерновые (букв.: οἴτος) в размере 120 тыс. медимнов (1 медимн = 52,53 л), которые распределялись между этими воинами. Практически же воины получали рационы, в которые входили и другие продукты, включая соль, рыбу, масло и, возможно, вино²². Ткани на изготовление одежды и обувь воины приобретали за свои деньги. В демотических и арамейских источниках содержатся сведения об изъятии и доставке натуральных продуктов в соответствующие хранилища, расположенные в различных районах Египта. Например, в Loeb. 1 (486 г. до н.э.) высказывается опасение, что пока груз (нубийское зерно – gr.t) будет дожидаться погрузки на новое судно в районе асуанских порогов, он может быть разграблен взбунтовавшимся населением (букв.: pmt ntj bks – стк. 7)²³. Аналогичные суда обычно арендовались профессиональными перевозчиками-морьяками у государства, которые своим имуществом и жалованьем отвечали за своевременную доставку груза.

В Египте имелся свой фискальный аппарат чиновников, который контролировал сбор цодатей, пошлин и распределение части оставшегося продовольствия среди служилых людей и их семей. Писцы и счетоводы (арам. hmrkry', иран. hamāraaka²⁴) казначейства (или сокровищницы) (арам. gnz', иран. ganza), постоянно отчитывались за свою деятельность перед ganzabara²⁵ (knzsrn / kndsyrm²⁶) и сатрапом. Им подчинялись чиновники административно-фискального аппарата областного уровня²⁷. Крупные земельные наделы в Ахеменидской империи передавались по распоряжению администрации²⁸, поэтому фактически соответствующие фискальные структуры продолжали контролировать сбор с них определенных налогов и использование земли по прямому назначению. Существовал порядок, в соответствии с которым высокопоставленные чиновники использовали государственные структуры при сборе в свою пользу арендной платы и доставки ее не продуктами, а серебром. Лишь только мелкие собственники чаще всего брали ссуду у ростовщиков для уплаты налогов. Поэтому маловероятно, чтобы управляющий частного имения одновременно являлся и высокопоставленным чиновником провинциальной администрации.

²¹ О термине см. Древнегреческо-русский словарь. Т. 2. С. 1101; An Intermediate Greek-English Lexicon... P. 515.

²² Ср. «hmr... hyb lSh» («вино ... переданное для Цехо» – С 72:4) (Aramaic Papyri of the Fifth Century B.C. / Ed. with Transl. and Notes A. Cowley. Oxf., 1923 (reed. Osnabrück, 1867) (тексты – С).

²³ Издание текста см. Spiegelberg W. Drei Demotische Schreiben aus der Korrespondenz des Pherendates, des Satrapen Darius' I, mit den Chnum-Priestern von Elephantine // SPAW. 1928. 64. S. 604–622; *idem*. Die Demotischen Papyri Loeb (Papyri der Universitat München 1). München, 1931; комментарии см. Highes G.R. The So-called Pherendates Correspondence // Grammatica demotica. Festschr. E. Lüddeckens / Hrsg. K.Th. Zauzich. Würzburg, 1984. P. 75–86.

²⁴ П. Бриан («archiviste-comptable») (Briant. Histoire de l'empire... P. 465). Этимологию см. Hinz. Altiranisches Sprachgut... S. 121; Greenfield J.C. Aramaic in the Achaemenian Empire // CHJ. II. 1985. P. 712.

²⁵ Этимологию см. Eilers. Neue aramäische Urkunden... P. 326. Not. 14; Hinz. Altiranisches Sprachgut... S. 102. Ср. «knzsrn wknwth hmrkry' zy bMsryn» (D 8:1; 9:1; 10:1).

²⁶ О термине см. Hoftijzer, Jongeling. Dictionary... P. 519.

²⁷ О структуре этого аппарата см., например: Bresciani Ed. La satrapia d'Egitto // SCO. 7. 1958. P. 132–188; *idem*. Egypt, Persian Satrapy // CHJ. II. 1984. P. 358–371; *idem*. The Persian Occupation of Egypt // CHJ. II. 1985. P. 502–528; Lloyd A.B. Egypt, 404–332 B.C. // CAH. VI/2. 1994. P. 337–360; Porten B. Archives from Elephantine. The Life of an Ancient Jewish Military Colony. Berkeley–Los Angeles, 1968. P. 42–61; Lloyd. The Late Period... P. 331–337; Tuplin. The Administration of the Achaemenian... P. 118–127; Petit. Satrapes et satraties... P. 199–202; Briant. Histoire de l'empire perse... P. 488–500.

²⁸ Дандамаев, Луконин. Культура и экономика... С. 161–162.

Списки лиц, которым предназначалась часть налоговых отчислений в качестве жалования, хранились в мемфисской канцелярии египетской сатрапии (арам. *byt mlk'*)²⁹. Ксенофонт в «Киропедии» (8. 6. 3) отмечал, что воины ахеменидских гарнизонов получали за свой труд оплату (*μισθός*)³⁰ в виде натурального и денежного довольствия³¹. Этому древнегреческому термину оплаты не соответствовали демотические 'q³² и 'q-ḥbs. 'q; в демотических текстах рассматриваемого времени обычно использовался для обозначения «рациона, хлеба», предназначенного в оплату труда храмовому жрецу. Рационы были разными как по ассортименту продуктов питания, так и по его размерам (ср. 'q n Wsir; 'q n 3ḥ-mw; 'q n ḥ.tr-ntṛ). В более позднее время указанный термин засвидетельствован в целом ряде сочетаний, имевших непосредственное отношение к земельному пожалованию воина-ветерана (3ḥ-'q; nb-'q) или в качестве элемента воинского обозначения всадника ('q n nmt-ḥtr)³³.

Термин 'q-ḥbs в ранних демотических текстах обозначал рацион, орудия труда и утварь работников, священные одеяния, сосуды, необходимые для проведения жрецами сакральных действий или необходимые орудия и утварь для наемных работников. В значении «средства к существованию, содержание» он встречается в так называемом Демотическом юридическом кодексе (LCH)³⁴. В этом сочетании 'q можно традиционно переводить как «хлеб или рацион». Вторым составляющим этого термина является сущ. ḥbs («полотно, ткань, одеяние»)³⁵.

В более поздних демотических источниках встречается сочетание «nmt iw.f sr ḥbs», которое переводится как «человек (воин), получающий плату»³⁶.

²⁹ О термине см. *Hoftijzer, Jongeling. Dictionary...* P. 159. Лишь незначительная часть армейских документов хозяйственной отчетности египетской сатрапии была найдена и опубликована. См., например: *Bowman R.A. An Aramaic Journal Page // AJSL. 1941. 58. P. 302–313; Aimé-Giron N. Textes araméens d'Égypte. Le Caire, 1931 (тексты – AG); Segal J.B. Aramaic Texts from North Saqqara, with Some Fragments in Phoenician. L., 1983 (тексты – ANS) (Excavations at North Saqqara. Documentary Series. 4).*

³⁰ Древнегреческо-русский словарь... Т. 2. С. 1101; *An Intermediate Greek-English Lexicon...* P. 515.

³¹ В ряде случаев для его выражения использовался др.-гр. термин *στηρέσιον* («солдатская провизия, довольствие, provision = money») (*Древнегреческо-русский словарь...* Т. 2. С. 1475; *An Intermediate Greek-English Lexicon...* P. 730).

³² О ней см. *Erichsen W. Demotisches Glossar. Kopenhagen, 1954. S. 72–73; Papyrus démotiques de Tsenhor – P. Tsenhor. Les archives privées d'une femme égyptienne du temps de Darius Ier / Ed. P.W. Pestman. Transcriptions hiéroglyphiques et paléographie établies par P.W. Pestman et S.P. Vleeming. Leuven, 1994. P. 45. Not. V; 204 (Studia Demotica IV).*

³³ Подробнее см. *Malinine M. Graphies démotiques du mot 'k «nourriture, ration, etc» // JEA. 1949. 35. P. 150–152; idem. Partage testamentaire d'une propriété familiale (Pap. Moscou № 123) // RdE. 1967. 19. P. 78–79 b; Pestman P.W. The Archive of the Theban Choachytes (Second Centure B.C.). A Survey of the Demotic and Greek Papyri Contained in the Archive. Leuven, 1993. P. 215–216, 464. Not. 12 (Studia Demotica. II); Vleeming S.P. The Gooseherds of Hou (Pap. Hou). A Dossier Relating to Various Agricultural Affairs from Provincial Egypt of the Early Fifth Century B.C. Leuven, 1991. P. 77–78. Not. EE (Studia Demotica. III); Vittmann G. Der demotische Papyrus Rylands 9. Wiesbaden, 1998. S. 534–535 (Agypten und Altes Testament. Bd 38).*

³⁴ *Mattha G., Hughes G.R. The Demotic Legal Code of Hermopolis West. Le Caire, 1975. P. 32. Not. 52 (Institut franc. d'Archéologie orientale du Caire. Bibl. d'étude. 45).*

³⁵ *Erichsen. Demotisches Glossar...* S. 300–301; *Mattha, Hughes. The Demotic Legal Code...* P. 140. Not. 163; *Vleeming. The Gooseherds of Hou...* P. 274; *Pestman. The Archive...* P. 536.

³⁶ *Pestman. The Archive of the Theban...* P. 122. Not. E.

Ахемениды, в отличие от фараонов, не могли предоставлять основной массе служилых людей земельные участки в пожизненное пользование, ибо не имели в Египте свободного земельного фонда. Присутствие в жалованье серебра фактически уравнивало разницу в оплате труда воина в саисском и ахеменидском Египте, владевшего земельным участком. Египетские жрецы и работники храмовых хозяйств на различных условиях владели земельными участками, входившими в состав храмовой земли.

Арамейские документы рассматриваемого времени подтверждают сведения античных авторов о том, что в Египте при Ахеменидах жалование служилого человека состояло из натурального довольствия и денег в виде взвешенных кусочков серебра³⁷. В оплату не входили кормовые (суточные), которые получал ахеменидский управляющий крупным имением (pqudj)³⁸ или воин на себя и своих слуг во время служебных поездок. Как свидетельствует арамейский D 6³⁹, кормовые состояли из муки, мяса, вина, масла. Дневная же норма потребления продуктов (и их ассортимент) в Ахеменидской империи для работников (garda и kurtaš) была более скудной⁴⁰.

В арамейских текстах хозяйственной отчетности и юридических документах к терминологии оплаты можно отнести pṭr' (ср. иран. rθβα – «рацион»)⁴¹ и pṛs

³⁷ О системе оплаты в ахеменидском Египте см. *Темрев А.Н.* Система снабжения в ахеменидских гарнизонах (По арамейским текстам из Верхнего Египта и Арада) // ВДИ. 1980. № 1. С. 124–131; *он же.* Натуральный вид оплаты служилым / царским людям ахеменидского Египта // Мероэ. Вып. 5. М., 1999. С. 242–253; *Temerev A.* Kinds of Pay to Servicement in Egypt in the Late 5th and Early 4th Century B.C. (Concerning the Term «Ptyprs» // Ancient Egypt and Kush. In Memoriam Michael A. Korostovtsev / Ed. A.E. Kormisheva. ML, 1993. P. 351–372.

³⁸ Ссылки на hṛqud содержатся в арамейских текстах VI в. до н.э., найденных в палестинском Араде. Как считает Кауфман, арамейское pqud происходит от аккадского глагола paqādu («вверять, поручать, возлагать», сущ. paqdu – «чиновник, правитель») (*Kaufman.* The Akkadian Influences... P. 79–80. Not. 251) (*Soden.* Akkadisches Handwörterbuch. 9. 1969. S. 824–826) (ср. арам. pqd – «приказывать, служить, класть на хранение» и акк. Piqittu – «контролер, чиновник, наблюдение» – *Hoftijzer, Jongeling.* Dictionary... P. 932–933). О pqud см. также: *Винников.* Словарь арамейских надписей. Вып. 13. 1965. С. 224; *Porten.* Archives from Elephantine... P. 54–55. Not. 102; *Briant.* Histoire de l'empire perse... P. 377, 477; *Tuplin.* The Administration of the Achaemenian... P. 125. Not. 65.

³⁹ Aramaic Documents... P. 27–28. Г. Драйвер считает, ссылаясь на функции вавилонских paqdu, что упоминаемый в изданных им текстах pqud являлся высокопоставленным ахеменидским чиновником, выполнявшим одновременно и функции управляющего частного имения (*Ibid.* P. 15–16). М.А. Дандамаев рассматривает их в качестве назначаемых глав городов и деревень, чьи должности передавались по наследству (*Дандамаев, Луконин.* Культура и экономика... С. 115). Но в рассматриваемых арамейских текстах Египта речь идет об управляющем частного имения, который по существовавшей практике мог за помощью обратиться к представителям местной администрации. В Египте для обозначения гражданского правителя области использовался термин sgn (акк. šaknu) («правитель, начальник, наместник») (*Винников.* Словарь арамейских надписей. Вып. 11. 1964. С. 216; *Tuplin.* The Administration of the Achaemenian... P. 126–127; *Hoftijzer, Jongeling.* Dictionary... P. 777–778).

⁴⁰ О них подробнее см. *Дандамаев.* Рабство в Вавилонии VII–IV вв. до н.э. (626–331 гг.). М., 1974. С. 330–340; *Дандамаев, Луконин.* Культура и экономика... С. 167–184; *Tuplin.* The Administration of the Achaemenian... P. 143. Not. 125; *Briant.* Histoire de l'empire perse... P. 471–475.

⁴¹ *Eilers.* Neue aramäische Urkunden... S. 331, 333; *Menasce J. de.* Mots d'emprunt et noms propres Iraniens dans les nouveaux documents araméens // BO. 1954. 11. P. 161–162; *Hinz.* Altiranisches Sprachgut... S. 193.

(др.-евр. *pāras*, акк. *paṛāsu* – «разделять, раскладывать, рассыпаться», суш. «часть, половина») ⁴².

Термин *prt'* («довольствие, провизия, рацион») большинство исследователей считает обозначением продовольственного рациона (зерновые, рыба, овощи) или натуральной части жалованья служилых людей в позднем Египте ⁴³. Рабочие-камнетесы, занятые изготовлением блоков для дворца в Персеполе, также получали за свой труд *prt'*.

Термин *prg* (гл. «отделять, разбрасывать», суш. «часть, половина» ⁴⁴; ср. акк. *paṛāsu*) довольно часто, особенно в документах хозяйственной отчетности, использовался для обозначения части или половины меры сыпучих тел («половина хомера, ардабы») или денежно-весовой единицы («половина мины / *ksp prg 1 s 5*; сикля») ⁴⁵. Вряд ли можно согласиться с исследователями, которые отождествляют *prg* с месячным натуральным довольствием ⁴⁶ или денежным жалованьем ⁴⁷, игнорируя тот факт, что в ахеменидском Египте оплата служилым людям выдавалась продуктами питания и серебром. *Prg* – часть жалованья мужчин и женщин в виде серебра.

В конце V в. до н.э. работники хозяйственного ведомства и писцы, путем объединения *prt'* и *prg*, использовали ирано-арамейский термин *prtprg* / *prtprg'*, который должен был обозначать «жалованье» ⁴⁸ как совокупность натурального и денежного довольствия (ср. «*qbl prtprsn*» – «получать оплату» – С 37:3 ⁴⁹). Оно могло быть передано в залог (С 11) ⁵⁰. Помимо *prtprg* служилые люди по-

⁴² О производных от аккадского *paṛāsu* см. *Soden W. van. Aramäische Wörter in neuassyrischen und neu- und spätbabylonischen Texten. Ein Vorbericht. III // Orientalia. 1977. 46. S. 111, 191; Zimmern H. Akkadische Fremdwörter als Beweis für babylonischen Kultureinfluss. 2. Aufl. Lpz, 1917. S. 21, 24; idem. Nazoräer (Nazarener) // ZDMG. 1920. 74. S. 434. Not. 4; Eissfeldt O. Die Menetekel-Winschrift und ihre Deutung // ZAW. 1951. 63. S. 111; Soden. Akkadisches Handwörterbuch. 9. 1969. S. 830 ff.*

⁴³ *Винников. Словарь арамейских надписей. Вып. 13. 1965. С. 227; Porten. Archives from Elephantine... P. 54. Not. 100; Documents araméens d'Égypte. Introduction, traduction, présentation de P. Grelot. P., 1972. P. 76 (далее – DAE); Contini A. I documenti aramaici dell'Egitto persiana e tolemaico // RB. 1986. 34. P. 90; Briant. Histoire de l'empire perse... P. 463, 465, 477; Hofijzer, Jongeling. Dictionary... P. 953.*

⁴⁴ *Hofijzer, Jongeling. Dictionary... P. 940–941.*

⁴⁵ *Lexicon Linguae Aramaicae Veteris Testamenti. Documentis Antiquis Illustratum / Ed. Er. Vogt. Roma, 1971. P. 139 (далее – LLAVT); Kaufman. The Akkadian Influences... P. 80.*

⁴⁶ *Винников. Словарь арамейских надписей. Вып. 13. 1965. С. 225.*

⁴⁷ *Porten. Archives from Elephantine... P. 54. Not. 72, 100; Briant. Histoire de l'empire perse... P. 417, 429, 465, 489 («ration en argent pese»).*

⁴⁸ Эта точка зрения была высказана еще М. Лидзбарски («Ephemeris für semitische Epigraphik.» Bd III. Giessen, 1915. S. 250) (см. также *Schaeder H.H. Iranische Beiträge I // Schriften der Königsberger gelehrten Gesellschaft. 1930. 5/6. S. 267*). Противоположного мнения придерживаются исследователи, ссылаясь при этом на нововавилонские документы (*Cardascia G. Les Archives des Murašu. Une famille d'hommes d'affaires Babyloniens à l'époque perse (455–403 b.c.). P., 1951. P. 21; Porten. Archives from Elephantine... P. 53–54; Jews of Elephantine and Arameans of Syene (Fifth Century B.C.E.). Fifty Aramaic Texts with Hebrew and English Translations / Ed. B. Porten in Collaboration with J.C. Greenfield. Jerusalem, 1974. P. 80–81; Hofijzer, Jongeling. Dictionary... P. 953*), считая, что так назывался чиновник, ведущий расследование («ревизор, ведущий расследование»). В. Хинц, К. Туплин этот термин связывают с иранским *paṭifrāsa* / *pādīfrāh* («инспектор, наказание, возмездие»; *prtprg* – «provost-sergeant») (*Hinz. Altiranisches Sprachgut... S. 186; Tuplin. The Administration of the Achaemenian... P. 118*). При трактовке указанного термина лучше исходить из характера конкретного документа. В рассматриваемых нами арамейских документах Египта *prtprg* обозначал «жалованье, оплата».

⁴⁹ *Aramaic Papyri... P. 132–135.*

⁵⁰ Текст см. *Jews of Elephantine ... P. 108–109.*

лучали различные вознаграждения, а после ухода со службы по старости могли рассчитывать на пособия. Для обозначения последних, а также различных видов выплат использовалась и другая терминология.

В арамейских источниках (С 69:12; Ah. 164) встречается существительное 'gr (гл. «нанимать, заказывать, брать в аренду»)⁵¹, которое обычно переводится как «плата, вознаграждение»⁵². Но в данных текстах речь идет не о жалованье, а об оплате по найму или цене за выполненную работу. Например, в С 69:12 мы читаем: «zy l' b' gr yhbt lh» – «которую я не передал ему в оплату» (ср. Уёр. Та'ан. I, 64b: «'wgryt hmru» – «я передал в наем моего осла».

Как складывалась ситуация с выплатой жалованья и различных пособий нагляднее всего видно на примере отдельно взятого района юга Египта (арам. Tštrs, егип. T3-šdj.t-rs.j или P3-t3-rsj)⁵³. В ахеменидскую эпоху на юге Египта существовало два административных округа: mdynt⁵⁴ N' (С 24:18, 36; 37:6) и mdynt Tštrs (С 27:9), которые состояли из более мелких городских или сельских объединений. Арамейскому mdynt соответствует демотический tš и древнегреческий νομός.

При саисских правителях воины неегиптяне на юге Египта объединялись в сотни (ед. ч. m'h⁵⁵). Им предоставлялось жилье (или заброшенный участок в пределах элевантинской крепости), и они регулярно получали оплату в виде продуктов питания и различных даров. При Ахеменидах эта форма объединения (m'h) арамеоязычного населения (мужчин и женщин) продолжала существовать. Продовольствие в счет ptp' по-прежнему продолжало распределяться по сотням (С 47:7). Предварительно оно доставлялось в элевантинское хранилище (С 2, 3, 4, 10). Серебро для нужд членов dgl'n / dgly'n⁵⁶ поступало непосредственно из мемфисской сокровищницы (byt mlk') (С 2:16). Например, в С 2, 3, 4, 10 сообщается, что на нужды сотен в элевантинскую крепость привезли ячмень и чечевицу и временно поместили в зернохранилище.

Состав и численность гарнизонных частей, производственных коллективов в этом районе все время менялись. В случае необходимости военные формирования пополнялись за счет ветеранов, продолжавших жить в Сиене и на о-ве Элевантина.

При Ахеменидах представители гражданских профессий объединялись в коллективы по 10 – 100 – 1000 человек, на которые и выделялась соответствующая сумма (серебро) или продовольствие. Доля со временем в оплате труда работников возрастала. Это же происходило и с жалованьем служилых людей.

⁵¹ Винников. Словарь арамейских надписей. Вып. 3. 1958. С. 188; *Hoftijzer, Jongeling. Dictionary...* P. 10–12.

⁵² *Aramaic Papyri...* P. 178.

⁵³ О Tštrs см. *Porten. Archives from Elephantine...* P. 42–43; *Tuplin. The Administration of the Achaemenian...* P. 123 ff. *Not. 54–57*; *Vitmann. Der demotische Papyrus...* S. 287–290. Подробнее о tš и q'h.t. см. *Helck W. Die altägyptischen Gaue. Wiesbaden, 1974. S. 57* (*Beihefte zum Tübinger Atlas des Vorderen orientis. Reihe B. Geisteswissenschaften Nr. 5*); *Vleeming. The Gooseherds of Hou...* P. 37–40.

⁵⁴ «Провиция, область, город» (*Hoftijzer, Jongeling. Dictionary...* P. 597–598).

⁵⁵ «Сто, сотня» (*Hoftijzer, Jongeling. Dictionary...* P. 586–587).

⁵⁶ Dgl' стало основной формой объединения воинов египетских гарнизонных частей. В состав одного такого формирования входило несколько сот воинов, маловероятно, чтобы оно насчитывало 1000 человек. В состав гарнизонных частей входили и dgl'n zy mšru' (С 27:1). Именно на нужды конкретного dgl' и поступало жалованье в виде продовольствия и серебра. Подробнее о них см. *Porten. Archives from Elephantine...* P. 28–35; *DAE. P. 45–47*; *Briant. Histoire de l'empire...* P. 354, 523.

Каждый глава малой семейной организации арамеоязычного населения юга Египта, в силу своей связи с «иудейским» или «арамейским» войском, состоял в сотне вне зависимости от профессии. Гражданские лица получали через нее рационы, обозначаемые термином *ptr'*. Они могли работать на сиенской верфи или в различных хозяйственных структурах. Рационы выделялись для конкретных *dgl*. В случае потери кормильца члены семей, главы которых входили в состав гражданских сотен или военных *dgl*, могли рассчитывать на помощь со стороны руководителей этих объединений.

Военное и гражданское население из числа «иудейского войска» юга Египта, входившее в состав *dgl*⁵⁷ и сотни⁵⁸, не имело служилых земельных владений. Временно гарнизонным *dgl* (см. С. 16⁵⁹; ANS 31:113) могла выделяться земля для выращивания необходимых продуктов питания, но по решению местных властей она могла быть изъята в любой момент. В ряде арамейских текстов (Aramaic papyri... Appendix. P. 316. стк. 6; ANS 24:12) имеется ссылка на *mnđt hyl'*. Не имея дополнительных источников, трудно сказать, идет ли речь об уплате поземельного налога членами воинских формирований.

Из С 22:19, 20⁶⁰ мы знаем, что в состав таких сотен входили и женщины. Их следует рассматривать в качестве глав малых семейных организаций, на которых распространялись льготы как на членов «иудейского войска». Потеряв домовладуку (отца, брата, мужа), такие женщины до вступления в брак зачислялись в сотню или *dgl* и получали соответствующий пенсион из резерва продовольствия, выделяемого на данное военногражданское объединение.

Рассмотренные выше два арамейских термина оплаты касались ежемесячных выдач жалования различным категориям служилых людей. Но в ахеменидском Египте существовали различные формы поощрения, включавшие в себя раздачу даров, пособий, не говоря уже о выдаче дополнительных продуктов питания, не входивших в *ptr'*. Для их обозначения должна была использоваться другая терминология. Ранее часть продуктов из государственных резервов направлялась на нужды египетских храмов для совершения жертвоприношений и религиозных действий. Экономически храмы могли существовать лишь при условии, что имелась возможность сдавать землю в аренду, рационально вести хозяйство и получать различные пожертвования. Именно за счет отказа от поддерж-

⁵⁷ «Воинское подразделение, знамя, штандарт». В отличие от сотни *dgl'* имело свой знак в виде штандарта. Именно оно и служило отличительным признаком конкретно взятого подразделения (*Hoftijzer, Jongeling. Dictionary...* P. 240–241), а не имя его командира (*Винников. Словарь арамейских надписей. Вып. 4. 1959. С. 232*). О нем см. *Clermont-Ganneau Ch. Papyrus et ostraca Cowley // Recueil d'Archeologie orientale. 1924. 8. P. 135–136; Bresciani. La satrapia d'Egitto. P. 148; Volterra E. 'yhwdy' e 'rmy' nei papiri aramaici del V secolo provenienti dall'Egitto // Rendiconti. 1963. 18. P. 131 ff.; Verger A. L'amministrazione della giustizia nei papyri aramaici di Elefantina // Rendiconti. 1964. 19. P. 78 ff.; idem. Ricerche giuridiche sui papiri aramaici di Elefantina. Roma, 1965. P. 67 ff. (Universita di Roma. Centro di Studi Semitici. Studi semitici. 16).*

⁵⁸ О специфике этих объединений подробнее см. *Temerev A. Social Organizations in Egyptian Military Settlements of the Sixth-Fourth Centuries B.C.E. («dgl'» and «m't») // Word of the Lord Shall Go Forth. Essays in Honor of D.N. Freedman / Ed. C.L. Meyers, M. O'Connor. Philadelphia, 1993. P. 523–525*. Б. Портен не учитывает изменения, происшедшие в ахеменидскую эпоху в военной и административно-хозяйственной структуре египетской сатрапии, системе оплаты и рассматривает сотню лишь как часть военного *dgl'* (*Porten B. Une autre lettre arameenne à l'Académie des Inscriptons AI 2–4): une nouvelle reconstruction // Semitica. 1986. 36. P. 84*).

⁵⁹ *Armaic Papyri...* P. 50–52.

⁶⁰ Нумерация строк дается по *Armaic Papyri...* P. 66–76.

ки египетского жречества, изъятия части их земель, расширения торгово-денежных отношений Ахемениды имели соответствующие материальные резервы для дополнительных выплат своим людям, а также оказания помощи семьям служилых людей, оставшихся без кормильцев.

О характере и ассортименте продуктов и изделий, которые обычно поступали в распоряжение храмов и жрецов, которые использовались при литургиях и жертвоприношениях, мы можем узнать, проанализировав ряд позднеэрастических и демотических текстов. Большинство сохранившихся документов являлись частью архивов семей жрецов и работников храмовых хозяйств. Жрецы Амон-Ра в Тауджое владели и обрабатывали служебные земельные наделы и за свою службу получали продовольственные рационы и другие виды натурального вознаграждения, которые по своей природе являлись священными дарами или налоговыми отчислениями, поступавшими в храм Амона из различных источников. Как видно из Ryl. 1⁶¹, жреческие должности с соответствующими льготами переходили по наследству⁶². Семьи жрецов также владели и обрабатывали служебные земельные наделы, за свою службу тоже получали продовольственные рационы и другие виды натурального вознаграждения, которые формировались из тех же источников. В случае необходимости наследники, чаще всего женщины, могли продать одну из должностей или «место» в священном некрополе.

В зависимости от ранга следивший за местом-гробницей (s.t)⁶³ получал различные рационы ('q.w), часть даров, остатков пищи жертвенных животных и других подношений (ḥtp.w). Уступая такое «место», жрец / жрица, как видно на примере Ryl. 1, перечислял все виды содержания ('q-ḥbs), которые полагались для данной категории жрецов. В него входили предметы, связанные с совершением религиозных литургий, священное одеяние (mnh.t), мясо жертвенных животных и птиц (говядина, гусятина), пиво, светильники, молоко, масло, фимиам (стк. 3). Мы не имеем сведений, что жрецы в позднем Египте за свою службу получали и серебро. Перечисленные же предметы питания в значительной степени производились работниками (или арендаторами) на храмовой земле. Они поступали в сокровищницу в качестве соответствующего налога или арендной платы.

Ахемениды в документах хозяйственной отчетности не использовали соответствующую египетскую терминологию. Сравнивая характер оплаты различным категориям населения Египта позднего времени, мы можем находить аналогии лишь в ассортименте и величине натурального вида оплаты, но не в лингвистических параллелях. Для обозначения жалованья, дополнительных выплат, даров, пособий ахеменидские чиновники пользовались соответствующей арамейской терминологией, аналогии которой можно обнаружить в библейских произведениях.

В двух арамейских текстах V в. до н.э. юга Египта (C 1; 17) встречается термин *mnṯ'*, который как раз и относился к подобной терминологии.

⁶¹ Griffith F.Ll. Catalogue of the Demotic Papyri in the John Rylands Library Manchester. Vol. III Manchester, 1909. P. 44–47; 201–206; Erichsen W. Auswahl frühdemotischer Texte zum Gebrauch im akademischen Unterricht sowie zum selbststudien zusammengestellt. Vol. 1. Copenhagen, 1940. S. 1–3; Vittmann. Der demotische Papyrus... S. 224–225.

⁶² Lloyd. The Late Period... P. 302–305.

⁶³ «Место, могила, гробница, площадь» (Erichsen. Demotische Glossar. S. 400 ff.); Vittmann. Der demotische Papyrus... S. 292 ff.).

Документ С 1 датируется 22 октябрём 495 г. до н.э.⁶⁴ Текст гласит:

«1. By[w]m 2 [y]rh' pp šnt 27 1Drywš mlk' 'mrt Slw'h brt

Во второй де[нь] месяца эпифи, 27-го года правления царя Дария, сказали Саллуйа, дочь

2. Qnyh wYtwmh 'hth 1Yhh'wr brt Šlwmm 'nhn yhbn lky plg

Конейи и ее сестра Йатома, Йахо'оре, дочери Шаломама: “Мы передали тебе половину

3. mn[t]' zy yhbw ln dyny mlk' wRwk rbhyl' hlp plg mnt' zy

mnt', которую передали нам царские судьи и командир войска Равака, в обмен на половину mnt', которая

4. mttky 'm N'hbt mh'r ywm 'h'm l' nkl ngrky bmnt' zky

досталась тебе вместе с Нихебет”. Ни завтра, ни в другой день мы не предъявим иск в отношении этой mnt',

5. [l]'m[r] l' 'nhn yhbnh lky l' ykl 'h w'hh br wbrh qrb

заявляя: “Мы не передавали ее тебе”. Не смогут ни брат, ни сестра, сын или дочь, близкий

6. wrhuyq ygrwnky wzy ygrnky bmnt' zky zy yhb'n lky yntn lky

или дальний (родственник) предъявить тебе иск. Тот, кто предъявит тебе иск в отношении этой mnt', которую мы отдали тебе, должен будет передать тебе

7. ksp kršn 5 wmntky zylky twb

серебра 5 карша; и твоя mnt' вновь будет принадлежать тебе.

8. šhdy'

Свидетели:

9. [H]ws' br [Y]w[h]yh⁶⁵

Гошейя, сын [Й]о[x]ийи,

10. Šlwmm br ['zryh]

Шаломам, сын [Азарийи],

11. Zhnyh br Mky.

З(Ц)апанийя, сын Маки».

Рассматриваемый текст является документом о разделе mnt'. Он характеризует положение одиноких женщин, дочерей воинов южноегипетских гарнизонных подразделений, после смерти домовладык, входивших в состав «иудейского войска». В качестве контрагентов указаны две дочери Конейи (Qnyh)⁶⁶ – Саллуйа (Slw'h) и Йатома (Ytwmh), с одной стороны, и две дочери Шаломама (Šlwmm) – Йахо'ор (Yhh'wr) и Нихебет (N'hbt) – с другой. Из текста следует, что в 90-х годах V в. до н.э. представители местной администрации в лице «царских судей» (dyny mlk') и командира местного гарнизона (rb hyl') Раваки

⁶⁴ DAE. P. 75–78; *Porten B., Szubin H.Z. Exchange of Inherited Property at Elephantine (Cowley 1) // JAOS. 1982. 102. P. 651–654.*

⁶⁵ П. Грело восстановил имя как *Нодауyah* (Годавья) (DAE. P. 77).

⁶⁶ В предлагаемой нами передаче на русский язык иудейских имен отсутствует теофорный элемент -yh/h-. Это вполне согласуется с аналогичной передачей указанных имен и в древнеславянских версиях библейских произведений. При выборе гласных звуков мы придерживаемся вариантов, предложенных П. Грело (DAE. 460–502). Среди специальных работ, посвященных анализу материалов ономастики в арамейских текстах Египта V в. до н.э., следует отметить: DAE. P. 460–502; *Kornfeld W. Onomastica Achaemica aus Ägypten. Wien, 1978 (Österreichische Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-Historische Klasse. Sitzungsberichte. Bd 333); Silverman M.H. Aramean Name-Types in the Elephantine Documents // JAOS. 1969. 89. P. 691–709; idem. Hebrew Name-Types in the Elephantine Documents // Or. 1970. 39. P. 465–491; idem. Religious Values in the Jewish Proper Names at Elephantine. Kevelaer, 1985.*

(Rwk) наделили mnt' четырех женщин, оставшихся без кормильцев. Дочери Конейи получили одну часть (plg), а дочери Шаломама другую часть mnt'. Речь шла о «частях» одного (одной) mnt'.

Женщины не состояли в браке и не находились под чьей-либо опекой / отеческой властью, ибо обычно мужчины в суде отстаивали интересы женщин.

В 495 г. до н.э. Саллуйа и Йатома жили вместе и сообща вели дела. Это не наблюдается в отношении двух дочерей Шаломама, ибо согласно С 1 их контрагенткой выступает только Йахо'ор. Ее сестра Нихебет уже не претендовала на plg mnt', так как или умерла, или вышла замуж, а mnt', судя по рассматриваемому документу, предоставлялся лишь одиноким членам семей умерших воинов. Mnt' не могло передаваться по наследству, поэтому право на его получение могло быть утеряно, если изменялся статус его получателя. Mnt' в рассматриваемом нами документе – пенсия, получаемый одинокими женщинами в связи с потерей кормильца. В С 1 не названы патронимы Конейи и Шаломама. В известных нам арамейских источниках V в. до н.э. не упоминается в полной форме оним Qnyh⁶⁷, который происходит от соединения глагола qnh («творить, создавать») и теофорного элемента – Yh. Все три имени – Qny', Qnyh, Qwnyh – можно трактовать как «Иахо – творец» или «Сотворенный Иахо».

В документах, датированных 471–460/59 гг. до н.э. (С 5:2; 6:8; 8:6) упоминается Qwnyh br Šdq, «арамей Сиены» ('tmy zu Sw'n), который имел дом в элевантинской крепости. Принадлежность этого мужчины к воинскому формированию не вызывает сомнения.

В соответствии с памятной запиской (zkm) С 63, работникам хозяйственного ведомства из числа «иудейского войска» выдали продовольственные рационы. Среди получателей зерна упомянут Qnyh (см. стк. 14).

Из анализа двух архивов (Мибтахийи и Ананийя) потомков саисских переселенцев из числа «иудейского войска» следует, что в этой среде детей обоего пола обычно называли именами умерших предков. Иудеи Qny', Qnyh, Qwnyh могли принадлежать к одной большесемейной организации, но к разным малым семьям или возрастным группам, ибо арамеоязычное население постоянно проживало в этом районе Египта в последней четверти VI – начале IV в. до н.э.

О дочерях Конейи известно также из небольшого фрагмента (N 3⁶⁸) юридического документа (С 67), согласно которому Йатома и Саллуйа сообща защищали свои имущественные права в провинциальном суде (dyn'). Их контрагентом являлся «арамей, житель Сиены, подразделения...») ('tmy sw'nkn ldl...'). Первый ребенок в семье рассматриваемого Конейи умер и второго (дочь) назвали Slw'h. Данное имя происходит от араб. sl' / slh, форма Pu'al – «быть возмещенным, компенсировать, возвращать долг» (Slw'h – «возвращенный/ая Иахо»⁶⁹).

В арамейских текстах имеются ссылки еще на трех женщин с такими же именами, жительниц юга Египта. Slwh brt Nry (С 22:102) являлась главой малой семьи. В С 18:2 имеется ссылка на Slw', а в С 35:3, 10 – на Slw'h brt Smwh.

В древности смерть роженицы – обычное явление. Спасенного новорожденного в таких случаях называли Ytwmh / м. р. Ytwm («сиротка / сирота»)⁷⁰. Чаще всего выживали мальчики, на это указывают имена Ytwm / Ytm' (акк. Yatamā) (С 11:1; 12:3; 22:23; 33:4; 34:5; К 4:24; 9:24). Впрочем, возможно, что конечная -y

⁶⁷ Kornfeld. *Onomastica Aramaica...* S. 70; DAE. P. 488.

⁶⁸ Документ плохо сохранился, поэтому можно говорить об отдельных его частях-фрагментах.

⁶⁹ Holladay W.L. *A Concise Hebrew and Aramaic Lexicon of the Old Testament*. Leiden, 1971. P. 256; Kornfeld. *Onomastica Aramaica...* S. 64; DAE. P. 489.

⁷⁰ DAE. P. 498; Kornfeld. *Onomastica Aramaica...* S. 55.

является показателем не женского рода, а сокращенным вариантом теофорного -h (Йахо). В отсутствие представителя мужской половины трудно сказать, как складывалась ситуация в рассматриваемой в С 1, 67 семейной организации на протяжении V в. до н.э. Еще меньше известно об Šlwmm (С 1), отце двух дочерей, которых в свое время наделили plg mnt'. В рассматриваемом районе Египта в V в. до н.э. проживало несколько Šlwmm⁷¹: Šlwmm (С 1:2), Šlwmm br Šnyu (С 46:2, 8), Šlwmm br Hwdwyh (С 46:16), Šlwmm br 'zryh (С 1:10; 20:6, 12). С определенной долей вероятности можно утверждать о родственной связи двух Šlwmm, упоминаемых в С 1:10, 20:6, когда они выступали свидетелями при решении имущественного спора. Наличие в имени Šlwmm элемента šlm («мир, благополучие, благоденствие») – свидетельство древности данной семейной организации, ее связи с жреческой средой. Впрочем не исключено, что в ряде случаев состоятельные и благополучные родители именно так называли свое потомство. Старшая в семье Шаломама была названа Yhh'wt («Yhh / Yhw – свет»)⁷², а младшая – N'hbt («Любезная»)⁷³.

Как считают исследователи, члены «иудейского войска» предпочитали называть именем Yhw'wt не девочек, а мальчиков (С 26:16; К 9:24; 10:18; 12:34). При этом четко прослеживается тенденция не использовать анахронизм в виде теофорного элемента Yhh, который в частной переписке заменялся на Yhw. Проследить семейную жизнь Yhh'wt не представляется возможным.

В документе 400 г. до н.э. (С 22) в качестве глав малых семейных организаций упоминаются три женщины с именем N'hbt, Nhbt. Одна из них – дочь Mhsh (стк. 9), другая – G[d]yh, третья – Zkwt. «Любезной» мог назвать свою дочь представитель любой социальной группы. Поэтому трудно сказать, имела ли родственная связь у представителей этих трех семей. Мы не располагаем сведениями, что воины южного гарнизона владели земельными участками. Поэтому после их смерти родственники никак не могли сохранить их за собой, как допускает Б. Портен⁷⁴. Более вероятно, что ахеменидская администрация из своих резервов временно выплачивала им пенсион натуральными продуктами питания.

Для уточнения функционального назначения арамейского термина mnt' в деловой переписке и круга лиц, которым она предназначалась, необходимо обратиться еще к одному арамейскому документу (С 17), датируемому 427 г. до н.э. Папирус был обнаружен немецкими археологами во время раскопок развалин элевантинской крепости в археологический сезон 1906–1908 гг. Если это оригинал, то он не был отправлен в Мемфис. Его авторами являлись чиновники судебного, фискального и административно-хозяйственного ведомств провинциального уровня⁷⁵.

⁷¹ Kornfeld. *Onomastica Aramaica*... S. 73.

⁷² DAE. P. 497; Kornfeld. *Onomastica Aramaica*... S. 52.

⁷³ DAE. p. 483; Kornfeld. *Onomastica Aramaica*... S. 60.

⁷⁴ Porten B. *The Address Formulae in Aramaic Letters: A New Collation of Cowley 17 // RB*, 1983. 90. P. 409.

⁷⁵ Оригинал текста заново был проанализирован Б. Портемом. С учетом возможных, главным образом палестинских, аналогов официальных посланий, автор восстановил некоторые лакуны. На юге Египта существовала своя манера составления соответствующих посланий, поэтому следует весьма осторожно подходить к восстановлению имеющихся лакун, ссылаясь на образцы делового письма из других районов ахеменидской империи (Porten. *The Adress Formulae*... P. 396–415). О датировке текста см. также Naveh J. *The Development of the Aramaic Script*. Jerusalem, 1970. P. 33 (The Israel Academy of Sciences and Humanities. Proceedings. Vol. 1. № 1).

Текст датируется 427 г. до н.э. и гласит:

1. «[’l mr’n ’rš]m ’bdyk ’hmns wknwth Bgdn wknwth wspry mdynt’ šlm mr’n’lhy’[kl’]

[К нашему господину Арша]ме. Твои слуги Ахаменес и его помощники, Багадана и его помощники, и писцы области. Благодеяния нашему господину боги [всякого

2. уš’lw šgy’) bkl ’dn wk’t ln š[y]m [t’ m mnt’] 1m zy yh[b]h bmdynt’
’tr zyP[mwnpr’?

пусть пожелают много во] все времена. И теперь, нам отдано распоряжение: “Mnt’ должна направляться в область, место которое P[mwnpr’?⁷⁶...

3. ...mprš zn zn yrḫ k]yrḫ hww slḫn ’ly ’p nšwn’ ktyb yhyb ln k’t...
определив каждый вид, ежемесячно присылать мне”. И письменный документ был написан и передан нам. Теперь...

4. thw

... ..

5. [’l] mr’n ’rš[m] zy bMsrn [’bd]yk ’hmns wknwth ’zdkry’ B[gdn wknwth]
К] нашему господину Аршаме, [который] в Египте, твои слуги Ахаменес и его помощники аздакары, Б[агадана и его помощники]

6. dnyu’ Pt’sy [w]knwth spry mdynt’ Pmwpr’ Ḥrwz wknwth spry mdynt[t w]
судьи, Петейси [и] его помощники, писцы области Pmwpr’
Хорвуц и его помощники писцы облас[ти и]

7. [...] ’lym Syn’rš ’zdkr’⁷⁷ knthm b19 1mrhswn šnt 38 ’rthššš [mlk’]
[Pn??] слуга Синериша аздакары, их помощники. В 19-й день мархешвана 38-го года Артаксеркса [царя]

8. pthm ...

...».

В первом документе речь идет о mnt’, который предоставлялся одиноким женщинам; их отцы состояли в «иудейском войске» юга Египта. Второй документ плохо сохранился. Упомянутые в нем должностные лица подтвердили получение распоряжения сатрапа, которое было доставлено аздакарами. Маловероятно, что речь в нем шла о сборе налоговых отчислений (или имуществе) (Б. Портен⁷⁸), которые собирались с населения один раз в год и которые обозначались термином mndt. Ежемесячно (букв.: yrḫ kyrḫ – «год за годом») могли собираться дополнительные налоги в виде продуктов питания и ремесленных изделий (букв.: zn zn – «каждый вид»⁷⁹). Они могли формировать резерв продуктов и предметов ремесла, которым распоряжался по своему усмотрению египетский сатрап. Указанные продукты и предметы должны были по-

⁷⁶ Б. Портен, ссылаясь на стк. 6, восстановил в лакуне Pmwpr’ (егип. P3-mw-n-p3-R’), при этом он не исключает и другие варианты прочтения (*Porten. The Address Formulae...* P. 411). Документ был обнаружен на о-ве Элефантина, который относился к области Тшетрес. Место же (букв.: ’tr) Pmwpr’ исследователи связывают с областью, куда территориально входили и Дафны (дельта Нила) (*Porten. The Address Formulae...* P. 413–414).

⁷⁷ Арам, ’zdkry (иран. azdakara) исследователи переводят как «осведомитель» (*Винников. Словарь арамейских надписей. Вып. 3. 1958. С. 192*); «Herold, Ausrufer» (*Hinz. Altiranisches Sprachgut...* S. 52); «inspecteurs» (DAE. P. 282; *Porten. The Address Formulae...* P. 407); «инспектор, регулирующий операции по распределению продовольственных рационов» (*Briant. Histoire de l’empire perse...* P. 463). Из рассматриваемого нами документа следует, что указанные должностные лица на местах осуществляли контроль за выполнением привезенного ими распоряжения египетского сатрапа.

⁷⁸ *Porten. The Address Formulae...* P. 411.

⁷⁹ *Ibid.* P. 412; *Hoftijzer, Jongeling. Dictionary...* P. 333.

стоянно направляться в Дельту, где имелись соответствующие хранилища, а не в Мемфис. Воины элевантинского гарнизона должны были сопровождать суда, а владельцы кораблей брать соответствующие расписки у местных писцов, что товар прибыл в полной сохранности.

При переводе и трактовке арамейского *mnt'* исследователи обращаются к библейской и талмудической традициям. Эд. Захау и П. Грело склонялись к мнению, что *mnt'* в Египте обозначали «часть» (букв.: *demi-portion*) царской земли, которую получал воин (синоним более позднего «клер») ⁸⁰. Эд. Крэлинг, ссылаясь на Талмуд, рассматривает *mnt'* как «часть собственности» ⁸¹, а А. Каули «то, что было распределено» (букв.: *something allotted*) ⁸². Б. Портен и Г. Шубин, ссылаясь на LCH, ставят знак тождества между арам. *mnt'* и дем. *tnj.t* («часть») ⁸³.

Из Bab. Bath. 12a; Bab. Bath. 167a; Yeb. 37b–38a следует, что в палестинской повседневной практике первых веков нашей эры термин *mnt'* обозначал часть наследуемого имущества, включая и земельный надел.

Арамейские документы юга Египта отражают ближневосточную правовую традицию, аналоги которой прослеживаются по библейским источникам. Требуется специального рассмотрения вопрос о том, почему из целого ряда терминов, служивших в древнееврейском и арамейских языках обозначением «части / доли», именно *mnh / mnth* закрепился в правовой практике ⁸⁴.

1. Арамейское *mnh* (st. emph. *mnt'* от гл. *mny* – «получать») происходит от др.-евр. гл. *mānâ / mnh*, форма Pa'el которого имеет значение «назначать, предписывать» ⁸⁵.

«Часть, доля, порция». Производное *mānâ / mānōt* («часть, доля, порция» – от гл. *mānâ*) в библейских произведениях обозначало часть (долю) жертвенной пищи (I Сам. 1:4–5), праздничной еды (Эст. 2:9; I Сам. 1:5), которую получали главы нуждающихся семей после совершения обряда жертвоприношения (Пс. 11:6; 16:5). Другая часть передавалась на нужды жреческого сословия. В аналогичном значении в С 37:12 употребляется арамейское *mny* ⁸⁶. Аккадское *minûtu(m)* переводится как «порция, оплата» ⁸⁷.

2. *Mny* («число, счет, количество») ⁸⁸. В документах хозяйственной отчетности встречается сочетание *bmny*, которое обычно переводится как «в количестве» (С 2:14; 3:13; 27:9). Соответствующие производные от акк. *manû*, др.-евр. *mēnâ / mnh*, арам. *mny* встречаются в хозяйственных документах (ассирийских, древнееврейских, арамейских) различного времени ⁸⁹.

⁸⁰ DAE. P. 76–77.

⁸¹ Kraeling. Brooklyn Museum... P. 60.

⁸² Aramaic Papyri... P. 2. Line 3.

⁸³ Porten, Szubin. Exchange... P. 651 ff.

⁸⁴ Как считает М. Соколофф, в более позднее время *mnh* использовался для обозначения «части» (portion) или небольшой денежной единицы (Sokoloff M.A. Dictionary of Jewish Palestinian Aramaic of the Byzantine Period. Ramat Can, 1992. P. 317.

⁸⁵ Винников. Словарь арамейских надписей. Вып. 11. 1964. С. 199; Aramaic Papyri... P. 297; Hofstijzer, Jongeling. Dictionary... P. 657; Holladay. A Concise Hebrew... P. 201.

⁸⁶ Aramaic Papyri... P. 135; DAE. P. 390.

⁸⁷ Soden W. von. Akkadisches Handwörterbuch. 7. 1966. S. 656b.

⁸⁸ Hofstijzer, Jongeling. Dictionary... P. 661.

⁸⁹ Подробнее использование в таком значении см. Gesenius W. Hebräisches und Aramäisches Handwörterbuch über das Alte Testament. 12. Aufl. Lpz, 1895. S. 433; LlavT. 1971. P. 106; Koehler L., Baumgartner W. Hebräisches und Aramäisches Lexikon zum Alten Testament. Lief. II. 2. Aufl. Leiden, 1974. S. 567.

3. («Мина») денежно-весовая единица⁹⁰.

В большинстве известных нам случаев она соответствовала 1/60 части таланта. В источниках упоминаются мины в 50 и 100 сиклей серебра. Последнее значение соответствовало «царской мине» (mnh mlk). В Египте в ахеменидскую эпоху 1 мина соответствовала 5 каршам, т.е. 50 сиклям серебра (571 г). Со временем мина стала служить денежным эталоном и для золотого номинала аналогичного веса⁹¹.

«Судьба / рок» (ср. др.-греч. αἶσα / μοῖρα).

В С 17:3 сочетание zn zn («каждый припас, вид за видом») свидетельствует о вхождении в состав mnt' различных изделий ремесел, продуктов питания и т.д., регулярно изымаемых у местного населения в качестве дополнительного налога⁹², временно хранившегося в 'wšr'.

На о-ве Элефантина еще в досаисскую эпоху по распоряжению жречества Хнума были сооружены хозяйственные постройки и резервуар ('wšr / 'wšr zu mlk') (К 6:7; 10:4; 11:4), куда поступали различные налоговые отчисления в виде храмовой дани (зерно, мясо, масло, ткани и предметы ремесла). В ахеменидскую эпоху храм Хнума продолжал функционировать. Контроль за поступающими в его хранилища предметами и продуктами, необходимыми для совершения жертвоприношений, а также дарами осуществляли назначенные сатрапом лица. Фактически храмовое 'wšr' выполняло двойные функции, ибо именно из него и получали ахеменидские служилые люди в качестве оплаты необходимые товары и продукты. Со временем это хранилище было разрушено в 410 г. до н.э. взбунтовавшимся местным населением (С 27:5). В С 27:4-5 оно называется «частью / царских резервуаров (qsb⁹³ // mn gwm' zu mlk'⁹⁴), которая в крепости Йеб».

Арамейскому 'wšr' (st. constr. 'wšr) («царское зернохранилище, склад, резервуар, хранилище»⁹⁵) соответствует библейское ḡšār (см. Неем. 10:39–40; 12:44; 13:12–13; Мал. 3:10), помещению из нескольких комнат, куда поступала храмовая десятина. Определенный штат сотрудников хозяйственного ведомства Иерусалимского храма занимался в нем распределением поступающей дани между жрецами и нуждающимися. Перевод 'wšr' как «сокровищница, хранилище» вполне говорит о назначении этой постройки (хранилищу предметов и продовольствия). В арамейских документах из района древнего Мемфиса и не-

⁹⁰ Hofstijzer, *Jongeling*. Dictionary... P. 658.

⁹¹ Sokoloff. Dictionary... P. 317; LLAVT. P. 106; *Jesenius*. Hebraisches... S. 433; *Dalman G.H.* Aramäisch-Neuhebräisches Handwörterbuch zu Targum, Talmud und Midrasch. Göttingen, 1938 (reed. Hildesheim. 1967). S. 242; *Винников*. Словарь арамейских надписей. Вып. 11. 1964. С. 198.

⁹² Ср., например, Пс. 144:13: «наши житницы, углы полны и обильны всякой всячиной (др.-евр. zān, арам. zn')». О zn zn см. *Винников*. Словарь арамейских надписей. Вып. 7. 1962. С. 211; *Gesenius*. Hebräisches... S. 211; *Holladay*. A Concise Hebrew... P. 90; LLAVT. P. 58; DAE. P. 282; *Porten*. The Adress Formulae... P. 412.

⁹³ Арам, qst обычно переводится как часть жилой постройки или хозяйственного комплекса (С 29:3; 35:4). Например: qst mn bytu – «часть моего дома» – К 9:3) (*Винников*. Словарь арамейских надписей. Вып. 13. 1965. С. 234).

⁹⁴ gwm' zu mlk' А. Каули переводит как «king's store» (*Aramaic Papyri*... P. 99–100). П. Грело для gwm' / gwm' zu mlk' дает аналогичное значение («magazin du roi» (DAE. P. 402g). Б. Портен, после тщательного исследования оригинала текста, восстановил в С 27:5 слово ywdn («barley-house» (*Jews of Elephantine*... P. 86).

⁹⁵ Вряд ли можно согласиться с И.Н. Винниковым, который 'wšr' предлагает трактовать и как «казначейство» (*Словарь арамейских надписей*. Вып. 11. 1964. С. 223), ибо для обозначения мемфисского казначейства использовались другие термины (gnz', byt mlk').

крополя (северная Саккара⁹⁶) нет упоминаний о 'wšg', хотя мы знаем, что продовольствие хранилось и в Белой крепости Мемфиса. Термин gwm' (иран. yaudāna⁹⁷) использовался для обозначения зернохранилища.

Выловленная в Ниле рыба также частично шла в погашение налоговых недоимок и распределялась между служилыми людьми в качестве части mnt'. При ее распределении возникали споры, которые разрешались в судебном порядке⁹⁸. Трудно сказать, временно хранилась ли она в рассматриваемом элефантинском храмовом 'wšg.

Таким образом, можно сделать ряд предварительных выводов.

1. В ахеменидском Египте для обозначения жалованья служилого человека, состоявшего из натуральных продуктов (рациона) и взвешенных слитков серебра, на протяжении длительного времени использовались соответствующие термины – ptr' и pgs.

2. Арамейский термин mnt' (ср. акк. minûtu(m)) закрепился в ахеменидской деловой и правовой документации для обозначения «части / доли чего-либо». С одной стороны, это пособие в виде разнообразных продуктов питания, которое выделялось из государственных запасов на нужды семей служилых людей, не имевших земельных пожалований. С другой стороны, он мог обозначать и долю, натуральную часть налоговых ежемесячных сборов (пошлины) с местного населения в виде товаров, ремесленных изделий, даров Нила и земли. Именно из этого резерва получали пособия члены семей служилых людей и вознаграждения.

3. В ряде случаев mnt' мог обозначать и часть (долю) земельного служилого надела.

REGULAR AND OCCASIONAL PAYMENTS IN LATER EGYPT (On the Interpretation of the Aramaic Term mnt')

A. N. Temerev

The author undertakes a comparative analysis of various kinds of payments received by men on service in Egypt in the Saitic and Achaemenian periods. The payments consisted of regular allowances in kind, of occasional grants and of land allotments and tax relief, the two latter after the retirement from the service. Their amount and components were comparable in different periods, but the terms denoting them could vary. Economic accounts from the Achaemenian period use Aramaic terms analogous to some of those found in Biblical texts. One of the most important of them is *mnt'* (Akkad. *minûtu(m)*), used in official correspondence for denoting a part or a share of something. Thus, in one case it implies various food supplies issued to the service class families deprived of their bread-winners. In another one it means produce of husbandry and craftsmen's goods collected monthly from the population as a supplementary tribute to the satrap's reserve fund.

⁹⁶ Aime-Giron. Textes arameens...; Segal. Aramaic Texts...

⁹⁷ «Зернохранилище, амбар» (Jews of Elephantine... P. 86; DAE. P. 402g; Hofstijzer, *Jongeling*. Dictionary ... P. 219).

⁹⁸ См., например, С 45 (Aramaic Papyri... P. 149–150).

К ВОПРОСУ О СЕМАНТИКЕ ДРЕВНЕЕГИПЕТСКОЙ ГРОБНИЦЫ (Или рефлексии по поводу занятий египтологией)¹

Мир древнеегипетской гробницы или, точнее, окружение ее хозяина, земной микрокосмос, создающийся для его инобытия, – важнейшая составляющая древнеегипетского мировоззрения. От понимания ее семантики в целом, равно как и отдельных ее единиц зависит позиция исследователя в оценке характера развития древнеегипетского общества и степени развития религиозного сознания.

Древнеегипетская культура, как, пожалуй, никакая иная из древних цивилизаций, дает сочетание вербального и невербального ряда, которые составляют единый текст культуры. Позиция автора данной статьи диаметрально противоположна пониманию А.О. Большаковым текста и изображения. Речь идет о предложенных им двух языках культуры, которые хотя и сосуществуют, но сферы их применения ни в коем случае не совпадают². Взгляд автора настоящей статьи базируется на понимании культуры, развившей письменность, как совокупности информации и как памяти коллектива³, как единого текста для каждой эпохи, две составляющих которого – письмо и изображение – следует рассматривать даже не просто в единстве, а в функциональной взаимосвязи, и в рамках отдельной единицы, и всей культуры в целом. Понятие *изображение* подразумевает не только статуи и рельефы, но и архитектурный ансамбль, отдельные единицы которого имели свою функциональную нагрузку.

При решении каждой конкретной проблемы возникает вопрос: в какой мере сочетаются – дополняют или существуют независимо эти две составляющие как всей культуры в целом, так и тех ее частей, где обе они присутствуют. При отсутствии одного из них эта проблема не возникает, а само изображение читается как текст (что действительно для любой культуры), при их наличии возникает проблема реконструкции единой структурной композиции (или заложенной текстовой программы) с целью выявления семантики исследуемой единицы культуры и ее роли в целостной системе.

В отношении древнеегипетской гробницы эпохи Древнего царства, а именно о ней и пойдет речь в данной статье, мысль А.О. Большакова о разделении языков (изображений для человека (мира Ка) и текстов для мира богов)⁴, на взгляд автора данной статьи, выводит древнеегипетское мировоззрение за пределы мифологического, оставляя при этом без комментария целый пласт источников, не укладывающихся в данную схему.

Прежде всего, о самой идее разделения мира богов и мира Ка, один из которых только изображается, другой только описывается, которая практически в

¹ Подзаголовок этой статьи вызван появлением рецензии: *Большаков А.О.* «Одинокий остов гробницы» или как не нужно заниматься египтологией // ВДИ. 2004. № 4. С. 207–212.

² См. *он же.* Изображение и текст: два языка древнеегипетской культуры // ВДИ. 2003. № 4. С. 4.

³ Материалы к словарю терминов Тартуско-московской семиотической школы. Тартуская библиотека семиотики 2. Тарту, 1999. С. 120–124.

⁴ *Большаков.* Изображение и текст... С. 8.

точности повторяет мысль, высказанную О.Д. Берлевым, о существовании двух миров. У О.Д. Берлева она звучит следующим образом: «*Миры мертвого тела и образа* (перевод с английского и курсив мой. – Э.К.) сильно отличаются друг от друга первый – воображаемый, второй – абсолютно реальный, отражающий человеческую жизнь. Это различие предопределило способы, которыми эти миры создавались для каждого индивида в его или ее гробнице; мир трупа только описывался в серии текстов, обычно называемых изречениями, в то время как Ка только изображался. Вот почему первоначально сцены на стенах гробниц или стел не содержат ничего, что было бы близко трансцендентному и очень мало касающегося религии»⁵.

Эта идея о двух мирах была заимствована А.О. Большаковым без указания на первоисточник и перефразирована следующим образом: «Поскольку два языка египетской культуры есть суть творения двух качественно различных миров, *мира Ка и мира богов*, сферы их применения различны в той же мере, что и сами миры. Все относящееся к миру, где живут люди, описывается, воспроизводится, творится при помощи изображений, но не текстов. Все фантастическое, связанное с нечеловеческим миром богов, творится только посредством текстов и не может быть изображено»⁶.

Итак, «мир трупа, описанный в серии текстов», выделенный О.Д. Берлевым, превратился у А.О. Большакова в «мир богов, описываемых только текстами». Тезис о том, что любое изображение бога и самой сферы божественного в любой культуре фантастично и никогда никем не было видено, вряд ли достоин повторения⁷, однако, разве не характер и особенности этой фантазии определяют внешний облик важнейшей составляющей всякой культуры – религиозного мировоззрения?

В этой связи представляется уместным напомнить характеристику Б.А. Успенского и Ю.М. Лотмана, понимавших миф как феномен сознания и в этой связи заметивших, что мифологическое описание монолингвистично, предметы этого мира описываются через такой же мир, построенный таким же образом⁸.

Здесь мы подходим к ключевой позиции соотношения реалистичности и символизма изображений гробницы как двух семантических разноуровневых полей описания, заключающихся в одном и том же образе⁹. Реалистическое изображение, или изображение повседневного (виденного) сюжета, показанного в определенном контексте (например, культовое помещение гробницы) имеет в то же время символическое значение.

Данное определение исключительно точно соответствует миру, показанному на рельефах нецарских гробниц эпохи Древнего царства. Не оспаривая вопроса о том, что изображения реальных сцен жизни египтянина доминируют на рельефах каждого культового помещения гробницы, нельзя исключить два

⁵ *Hodjasch S., Berlev O. The Egyptian Reliefs and Stelae in the Pushkin Museum of Fine Arts, Moscow. Leningrad, 1982. С. 14.* Эта мысль была специально выделена А.О. Большаковым в его рецензии на эту книгу (см. ВДИ. 1986. № 1. С. 159–162), однако спустя 17 лет дана не только без ссылки, но и без упоминания О.Д. Берлева.

⁶ *Большаков. Изображение и текст... С. 8.*

⁷ Фраза А.О. Большакова о том, что «мир богов может быть только воображен, но не увиден и соответственно изображен» выглядит попыткой ворваться в открытую дверь.

⁸ *Успенский Б.А., Лотман Ю.М. Миф – имя – культура // Лотман Ю.М. Избранные статьи. Таллинн, 1992. С. 58–59.*

⁹ См., например: *Altenmüller H. Der Konvoi der Sonnenschiffe in den Pyramidentexten // SAK. 2004. 32. S. 11.*

важнейшие компонента, которые практически нивелируются Большаковым настолько, что полностью уходят в тень, и для него не играют никакой роли в гробнице. Речь идет о лапидарных или более пространных текстах, тесно связанных с соответствующим изображением. Они являются либо подписями к изображаемым сценам (в этих случаях реализм часто доминирует), либо присутствуют только имя собственное, либо имя и более пространные титулы. Именно это название «в его предельной абстракции сводится к мифу»¹⁰ (на уровне мифологического сознания).

Создавая свою концепцию, А.О. Большаков не уделяет должного внимания ряду источников. Прежде всего следует указать на формулу подношений (*hṯp djw njswt*, *hṯp djw n.f njswt*, *hṯp [r]djw njswt*, *hṯp djw jn njswt*), являющуюся ключом всей изобразительной программы культового помещения¹¹. Именно она приводит в действие изображенное, являясь, как отметил О.Д. Берлев, средством для умершего и его изображения слышать и воспринимать все изображенное перед ним так, как если бы он это видел¹².

Обратимся теперь к самой формуле, или тем жизненно важным подношениям умершему, которые делает царь Анубису (или Осирису) или оба делают их вместе¹³ с тем, чтобы соответственно тот или другой совершил нужное благодеяние для Ка. Эта ключевая формула древнеегипетской гробницы, предполагающая равноправные отношения между царем и богом, действующими одновременно в пользу Ка, является мостом между божественным миром и миром обитателя гробницы. Присутствие и царского, и божественного как главного фактора совершения изображенных на стенах культового помещения действий сомнений не вызывает.

Формула подношений, таким образом, является связующим звеном в системе, замыкающим ее и дающим ключ к ее семантике. Ее можно считать тем особым языком гробничного комплекса, который не требовал изображения, где название было достаточным, чтобы привести в действие остальные элементы изобразительного и письменного комплекса гробницы.

В этой связи уместно поставить вопрос: а нужны ли были изображения богов и их окружения в древнеегипетской гробнице? Представляется, что сознание египтянина, предполагающего необходимость присутствия божественной воли во всем, что его окружало, воспринимало это как некую раз и навсегда существующую данность и на определенном этапе не считало необходимым что-то изображать или пространно описывать. Придерживаясь тезиса о том, что сознание египтянина, как и всех стадияльно близких ему народов, было мифологическим, следует заметить, что для восприятия гробничного культа как единицы культуры характерно, по определению Ю.М. Лотмана, «...замкнуто-циклическое отношение ко времени... Универсальным законом такого мира является подобие всего всему, основное организующее структурное отношение – отношение гомеоморфизма»¹⁴.

Для египтян существовала как универсальная система богов, создавших мир и самих когда-то бывших на земле, так и их легитимный правитель, который

¹⁰ Успенский, Лотман. Ук. соч. С. 58.

¹¹ Грамматический анализ фразы, варианты чтения, транслитерации и трактовки формулы см. Lapp G. Die Opferformel des Alten Reiches. Mainz, 1986. S. 36–38.

¹² Hodjash, Berlev. Op. cit. С. 14.

¹³ Lapp. Op. cit. S. 37–38.

¹⁴ Лотман Ю.М. Феномен культуры // Лотман. Избранные статьи. С. 36.

также в их сознании был богом, или, по крайней мере, максимально приближен к богам. Они действуют перманентно, приближаясь к объекту культа путем инвокационных взываний. И второе, пожалуй, главное: собственно культом был сам Ка, а вся система – изложением мифа о вечном возвращении. И если перевод мифа сознания в словесно-линейный язык фиксируется позднее, чем сам миф сознания, это лишь доказательство типологической общности древнеегипетского мировоззрения при всех удивительных частностях, которые представляет материал этой культуры.

Тезис о том, что гробничный культ начинался с момента завершения декоративного оформления культового помещения гробницы, обоснованный О.Д. Берлевым и заимствованный без ссылки А.О. Большаковым¹⁵, так же как и любой другой культ, предполагает осознание присутствия некоего сверхъестественного начала, приводящего в движение или дающего жизнь всему изображенному. Необходимы действия, осуществляемые неким высшим существом, присутствие которого столь аксиоматично, что не требует разъяснений. Божественное никак нельзя оторвать от реализма изображений, ибо последние без него останутся просто картинкой.

Независимо от факта существования гробничного культа уже при жизни будущего хозяина гробницы невозможно уйти от вопроса о прямом назначении постройки, а именно, дома не для его земной жизни (пусть даже на время между завершением постройки и физической смертью владельца), а для его жизни после смерти тела. Иными словами, речь идет о создании микромира Ка (существующего на земле, но являющегося в то же время земным аналогом неведомого макрокосмоса), ибо в конечном счете сознательно или подсознательно сработывала идея единства человека (и соответственно всех его субстанций) со вселенной как важнейшая часть мифологизированного сознания, «как осознание некоей ситуации в Космосе»¹⁶. Собственно само создание гробницы преследовало цель организации жизни после смерти, а факт существования прижизненного культа Ка был связан с его одушевленным восприятием с момента завершения образа и зависел от срока жизни человека, а также скорости сооружения гробницы сообразно заданной программе.

Для понимания семантики древнеегипетской гробницы в свете поставленных выше проблем ряд положений нуждаются в развернутом комментарии. В частности, все ли сцены репертуара гробницы Древнего царства только лишь реалистичны, присутствует или отсутствует в гробничных росписях символизм изображений. А.О. Большаков, например, называет символическое истолкование

¹⁵ Данный вывод был четко сформулирован О.Д. Берлевым в 1982 г.: «Интересно отметить, – писал он, – что оба мира начинают функционировать сразу же после их создания и не зависят от состояния человека, для которого они были сделаны (мертвого или живого), ни (если умершего) от состояния сохранности его тела (мумия, скелет, полное разрушение), ни, наконец, от места, где изображения или тексты должны были быть найдены (гробница, храм, пустыня, современные музеи, груда мусора, заброшенная свалка)» (*Hodjash, Berlev. Op. cit. P. 15. Перевод с английского мой. – Э.К.*). Эта же мысль дважды повторена А.О. Большаковым без ссылки на О.Д. Берлева в следующих словах: «...культ в гробнице начинался с момента завершения изображений. Смерть владельца в этом культе ничего не меняла, – раз начавшись, он продолжался в том же виде до тех пор, пока было возможно его материальное обеспечение, а теоретически вечно» (*Большаков А.О. Человек и его Двойник в египетском мировоззрении Старого царства: Автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. СПб., 1997. С. 28, см. также: он же. Человек и его Двойник. СПб., 2001. С. 140*).

¹⁶ *Элиаде М. Миф о вечном возвращении. М., 2000. С. 25.*

гробничных изображений модой, и утверждает, что в гробнице нет ни одной сцены (подчеркнуто мной. – Э.К.) которая давала бы возможность такой интерпретации¹⁷. Слово «мода», похоже, заменяет А.О. Большакову необходимость полемики с придерживающимися иной точки зрения исследователями. Речь не может идти о моде, следует говорить о направлениях и методике исследования одной из ключевых проблем понимания гробницы.

Прежде всего, автору следовало бы уяснить собственную позицию, ибо буквально через страницу того же издания¹⁸ он пишет прямо противоположное, признавая наличие символизма в сценах заклания быка. Проблема символизма в сценах заклания жертвенных животных – весьма частом эпизоде изобразительной программы культового помещения древнеегипетской гробницы – достаточно сложна. До сих пор нельзя дать однозначного ответа по поводу значения сцен отрезания ноги не убитого еще быка¹⁹. Вместе с тем в свете дискутировавшейся в египтологической литературе проблемы оценки места и роли данных сцен акцент на живучесть ноги, замеченной египтянами в процессе разделки туши²⁰, представляется странным.

Экспрессия сцен, а также соответствующие подписи, демонстрирующие необходимость быстроты действия, связаны, вне сомнения, со сложностью самой процедуры, требующей навыка, физической силы и ловкости исполнителей, убивающих сильное животное, – забойщиков скота.

Г. Юнкер первым сосредоточил внимание на том, что бык, которому отрезают ногу, еще жив. Он отметил наличие помощников резника, которые держат голову быка, и указал на особый способ заклания жертвенного животного²¹. Г. Юнкер привел также типологический пример обычая в Южной Эфиопии – отрезание частей живого быка перед началом свадьбы.

Ясно, что речь идет о жертвенном животном, которое должно было быть убито таким образом, а также об использовании мяса остальной части туши. Соответственно именно способ заклания базировался на представлении о том, что действовать следует именно данным способом, а не порождает из реальности новые идеи для будущего мифа. Утверждая, что «существование мифологии в Старом царстве сомнительно», А.О. Большаков буквально в следующей фразе пишет: «Почему речь идет о передней ноге, вопрос уже совершенно иной (интересно, какой? – Э.К.), но ведь мы никогда не можем дотянуться до первоосновы мифа»²². Так все же был миф или нет?

Исследование сцен заклания быка, которое провел А. Эггебрехт и посвятил этому свою диссертацию, привело его к выводу о существовании ритуала, связанного с особым жертвенным способом умерщвления быков, прослеженного им в развитии. Начальный этап таких сцен А. Эггебрехт видел в гробницах

¹⁷ Большаков. Изображение и текст... С. 4–5.

¹⁸ Там же. С. 7.

¹⁹ Поразительно, что А.О. Большаков в пылу увлечения реализмом в изображении заклания животного даже не удосужился обратиться к истории исследования данного вопроса, апеллируя в данном случае к мнению Гордона и Швабе о «живом мясе» или способности мышц отрезанной ноги сокращаться еще два часа, что, по его мнению, уместно в ритуале (Большаков. Изображение и текст... С. 7).

²⁰ Там же. С. 8.

²¹ Junker. Giza III, 229–331; см. также Eggebrecht A. Schlachtungsbrauche im Alten Ägypten und ihre Wiedergabe im Flachbild bis zum Ende des Mittleren Reiches. München, 1973; Brovarski E. The Senedjemib Complex. Pt I, II. Boston, 2001. P. 48.

²² Большаков. Изображение и текст... С. 7–8. Прим. 33.

Нефермаат и Итет в Иераконполе, придавая им особое значение в развитии репертуара такого рода сцен, которые мы видим в Гизе²³. Анализ материала как додинастического, так и поздних письменных текстов дает многочисленные параллели ритуала жертвоприношения быка. Большое количество останков передних ног особей крупного рогатого скота встречается в могилах додинастического времени²⁴. Это заставляет более внимательно отнестись к фиксации этого достаточно древнего ритуала в изображениях гробниц Древнего царства, который, возможно, уже приобрел мифологизированную форму, отложившуюся в сознании.

Закономерен также вопрос об оценке данного действия, которое не было адекватно обычному способу забивания скота. Как отметил А. Эггебрехт, жертвенное заклятие животных через отсечение головы было характерно для более поздних периодов²⁵. Символизм в данном случае видится и в сценах принесения огромной отрезанной (но не разделанной) ноги быка, которая едва помещается в руках жреца. В таком виде она предполагает дальнейшую обработку и выпадает из ряда других видов приготовленной пищи – разделанной рыбы или гуся с отрезанной головой, равно как и кусков мяса на косточке в жертвенном меню. В данном случае реализуются очень древние представления мифологического сознания о необходимости смерти для воскрешения, расчленения и поедания частей целого для возрождения²⁶.

В этой связи следует заметить, что жертвоприношение быков, которых убивают отсечением передней ноги, – наиболее частый эпизод в гробницах, однако существуют и изображения антилопы, предназначенной для заклятия именно этим способом. И в том, и в другом случаях изымается также сердце животных²⁷.

Не странным ли кажется тот факт, что оба эти животные фигурируют в мифах, позднее фиксированных в виде текста, т.е. тогда, когда мифологическое сознание уже было переведено на словесно-линейный язык²⁸. И разве не логично было бы видеть здесь движение мифологического сознания, имеющего очень древнюю (по сравнению с исследуемым периодом) форму, которая в конечном счете явилась в виде записанного текста? Как представляется, нет повода для лишения мифологического сознания египтянина его исконной основы и перенесении акцента на способность или неспособность отрезанной ноги сгибаться, что предлагает А.О. Большаков²⁹.

Обратимся также к другому эпизоду репертуара древнеегипетских гробниц – сценам с гиенами. Откормленная гиена показана на рельефе западной стены культового помещения гробницы Хафраанха, в верхнем регистре изображений над головой статуи хозяина. Центральной фигурой композиции этой части западной стены является огромная рельефная фигура хозяина гробницы, занимающая всю поверхность южной секции стены до ниши, в которой располагалась статуя. Ниша и изобразительное поле западной стены над ней, состо-

²³ Eggebrecht. Op. cit. S. 54–55, 166–189.

²⁴ См. Шеркова Т.А. Рождение Ока Хора. Египет на пути к раннему государству. М., 2004. С. 289.

²⁵ Eggebrecht. Op. cit. S. 47–52. Широкораспространенное в долине Нила, как и у многих других народов, явление букрании свидетельствует о том, что голова быка считалась одним из важных жертвенных символов, которые должны были опираться на соответствующие представления.

²⁶ Лотман. Феномен культуры... С. 36–37.

²⁷ Перепелкин Ю.Я. Хозяйство староегипетских вельмож. М., 1988. С. 175–176.

²⁸ Лотман. Феномен культуры. С. 37.

²⁹ Большаков. Изображение и текст... С. 7–8.

ящее из двух регистров рельефов, в свою очередь, плавно переходили в дворцовые фасады, являющиеся естественным ее продолжением в направлении юг – север³⁰.

К хозяину и идет погонщик гиены, показанный в верхнем регистре. Сцена сопровождается подписью, содержащей имя погонщика и наименование сцены. Сцены откармливания и приведения гиен известны в гробницах чиновников высокого ранга³¹. Охота на гиен была привилегией фараона, для хозяйств вельмож гиен специально отлавливали и затем насильно раскармливали в неволе³². Однако неизвестны сцены заклания гиены или надежная идентификация ее мяса как предмета жертвенного меню. Анализ обычая, который существует в современном Египте, показывает, что поедание сердца гиены связывается с обретением храбрости³³.

Суммируя сказанное и обратившись к семантике описанных выше сцен, сюжеты с передней ногой быка, как представляется, можно отнести к прообразу эпизода, связанного с ногой, которой Сет убил Осириса. В случае с гиеной – обретение иных свойств (храбрости, изворотливости и т.д.), которые порождались соответствующими ассоциациями и реализовывались с помощью симпатической магии через поглощение того куска от целого, который обладает скрытыми свойствами, раскрывающимися именно в мифологическом сознании.

Продолжая анализ символических сцен репертуара древнеегипетской гробницы, следует выделить сцены плавания корабельных флотилий. Данные сцены являются инновацией Гизы. И. Харпур достаточно точно определила их как *the overt symbolism*, полагая, что они восходят к царским сценам путешествия на Запад³⁴ или к священным городам западной части Дельты Нила. Их расположение над входом в культовое помещение ряда крупных мастаб Гизы³⁵ в общем композиционном построении служит введением к остальной изобразительной программе культового помещения гробницы. В этом плане весьма показательна сцена плавания с сопровождающей надписью из гробницы Ахетхотепа, где пря-

³⁰ Именно так задумал и осуществил композицию западной стены культового помещения гробницы Хафраанха древнеегипетский мастер около 4.5 тысяч лет тому назад. Выбор и осуществление данного декора диктовалось размером полученной для сооружения гробницы площади и выбором ее L-образной формы. В гробнице Хафраанха вход был сделан на крайнем севере (как это часто случается в подобных сооружениях), поэтому основная изобразительная программа размещалась на прямоугольной площади, иными словами, все смысловые сцены композиции приходились на длинную (прямоугольную) часть буквы L.

³¹ Duell P. The mastaba of Mereruka. Pt II. Chicago, 1983. Pl. 153; Junker. Giza VI. 66. Anm. 2. Abb. 16; Савельева Т.Н. Как жили египтяне во времена строительства пирамид. М., 1971. С. 57–58; Roth A.M. A cemetery of palace Attendants. Boston, 1995. P. 168. Pl. 59b. № 2091; 100 (гробница Капи).

³² См. Salima Ikram. The Iconography of the Hyene in Ancient Egyptian Art // MDAIK. 2001. 57. P. 130.

³³ Ibid.

³⁴ Harpur Y. Decoration in Egyptian Tombs of the Old Kingdom: Studies in Orientation and Scene Content. L.-N.Y., 1987. P. 83; Kees H. Totenglauben und Jenseitsvorstellungen der alten Ägypten. В., 1977. S. 108–113. Фрагменты плывущих кораблей, изображенные на царских блоках, найденных в Лиште, Х. Гедике датирует временем ранее IV династии (Göedicke H. Reused blocks from the pyramids of Amenemhet I at Lisht. N.Y., 1971. P. 86–118).

³⁵ Junker. Giza II. 66; Abb. 22; idem. Giza III. Abb. 27. Taf. III–IV; idem. Giza V. 36; Brovarski. Op. cit. P. 45. Pl. 39; Duell. Op. cit. T. 2. Pl. 141–144; Ziegler Ch. Le mastaba d'Akhetetep. Une chapelle funéraire de l'ancien Empire. P., 1993. Pl. 38, 40, 43; Moussa A.M., Altenmüller H. The tomb of Nefer and Kahay. Old Kingdom tombs at the Causeway of King Unas at Saqqara. Mainz, 1971. S. 158. Pl. 16; El-Khouli A, Kanawati N. The Old Kingdom Tombs of El-Hammamiya. Sydney, 1990. Pl. 37.

мо говорится о плавании к полям подношений³⁶. Данная сцена показывает, что подданные рассчитывают получить такие же подношения, как и царь (это была главная цель), за совершенное поклонение священным для египтян местам – Буто, Абидосу, Гелиополю.

В одной из своих статей Х. Альтенмюллер убедительно продемонстрировал связь изображенных в гробницах плывущих кораблей с сопровождением солнечного бога (дневной и ночной ладьи), упомянутого в Текстах Пирамид³⁷, в которых плывет также и умерший³⁸. Важен и еще один аспект, подчеркнутый египтологами, исследовавшими данные сцены. Их семантика была тесно связана с развивающимся солярным культом, яркий всплеск которого приходится на V династию. Мифологическим коррелятом сцен были представления о ночном путешествии Ре по подземным водам. В гробничных сценах, как правило, изображена флотилия, состоящая из нескольких кораблей, во многих случаях нос одного из кораблей декорирован протомой ежа³⁹. В контексте связи данного плавания с путешествием Ре, отраженном в Текстах Пирамид, также представляется интересной идея Х. Альтенмюллера. Он подчеркнул, что еж водружался на нос корабля, плывущего в ночное время, чем объясняется его отсутствие на носу других кораблей флотилии⁴⁰.

Проблема символизма возникает при оценке так называемых «болотных сцен», в частности тех, где около носа ладьи с фигурой хозяина гробницы с занесенным копьём изображены гиппопотамы и крокодилы с разинутой пастью. Х. Альтенмюллер трактует их как триумф хозяина гробницы при его новом рождении⁴¹. Данные сцены имеют прямую аналогию изображениям царских погребальных комплексов V–VI династий.

Еще один пример – магия чисел. Речь идет об изображении стад крупного рогатого скота в культовом помещении гробницы Хафраанха (восточная стена, 5 и 6 регистры). Приведенные здесь цифры количества скота 2235, 835, 220 – никогда не могли быть адекватно изображены на каком-либо обозримом пространстве. Они становились реальностью именно будучи названными, превращаясь в то самое количество, которое обозначено на подписи к рельефу. Соответственно изображенное стадо есть символ того количества особей (и стад), которое надлежит передать умершему.

Парадоксальна также и попытка сведения А.О. Большаковым «культы в человеческой гробнице» к ежедневно приносимым «продуктовым жертвам» или «перечню снеди»⁴². Похоже, что автор просто незнаком с составом жертвенного меню, не говоря уже о предпринимавшихся попытках его мифологического толкования⁴³.

³⁶ Ziegler. Op. cit. P. 66.

³⁷ Mathieu B. La signification du serdab dans la pyramide d'Ounas. Études sur l'Ancien Empire et la nécropole de Saqqâra dédiées à Jean-Philippe Lauer. Montpellier, 1997. P. 296.

³⁸ Altenmüller. Der Konvoi... S. 11–13.

³⁹ Согласно Н. Шерпион, большинство изображений кораблей с протомой ежа относится к IV династии, а самые поздние датированные изображения – ко времени Ниусерпе (Cherpion N. Mastabas et Hypogées d'ancien Empire. Problème de la datation. Bruxelles, 1989. P. 78).

⁴⁰ Altenmüller H. Die Nachtfahrt des Grabherrn im Alten Reiches. Zur Frage der Schiffe mit Igelkopfbug // SAK. 2000. 8. S. 2, 25.

⁴¹ Idem. Der Grabherr des Alten Reiches. Études sur l'Ancien Empire et la nécropole de Saqqâra dédiées à Jean-Philippe Lauer. Montpellier, 1997. S. 17.

⁴² Большаков А.О., Суцеский А.Г. Образ и письменность в восприятии древнего египтянина // ВДИ. 2003. № 1. С. 47.

⁴³ Например, Altenmüller H. Zu Isis und Osiris. Wege öffnen. Festschrift für Rolf Gundlach zum 65. Geburtstag. Wiesbaden, 1996. S. 3-7.

На рельефе южной стены культового помещения гробницы Хафраанха хозяин показан сидящим с женой на скамье перед жертвенным столом, полным соответствующих яств. Сцены принесения и приготовления пищи показаны на остальных регистрах стены. Однако большая голова гуся и голова быка в виде огромных иероглифов вырезаны под скамьей, где сидят Хафраанх и его жена. Это символ огромного количества приносимых жертв, который приобретает знаковый смысл при прочтении теми, кто понимает скрытый смысл изображенного, а также механизм действия, или то, как с помощью сверхъестественной силы они превращаются в нужное количество.

Наряду с поставленными выше проблемами вопрос о тех, кто обеспечивал культ хозяина гробницы, а вместе с ним и остальных обитателей гробницы⁴⁴, немаловажен для понимания структуры древнеегипетского общества и места гробничного культа в общей системе мировоззрения жителя долины Нила. В этом плане гробница Хафраанха дает любопытный материал. Его брат Итети, носивший титул *sn f dtj*⁴⁵ и ответственный за организацию службы двойнику Хафраанха⁴⁶, являлся также получателем подношений⁴⁷, на что имел соответствующее право.

Однако вопрос о том, какова была связь Хафраанха с людьми по имени Хери-меру и Ишепет, названными на стеле-панели над третьей ложной дверью культового сооружения гробницы, при том, что на соответствующем барабане оставалось только имя Ишепет, требует соответствующих объяснений. С этой целью

⁴⁴ У А.О. Большакова всякий «служащий хозяина гробницы, надев шкуру пантеры, превращался в жреца» (*Большаков, Суцневский. Ук. соч. С. 47. Прим. 9, содержащее ссылку на Бальмонта*). Сама же шкура пантеры «гораздо более характерна для условных изображений» (*Большаков. Человек и его Двойник. С. 165. Прим. 2*). Однако здесь, во-первых, отсутствуют ссылки на работу *Staehelein E. Untersuchungen zur ägyptischen Tracht im Alten Reich // MÄS. 1966. 8*, где роль шкуры пантеры в различные периоды подробно проанализирована. Во-вторых, если шкура пантеры условна, то это противоречит и основному тезису А.О. Большакова об индивидуализации полных фигур, ибо, например, на рельефе входа в гробницу Хафараанха он изображен в виде полного человека в шкуре пантеры. О категориях «слуг двойника», занимающих различное социальное положение, см. *Перепелкин. Ук. соч. С. 89–111*; о жреческих филах, обслуживавших поминальный культ см. *Roth A.M. Egyptian Phyles in the Old Kingdom. The evolution of a system of social organization. Chicago, 1991*.

⁴⁵ Категорическое утверждение о бессмысленности перевода «брат по собственности» (*Большаков. «Одинокий остов гробницы»... С. 208*) весьма поспешно. Проблема значения титула (и соответствующего перевода) решается в литературе неоднозначно. Сводка мнений по данному вопросу имеется в работе И. Харпур (*Harpur Y. Two Old King Tombs at Giza // JEA. 1981. 67. P. 28–34*), в которой дан обзор всех известных вариантов трактовки данного термина до 1975 г.

⁴⁶ Оба имели титул, стоящий в Большом берлинском словаре под обозначением *rh nswt* с отсылкой на прочтение *irj h nswt* или *irj h niswt* (Wb II. 446; *Junker. Giza II. 3–41*). В данном словосочетании, как и в ряде других титулов, *r* является дефектной графикой нисбы *irj* (*Edel E. Altägyptische Grammatik. 1955. 1964. § 347, 2*). Ссылка А.О. Большакова на Вейля (без указания на соответствующее издание – см. *Большаков. «Одинокий остов гробницы»... С. 209*) переносит нас почти на столетие назад. Однако дискуссия по проблеме интерпретации титула не утихла до настоящего времени. Перечень ссылок на неоднозначные мнения по данному вопросу вряд ли можно уместить на страницу. Замечу, что в ряде специальных словарей, где собраны примеры, относящиеся к Древнему царству, данный термин транслитерируется следующим образом: *iry ht nswt / rh nswt*; см. *Jones D. An Index of Ancient Egyptian Titles, Epithets and Phrases of the Old Kingdom // BAR. 2000. 1. P. 327–328, № 1206; irt jht nsw (spate rht nsw)*, см. *Hannig R. Ägyptische Wörterbuch. I. Altes Reich und Erste Zwischenzeit. Mainz, 2003. S. 169–173*.

⁴⁷ См. *Кормышева Э.Е., Томашевич О.В., Чегодаев М.А. Российская археологическая экспедиция в Гизе. Сезоны 1996–1998. Предварительные результаты // ВДИ. 2000. № 1. С. 160–181*.

нашей экспедицией была исследована мастаба Итети, ранее опубликованная А. Бадави. Тексты в данной гробнице несколько раз исправлялись, что можно увидеть в прорисовке публикации и прочесть в комментарии к изданию⁴⁸. Эти исправления, как оказалось, наносились поверх уже существовавших слов, а иероглифы писались различными цветами. Полевая работа по исследованию надписи *in situ* позволила путем тщательного анализа сохранившихся знаков, знаков, надписанных поверх них и затертого пространства, увидеть следы пропущенного предшествующими исследователями иероглифа⁴⁹ и соответственно прочесть имена тех лиц, которые упоминаются (или оба были похоронены) в гробнице Хафраанха.

Манера критики, демонстрирующая главным образом и прежде всего крайнюю степень раздражительности, доводит А.О. Большакова до достаточно странных утверждений. Так, рецензент (не берусь судить, намеренно или случайно) не называет существующих уже в Словаре иных переводов, например, *shd* «Ausseher» (надзиратель, надсмотрщик) (Wb IV, 11). Английский эквивалент данного перевода – «Inspector» – он мог бы прочесть уже в справочном издании Porter–Moss, пользованию которым учат, кажется, тоже на первом курсе. Там же⁵⁰ А.О. Большаков мог бы увидеть и иное чтение имени владельца гробницы *Rc hcf cnh(w)*, а обратившись к литературе, узнать, что исследователи не однозначно читают это имя. Авторский комментарий к данному вопросу принес бы значительно больше пользы, чем рассуждения по поводу того, как можно было бы перевести *wr mr*⁵¹ или как превращается скипетр *shn* в жезл *hrp*⁵².

⁴⁸ Badawy A. The Tomb of Iteti, Sekhemankh-Ptah and Kaemnofret at Giza. California, 1976. P. 6. Pl. 5. На это обратила внимание И. Харпур (Two King Tombs Old... P. 30), однако проверить данные можно было только на месте. А.О. Большаков, не удосужившись даже внимательно прочесть текст, уличает меня в ошибке («Одинокий остов гробницы»... С. 209), игнорируя тот факт, что речь идет о написании *разных* имен, маркированных различными цветами, от которых сохранились лишь отдельные знаки.

⁴⁹ Следует заметить, что надпись в этой части сохранилась плохо.

⁵⁰ РМ. III. I. 207–208.

⁵¹ Пользуясь «любимым» выражением рецензента («студенты узнают на I курсе»), отмечая, что уровень членения словосочетаний на составные части определяется прежде всего принадлежностью к частям речи. Параграф 48 «Грамматики» А. Гардинера свидетельствует о двух возможных случаях сочетания имени прилагательного по отношению к имени существительному – как сказуемое (соответственно перед) и как определение (после).

⁵² Данное превращение скипетра (= «украшенный жезл», см. Ожегов С.В., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2003. С. 722) совершил сам А.О. Большаков. По поводу вариантов перевода и времени употребления данных слов см. Wb III. 326. 6; Wb. IV. 243. 3. Не вижу оснований менять скипетр *shn*, выделенный как один из критериев датировки Н. Шерпион (*Cherpiion N. Mastabas et Hypogées d'ancien Empire. Problème de la datation. Bruxelles, 1989. С. 38*); ученный М. Бод (*Baud M. À propos des critères iconographiques établis par Nadine Cherpiion. Les critères de datation stylistiques à l'Ancient Empire. Le Caire, 1998*) и рассмотренный Э. Штелин (*Stahelin. Op. cit. S. 157–160*) на *hrp*. При этом банальное утверждение о том, что датировки Н. Шерпион требуют осторожности (Большаков. «Одинокий остов гробницы»... С. 209), любопытно (поскольку какая же датировка без указания на абсолютную хронологию может без осторожности использоваться!), но не означает, что ими нельзя оперировать. А вот если датировкой сельскохозяйственных сцен, отнесенных А.О. Большаковым к V династии (см. Большаков А.О. Системный анализ староегипетских гробничных комплексов // ВДИ. 1986. № 2), нельзя пользоваться при рассмотрении соответствующих сцен в скальных гробницах (Большаков. «Одинокий остов гробницы»... С. 209), то, как говорится, хорошо, что вовремя предупредили. Справедливое желание рецензента видеть последовательный комментированный материал и соответствующие рисунки, планы и фотографии пока еще, к сожалению, не смогло осуществиться в том объеме, в котором сами авторы хотели бы это видеть.

Весьма огорчительным выглядит отношение рецензента к программе Сешат. Оставляя в стороне удручающую опечатку «демотический»⁵³, большая часть критики к таковой вряд ли относится. Это, в частности, описание поведения К.И. Демича, который, между прочим, программистом не является (эту функцию исполнял другой человек), или ламентации по поводу его отсутствия. Это также якобы имевшее место простое «переименование программы», оценка внутренних (программных) возможностей для дальнейшего развития, данная без соответствующего анализа профессионала. Все это представляет собой не что иное, как авторскую (А.О. Большакова) запись устной традиции, взятой из неизвестного источника. Эта «запись» не отражает реальных событий ни в одной позиции. Изумляет предлагаемая А.О. Большаковым необходимостью ссылки на идею вывода иероглифов на клавиатуру как авторскую. На клавиатуре работают все имеющиеся программы, связанные с передачей редких шрифтов. Последний пример – разработки ряда программ для мероитского языка. Последняя на сегодняшний день учитывает практически все палеографические особенности иероглифических и курсивных знаков. Знаки выведены на клавиатуру, но почему-то никому не приходило в голову запатентовать авторство идеи такого вывода⁵⁴.

Сколь внимательно читает А.О. Большаков критикуемую им литературу, свидетельствует его резкое высказывание по поводу Хора Бехдетского, о котором идет речь в статье С.М. Воробьева⁵⁵. В рассматриваемом отрывке говорилось о соляризации образа Хора, отраженного, в частности, в его иконографии при V династии. А.О. Большаков крайне спешит уличить С.М. Воробьева в ошибке, указывая на существование Хора Бехдетского на гребне царя Джета, где в отличие от памятников фараонов V династии изображен не крылатый солнечный диск, а два сомкнутых крыла птицы⁵⁶.

Проблема идеологии как системы взглядов египетского общества того или иного периода без сомнения сложна, однако термин «идеология» неуместен при трактовке изображений молодого и пожилого человека на рельефе гробницы, речь идет о выяснении семантики композиции⁵⁷. И дело не только в поиске объяснения, что такое фигура старого человека⁵⁸, а в том, что исследованию подлежат два изображения одного и того же человека с одними и теми же подписями к ним, которые расположены при входе в гробницу. Такие фигуры достаточно редки⁵⁹. Полагаю допустимым предположение, что изображение

⁵³ Поздравления с открытиями лучше всего переадресовать рецензенту.

⁵⁴ Ряд пассажей рецензии, касающиеся «неудовлетворенного самолюбия», просто не имеют отношения к делу, равно как и сослагательное «возможно, я бы и промолчал» или «стоило ли писать», что звучит фарисейски. Может быть и правда не стоило, но свершившееся не имеет возвратной формы. «Пошлые высказывания», «журналистика дурного пошиба», «Н.А. Тарасенко не безнадёжен» (*Большаков*. «Одинокий остов гробницы»... С. 207–212) – вот весьма неполный набор словосочетаний рецензента. Воспринимать это серьезно, как представляется, просто невозможно. Не берусь судить о А.О. Большакове, но для себя считаю продолжение дискуссии бесполезным.

⁵⁵ *Воробьев С.М.* К вопросу о значении мифологемы Хора для идеологического обоснования царской власти в Египте в раннегосударственный период // Труды Центра египтологии. Вып. 1. М., 2002. С. 41.

⁵⁶ См. *Gardiner A.H.* // JEA. 1944. 30. Pl. VI, 4.

⁵⁷ Для попыток объяснения призыв А.О. Большакова к элементарной логике с собственными заключениями из нее (*Большаков*. «Одинокий остов гробницы»... С. 208) помочь не может. Обращаться следует к логике построения изобразительной программы культового помещения гробницы.

⁵⁸ *Большаков*. Человек и его Двойник... С. 165; данному вопросу посвящено гораздо больше исследований, чем указано в цитируемой монографии.

⁵⁹ См. *Harpur. Decoration*.... P. 54–55.

хозяина гробницы как молодого и старого человека символично и служит своеобразным заглавием изобразительной концепции культового помещения гробницы, выражая изобразительными средствами прожитую жизнь. В подтверждение этому сошлюсь на статуарную композицию из четырех фигур художника Инти-шеду (Гиза, кладбище рабочих некрополя, конец IV династии), показывающую его крупную зрелую фигуру и три его статуи меньшего размера⁶⁰. В композиции бросается в глаза разница иконографии – хозяин гробницы показан в образе и молодой, и зрелой (но не тучной) фигуры. Композиция представляет человека *разных возрастов*, что, как представляется, символизирует его жизнь. Эти изображения передают не только индивидуальные черты, но и концептуальные представления о бытии хозяина гробницы после его смерти, которые пока еще трудно определить более конкретно. Однако, мысль Г. Масперо о рождении Ка, достижении им зрелости и старения вместе с человеком, (которую отвергает А.О. Большаков, предполагая, что таким образом Ка наследует болезни и немощи)⁶¹, представляется достаточно интересной для понимания изображений различных возрастов. И дело не в том, что при этом должно быть портретное сходство. Символика изображения отражала идею. Фигуры вечно молодого хозяина или хозяйки (количественно преобладающие) могли передавать не возраст, а символику возрождения к вечной жизни.

Особым языком древнеегипетского некрополя была, безусловно, архитектура. Ансамбль погребального комплекса относится к языку изображения, имеющего свою функциональную нагрузку как в целом, так и в отдельных составляющих. Непременное желание разделить язык мира богов и язык мира Ка завело, как мне представляется, А.О. Большакова в тупик. Недоумение вызывает его фраза о том, что «...не может быть никаких изображений внутри пирамиды (размещавшиеся там статуи, по всей вероятности, были связаны только с погребальными ритуалами)»⁶². В какую категорию попадает «статуя в пирамиде», понять невозможно. Вместо ряда предостережений, где и кто может совершить ошибку, уместнее было бы следить за собственными формулировками, а также учитывать существующие точки зрения, в том числе и по проблеме локализации мира хозяина гробницы⁶³.

Размер и форма погребальных комплексов различных типов как средства подчеркнуть социальное положение уже неоднократно обсуждались в специальной литературе. Однако планировка периферийных участков столичных некрополей, произведенная заранее⁶⁴, как отражение иерархической социальной структуры общества, представляет интерес для исследований с точки зрения попыток ее объяснения. Безусловно, здесь необходим учет всех факторов, среди которых гробничная инвентарь занимает далеко не последнее место, однако язык плана оказывается достаточно интересен для включения в исследование интересующего нас материала.

⁶⁰ Hawass Z. Hidden Treasures of the Egyptian Museum. One Hundred Masterpieces from the Centennial Exhibition. Cairo–New York, 2001. P. 12.

⁶¹ Большаков. Человек и его Двойник... С. 64, 147. Логика достаточно странная, ведь нигде не сказано, что Двойник состоит из той же органической материи, что и оригинал. А ведь именно ей свойственны болезнь и смерть, уникальная особенность Двойника как раз бессмертие.

⁶² Он же. Изображение и текст... С. 8.

⁶³ Например: Altenmüller. Der Grabherr...

⁶⁴ Помимо работ, указанных рецензентом, о предварительном сооружении гробниц для пока еще анонимных хозяев писали уже первые исследователи Гизы: см. Junker. Giza I. 18; Reisner G.A. A History of the Giza Necropolis. Cambr., 1942. P. 9, 85.

Планировка, форма погребальных сооружений и характер инвентаря участка восточного некрополя, расположенного к востоку от гробницы Хафраанха, позволяет думать, что его застройка предполагала соблюдение иерархической лестницы в мире ином, подчеркнутого распределением мест для погребения тела. Участок изначально планировался уступами, создавая своего рода «иерархическую лестницу», вследствие чего после заносов песка оставалась торчащей подсеченная с трех сторон гробница Хафраанха. Так, в частности, участок, в котором была сделана гробница Хафраанха, как выяснилось в результате произведенных раскопок, был подсечен сверху. В результате обработки ее вертикальной поверхности снизу образовалась большая скальная платформа, располагавшаяся как бы перпендикулярно самой гробнице. На этой скальной платформе были высечены шахты, а над гробницей Хафраанха оказалась плоская поверхность, что было, вполне вероятно, не случайно, а имело намерение имитации мастабы.

В результате многовековых скоплений песка наносы распределились так, что в 1995 г. на холме из-под песка торчала подсеченная сверху часть гробницы. В результате работ по укреплению участка, сверху выступала похожая на «крышу» часть фасада и вход⁶⁵. Большая площадь кругом была занесена плотным слоем песка, не было видно ни единого выступа. Уже сам факт существования одиноко выступающей в гряде песчаного склона части скалы с явно видимым входом представлялся достаточно странным и позволил думать, что около нее должны были находиться и другие погребения.

Раскопки подтвердили это. Участок планировался как бы около гробницы Хафраанха, которая оставалась на вершине своеобразной пирамиды. Целиком сохранилась узкая дорога, ведущая к входу. По обеим сторонам ее симметрично была распланирована остальная часть некрополя, причем высота высеченных участков скалы для комбинированных построек с использованием скалы и сырцового кирпича составлял более 2.5 м. Весь участок планомерно понижался в восточном направлении уступами.

Огромная плотность некрополя, вызванная стремлением египтян оказаться после смерти возможно ближе к фараонам, погребенным в Гизе, привела к многократным перестройкам и переиспользованию гробниц, соответственно достраивавшихся новыми владельцами, захоронения втискивали и на территорию дороги, некогда сделанной для погребальной процессии слуги фараона Хефрена. Скорее всего именно тогда, когда родственники Хафраанха уже не могли заботиться о его поминальных службах, а Итеги, ответственный за их обеспечение, уже покоился в мастабе G 7391 на восточном плато Гизы, гробница Хафраанха подверглась варварскому разрушению. В северной части была разрушена некогда прекрасно декорированная стена культового помещения гробницы, содержавшая, судя по остаткам рельефов, болотные сцены. На прорубленном в северном направлении пространстве скалы были сооружены две новые гробницы. В одну из них вел удивительно точно спланированный спуск, имеющий даже черты лестницы, содержавшей подобие крупных пролетов⁶⁶. Данного типа спуск – вещь редкая, форма имеет место как приспособление к узкому пространству, число

⁶⁵ Именно это было названо «одиноким остовом гробницы» (*Кормышева. Ук. соч. С. 10*). Оно повергло А.О. Большакова в столь большое изумление, что он даже вынес это в заголовок своей статьи.

⁶⁶ Этот спуск был назван в моей статье пандусом (см. *Кормышева. Ук. соч. С. 26–27*), что также вызвало неудовольствие А.О. Большакова. По этому поводу можно посоветовать обратиться к толковому словарю, где сказано, что в русском языке слово «пандус» употребляется в значении наклонной плоскости, заменяющей лестницу (см. *Ожегов, Шведова. Толковый словарь... С. 491*).

крупных ступеней-проходов было точно рассчитано для спуска саркофага при минимально предоставляемых естественных возможностях для этого.

Как известно, тексты и изображения появляются в погребальных камерах Древнего царства достаточно поздно. До этого звуки внешнего мира проникали лишь через культовое помещение гробницы. Однако символика нового рождения, как представляется, была передана в погребальной камере Хафраанха особым способом. Саркофаг хозяина был особым способом закреплен, о чем свидетельствуют сохранившиеся врезки для креплений. Между его дном и каменным полом погребальной камеры оставалось свободное пространство, заполненное чистым песком. Нет сомнений, что это было сделано в древности при установке саркофага⁶⁷. В отличие от способа установки прямо на дно погребальной камеры в данном случае, как представляется, акцентирован мифологический аспект. Здесь можно видеть модель первобытного холма, на котором возрождается помещенный в саркофаг умерший, соответственно реализуется, по определению М. Элиаде, миф о вечном возвращении⁶⁸.

«Космос, дом, человеческое тело – является или, по крайней мере, способен стать Вратами высшего порядка, делающими возможным переход в иной мир»⁶⁹. В связи с данным тезисом логично представить себе роль погребальных комплексов как созданной на земле модели потустороннего мира, а именно той его части, где находится умерший.

Обращаясь вновь к поставленному в начале статьи вопросу о необходимости исследования вербального и невербального текста культуры в их взаимосвязи, следует подчеркнуть, что именно надписи к изображениям, как бы лаконичны они ни были, позволяют уточнить, а иногда даже и просто понять смысл изображенного. Как бы безнадежно скучны (!!!) не казались А.О. Большакову попытки описать то или иное действие⁷⁰, от необходимости комплексного анализа надписей к соответствующим изображениям в гробницах не уйти.

Попробуем рассуждать от обратного. Зачем они были нужны, особенно при поголовной неграмотности населения, если в мире Ка все можно было так хорошо и детально изобразить? Факт существования записанного и читаемого текста в гробнице вряд ли нуждается в комментариях, однако вопрос заключается в том, для кого они писались, кто и в какое время их читал, можно ли было обойтись без них, показав положение того или иного человека только средствами искусства (одежда, фигура, аксессуары).

Композиция культового помещения гробницы, где присутствуют надписи, органически вплетенные в контекст, эстетически приспособленные к имеющемуся пространству, как неотъемлемая часть комплекса, говорит о том, что одного изображения было для египтян недостаточно. Чему же служили надписи? Следующие соображения представляются вероятными:

- Необходимость не только называния, но и повторения имени собственного для постоянного воспроизводства культа хозяина гробницы, который в ти-

⁶⁷ Для характеристики места и способа установки саркофага было употреблено слово «ложе», вызвавшее критику Большакова. В данном контексте оно употреблено с целью подчеркнуть отличие от прямоугольного пространства, вырезанного для установки саркофага, которое обычно встречается в погребальных камерах, и отделения его от места, занимаемого скамьей для погребальной утвари. Последнее также имеет место в данном комплексе и зафиксировано, к примеру, в остальных погребальных камерах данной гробницы.

⁶⁸ Элиаде. Миф о вечном возвращении.

⁶⁹ Там же. С. 336.

⁷⁰ Большаков. Изображение и текст... С. 8, 9.

пологическом смысле не что иное, как культ предков, в конечном счете, возводимый к мифическому прапредку, соответственно не существующий без мифа в сознании.

- Конкретизация и индивидуализация культового образа через прочтение титулов, свойственных изображенному.
- Приобщение к царскому культу, а через него и к божественному путем введения иерархической структуры инвокации – бог и царь для Ка хозяина гробницы, снабжение, а соответственно функционирование системы Ка через данное действие.
- Вероятность прочтения не только жертвенных формул, но и иных надписей гробницы в ходе поминальной службы. Последнее, при условии «слышания» умершим произносимого голосом, могло служить своего рода гарантом, заменителем «невидения» и соответственно приводить в движение (= исполнение) не только список продовольствия и необходимых личных вещей, но и все изображенное.

Сказанное выше намеренно выделено из общей композиции изобразительной программы с целью обратить внимание на значение и роль подписей к рельефам, как и вообще на роли надписей в системе гробницы, созданной для Ка. На самом деле, как уже не раз говорилось в данной статье, они составляют органическое единство с изображением, будучи необходимой составной частью системы. Сопряжение и органическое единство выступают и в том, и в другом случаях.

Основное назначение создаваемой системы и условий бытия после смерти, равно как и всех ее составляющих – стать частью макрокосмоса, найти свое место в бесконечной вселенной, повторив все возможные черты земного бытия, но уже в ином временном измерении. Количественное преобладание изобразительного или письменного текста, бросающегося в глаза (большее число письменного отображения для мира богов и меньшее для мира Ка частных лиц, если все же условно делить сферы божественного, и сферы гробничных изображений), принципиальной роли не играет. Оно, как уже неоднократно отмечалось в литературе, объясняется возможностью изображения видимого и трудностью или на определенном этапе даже нежеланием изображения невидимого (трансцендентного мира). В исследовании любой составляющей (или единицы) древнеегипетской культуры главное найти баланс, функциональную связь и соотношение всех языков, присутствующих в ней, и адекватно описать их назначение. Лишь этот путь даст равные возможности объективного познания объекта исследования как взглядом извне, так и изнутри.

ON THE SEMANTICS OF ANCIENT EGYPTIAN TOMB (Or Some Reflections about How to Study Egyptology*)

E. Ye. Kormysheva

The author shares her observations about the symbolism of some scenes in private tombs of the Old Kingdom. She argues with A.O. Bolshakov's views on the two languages of culture expressed in his articles published in the VDI, as well as with his other ideas concerning the tomb scenes interpreted as realistic ones.

* The subtitle of the article is connected with the title of O.A. Bolshakov's review published in VDI. 2004. 4. P. 207–212.

А. В. Буйских

НЕКОТОРЫЕ ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ ПО ПОВОДУ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ БОРИСФЕНА И ОЛЬВИИ В VI в. до н.э.

Среди проблем, связанных с исследованием греческой колонизации Северного Причерноморья, до настоящего времени одними из наиболее дискуссионных остаются те, которые охватывают ее начальный период. Среди них разнообразные аспекты строительной деятельности в новооснованных колониях занимают далеко не последнее место. Они самым тесным образом связаны с вопросами социального и политического развития апойкий. В этом плане памятники Северо-Западного Причерноморья, прежде всего Борисфен и Ольвия, дают наибольшее количество информации. Ее интерпретация, однако, до сих пор вызывает значительные разногласия. На фоне того, что письменные источники по этому вопросу весьма ограничены, а количество эпиграфических памятников, которые могут внести какую-либо ясность в решение этих проблем, увеличивается медленно, обобщение растущего с каждым полевым сезоном археологического материала позволяет внести существенный вклад в их изучение.

На урбанистическое развитие Борисфена (поселение на о-ве Березань), а также становление его экономической и социально-политической структуры в настоящее время существуют следующие точки зрения. Дата основания Борисфена по Евсевию в 647/6 г. до н.э. (*Chron. Com.* 95b Helm) подтверждена немногочисленными пока находками восточногреческой расписной керамики середины – третьей четверти VII в. до н.э.¹ С конца третьей четверти этого столетия ее количество резко возрастает, и вся коллекция насчитывает уже не одну сотню фрагментов. При этом наиболее ранние из известных строительных остатков датируются лишь самым концом VII – началом VI в. до н.э.² Все они до конца третьей четверти VI в. до н.э., помимо колодцев и ям, представлены углубленными в материк полуземляночными жилыми и производственно-хозяйственными комплексами. Их общее количество в настоящее время превышает две сотни. Отсутствие строительных остатков ранее конца VII в. до н.э. послужило одной из причин появления варьировавшейся от исследователя к исследователю гипотезы о том, что полуостров первоначально служил местом только сезонных посещений милетян³, игравших роль своего рода пер-

¹ Ильина Ю.И. О новых находках восточногреческой керамики на острове Березань // *ΣΥΣΤΗΤΑ*. Памяти Ю.В. Андреева. СПб., 2000. С. 201 сл.

² Копейкина Л.В. Особенности развития Березанского поселения в связи с ходом колонизационного процесса // *Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья*. Материалы I Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья. Цхалтубо, 1977. Тбилиси, 1979. С. 106–107; *Solovyov S.L. Ancient Berzani* / Ed. J. Boardman, G. Tsetsckhladze. *Colloquia Pontica*. 4. Leiden (Brill), 1999. P. 30.

³ Эта идея не нова, в свое время еще Э.Р. Штерн полагал, что на остров для сезонной рыбной ловли приплывали греческие моряки (Раскопки на острове Березани // *ОАК* за 1908 г. СПб., 1912). Эта точка зрения была в дальнейшем развита К. Ребаком, полагавшим, что во второй и третьей четвертях VII в. до н.э. отдельные греческие мореплаватели посещали северные берега Черного моря с целью сезонной рыбной ловли в результате каботажного плавания вдоль его западного побережья, сами же колонии были основа-

вопроходцев. Эта точка зрения в последнее время получила дальнейшее развитие у С.Л. Соловьева, полагающего, что немногочисленные керамические материалы, а главное, отсутствие следов постоянного обитания (в первую очередь жилищ) в течение практически всей второй половины VII в. до н.э. противоречат известной дате основания Борисфена по Евсевию. Сезонные же посещения Борисфена ионийскими купцами и их заинтересованность в новых рынках привели к появлению здесь первых поселенцев из среды местного населения – земледельцев и кочевников лишь в конце этого столетия⁴. Им же принадлежали и углубленные жилища, которые в конце третьей четверти VI в. до н.э. практически одновременно были сnivelированы, а над ними возведены регулярно распланированные кварталы жилых наземных сырцово-каменных домов с развитой внутренней планировкой⁵. Несмотря на это, на отдельных участках полуземляночная застройка велась вплоть до конца третьей четверти V в. до н.э., сосуществуя с наземными домами, однако находясь в стороне от регулярных кварталов. На этом основании С.Л. Соловьев сделал вывод о принадлежности наземных жилых домов греческому (ионийскому) этносу, а углубленных построек – варварам⁶.

Таким образом, очевидно, что урбанистическая структура поселения самым непосредственным образом связана с определением его социально-политического статуса, с одной стороны, и характером его колонизации, с другой. Кроме того, акцент традиционно делается на выяснение статуса Борисфена двух исторических этапов: вторая половина VII – первые три четверти VI в. до н.э., последняя четверть VI – первая треть V в. до н.э.⁷ Кроме того, существует еще один хронологический репер – основание Ольвии, с которым, в зависимости от взглядов исследователей на ее раннюю историю, соотносится и политическое развитие Борисфена. Среди исследователей до настоящего времени нет согласия по поводу времени становления Ольвии как города и центра государства – Ольвийского полиса, в связи с чем и определение политического и экономического статуса самым тесным образом связанного с ней Борисфена имеет достаточно подвижные хронологические и смысловые рамки. К настоящему времени четко оформилось несколько основных точек зрения на статус Борисфена, к которым с теми или иными изменениями примыкает большинство исследователей.

Согласно одному мнению, апойкию, выведенную в Борисфен, следует интерпретировать как эмпорий, возникший в результате торговой экспансии Милета. Соответственно колонизация этого региона в указанное время имела

ны уже следующим поколением; *Roebuck C. Ionian Trade and Colonisation. N.Y., 1959. P. 119, 127–128; см. также Исцен А.А. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Л., 1947. С. 56–57. В последнее время к теме доколониционных посещений Березани обратилась А.С. Русяева, полагавшая, что первоначально это «могли быть и политические изгнанники, и первые посланцы (своего рода разведчики) для поисков удобных земель для последующей колонизации...» (Русяева А.С. Милет – Дидимы – Борисфен – Ольвия. Проблемы колонизации Нижнего Побужья // ВДИ. 1986. № 2. С. 35.*

⁴ *Solovyov. Ancient Berezan. P. 3, 29–30; Соловьев С.Л. Из истории полисов Нижнего Побужья: Борисфен и Ольвия // Античное Причерноморье. СПб., 2000. С. 96–97.*

⁵ *Solovyov. Ancient Berezan. P. 64; Соловьев. Из истории полисов... С. 98.*

⁶ *Solovyov. Ancient Berezan. P. 111–112.*

⁷ *Доманский Я.В., Виноградов Ю.Г., Соловьев С.Л. Основные результаты работ Березанской экспедиции // Итоги работ археологических экспедиций Государственного Эрмитажа. Л., 1989. С. 36–38.*

торговый характер⁸. Это уточнение имеет принципиальный характер, поскольку идея о торговой направленности колонизации Березани в отечественной литературе была сформулирована в период доминирования идеи «эмпориального периода» в истории греческой колонизации Северного Понта. Одним из концептуальных положений этой теории являлось предположение об обязательном существовании местного поселения, одновременного с основанием греческой апойкии⁹, что нигде не подтвердилось в процессе дальнейших исследований и поэтому было отвергнуто для абсолютного большинства памятников¹⁰.

Тем не менее для Березани положение об ее основании как эмпория частью исследователей было оставлено в силе. Однако Л.В. Копейкина, наиболее последовательно развивавшая эту точку зрения, сама сознательно отмежевывалась от основных постулатов эмпориальной теории, сформулированных историографией 1950-х годов: «Мы присоединяемся к мнению тех исследователей, которые считают Березань эмпорием. Однако это вовсе не значит, что колонизационному движению в Северном Причерноморье предшествовал эмпориальный период...»¹¹. Согласно ее мнению, во второй половине VI в. до н.э. на Березани появились наземная жилая застройка и регулярная система город-

⁸ В западной литературе идея торговой направленности северопричерноморских колоний, прежде всего, для торговли хлебом и заготовки рыбы, на основании первых выводов Э.Р. Штерна (Ук. соч. С. 87) в наиболее полной форме была развита Е. Миннзом (*Minns E.G. Scythians and Greeks. Cambr., 1913. P. 410 f.*) и М. Ростовцевым (*Rostovtzeff M. Iranians and Greeks in South Russia. Oxf., 1922. P. 41–43*), поддержана и окончательно сформулирована Ребаком (Op. cit. P. 122 f.) и Грэхемом (*Graham A.J. Colony and Mother City in Ancient Greece. Manchester, 1964. P. 109*). В отечественной литературе эта идея получила развитие у А.А. Иессена, ставшего своего рода предвестником «эмпориальной теории». Он, правда, отрицал, рыболовецкую направленность первых поселений (Иессен. Ук. соч. С. 53 сл.). Идеи эти, при всей их безусловной ценности, базируются тем не менее на давно устаревших или не всегда верно интерпретированных археологических данных, в результате чего в настоящее время имеют лишь историографический интерес. Недавно идея о доминировании рыбной ловли и ее абсолютном превалировании в экономике Борисфена этапа колонизации была возрождена Г. Цецхладзе (*Tsetskhladze G. Greek Colonisation of the Black Sea Area: Stages, Models and Native Population // The Greek Colonisation of the Black Sea Area: Historical Interpretation of Archaeology / Ed. G.R. Tsetskhladze. Stuttgart, 1998 (Historia Einzelschriften. 121). P. 10, 68*).

⁹ Блаватский В.Д. Архаческий Боспор // МИА. 1954. 33. С. 7, 15. Относительно Березани см. Капоишина С.И. Из истории греческой колонизации Нижнего Побужья // МИА. 1956. 50. С. 253 сл.; она же. Ранние этапы греческой колонизации Нижнего Побужья // Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху. М., 1959. С. 273–274.; Доманский Я.В. Из истории населения Нижнего Побужья в VII–IV вв. до н.э. // АСГЭ. Вып. 2. 1961. С. 35–38.

¹⁰ В наиболее последовательной и категорической форме наличие эмпориального периода в Северном Причерноморье и, прежде всего в Борисфене, отрицал В.В. Ланин, «расштававший лодку» этой концепции (Ланин В.В. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Киев, 1966. С. 86 сл.).

¹¹ Копейкина. Особенности развития Березанского поселения... С. 109. Поэтому критика положений С.Л. Соловьева относительно наличия эмпория на Березани и упрек в том, что эта идея напоминает давно отброшенную «эмпориальную теорию» В.Д. Блаватского, прозвучавшая недавно (Виноградов Ю.А. Греческая колонизация и греческая урбанизация Северного Причерноморья // *Stratum*. 1999. № 3. С. 108), мне представляется не совсем корректной. В данном случае, не С.Л. Соловьев, прикнувший к этой точке зрения о наличии эмпория и развивший ее далее, а Л.В. Копейкина является автором этой идеи, наблюдения которой над экономическим развитием Борисфена были подкреплены материалами ее исследований. Другое дело, что С.Л. Соловьев конкретизировал эту точку зрения в русле, целиком противоположном тому, которое развивала Л.В. Копейкина.

ской планировки. Этот факт свидетельствует о том, что Борисфен «принимает черты городского типа», однако «это еще не аргумент в пользу полисного устройства». Значительный интерес представляет и вывод Л.В. Копейкиной о том, что Березанское поселение «никогда не было полностью самостоятельным и независимым образованием»¹². Здесь Л.В. Копейкина следовала за Ю.Г. Виноградовым (см. ниже), полагая также, что во второй половине VI в. до н.э. Березанское поселение «вошло в состав Ольвийского полиса и служило своеобразными торговыми воротами для Ольвии», а в VII и первой половине VI в. до н.э. оно служило «непосредственной сырьевой базой для Милета, и, следовательно, даже при наличии самоуправления находилось в зависимости от своей метрополии»¹³.

Отдельную позицию относительно статуса Борисфена занимая Ю.Г. Виноградов, видевший в нем эмпорий, входивший в состав Ольвийского полиса от момента основания Ольвии, которое он относил ко времени около 600 г. до н.э. Об их отношениях в ранний период он высказывался с большей осторожностью: «...мы можем лишь гадать о политическом статусе и взаимоотношениях Березани и Ольвии в первой половине VI в.»¹⁴. Факт же появления на Березани регулярной планировки, с его точки зрения, является бесспорным свидетельством «того, что в реорганизации района непосредственно участвовало государство в лице его соответствующих магистратов»¹⁵. Обращает на себя внимание, что Ю.Г. Виноградов, отвергая саму идею эмпориального периода, утверждал, что «апойкия на Березань выводилась как запрограммированный в метрополии полис» с соответствующей гражданской общиной, поскольку ничем другим с точки зрения социальной организации она в принципе не могла являться¹⁶. Таким образом, автор, отвергая необходимость изначального наличия эмпория в Борисфене и признавая необходимость социальной организации коллектива переселенцев по полисному принципу как единственно возможному, тем не менее нигде прямо так и не назвал Борисфен второй половины VII – первой половины VI в. до н.э. полисом. Более того, помимо этих общих положений, им не было приведено ни одного реального доказательства о существовании в это время полиса на Березани, кроме, разве что, упоминания о наличии «березанской хоры»¹⁷. Видимо, не случайно поэтому Л.В. Копейкина, следовавшая за Ю.Г. Виноградовым, в поисках более точного определения статуса Березанского поселения первого периода его существования, полагала, что «возможно, в нем было какое-то самоуправление, но то, что оно долго служило сырьевой базой для метрополии, определяло его зависимость от нее»¹⁸.

Итак, Виноградовым и Копейкиной была сформулирована концепция, согласно которой на первом этапе Борисфен представлял собой не эмпорий, но организованную, самоуправляемую общину, зависимую (Л.В. Копейкина) или независимую (Ю.Г. Виноградов) от метрополии, организация которой, скорее всего, должна была строиться по полисному принципу. На втором этапе (от возникновения Ольвии) Борисфен представлял собой ольвийский эмпорий и являлся составной частью Ольвийского полиса. Вторая не менее четко оформленная

¹² Копейкина Л.В. Особенности развития поселения на о. Березань в архаический период // СА. 1981. № 1. С. 208.

¹³ Там же.

¹⁴ Виноградов Ю.Г. Политическая история Ольвийского полиса. М., 1989. С. 67–68.

¹⁵ Там же. С. 64–65.

¹⁶ Там же. С. 62, 67–68.

¹⁷ Там же. С. 62.

¹⁸ Копейкина. Особенности развития Березанского поселения... С. 111.

концепция принадлежит С.Л. Соловьеву. Согласно его мнению, от момента своего основания в конце VII в. до н.э. и в течение трех первых четвертей VI в. Борисфен представлял собой эмпорий, а от начала последней четверти этого столетия – полис, который позднее, лишь к середине V в. до н.э. влился в Ольвийский¹⁹.

В этой связи представляется необходимым хотя бы кратко упомянуть также о многолетней дискуссии, связанной с трактовкой терминов Βορυσθευϊτέων ἔμποριον и Βορυσθῆνης ἔμποριον у Геродота (Herod. IV. 17. 24). В отечественной историографии существует несколько точек зрения по этому поводу, последняя из которых принадлежит Ю.Г. Виноградову, относившему первый к Березани, а второй – к Ольвии²⁰. В западноевропейской же литературе (это касается теоретических разработок Копенгагенского полис-центра) в последнее время наметилась тенденция к отнесению обоих пассажей Геродота только к Ольвии.

Так, согласно М.Х. Хансену, в классическое время были общины, имевшие эмпорий, и общины, бывшие сами по себе эмпориями. Поэтому Ольвия, с его точки зрения, дает пример именно того, как город, будучи центром полиса и имея торговую гавань, одновременно мыслится и как эмпорий – место международной торговли. При этом, эмпорий Ольвии или Борисфена (здесь Хансен ставит знак равенства, исходя из своей трактовки указанных пассажей Геродота) предлагается разместить в Нижнем городе, возле гавани²¹. К аналогичному выводу пришел также и Дж. Хайнд²². В этой связи следует также упомянуть и точку зрения Дж. Вильсона о том, что «emporion was any settlement involved in commercial activity»²³. Последнее заключение не вызывает никаких принципиальных возражений.

Итак, очевидно, что по Хансену, большинство эмпориев были полисами, имеющими эмпорий. С другой стороны, поселения, классифицируемые как полис и эмпорий одновременно, являются зависимыми полисами, а не автономными, как Афины, Коринф или Эгина. Именно в этом, согласно концепции Хансена, видна «объективная разница» между автономным полисом с эмпорием – Эгиной и эмпорием-полисом – Ольвией²⁴. Следовательно, исходя из такого предположения, следует признать не только Ольвию, но и все причерноморские колонии зависимыми полисами. Однако тот же Хансен замечает, что большинство колоний (апоийки) были политически независимы от своих материнских полисов²⁵. Снять имеющееся противоречие, как представляется, можно, сравнивая Оль-

¹⁹ Соловьев. Из истории полисов... С. 105–106.

²⁰ С анализом соответствующей литературы см. Виноградов Ю.Г. О политическом единстве Березани и Ольвии // Художественная культура и археология античного мира. М., 1976. С. 80 сл.

²¹ Hansen M.H. *Emporion. A Study of the Use and Meaning of the Term in the Archaic and Classical Periods* // Yet More Studies in the Ancient Greek Polis / Ed. Th.H. Nielsen. Stuttgart, 1997 (Historia Einzelschriften. 117). P. 86, 102–103.

²² Hind J. Colonies and Ports-on-Trade on the Northern Shores of the Black Sea: Borysthenes, Kremnoi and the «Other Pontic Emporia» in Herodotos // Yet More Studies in the Ancient Greek Polis / Ed. Th.H. Nielsen. Stuttgart, 1997 (Historia Einzelschriften. 117). P. 110 f.

²³ Wilson J.-P. The Nature of Greek Overseas Settlements in the Archaic Period. *Emporion or Apoikia?* // The Development of the Polis in Archaic Greece / Ed. L.G. Mitchell, P.J. Rhodes. L.–N.Y., 1997. P. 205.

²⁴ Hansen. *Emporion*.... P. 104.

²⁵ Hansen M.H. *The Hellenic Polis* // A Comparative Study of Thirty City-State Cultures / Ed. M.H. Hansen. Copenhagen, 2000. P. 143.

вию не с Эгиной, успешно конкурировавшей с Афинами, а с другими понтийскими полисами, в том числе, своим ближайшим окружением. Тогда становится очевидным, что вплоть до митридатовского времени Ольвия сохраняла политическую независимость не только от своей метрополии, но и соседних черноморских полисов.

В связи с тем, что термин «эмпорий» применяется только к Ольвии, а не в отношении Борисфена (Березани), следует подробнее рассмотреть, как же в таком случае указанные авторы определяют поселение на о-ве Березань. Согласно Хайнду, «it was the initial settlement of the Milesians in the estuary, the first tentative *apoikia* founded some time in the late seventh century»²⁶. В связи с этим возникает совершенно закономерный вопрос: что же такое «tentative *apoikia*», в какой части греческой ойкумены были основаны еще такие апойкии, и чем они отличались от обычных апойкий? Введение каждого нового термина следует обосновывать, поскольку расширение терминологического аппарата без особой необходимости не способствует решению проблемы.

Методический подход Хансена, вполне возможно и приемлемый для ситуации, сложившейся в V в. до н.э., не дает тем не менее ясного представления о том, каким был характер Березанского поселения во второй половине VII в. до н.э. Хансен предлагает следующее определение для Березани – «trading post without *chora*», оговариваясь при этом, что хора не является необходимым условием для существования полиса²⁷. При этом автор также не объясняет, чем же такой «trading post» отличается, в частности, от эмпория, также хору не имевшего, с одной стороны, и за счет чего мог существовать колониальный полис – с другой.

Проблема заключается в том, что между выведением колонии в Борисфен (Березань, а не Ольвию) и временем написания труда Геродота – порядка двух столетий. И то, что смысловая нагрузка этого термина, равно как и само функциональное назначение эмпория в течение этого времени вполне могли подвергнуться определенным изменениям, также допустимо. Однако в любом случае вывод о том, что понятие «эмпорий» тождественно понятию «полис» по Геродоту не дает ответа на вопрос о том, каким же был этот эмпорий с точки зрения его внутренней организации и мог ли он вообще существовать в более раннее время на Березани.

У приверженцев идеи эмпориального характера Борисфена имеются также весьма различные представления об этническом составе его обитателей. Согласно одной точке зрения, население эмпория в основном относилось к греческому, точнее ионийскому, этносу, основу которого составляли милетские колонисты²⁸. Согласно другой – эмпорий трех первых четвертей VI в. до н.э. был в основном заселен выходцами из окружающего варварского мира, заинтересованных в торговых операциях с милетянами²⁹. Основным индикатором физического присутствия варваров для сторонников этой точки зрения является прежде всего широкое распространение углубленных жилищ³⁰. Комплексный ана-

²⁶ Hind. Op. cit. P. 111.

²⁷ Hansen. *Emporion*... P. 102–104.

²⁸ Копейкина. Особенности развития Березанского поселения... С. 107; она же. Элементы местного характера в культуре Березанского поселения архаического времени // Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой греческой колонизации. Материалы II Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья. Цхалтубо, 1979. Тбилиси, 1981. С. 170.

²⁹ Solovyov. *Ancient Berezan*. P. 30.

³⁰ Доманский. Из истории населения... С. 37.

лиз «варварского материала» с Березани позволил тем не менее в свое время Л.В. Копейкиной прийти к выводу о том, что «...памятники аборигенного типа составляют сравнительно небольшой процент по сравнению с греческим», «...постоянно на острове жило очень немного туземцев», и это, несмотря на то что идея использования землянок «...греками, видимо, была заимствована у туземного населения, скорее всего – у лесостепных скифов»³¹. С.Л. Соловьев к этим аргументам добавил еще следы местного производства ремесленных (прежде всего металлических) изделий, способных, согласно его мнению, удовлетворять вкусы варварского населения, и пришел к полностью противоположному выводу о массовом присутствии варваров в березанском эмпории, а следовательно, принадлежности им практически всех углубленных жилищ вплоть до конца третьей четверти VI в. до н.э. К материальным отражениям эллинской культурной традиции им отнесены «главным образом, предметы античного импорта, по преимуществу керамического, в составе которого в свою очередь численно преобладали амфоры»³².

Идею торговой направленности колонизации Северо-Западного Причерноморья и соответственно наличие эмпория на Березани, как и всего эмпориального периода в целом, активно отвергал В.В. Лапин, согласно мнению которого поселение было основано в ходе аграрной колонизации и от момента основания имело производящий, аграрно-ремесленный профиль³³. Не все идеи В.В. Лапина, вызвавшие после выхода его книги ожесточенные дискуссии, выдержали проверку временем, однако многие из них получили в дальнейшем развитие у ряда исследователей. Среди них в частности идея о том, что от полужемлянок начинается непрерывная линия развития домостроительства северопричерноморских греческих поселений; тезис о том, что «политическое единство Ольвии и Березани, вхождение последней в Ольвийский полис, представляется весьма вероятным»; предположение о том, что «коллектив первопоселенцев Березани представлял собой именно коллектив, т.е. общество людей, организованных соответственно их целям и задачам еще в метрополии и сохранивших эту организацию на новом месте»³⁴.

В развитие этих идей С.Д. Крыжицкий и В.М. Отрешко полагали, что Борисфен нельзя рассматривать в качестве только торговой фактории, его колонисты с самого начала, вероятнее всего, были организованы в гражданскую общину – полис. В качестве дополнительных аргументов ими было приведено и появление аграрных поселений в первой половине VI в. до н.э., основанных «березанскими выходцами» в районе Березанского лимана³⁵. Сам же Борисфен начального этапа своего существования был охарактеризован ими как полугородской населенный пункт, в котором «деревенских черт было, судя по всему, вначале больше»³⁶. К мнению о «зарождении здесь полисной структуры» склоняется и А.С. Русяева, в пользу чего, помимо наличия сельскохозяйственных поселений, она приводит и такие аргументы, как «установление и почитание культа Апол-

³¹ Копейкина. Элементы местного характера... С. 170–171.

³² Solovev S. Archaic Berezan: Historical-Archaeological Essay // The Greek Colonisation of the Black Sea Area: Historical Interpretation of Archaeology / Ed. G.R. Tsetskhladze (Historia Einzelschriften. 121). Stuttgart, 1998. P. 212–217; Соловьев. Из истории... С. 97.

³³ Лапин. Ук. соч... С. 122 сл.

³⁴ Там же. С. 79–80, 102, 108, 147.

³⁵ Крыжицкий С.Д., Отрешко В.М. К проблеме формирования Ольвийского полиса // Ольвия и ее округа. Киев, 1986. С. 10–11.

³⁶ Там же. С. 11–12.

лона Врача», а также «выпуск монет-стрелок с начала VI в. до н.э.»³⁷. Апойкия в Борисфене определена ею как «микрополис» или «небольшой своеобразный полис-государство»³⁸, с чем, в свою очередь, не согласились С.Д. Крыжицкий и В.М. Отрешко в силу неясности содержания предложенного термина³⁹. Термином «протополис» предложил определять Борисфен от начала VI в. до н.э. В.П. Яйленко⁴⁰, что также вызвало критику у Ю.Г. Виноградова⁴¹. Идеи о том, что Борисфен имел статус полиса, в зарубежной науке развивали Б. Браво и следовавшая за ним А. Вонсович⁴². Итак, согласно третьей концепции, основоположником которой является В.В. Лапин и которой с теми или иными вариантами придерживается немалое число исследователей, Борисфен изначально был основан в качестве полиса, а в конце третьей четверти VI в. до н.э. вошел в состав Ольвийского полиса.

В отношении Ольвии высказывалось не меньше, если не больше противоречивых идей. К началу 1980-х годов оформились две основные точки зрения по поводу ее основания. Ю.Г. Виноградов датировал это событие по наиболее ранним находкам рубежом VII–VI вв. до н.э.⁴³ Отсутствие синхронных строительных остатков или соответствующего культурного слоя, послужили С.Д. Крыжицкому и В.М. Отрешко причиной для датировки основания Ольвии от 550 г. до н.э.⁴⁴ Впоследствии эта проблема была подвергнута специальному комплексному анализу, в результате чего был сделан вывод, что жизнь на месте Ольвии возникла не ранее 90–80-х годов VI в. до н.э.⁴⁵ Эта точка зрения уже получила поддержку⁴⁶.

Что касается строительной деятельности, то, несмотря на присутствие керамических материалов первой половины VI в. до н.э., наиболее ранние строительные остатки, представленные немногочисленными полуземляночными жилищами, обычно датировались лишь серединой этого столетия⁴⁷. Возможность существования застройки, относящейся еще к первой половине – середине VI в. до н.э., не отвергалась, хотя в течение длительного времени не была подтверж-

³⁷ Русяева. Милет – Дидимы – Борисфен – Ольвия... С. 49–51.

³⁸ Русяева А.С. Деякі риси культурно-історичного розвитку Північно-Західного Причорномор'я в VII–V ст. до н.е. // Археологія. 1979. № 30. С. 3–4.

³⁹ Крыжицкий, Отрешко. Ук. соч. С. 10.

⁴⁰ Яйленко В.П. Греческая колонизация VII–III вв. до н.э. М., 1982. С. 266.

⁴¹ Виноградов Ю.Г. Политическая история... С. 61.

⁴² Wasowicz A. Olbia Pontique et son territoire. L'aménagement de l'espace. P., 1975. P. 34.

Эта точка зрения и ее аргументация по-разному были приняты в отечественной науке – И.Б. Брашинский и Ю.Г. Виноградов с нею не согласились, а А.С. Русяева оставила без критических замечаний – Брашинский И.Б. Рец. на кн.: Wasowicz A. Olbia Pontique et son territoire. L'aménagement de l'espace (Centre de recherches d'histoire ancienne, vol. 13. Annales littéraires de l'université de Besançon, 168). P., 1975 // СА. 1977. № 3. С. 303–304; Виноградов Ю.Г. Политическая история... С. 66–67; Русяева. Деякі риси... С. 6.

⁴³ Виноградов Ю.Г. О политическом единстве... С. 81; он же. Политическая история... С. 79.

⁴⁴ Крыжицкий, Отрешко. Ук. соч. С. 6 сл.

⁴⁵ Виноградов Ю.Г., Доманский Я.В., Марченко К.К. Сопоставительный анализ письменных и археологических источников по проблеме ранней истории Северо-Западного Причерноморья // Причерноморье в VII–V вв. до н.э. Материалы V Международного симпозиума по древней истории Причерноморья. Вани, 1987. Тбилиси, 1990. С. 84.

⁴⁶ Русяева А.С. К вопросу об основании ионийцами Ольвии // ВДИ. 1998. № 1. С. 169.

⁴⁷ Там же. С. 19; Лейтунская Н.А. Жилой район Ольвии к юго-западу от агоры (1972–1977 гг.) // Ольвия и ее округа. Киев, 1986. С. 30.

дена документированными данными⁴⁸. В настоящее время следует считать надежно установленным, что переход от массового земляночного строительства к наземному сырцово-каменному занял не менее полустолетия и, начавшись еще в последней четверти VI в. до н.э., был закончен лишь к концу первой четверти V в. до н.э.⁴⁹ Кроме того, рубежом третьей – четвертой четвертей VI в. до н.э. следует датировать возникновение Восточного теменоса и, вероятно, агоры. Эти данные позволили С.Д. Крыжицкому и В.М. Отрешко обосновать точку зрения о том, что возникновение Ольвийского полиса со всеми присущими ему государственными структурами следует относить ко времени не ранее 535–525 гг. до н.э. До этого же времени «в градостроительном аспекте Ольвия ... не имела каких-либо видимых отличий от рядовых сельских поселений»⁵⁰. Можно вспомнить также и мнение В.В. Лапина о том, что на раннем этапе Ольвия представляла собой ряд мелких поселений, группирующихся вокруг одного, более крупного⁵¹. О том, что Ольвия не отличалась от окружающих сельских поселений, писала также и А. Вонсович⁵². Такие представления о ранней Ольвии вызвали полемику и подвергались критике, причем каждый раз на основании новых аргументов⁵³.

Тем не менее отсутствие наземных каменных построек жилого назначения позволило сделать вывод о том, что Ольвия, став центром полиса в последней четверти VI в. до н.э., «не стала одновременно городом», в градостроительном аспекте оставалась «полугородским центром», а ее «первичная урбанизация» закончилась лишь на рубеже первой – второй четвертей V в. до н.э.⁵⁴ Отсутствие четкой планировочной организации позволило предположить и отсутствие регулирующего начала, что в свою очередь послужило основанием для вывода о стихийности процесса основания и освоения Ольвии⁵⁵. Критикуя последний вывод, Ю.А. Виноградов недавно отметил, что «политическая организация в Ольвии, а надо думать – и в других северопричерноморских центрах, опережала в своем развитии процесс урбанизации»⁵⁶. Нельзя не вспомнить

⁴⁸ *Крыжицкий С.Д., Русяева А.С.* Найдавніші житла Ольвії // *Археологія*. 1978. Вип. 28. С. 22. Аргументы Л.В. Копейкиной в пользу того, что сырцово-каменные сооружения в центральной части Верхнего города Ольвии синхронны началу наземного строительства на Березани (*Копейкина Л.В.* Новые данные об облике Березани и Ольвии в архаический период // *СА*. 1972. № 2. С. 195), не были признаны достоверными, см. *Крыжицкий, Русяева*. Ук. соч. С. 19; *Крыжицкий, Отрешко*. Ук. соч. С. 6.

⁴⁹ *Крыжицкий С.Д.* Жилье дома античных городов Северного Причерноморья. Киев, 1982. С. 46.

⁵⁰ *Крыжицкий, Отрешко*. Ук. соч. С. 5–6.

⁵¹ *Лапин*. Ук. соч. С. 176.

⁵² *Wasowicz*. Op. cit. P. 41.

⁵³ *Брашинский*. Рец. на кн.: *Wasowicz A.* Olbia Pontique... С. 301; *Виноградов Ю.А.* Политическая история... С. 65; *Виноградов Ю.А.* Ук. соч. С. 106. С критикой И.Б. Брашинского в адрес А. Вонсович в свое время не согласилась А.С. Русяева, которая предложила различать раннюю Ольвию, мало чем отличающуюся от рядовых сельских поселений (вслед за А. Вонсович), и Ольвию, состоявшую на раннем этапе из системы деревень (вслед за В.В. Рубаном, повторившим точку зрения В.В. Лапина); *Русяева*. Деякі риси... С. 6.

⁵⁴ *Крыжицкий, Отрешко*. Ук. соч. С. 13–14. См. также мнение о том, что в истории Ольвии выделяется «то время, когда она еще не являлась ни городом, ни государством, а была просто поселением»: *Крыжицкий С.Д., Лейпунская Н.А.* Нижнее Побужье в архаическое время // *Ольвия. Античное государство в Северном Причерноморье*. Киев, 1999. С. 88.

⁵⁵ *Крыжицкий, Отрешко*. Ук. соч. С. 8.

⁵⁶ *Виноградов Ю.А.* Ук. соч. С. 107–109, см. также *Крыжицкий, Отрешко*. Ук. соч. С. 13.

также и мнение Ю.Г. Виноградова, полагавшего, что «Ольвия как городской центр нового государства начинает складываться в целом с середины VI в. до н.э., т.е. с того момента, когда были распланированы получившие в дальнейшем развитие все основные элементы монолитной урбанистической структуры»⁵⁷.

Здесь я считаю необходимым особо подчеркнуть, что абсолютное большинство упомянутых выше выводов, за исключением, пожалуй, сформулированных в последней работе Ю.А. Виноградова, базируется на уже успевшей устареть базе данных. Со второй половины 1980-х годов в печати появилась целая серия публикаций А.С. Русяевой, в которой введены в научный оборот материалы проводившихся ею многолетних исследований Западного теменоса Ольвии. Так, установлено, что практически в центре Верхнего города, к северо-западу от теменоса, открытого А.Н. Карасевым и Е.И. Леви (Восточного), значительная часть территории была вычленена из зоны будущей жилой застройки и отведена под сакральную зону. Центральным на нем явился культовый участок, посвященный Аполлону Врачу. На основании археологического материала, происходящего с уровня древней дневной поверхности, и наиболее ранним строительным остаткам в виде культовых вымосток и примитивных алтарей, А.С. Русяева пришла к выводу о том, что отправление культов началось здесь не позднее начала второй четверти VI в. до н.э., что, таким образом, синхронно началу жизнедеятельности на территории городища⁵⁸. Исходя из этих результатов, а также установленном ею полисном характере культа Аполлона Врача, покровителя колонизации, А.С. Русяева изменила свои прежние взгляды на раннюю Ольвию и сделала вывод о том, «что здесь с самого начала был запланирован город»⁵⁹. В связи с этим следует вспомнить высказывавшуюся задолго до того точку зрения И.Б. Брашинского о том, что «поселение на месте будущей Ольвии с самого начала рассматривалось колонистами как ядро будущего города. Развитие Ольвии по сравнению с прочими поселениями микрорайона с самого начала протекало в особом направлении». При этом, правда, он оговорился: «...то, что мы сейчас знаем об Ольвии начала – первой половины VI в. до н.э., не дает оснований видеть в ней крупный городской центр»⁶⁰.

В последнее время идея о том, что Ольвия первоначально не отличалась от поселений хоры активно развивается С.Л. Соловьевым. Согласно его мнению, на раннем этапе Ольвия, будучи рядовым поселением (Парутинское поселение, по определению С.Л. Соловьева), представляла собой крайний наблюдательный пункт для защиты северных рубежей хоры Борисфена⁶¹. Им же определена граница между Ольвийским полисом, возникшим в конце VI в. до н.э., и Березанским, существовавшим вплоть до середины V в. до н.э., проходившая по Аджигольской балке в 18 км юго-западнее Ольвии⁶². Следователь-

⁵⁷ Виноградов Ю.Г. Политическая история... С. 62.

⁵⁸ Русяева. Милет – Дидимы – Борисфен – Ольвия... С. 42; она же. Новые данные о культе Аполлона Врача в Ольвии // Античные древности Северного Причерноморья. Киев, 1988. С. 166 сл.; *Rusjaeva A.S. Les temene d'Olbia à la lumière de son histoire au VIe siècle av.n.è., Religions du Pont-Euxin // Actes du VIIIe Symposium de Vani (Colchide) – 1997 / Ed. O. Lordkipanidzé, P. Lévêque. P., 1999. P. 76 ff.*

⁵⁹ Русяева. Милет – Дидимы – Борисфен – Ольвия... С. 52.

⁶⁰ Брашинский. Ук. соч. С. 301–302.

⁶¹ *Solovev. Archaic Berezan... P. 205 ff.; Solovyov. Ancient Berezan. P. 87, 96; Соловьев. Из истории полисов... С. 95 сл.*

⁶² Соловьев. Из истории полисов... С. 101–102.

но, около трех четвертей столетия эти два полиса сосуществовали в непосредственной близости. Упорное желание видеть в Ольвии только «Паутинское поселение» привело С.Л. Соловьева и к новой интерпретации известного эпиграфического документа – письма Ахиллодора – на основании простого допущения, что единственным городом, где жил его адресат и который мог быть упомянут в письме, являлся Борисфен⁶³. Сама по себе такая гипотеза может иметь право на существование, однако ее аргументация основана на замалчивании известных фактов, связанных с развитием урбанистических процессов в Ольвии, значительно активизировавшихся во второй половине VI в. до н.э., т.е. во время написания этого письма. Эта позиция, особенно определение ранней Ольвии как рядового поселения в свете новейших открытий, явилась уже объектом критики Ю.А. Виноградова, верно отметившего, что С.Л. Соловьев «не придает никакого значения тому, что в Ольвии ... уже в 80–60-х годах VI в. до н.э. существовал теменос со святилищами Аполлона Врача и Матери Богов»⁶⁴.

Итак, на развитие урбанистических и политических процессов в Ольвии также существуют различные, а иногда и полностью противоположные точки зрения. Согласно одной, Ольвия изначально планировалась как город и центр полиса (Ю.Г. Виноградов, А.С. Русяева, Ю.А. Виноградов). Согласно другой, на раннем этапе она не выделялась среди массы других сельскохозяйственных поселений и лишь в конце последней трети VI в. до н.э. приобрела функции полиса, став городом в урбанистическом смысле еще позднее – в начале V в. до н.э. Этой концепции с различными вариантами придерживаются В.В. Лапин, А. Вонсович, С.Д. Крыжицкий, В.М. Отрешко, С.Л. Соловьев. Если сопоставить эти выводы с рассмотренными выше основными точками зрения на урбанистическое и политическое развитие Борисфена, то становится очевидным, что во многих случаях они противоречат друг другу. Так, по Соловьеву, Борисфен становится полисом только после возникновения регулярной городской планировки, наземной сырцово-каменной застройки и собственной сельскохозяйственной округи. С.Д. Крыжицкий, В.М. Отрешко, А.С. Русяева, А. Вонсович полагали, что Березань могла являться или являлась полисом и в период существования полужемляночной застройки. Согласно С.Д. Крыжицкому и В.М. Отрешко, практически одновременно Ольвия становится центром полиса также при отсутствии сплошной наземной застройки, но при наличии теменоса и, вероятно, агоры, а также собственной сельскохозяйственной округи. Городом же в полном смысле она становится лишь после полного исчезновения земляночного домостроительства. Сказанное свидетельствует о том, что у исследователей отсутствуют единые критерии выделения полиса как города – урбанистической структуры и как центра государства.

В этой связи представляется полезным рассмотреть, на основании каких критериев выделяется полис-город (урбанистическая структура) и полис-государство (социально-политическая структура) в современных теоретических разработках. Наиболее четко они сформулированы М. Хансеном в одной из последних разработок копенгагенского Полис-центра⁶⁵. В значении «поселение» термин «полис» использовался для определения маленького и укрепленного поселения (акropolis); урбанистического центра (asty); города и его хин-

⁶³ *Solovyov*. Ancient Berezan. P. 84–87.

⁶⁴ *Виноградов Ю.А.* Ук. соч. С. 108.

⁶⁵ *Hansen M.H.* The Hellenic Polis // A Comparative Study of Thirty City-State Cultures. An Investigation Conducted by the Copenhagen Polis Centre / Ed. M.H. Hansen. Copenhagen, 2000. P. 152 ff.

терланда (*chora*). В значении «община» полис может определять граждан (*politai*), народное собрание (*ekkleisia*) или политическую общину в более абстрактном смысле (*koionia*). При этом подчеркивается разное значение термина «хора» в его сочетании с полисом – городом и полисом – государством. Если «полис» употреблялся в значении «государство», то «хора» определяет территорию, частью которой был этот полис (город). Когда термин «полис» используется в смысле «город», то «хора» обозначает ближайшее окружение или хинтерланд, в смысловом отношении противоположный этому городу (полису). С точки зрения М.Х. Хансена, каждый полис-город был урбанистическим центром полиса-государства, а каждое полис-государство имело центр в виде одного города-полиса. При этом, однако, допускается, что в отдельных случаях термином «полис» определялся также и урбанистический центр, который одновременно не являлся полисом в политическом смысле. Например, у Фукидида (Thuc. 4. 54. 1–2) таким полисом (городом) названа Скандея, гавань Киферы, полиса, название которого было одноименно острову⁶⁶. Наконец, весьма полезным представляется заключение о том, что колониальные полисы (государства), основанные на автаркичности, представляли собой прежде всего сельскохозяйственные общины. Их выведение было связано с определенными и необходимыми формальностями, в том числе консультацией оракула – при этом специально оговорено, что такую информацию дают источники лишь классического времени. Что же касается эмпориев, то они, наоборот, являются результатом неформального основания, без соблюдения той необходимой процедуры, которая известна по литературным моделям⁶⁷.

Переходя к рассмотрению данных, касающихся урбанистического развития Ольвии, считаю необходимым отметить, что длительное время вывод А.С. Русяевой о ранней датировке строительной деятельности в городе основывался только на единичных объектах культового назначения и не был поддержан другими синхронными сооружениями, прежде всего жилыми и хозяйственными. Только работы последнего десятилетия в юго-восточной части Верхнего города позволили считать надежно установленным фактом, что точку отсчета начала строительной деятельности на территории Ольвии следует действительно передвинуть на вторую четверть VI в. до н.э.⁶⁸ Этим временем, скорее всего не позднее 70–60-х годов, датируется начало строительства углубленных в материк полуземляночных сооружений и хозяйственных ям. Время гибели наиболее ранних из них не выходит за пределы 40-х годов VI в. до н.э. Вопрос о том, насколько все открытые земляные сооружения можно считать жилыми, остается дискуссионным. Тем не менее то, что в настоящее время они составляют наиболее ранний этап строительной деятельности, зафиксированный *in situ* на территории Ольвии, является фактом.

⁶⁶ Hansen M.H. The Copenhagen Inventory of *Poleis* and the *Lex Hafniensis de Civitate* // The Development of the *Polis* in Archaic Greece / Ed. L.G. Mitchell, P.J. Rhodes. L.–N.Y., 1997. P. 18.

⁶⁷ Wilson. Op. cit. P. 205.

⁶⁸ Крапивина В.В., Буйских А.В. Предварительные итоги исследования юго-восточной части Верхнего города Ольвии (1982–1996) // Никоний и античный мир Северного Причерноморья. Одесса, 1997. С. 123; Буйских А.В., Крапивина В.В. О восточногреческой керамике из раскопок Ольвии (новые материалы) // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Материалы IX Международной научной конференции. Ростов-на-Дону, 2001. С. 48.

Исходя из сказанного, считаю возможным присоединиться к мнению А.С. Русевой и констатировать, что от момента своего основания на рубеже первой – второй четвертей или в начале второй четверти VI в. до н.э. Ольвия являлась городом – центром полиса. Об этом свидетельствует прежде всего тот факт, что из зоны жилой застройки на верхнем плато изначально была вычленена значительная по площади территория, отведенная под общественное строительство. Часть этой территории была освоена немедленно – это и был Западный теменос, еще более значительная часть была зарезервирована. На этом месте по прошествию чуть более 50 лет формируется новый теменос (Восточный) и агора.

Функции агоры нуждаются в более подробном освещении, так как в современной историографии существует несколько различных точек зрения по этому вопросу. Традиционно агора трактуется как выделенное на территории города открытое пространство, часть которого могли занимать святилище с алтарем (алтарями) и храмом, а также орхестра⁶⁹. Начиная от гомеровских времен агора служила местом проведения различных праздников гражданской общины, позднее, в архаическую эпоху, явилась символом сформировавшегося автономного полиса⁷⁰. При этом, как правило, общественные сооружения (кроме культовых) раннего времени на агоре или в ее ближайшем окружении не известны. Только в эпоху классики, а в основном в эллинистическое время вокруг агоры появляются булеветрии и сооружения для магистратур. Следовательно, агора была изначально местом общего собрания граждан, постепенно приобретая административные и позднее, в эллинистическое время – торговые функции⁷¹.

Согласно другому мнению, функции агоры связаны в основном с экономической деятельностью – агора не входит в необходимый перечень тех градостроительных элементов, которые определяют существование и функционирование государственных институтов⁷². Тем не менее агора как место общего собрания граждан в широком смысле свидетельствует о ее важнейшей общественно-политической, а не только экономической нагрузке в городской инфраструктуре.

Однако уже только сам факт наличия агоры в Ольвии отделяет ее от планировочной структуры остальных сельских поселений. Такая ситуация соответствует общепринятой модели колонизационной практики, согласно которой территория города изначально делилась на несколько функционально различных зон, предназначенных для жилой застройки, организации общественного центра(ов), и зоны для отправления культа⁷³. Для Ольвии, правда, как и в других северопричерноморских колониях, нет свидетельств о проведении двух других не менее важных мероприятий, известных по литературным моделям основания колоний – строительства оборонительных сооружений и разделения городской

⁶⁹ Kolb F. *Agora und Theater, Volks- und Festversammlung*. B., 1981. S. 2 ff.

⁷⁰ Martin R. *L'urbanisme dans la Grèce antique*. P., 1956. P. 268.

⁷¹ Kenzler U. *Vom dörflichen Versammlungsplatz zum urbanen Zentrum. Die Agora im Mutterland und in die Kolonien // Die Ägäis und das westliche Mittelmeer. Beziehungen und Wechselwirkungen 8. bis 5. Jh. v. Chr. / Hrsg. F. Krinzinger. Wien, 2000. S. 27 f.*

⁷² Hansen M.H., Fischer-Hansen T. *Monumental Political Architecture in Archaic and Classical Greek Poleis. Evidence and Historical Significance // From Political Architecture to Stephanus Byzantius. Sources for the Ancient Greek Polis / Ed. D. Whitehead. Stuttgart, 1994 (Historia Einzelschriften. 87). P. 46.*

⁷³ Malkin I. *Religion and Colonization in Ancient Greece*. Leiden, 1987. P. 183.

территории на гражданские надель⁷⁴. Несмотря на это, планомерное развитие Ольвии как цельной градостроительной структуры с момента ее основания мне представляется очевидным.

Новая хронология строительной деятельности на территории Ольвии заставляет также и несколько изменить существующие представления о хронологическом распределении поселений сельской округи и по-новому поставить вопрос о начальном этапе существования хоры Ольвии. В последнее время стало уже практически общепринятым мнение, что поселения, возникшие на берегах Березанского лимана, т.е. территориально неподалеку от Березани, составляли хору Борисфена⁷⁵. Традиционно считалось, что все они возникли ранее Ольвии. Для приверженцев мнения о полисном статусе Борисфена уже в первой половине VI в. до н.э. это обстоятельство явилось одним из аргументов, подтверждающих, что на Березани изначально существовал или планировался полис⁷⁶. На основании тех же фактов С.Л. Соловьев, пришел, однако, к совершенно противоположным выводам. Согласно его точки зрения, для увеличения объема торговли с варварами в первой половине VI в. до н.э. были основаны Ягорлыцкое поселение, Широкая Балка, и Бейкуш⁷⁷. В последних работах он упоминает только Широкую Балку как «торговую станцию»⁷⁸, зависимую от Борисфена.

На этом вопросе следует остановиться подробнее. Ягорлыцкое поселение, возникшее на левом берегу Днепровского лимана не позднее первой четверти VI в. до н.э., имело ярко выраженный производственный характер⁷⁹. Бейкушское поселение, отдельные материалы которого датируются первой половиной VI в. до н.э.⁸⁰, а массовый материал – третьей четвертью этого столетия⁸¹, имело не менее ярко выраженную культовую направленность, связанную с отправлением культа Ахилла. Датировка поселения у Широкой балки, расположенного в 1,5 км к югу от Ольвии, первой половиной VI в. до н.э., предложенная в свое время Б.М. Рабичкиным, должна быть пересмотрена в свете новых данных и определена как конец второй четверти – середина этого столе-

⁷⁴ О литературных моделях основания колоний и конкретной градостроительной практике см. *Кошеленко Г.А.* Градостроительная структура «идеального полиса» (По Платону и Аристотелю) // ВДИ. 1975. № 1. С. 3 сл. О применении этой модели в Ольвии см. *Крыжицкий, Отрешко*. Ук. соч. С. 3–4.

⁷⁵ Эта традиция идет от В.В. Лапина, утверждавшего, что ближайшие окрестности с материком «могут использоваться как сельскохозяйственная территория»; *Лапин*. Ук. соч. С. 183; см. также *Крыжицкий, Отрешко*. Ук. соч. С. 11; *Отрешко В.М.* Хора Ольвии // Археология Украинской ССР. Т. 2. Скифо-сарматская и античная археология. Киев, 1986. С. 317; *Крыжицкий С.Д., Буйских С.Б., Отрешко В.М.* Античные поселения Нижнего Побужья (Археологическая карта). Киев, 1990. С. 42; *Solovyov. Ancient Berezan*. P. 93.

⁷⁶ *Крыжицкий, Отрешко*. Ук. соч. С. 11; *Русяева*. Милет – Дидимы – Борисфен – Ольвия... С. 49–50.

⁷⁷ *Solovev. Archaic Berezan...* P. 218.

⁷⁸ *Solovyov. Ancient Berezan*. P. 63; *Соловьев*. Из истории полисов... С. 98. Прим. 9.

⁷⁹ *Островерхов А.С.* К вопросу о сырьевой базе античного ремесленного производства в районе Днепровского и Бугского лиманов (по материалам Ягорлыцкого поселения) // ВДИ. 1979. № 3. С. 115 сл.; *Рубан В.В.* О датировке Ягорлыцкого поселения // Исследования по античной археологии Северного Причерноморья. Киев, 1980. С. 104 сл.

⁸⁰ *Русяева А.С.* Разведки и раскопки поселения близ Ольвии // Археологические исследования на Украине в 1968 г. Вып. III. Киев, 1971. С. 182.

⁸¹ *Bujskich S.* Das Achilleus-Heiligtum in der Chora von Olbia Pontica aus archaischer Zeit // *Problemi della Chora coloniale dall' Occidente al Mar Nero*. Atti del XL Convegno di Studi sulla Magna Grecia. Taranto, 2001. S. 317 ff.

тия⁸². К этому выводу пришли А.С. Русяева и С.Н. Мазарати в результате последних работ на поселении⁸³. Их заключение о том, что «эта территория постоянно являлась ближней хорой Ольвии» осталось незамеченным С.Л. Соловьевым. Из сказанного следует, что ни Широкая Балка, ни тем более Бейкуш не имели никакого отношения к хоре Борисфена и не могут подтверждать идею об их заселении «греками-торговцами», поскольку оба эти поселения синхронны Ольвии, а Бейкуш, кроме того, имел ярко выраженную сакральную функцию⁸⁴. Как видно, ранее Ольвии возник лишь один Ягорлык, однако связывать его с хорой в смысле развития сельскохозяйственной территории также нельзя. Все те поселения, которые можно связывать с развитием собственной сельскохозяйственной базы (а к ним можно добавить еще и ряд других поселений, появление которых датируется не позднее середины VI в. до н.э.⁸⁵), возникают **синхронно** с Ольвией или **позднее**. География их распространения также опровергает тезис об их территориальной близости с Березанью, так что ни топографический, ни хронологический фактор не дают оснований связывать их с хорой Борисфена, а только с **хорой Ольвии**. С другой стороны, это обстоятельство подтверждает мысль о том, что Ольвия изначально мыслилась как **центр полиса** – государственного образования с необходимой внутренней территорией, предназначенной для развития собственного сельского хозяйства.

К числу факторов, свидетельствующих о наличии полисных структур в Нижнем Побужье, рядом авторов относится и появление местного денежного обращения. Речь идет о литых бронзовых монетах-стрелках, зарождение которых в среде греков-переселенцев, а также их символическая связь с культом Аполлона Врача, покровителя колонизационного движения в северо-западном регионе Черного моря, следует считать уже фактом доказанным⁸⁶. Поскольку литые монеты-стрелки хронологически предшествуют другому типу литых монет – дельфинчикам, было высказано предположение, что первые производились в Борисфене, а вторые – в Ольвии, будучи связанными с культом Аполлона Дельфиния⁸⁷. Начало выпуска монет-стрелок относится к первой половине VI в. до н.э., а смена же их дельфинчиками датируется по-разному – серединой этого столетия⁸⁸ или его третьей четвертью⁸⁹. Представляется,

⁸² Рабичкин Б.М. Поселение у Широкой Балки // КСИИМК. 1951. 40. С. 122–124. «У нас нет еще достаточных оснований категорически утверждать, что поселение у Широкой Балки возникло раньше Ольвии, хотя на это дают право отдельные вещи и многие строительные остатки, датируемые более ранним временем, чем памятники, известные на Ольвийском городище».

⁸³ Русяева А.С., Мазарати С.Н. Археологические исследования у Широкой Балки близ Ольвии // Ольвия и ее округа. Киев, 1986. С. 47 сл.

⁸⁴ Попытка С.Л. Соловьева объяснить, что идеи относительно наличия греков-торговцев на Широкой Балке («прибывающие из-за моря торговцы и экипажи кораблей», Рабичкин. Ук. соч. С. 124) не подтвердились раскопками А.С. Русяевой и С.Н. Мазарати «из-за сильных природных разрушений этого участка побережья Бугского лимана» (Соловьев. Из истории полисов... С. 98. Прим. 9), представляется просто несерьезной.

⁸⁵ Крыжицкий, Буйских, Отрешко. Ук. соч. С. 12 сл.

⁸⁶ См. с соответствующей литературой: Анохин В.А. Монеты-стрелки // Ольвия и ее округа. Киев, 1986. С. 83 сл.

⁸⁷ Рубан В.В. О хронологическом соотношении литых стрело- и дельфиновидных бронзовых монет на территории Нижнего Побужья // Нумизатика античного Причерноморья. Киев, 1982. С. 18; Русяева. Милет – Дидимы – Борисфен – Ольвия... С. 49; Анохин. Ук. соч. С. 83–84.

⁸⁸ Рубан. О хронологическом соотношении... С. 17.

⁸⁹ Анохин. Ук. соч. С. 85.

что и в этом случае необходимы хронологические коррективы – очевидно, что начало выпуска монет-стрелок хронологически **совпадает** с появлением Ольвии. Поэтому единственным аргументом в пользу того, что монеты-стрелки изготавливались на о-ве Березань, является повторяемое из работы в работу мнение: количественно их найдено там больше, чем в Ольвии. Однако до сих пор никто не производил подсчета найденных в Ольвии монет-стрелок, при том, что дельфинчиков здесь действительно обнаружено больше в силу хотя бы их более длительной циркуляции. Между тем редкий полевой сезон в Ольвии обходится без находок монет-стрелок. Но даже если монеты-стрелки и производились в Борисфене, этот факт не может свидетельствовать о существовании там полиса. Известно, что монеты сами по себе не являются показателем наличия полисной структуры, поскольку многие полисы в течение длительного времени не имели своей собственной монеты, а пользовались монетами иногородними⁹⁰. Помимо официальной государственной чеканки, монеты выпускались различного рода федерациями, союзами, святилищами, наконец частными лицами⁹¹. С моей точки зрения, более серьезным аргументом «за» или «против» наличия полиса являются не монеты, а тот культ, с которым они самым тесным образом были связаны.

Современные представления о развитии культа Аполлона Врача в Ольвии, его связи с колонизационным освоением Северо-Западного Причерноморья и Нижнего Побужья в значительной степени сформировались благодаря работам А.С. Русяевой. В контексте исследуемой проблемы особый интерес представляют наиболее ранние граффити, прямо свидетельствующие о времени начала почитания этого культа. Это прежде всего посвященные граффити первой четверти – середины – третьей четверти VI в. до н.э. из Борисфена, а также несколько граффити аналогичного содержания на фрагментах сосуда первой половины и архитектурной терракоте третьей четверти этого столетия из Западного теменоса Ольвии⁹². Как видно, все эти памятники также **синхронны** времени возникновения Ольвии.

В этой связи вновь приходится вернуться к недавним работам С.Л. Соловьева, аргументация которого, в частности игнорирование археологических и ранних эпиграфических источников, происходящих из Борисфена, представляется некорректной. Желая доказать, что комплекс эллинской материальной культуры первых трех четвертей VI в. до н.э., за исключением кружалной керамики, на Березани представлен «rather weakly», в своей монографии он пишет лишь о редких находках ремесленных изделий из металла, стекла и кости, а также очень редких находках терракот и других следов религиозной активности на Березани⁹³. В последней же статье на русском языке аргументация несколько видоизменена: мнение о том, что «немногочисленные свидетельства эллинской духовной культуры первой половины VI в. до н.э. – это почти ис-

⁹⁰ *Martin Th.R. Coins, Mints, and the Polis // Ed. M.H. Hansen. Sources for the Ancient Greek City-State. Symposium August, 24–27 1994. Acts of the Copenhagen Polis Centre, 2. Copenhagen, 1995. P. 275 f.*

⁹¹ *Ibid. P. 282.* Нельзя не вспомнить и мнение Анохина о том, что монеты-стрелки могли быть результатом частного, а не государственного выпуска – *Анохин. Ук. соч. С. 85.*

⁹² *Русяева. Милет – Дидимы – Борисфен – Ольвия... С. 39 сл.; она же. Эпиграфические памятники // Культура населения Ольвии и ее округа в архаическое время. Киев, 1987. С. 141.*

⁹³ *Solovyov. Ancient Berezan. P. 55–56.*

ключительно памятники эпиграфики, представленные главным образом граффити, большую часть которых составляют отдельные буквы и их сочетания, чаще всего неясного значения»⁹⁴, подкреплены рядом ссылок, последняя из них – на те страницы работы А.С. Русяевой, где она действительно пишет о граффити, но магического содержания, в том числе и березанских, значение которых «вряд ли с точностью можно интерпретировать и расшифровать»⁹⁵. В то же время автор снова предпочел не заметить, что в той же статье А.С. Русяевой, пятью страницами выше, опубликованы граффити первой половины VI в. до н.э. из Борисфена и Ольвии вполне ясного содержания – с посвящениями Аполлону Врачу⁹⁶. Эти же граффити подробно рассматриваются и в ее монографии, также почему-то не упоминаемой автором⁹⁷. Далее следует еще один вывод С.Л. Соловьева: «Правда, в составе этих памятников известны отдельные надписи сакрального, владельческого и даже экономического содержания, в которых, однако, отсутствуют точные, с моей точки зрения, бесспорные сведения о существовании в это время Березанского или Ольвийского полиса, но, разумеется, не самих греческих колоний того или иного типа, например, торговых станций»⁹⁸.

О «торговых станциях» типа Широкой Балки, фантомах, родившихся в период расцвета «эмпириальной теории», уже говорилось выше, что же касается «отдельных надписей сакрального содержания», то необходимо еще и еще раз подчеркнуть, что посвящения в честь Аполлона Врача, происходящие из Борисфена и Западного теменоса Ольвии, при том, что их действительно немного, бесспорно свидетельствуют не только о том, что это божество было самым ранним покровителем обитателей обеих колоний, но также и о том, что сакральная зона, исследованная в Ольвии, являлась местом официального отправления этого культа с необходимым культовым праздником. Последний же мог отправляться только на средства гражданской общины.

Здесь необходимо несколько подробнее остановиться на проблеме ранних культовых сооружений. Как видно, именно они на начальном этапе являются реальным отражением урбанистических процессов, происходивших в северо-причерноморских колониях. В настоящее время неоспоримым фактом является существование и в Ольвии, и в Борисфене теменосов – окруженных оградой священных зон, непременным атрибутом которых, помимо архитектурно оформленного входа и дополнительных (второстепенных) сооружений типа ботросов, являются храм и находящийся в непосредственной близости от последнего алтарь⁹⁹. Именно открытие теменоса (наряду с установлением полисного характера культа) позволили А.С. Русяевой прийти к выводу об изначальном существовании в Ольвии полиса как городской структуры. Недавнее же открытие теменоса на Березнани и определение на основании косвенных данных его посвящения Афродите¹⁰⁰, позволяют сделать тот же вывод и для Борисфена, тем более, что дата сооружения этого храма (последняя четверть VI в. до н.э.) соответствует времени появления там регулярной планировки.

⁹⁴ Соловьев. Из истории полисов... С. 98.

⁹⁵ Русяева. Эпиграфические памятники. С. 146 сл.

⁹⁶ Там же. С. 141–142.

⁹⁷ Русяева А.С. Религия и культуры античной Ольвии. Киев, 1992. С. 16, 31.

⁹⁸ Соловьев. Из истории полисов... С. 98.

⁹⁹ О структурообразующих элементах теменосов архаического времени см. Bergquist B. The Archaic Greek Temenos. A Study of Structure and Functions. Lund, 1967. P. 5 ff.

¹⁰⁰ Назаров В.В. Святилище Афродиты в Борисфене // ВДИ. 2001. № 1. С. 154 сл.

К сказанному могу также добавить, что, помимо теменосов, и в Ольвии, и в Борисфене существовал еще один тип монументальных сооружений, неизвестный абсолютному большинству исследователей вплоть до настоящего времени. Речь идет о монументальных алтарях – эти памятники археологически не открыты, однако о том, что они не просто существовали, а появились в обоих центрах синхронно, безоговорочно свидетельствуют находки их карнизов. Эти детали происходят из раскопок Ольвии Б.В. Фармаковским в 1905 г.¹⁰¹ и раскопок Березани В.В. Лапиным в 1971 г.¹⁰² Части алтарных карнизов известны также по последним раскопкам Ольвии¹⁰³. Все они имеют надежно датированные аналогии в комплексах архитектурного декора алтаря Посейдона на мысу Монодендра и Дидимейона¹⁰⁴, что и позволяет предложить датировку наших деталей в пределах 40-х годов VI в. до н.э.

Следовательно, процессы становления монументальной архитектуры с использованием ордерных форм начались в Ольвии и Борисфене одновременно и стилистически были ориентированы на Милет. Это позволяет сделать вывод, что не храмы, но алтари являлись самыми ранними наземными сооружениями в городах рассматриваемого региона. Поэтому наличие на Березани теменоса и городская регулярная планировка дают все основания согласиться с теми, кто писал о развитии Борисфена во второй половине или последней четверти VI в. до н.э. как городской структуры¹⁰⁵.

Следовательно, культовые сооружения, составлявшие теменос, и характер планировки жилой застройки в сочетании с общественным центром (центрами) действительно определяют отличие городской поселенческой структуры от сельской – Ольвия, и Борисфен несомненно являлись **полисами (городами)** с точки зрения их пространственной организации. Однако приходится констатировать, что наличие теменосов с храмами само по себе не обязательно свидетельствует о существовании полисной структуры как государственного образования. Уже высказывалось мнение, что наличие только теменоса с храмом в Ольвии не дает оснований делать вывод о наличии в ней государственных структур¹⁰⁶. В этой связи следует также вспомнить мнение В. Буркерта, полагавшего, что храмовое строительство следует расценивать прежде всего как своеобразное стремление «поселить» божество в соответствующем полисе. При этом храмами и теменосами могли обладать и неполисы. В качестве примера В. Буркерт приводит Навкратис, святилища с храмами которого не определяли его политическую структуру, потому что принадлежали расположенным далеко материнским полисам¹⁰⁷. В таком случае, можно ли вообще определять

¹⁰¹ Хранятся в фондах Государственного Эрмитажа, № Ол. 15724.

¹⁰² Хранятся в фондах Музея археологии Института археологии НАН Украины, № АБ/71–58 а, б, в.

¹⁰³ Хранятся в Национальном заповеднике «Ольвия» НАН Украины, происходят из раскопок В.В. Крапивинной и автора (участок Р–25), а также раскопок А.С. Русяевой (Западный теменос). См. *Буйских А.В.* О местной архитектурной школе в Северном Причерноморье // Северное Причерноморье в античное время. Киев, 2002. С. 92. Рис. 1, 1, 2.

¹⁰⁴ Milet I. 4. Taf. XIII; *Sneider P.* Neue Funde vom archaischen Apollontempel in Didyma // Säule and Gebälk / Hrsg. E.-L. Schwandner. Mainz, 1996 (Diskussionen zur archäologischen Bauforschung. Bd 6). S. 78 ff.

¹⁰⁵ Подробнее об этом см. *Solovyov.* Ancient Berezan. P. 79.

¹⁰⁶ *Крыжицкий, Лейпунская.* Нижнее Побужье в архаическое время. С. 88.

¹⁰⁷ *Burkert W.* Greek *Poleis* and Civic Cults: Some Further Thoughts // *Studies in the Ancient Greek Polis* / Ed. M.H. Hansen, K. Raaflaub Stuttgart, 1995 (Historia Einzelschriften. 95). P. 205–206.

полис как государственную структуру, зависимую или независимую, опираясь на его архитектурно-строительную деятельность? Представляется, что на этот вопрос можно ответить утвердительно, снова обратившись к проблемным разработкам копенгагенского Полис-центра.

В понятие «политическая архитектура» входят прежде всего те сооружения или отдельные градостроительные элементы, которые свидетельствуют о функционировании соответствующих государственных институтов. Это пританей, булевтерий, агора, театр, эkkлeсиастерий, дикастерий, стоя. Специальный анализ, предпринятый М. Хансеном и Т. Фишер-Хансеном показал, что, несмотря на их необходимость, только в очень немногих полисах архаического и классического времени такие сооружения известны, а кроме того, раскопаны и соответствующим образом атрибутированы¹⁰⁸. Поэтому при анализе градостроительного развития Ольвии и Борисфена раннего этапа нельзя игнорировать те косвенные данные, прежде всего археологические, которые могут дать необходимую информацию. Выше я уже упоминала и считаю необходимым подчеркнуть еще раз, что агора как изначальное место собрания гражданского коллектива была зарезервирована и выведена из зоны окружающей жилой застройки еще при первоначальном распределении городской территории, т.е. от момента основания города. Параллельно с возникновением Ольвии происходит и организация ее сельскохозяйственной зоны, причем поселения возникают в пределах территории, маркированной пограничными святилищами *extra-urban*, целью которых являлась сакральная защита полисных владений¹⁰⁹. Именно эти данные, с моей точки зрения, свидетельствует о том, что Ольвия изначально планировалась не только как **город**, но и как **центр полиса** – государственного образования.

Чем же в таком случае являлся Борисфен? Мне представляется, что все рассмотренные выше факты, позволяющие с разных позиций сравнивать обе поселенческие структуры, развивавшиеся как города, дают возможность заключить, что Борисфен тем не менее в течение всего доримского этапа своего существования являлся только **эмпорием**, с безусловным доминированием торговли и ремесленного производства, зависимым сначала от материнского полиса – Милета, а после основания Ольвии – от нее. В этом плане ближе всех к определению сущности Борисфена находились Ю.Г. Виноградов и Л.В. Копейкина. Моя точка зрения отличается от высказанной Виноградовым лишь в том, что и на самом раннем этапе, от момента своего основания в третьей четверти VII в. до н.э., Борисфен был эмпорием. Ни находки ремесленных изделий, ни сельскохозяйственных орудий, которые, кстати, также могли быть предметом ремесленного производства, не могут, с моей точки зрения, отодвинуть на второй план роль этого памятника как центра посреднической торговли с хинтерландом, особенно на раннем этапе его существования. В этой связи не может показаться столь уж невероятным и предположение об аналогичном назначении поселения, основанного в третьей четверти VII в. до н.э. на берегу Таганрогского залива¹¹⁰.

¹⁰⁸ Hansen, Fischer-Hansen. Op. cit. P. 30 ff.

¹⁰⁹ Русяева А.С. Идеологические представления древних греков Нижнего Побужья в период колонизации // Обряды и верования древнего населения Украины. Киев, 1990. С. 41 сл.; Буйських С.Б. Святилища *extra-urban* епохи грецької колонізації Нижнього Побужжя // Археологія. 2004. № 3. С. 3 сл.

¹¹⁰ Kopylov V.P. The Place of the Taganrog Settlement within the System of the Early Greek Colonies in the Region to the North of the Black Sea // Ancient Civilizations From Scythia to Siberia. Leiden (Brill), 1999. 6, 1–2. P. 1 ff.

В заключение остается добавить, что предлагаемая работа ни в коем случае не претендует на окончательное решение проблемы «эмпорий–полис» в Северо-Западном Причерноморье. Ее цель – показать одно из возможных направлений, а также то, что роль постоянно меняющихся археологических источников в решении сложных проблем древней истории нельзя недооценивать.

SOME POLEMICAL NOTES ON THE ORIGIN AND DEVELOPMENT OF BORISTHENES AND OLBIA

A. V. Buyskikh

The article deals with some problems connected with the development of Boristhenes and Olbia during the colonization period. Analysing old and recent archaeological data obtained in Olbia, the author makes an attempt to review the generally accepted chronology. Remains of buildings connected with dwelling, economical activities and cult prove that Olbia was founded in the second quarter of the 6th c. BC. This means that the development of agricultural area, whose early period is traditionally connected with Boristhenes and the later one with the latter, can be connected only with Olbia, for the earliest settlements were contemporary with this city. The origin of Olbia corresponds chronologically to the establishment of the polis cult of Apollo the Healer (A.S. Rusyayeva), to the coin-like arrow-shaped metal pieces related to it by their semantics (V.A. Anokhin), and a system of extra-urban sanctuaries marking the borders of the Olbian *chora* (S.B. Buiskikh). A free area reserved in the centre of Olbia which was used for the agora in the early 5th c. BC, is another fact that makes it possible to maintain that Olbia had been originally conceived as a polis centre. Commercially oriented Boristhenes, which did not have its own *chora*, should be regarded as an emporium depending first on Miletus, and after the foundation of Olbia on the Olbian polis. This thesis is in the line of L.V. Kopeikina's and Yu.G. Vinogradov's ideas. The dynamics of dwelling-houses and cult buildings shows that Boristhenes and Olbia were developing as city centres.

© 2005 г.

А. К. Нефёдкин

МЕТАТЕЛИ И САРИССОФОРЫ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПЕХОТИНЦЕВ В ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИХ АРМИЯХ

Данная статья посвящена рассмотрению некоторых «нетипичных» строев македонской фаланги. Они нетипичны в том плане, что построение фаланги, базировавшейся на тактике фронтального удара, расчленялось в одном случае отрядами метателей, а в другом – легковооруженные входили внутрь построения фалангитов. Мы рассмотрим боевое построение Пирра во время его италийской кампании и позднюю фалангу Александра Великого и попытаемся выяснить, с какой целью они были созданы.

В классической македонской фаланге было 16 384 гоплита (Asclep. Tact. 2. 7; Ael. Tact. 8. 3; Ag. Tact. 9. 5). Такое же количество гоплитов имели и фаланги Селевкидов (Liv. XXXVII. 40. 1; App. Sog. 32) и Антигонидов (Liv. XXXIII. 4. 4). В таком построении при стандартной глубине в 16 человек на фронте стояла тысяча воинов, занимавшая по ширине около 900 м. Из сообщения Асклепиодота (Tact. 4. 4) можно сделать вывод, что между подразделениями фаланги, по

крайней мере, в теории, не было интервалов. Такая большая непрерывная протяженность по фронту была необходима для сильного фронтального натиска, чтобы противник не смог отойти в стороны, тогда как выставленные вперед сариссы просто вытеснили бы врага с занимаемой позиции. Однако такой строй имел существенный недостаток: на пересеченной территории в нем возникали разрывы, куда мог вклиниться противник и напасть на открывшиеся фланги отрядов. Поэтому особое внимание уделялось выбору для места будущего боя ровной местности и стремлению не разрывать фронт во время наступления, что достигалось путем тщательного обучения фалангитов.

Вместе с тем, классическую фалангу могли разделять на отдельные отряды с целью сделать ее более подвижной, менее уязвимой к неровностям местности. Так, в битве при Мантинее (207 г. до н.э.) ахейский полководец Филопемен построил вооруженную по-македонски фалангу вдоль некоего рва в виде отдельных «спейрообразных отрядов» (Polyb. XI. 11. 6: κατὰ τέλη σπειρηδόν). Уже Полибию, по-видимому, не было ясно, с какой целью фаланга была так построена (XI. 11. 6–9). Впрочем, по ходу битвы оказалось, что такое построение позволило фалангитам перейти в атаку на спартанцев (Polyb. XI. 16. 2). Позднее в битве при Мантинее (190 г. до н.э.) Антиох III построил свою фалангу в 32 шеренги, разделив ее на десять отрядов, в интервалах между которыми находилось по два слона, сопровождаемых легкими пехотинцами (Liv. XXXVII. 40. 1; App. Syr. 32)¹. Учитывая, что всего фалангитов было 16000, получается, что тактическим подразделением был отряд в 1600 воинов, имевший (при глубине в 32 человека) по фронту 50 воинов, что составляло 89 м, считая стандартным для такого количества шеренг интервал в четыре локтя (Asclep. Tact. 4. 1, 3). В теоретических «Тактиках» нет подразделений в 1600 воинов, похожее число дает лишь хилиархия (1024 воина), к которой можно присоединить пентекосиархию (512 бойцов) (Asclep. Tact. 2. 10; Ael. Tact. 9. 5–6; Arr. Tact. 10. 5). Не ясно, для чего Антиох так построил своих фалангитов, поскольку в описаниях битвы указаний на замысел царя нет. Возможно, планировалась стандартная стратегия и предполагалось не оставлять слонов прикрытием на флангах отрядов, но пустить в атаку, строй же фаланги после этого уплотнить для боя, перестроив в стандартные 16 шеренг.

Для облегчения маневрирования строя отряды фалангитов по флангам могли защищаться более мобильными подразделениями. Так, в битве при Селласии (222 г. до н.э.) царь Македонии Антигон III Досон поставил отборные подразделения фалангитов-халкаспидов («меднощитных») попеременно с отрядами иллирийцев (Polyb. II. 66. 5). Подобное построение было сделано для боя с противником, располагавшимся на возвышенности, укрепленной рвом и валом. Причем во время атаки иллирийцы выдвинулись вперед, и лишь позднее вместе с ними в бой пошли македоняне (Polyb. II. 66. 10; 67. 6, 7). Естественно, подобное построение фалангитов было вызвано стремлением сделать строй максимально подвижным для боя на неровной территории и не допустить врага в разрывы строя; халкаспиды были построены по отдельным подразделениям, а между ними стояли отряды более подвижных иллирийцев².

Такова была эллинистическая практика построения фаланги с интервалами между тактическими подразделениями, обусловленная, с одной стороны, стремлением использовать в бою элитные части для фронтальной атаки, а с другой –

¹ См. Head D. *Armies of the Macedonian and Punic Wars 359 BC to 146 BC*. Goring-by-Sea, 1982. P. 47.

² О вооружении иллирийцев см. *ibid.* P. 129–130.

вынужденная считаться с условиями местности. Это была своеобразная попытка скомбинировать натиск и маневренность.

Если мы обратимся к теоретическому обобщению практики взаимодействия стрелков и фалангитов, то увидим, что, судя по «Тактикам», обычным для фаланги построением являлось «включение», когда легковооруженные стояли между рядами гоплитов (Asclep. Tact. 6. 1; 10. 17; Ael. Tact. 31. 3; Arr. Tact. 13. 2; 26. 6). Подобное построение применялось для того, чтобы легковооруженные во время боя могли неожиданно выбегать из отряда гоплитов, обстреливать врага и также быстро скрываться среди тяжеловооруженных воинов (Achil. Tat. III. 13; ср.: Plut. Anton. 41. 6–7; 45. 3). Но такое построение, собственно говоря, было не перемешиванием отдельных отрядов друг с другом, а включением стрелков в подразделение гоплитов.

Похоже, первым известным нам полководцем, использовавшим тактическое построение фаланги попеременно с более мобильными частями, был царь Пирр, строивший так свои войска во время похода в Италию (280–275 гг. до н.э.). Полибий (XVIII. 28. 10), сравнивая македонский и римский военные порядки, замечает: «Конечно же, Пирр использовал не только оружие, но и итальяйские силы, ставя попеременно отряды и фалангитские спейры в боях против римлян». Поскольку у нас нет данных о перевооружении Пирром своих войск итальяйским оружием, то в пассаже скорее всего речь идет о вооружении самих италиков³. Спейра (σπεῖρα) в изложении Полибия может означать римскую манипулу или когорту (II. 30. 6; 33. 4. 7; III. 110. 7; 113. 4; 115. 6, 12; VI. 24. 7–8; XI. 23. 1, 6; XIV. 8. 7; XV. 9. 7)⁴, однако в данном пассаже речь идет о построении фаланги (II. 67. 2, 68. 3. 8; XI. 11. 6; 12. 5). Обычно спейра – отряд македонских фалангитов, состоявший из 256 человек, который в «Тактиках» именуется синтагмой (Asclep. Tact. 2. 8; Ael. Tact. 9. 4; Arr. Tact. 10. 3)⁵. Название другого подразделения (σπμαία) часто используется Полибием для обозначения манипулы⁶. Следовательно, в сообщении Полибия речь шла о построении небольших, в несколько сот человек, отрядов: итальяйских, возможно, эквивалентных по численности когортам⁷, и греко-македонских спейр.

Как явствует из сообщения Полибия, Пирр использовал подобное построение в Италии. Но в каких сражениях? В битве при Геркалее (280 г. до н.э.) царь еще не имел союзных контингентов италиков, они присоединились к нему позднее (Plut. Pyrrh. 15–16)⁸. Да и к этому первому столкновению с римлянами Пирр вряд ли успел хорошо изучить их тактику и умело приспособиться к противнику. Вместе с тем, сам ход битвы, кажется, не противоречит возможности такого смешанного построения. Так, Плутарх, рассказывая об ожесточенном сраже-

³ Sekunda N. Hellenistic Infantry Reform in the 160's BC. Łódź, 2001. P. 121–123.

⁴ Poland. Σπεῖρα // RE. 2. R. Bd III. Hbbd 6. 1929. Sp. 1586.

⁵ Rüstow W., Köchly H. Geschichte des griechischen Kriegswesens von der ältesten Zeit bis auf Pyrrhus. Aarau, 1852. S. 236–237; Feyel M. Un nouveau fragment du réglement militaire trouvé à Amphipolis // Revue archéologique. Sér. 6. T. 6. 1935. P. 45–47; Walbank F.W. A Historical Commentary on Polybius. Vol. I. Oxf., 1970. P. 280; Head. Op. cit. P. 18; Sekunda. Hellenistic Infantry Reform... P. 118.

⁶ Polyb. I. 33. 9; VI. 24. 5; 28. 3; 29. 3–4, 9–10; 30. 4–5; 32. 1; 33. 3, 5–6, 8–10, 12; 34. 2, 8–9; 35. 2, 6, 12; 36. 2, 5; 38. 1; 40. 11–12; VIII. 37. 5; IX. 3. 4; X. 15. 9; 16. 2. См. Sekunda. Hellenistic Infantry Reform... P. 118.

⁷ Ср. Head. Op. cit. P. 40.

⁸ Казаров С.С. Первое сражение греков с римлянами (битва при Гераклее) // Битва в античности / Под ред. А.К. Нефёдкина. СПб., 2002. С. 20.

нии, упоминает, что «...семь раз происходило бегство и, наоборот, преследование» (Pyrgh. 17. 2). Естественно, классическая фаланга вряд ли могла столько раз наступать и отступать⁹.

Предполагают, что описанный Полибием строй Пирра датируется следующей битвой, при Аускуле (279 г. до н.э.)¹⁰. Дионисий Галикарнасский (Hist. Rom. XX. 1. 1) достаточно подробно описывает построение царского войска перед этим сражением: «Царь Пирр первой на правом крыле построил македонскую фалангу, а за ней – италийских наемников от Тарента, затем – из Амбракии и за ними – белошитную фалангу тарентинцев, потом – союзников из бруттиев и луканов, в середине же фаланги – феспротов и хаонов, вслед за ними – этолийцев, акарнанцев и наемников-афамантов, последними заполняли левое крыло самниты. Он поставил на правом крыле самнитскую, фессалийскую, бруттийскую и наемную от Тарента конницу, а амбракийскую, левканскую, тарентинскую и греческую наемную, которую укомплектовывали акарнанцы, этолийцы, македоняне и афаманты, на левом. Позади, разделив на два крыла, он поставил легковооруженных и слонов, отведя их на подходящую местность, немного поднимающуюся от равнины. Сам же вместе с так называемой царской агемой примерно из двух тысяч отборных всадников был вне строя, чтобы всегда быть наготове вблизи своих уставших»¹¹. Как видим, согласно данному описанию, в боевой линии Пирра действительно чередовались отряды греков или македонян с италиками: македонская фаланга – италийцы (у Фронтина самниты) – эпироты-амбрактиоты – тарентинцы – бруттии и луканы – отряды эпиротов и других западных греков – самниты. Причем, если македоняне, поставленные Птолемеем Керавном (Just. XVII. 2. 14), должны были иметь свое собственное вооружение, то греки, видимо, также имели свое традиционное оружие. Сложнее определить, чем была снаряжена тарентинская фаланга с белыми щитами. С одной стороны, Пирр, прибыв в Тарент, заставил граждан служить в войске и, соответственно, обучал их владению македонским оружием (Plut. Pyrgh. 16. 1–3), ведь у эллинистических монархов левкаспиды были одним из подразделений македонской фаланги¹². С другой стороны, для действия в такой фаланге необходимо было тщательное и длительное обучение граждан Тарента, которые не жаждали воевать, тогда как сами белые щиты встречались в вооружении греков классического времени (Xen. Hell. II. 4. 25). Таким образом, фаланга тарентинцев могла быть и традиционной греческой, а не македонской.

Сама битва при Аускуле была крайне ожесточенной и длилась два дня. В первый день боя македонская фаланга разбила первый легион римлян и латинских союзников, стоявших против нее, тогда как на другом фланге четвертый легион разбил луканов и бриттов и обратил в бегство фалангу тарентинцев (Dion. Hal. Hist. Rom. XX. 2. 5–6). Второй день сражения Плутарх (Pyrgh. 21. 8–10) описывает так: Пирр «...двигал с натиском и силой плотное и построенное вместе войско. Римляне же ... встречали врага на равнине по фронту и, торопясь атаковать гоплитов прежде, чем подошли слоны, завязывали страшные схватки мечами у

⁹ Там же. С. 24; ср. Дельбрюк Г.Л. История военного искусства в рамках политической истории. Т. I. СПб., 1994. С. 204–205.

¹⁰ Hamburger O. Untersuchungen über den Pyrrhischen Krieg. Würzburg, 1927. S. 30; Lévêque P. Pyrrhos. P., 1957. P. 542; Head. Op. cit. P. 72.

¹¹ Перевод автора. Ср. Front. Strat. II. 3. 21.

¹² Head. Op. cit. P. 18.

сарисс...». Таким образом, описание хода битвы свидетельствует о том, что фаланга была сплошной и нерасчлененной и действовала традиционным натиском. Как видим, ни о каком чередовании отдельных относительно небольших отрядов италиков и эпиротов, о котором рассказывает Полибий, речи у Дионисия и Фронтинуса нет. Видимо, автор «Всеобщей истории» подразумевал какие-то другие битвы, – возможно, малоизвестную битву при Беневенте (275 г. до н.э.), ко времени которой Пирр уже достаточно набрался опыта борьбы с римлянами и в которой, к тому же, участвовали и италийские союзники¹³. Следовательно, видимо, прав Г. Файт, полагая, что реформы были проведены Пирром между битвами при Аускуле и Беневенте¹⁴.

Чтобы понять построение Пирром своих войск во время италийской кампании, обратимся к тактике его врагов – римлян и выясним, почему эта тактика вынудила царя Эпира модифицировать построение своего войска. Тактику римской пехоты того периода исследователи реконструируют как преимущественно метательный бой с переходом в кратковременную рукопашную борьбу в особо критических случаях¹⁵. Как раз против римлян успешно сражаться могли италики – тоже щитоносные метатели, ведь их главным наступательным оружием были различного рода метательные копья¹⁶. Пирр, оценив противника, понял это и активно использовал италийских метателей для противостояния римлянам. Существуют предположения, что Пирр воспринял тактику римлян или даже сам научил их таковой¹⁷. Впрочем, различия между строем легиона и построением Пирра столь велики, что о такой прямой связи говорить не приходится. Вдохновился ли царь римскими боевыми порядками, расчленив свою фалангу по фронту, или нет, сказать трудно. Владыка Эпира хорошо изучил противника и стал умело использовать имеющиеся у него силы. Не случайно же сам Ганнибал ставил Пирра по полководческому дарованию на первое (Plut. Pyrrh. 8. 5) или, по другой версии, на второе после Александра Великого место (Plut. Tit. 21. 4).

Рассматривая взаимодействие в одной боевой линии италийских и македонских отрядов, следует присоединиться к мнению о том, что это было сделано для увеличения подвижности и для меньшей уязвимости строя фаланги¹⁸. Впрочем, можно пойти несколько дальше и указать на то, как могли взаимодействовать италийские щитоносцы и македонские фалангиты Пирра, вооруженные сариссами (Plut. Pyrrh. 21. 10). Постановка вперемежку отрядов италиков и фалангитов позволяла вытянуть фронт войска и сделать поражающую силу последнего ударно-метательной¹⁹. Естественно, при этом воины с копья-

¹³ О битве см. Казаров С.С. Последняя кампания царя Пирра в Италии // Античный мир и археология. Вып. 11. Саратов, 2002. С. 15–22.

¹⁴ Veith G. Die Zeit des Milizheers // Kromayer J., Veith G. Heerwesen und Kriegführung der Griechen und Römer. München, 1928. S. 263.

¹⁵ Zhmodikov A. Roman Republican Heavy Infantrymen in Battle (IV–II Centuries BC) // Historia. 2000. Bd 49. Ht 1. P. 67–78; Жмодиков А.Л. Тактика римской пехоты IV–II веков до н.э. СПб., 2001. С. 43–60.

¹⁶ О вооружении италиков см., например: Коннолли П. Греция и Рим. Энциклопедия военной истории / Пер. С. Лопуховой, А. Хромовой. М., 2000. С. 97–113; Жмодиков. Ук. соч. С. 47–50.

¹⁷ За первое предположение: Lévêque. Op. cit. P. 542; Walbank. A Historical Commentary... Vol. II. P. 586; за второе – Couissin P. Les institutions militaires et navales. P., 1932. P. 83.

¹⁸ Head. Op. cit. P. 47, 72; Sekunda. Hellenistic Infantry Reform... P. 118–121.

¹⁹ Отметим, что существовали и другие способы взаимодействия фалангитов и щитоносных метателей. Так, позднее понтийские стратеги вообще ставили италиков и вооруженных по-римски воинов позади македонской фаланги (Front. Strat. II. 3. 17).

ми для удобства броска должны были строиться менее глубоко, нежели гоплиты в фаланге (ср. Veget. III. 14; Niceph. Strat. 1, 5–6 McGeer). Пирр таким построением достигал, с одной стороны, того, что его пехотинцы могли перестреливаться с противником, метая дротики, а с другой – сариссофоры путем фланговой угрозы атакующим должны были не допустить неожиданную атаку римлян, которые могли перейти в рукопашную. В пользу этого предположения свидетельствует то, что перед битвой при Беневенте консул Маний Курий опасался развернутой фаланги Пирра (Front. Strat. II. 2. 1). Для взаимодействия, используемого Пирром, как раз были удобны небольшие отряды из нескольких сот человек, аналогичные более поздним подразделениям мушкетеров и пикинеров. В целом, действительно, подобное взаимодействие напоминает тактику европейских мушкетеров и пикинеров XVI–XVII вв., когда первые с расстояния стреляли во врага, а вторые защищали стрелков от атаки противника. Причем в Европе существовали различные виды построений по отрядам этих двух видов пехоты. Конечно, были и отличия между боевыми порядками нового времени и древности. Например, итальянцы не прятались при атаке врага под сариссы фалангитов, как это делали мушкетеры при атаке вражеской кавалерии²⁰. В общем построение Пирра было рассчитано не на таранный фронтальный удар, а на постепенное вытеснения врага с позиции. Ведь, как уже отмечалось, в таком строю было легче наступать, не боясь разорвать строй, и отступить. Причем, судя по описанию битвы при Селласии, отряды разных родов пехоты, стоявшие в одной линии, могли в определенный момент боя действовать отдельно.

Таким образом, смешанное построение италиков и македонян свидетельствует о том, как противник мог влиять на строй другой армии, особенно если ее полководец хорошо понимал, что врагу надо противостоять аналогичными средствами. Естественно, Пирр мог применять данную тактику лишь в Италии, где у него было много итальянских контингентов²¹. Рассматривая военную историю эллинистической эпохи, Н. Секунда отметил, что позднее военачальники использовали расчлененное построение фаланги, узнав о нем из сочинений царя Эпира²². Так это или нет, сложно сказать, но, очевидно, существовала определенная традиция, которой военачальники придерживались в подходящих тактических ситуациях. Возможно, действительно эллинистические стратеги руководствовались примером эпирского царя²³.

Весьма специфическое для военного дела эллинистического периода построение пехоты мы найдем в описании включения персов, а также коссеев и тапуров в македонские полки, произведенного Александром в Вавилоне в конце его царствования (323 г. до н.э.). В ряды македонских фалангитов были включены азиаты с метательным оружием. Диодор (XVII. 110. 2) достаточно общо рассказывает об этой военной реформе: «В это же время пришел Певкест, ведя двадцать тысяч персов – лучников и пращников. Смешав их с ранее имевшимися воинами, Александр ... сделал все войско смешанным и соответствующо-

²⁰ Дельбрюк Г.Л. История военного искусства в рамках политической истории. Т. IV. СПб., 1997. С. 106–111; Строчков А.А. История военного искусства. Т. I. М., 1955. С. 328–331, 444.

²¹ Head. Op. cit. P. 20.

²² Sekunda. Hellenistic Infantry Reform... P. 118–121.

²³ Walbank. A Historical Commentary... Vol. I. P. 280; Vol. II. P. 585.

щим его собственному замыслу» (перевод автора)²⁴. Более подробно описание Арриана (Anab. VII. 23. 1–4): «Возвратясь в Вавилон, Александр встречает Певкеста, идущего из страны персов и ведущего войско примерно в двадцать тысяч персов. Привел он и немало коссеев и тапуров, так как ему сообщили, что эти народы являются наиболее воинственными из пограничных с Персидой... Александр распределил их в македонские полки. Македонянин был поставлен десятником декады, а за ним – македоняне-димойриты и десятистатерник (назван так по жалованию, которое было меньше, чем у димойрита, но больше, чем получали рядовые), а за ними – двенадцать персов, замыкал декаду македонянин, десятистатерник, так что в декаде было четыре македонянина (из них трое выделялись жалованием и один – властью над декадой) и двенадцать персов. Македоняне были вооружены отеческим оружием, а у персов одни были лучниками, другие же имели дротики» (перевод автора).

Сначала рассмотрим общий контекст повествования. В данном случае размер жалования македонян нас не интересует. Оно, естественно, было больше у солдат, на которых приходилась основная нагрузка боя. Вооружение македонских фалангитов было традиционным – сариссы и щиты. Нет оснований думать, что оружие первых шеренг фаланги отличалось от последующих уже во время Александра. Лишь позднее в эллинистических «Тактиках» рекомендовалось увеличивать длину пик последующих шеренг (Asclep. Tact. 5. 2; Ael. Tact. 14. 7; Excerpt. Polyæn. 18. 8; De re strat. 16. 7). Азиаты, введенные в фалангу, были, как видим, в основном персами, а также горцами из Загроса, коссеями и тапурами. Персы были вооружены не на македонский манер, как «эпигоны» (Diod. XVII. 108. 1–3; Curt. X. 3. 10, 13; Arr. Anab. VII. 6. 1; Plut. Alex. 47. 6; 71. 1), а имели на вооружении свое традиционное метательное оружие: луки и дротики, именуемые Аррианом как «месанкилоны». Вид последнего оружия требует пояснения, которое мы находим в схолии к «Андромахе» Еврипида (1133): «...месанкилоны – разновидность дротика, обвязанного посередине веревкой, держа за которую, его метают». Следовательно, месанкилон (μεσάνκιλον) – вид метательного копья, имеющего посередине петлю для удобства метания. Подобный дротик мы видим и на так называемом «Саркофаге Александра», и на знаменитой «Мозаике Александра» из Помпей²⁵. Причем на первом памятнике отчетливо видно, что воины с легкими копьями вооружены еще и легкими щитами на манер пельтастов²⁶. Диодор упоминает пращников, которые также были введены в фалангу, однако Арриан вместо них называет воинов с месанкилонами. Действительно, пращники имелись в персидском ополчении, но они не были столь многочисленны, как воины с луком (Xen. Anab. III. 3. 17; Cug. I. 5. 5; Curt. III. 9. 1; Strabo XV. 3. 18)²⁷. Вероятно, и среди горцев ситуация была такая же, ведь для них типично использование метательного оружия, главным образом боевых луков. Действительно, коссеи упоминаются в источниках именно как стрелки (Arr. Anab. III. 11. 5; Strabo. XI. 13. 6; XVI. 1. 18; ср.: Jerem. 49. 35). Впрочем, возможно, среди лучников и дротико-

²⁴ Диодор неверно помещает этот эпизод в Сузы и датирует 324 годом до н.э. (Bosworth A.B. Alexander and the Iranians // JHS. 1980. 100. P. 18. Not. 146; ср. Berve H. Das Alexanderreich aus prosopographischer Grundlage. Bd I. München, 1926. S. 150).

²⁵ См. Winter F. Der Alexandersarkophag aus Sidon. Strassburg, 1912. Taf. 13–14; Andreae B. Das Alexandermosaik aus Pompeji. Recklinghausen, 1977. Abb. 25.

²⁶ Bittner S. Tracht und Bewaffnung des persischen Heeres zur Zeit der Achaimeniden. München, 1985. S. 161–164.

²⁷ Bittner. Op. cit. S. 178–179; ср. Head. Op. cit. P. 90.

метателей, приведенных Певкестом, были еще и пращники, которые позднее упоминаются в персидских контингентах эллинистических монархов (Polyb. V. 79. 6; Diod. XIX. 14. 5; 69. 1; 82. 3)²⁸. Диодор назвал пращников, почему-то не указав на воинов с дротиками – тоже менее распространенный тип метателей, нежели лучники. Возможно, информация Арриана более точна не только в силу более надежных источников и полноты описания реформы, но и потому, что воины с пращами обычно не находились внутри строя тяжелых пехотинцев, как лучники и дротикометатели²⁹.

Построение фаланги Александра исследователи интерпретируют по-разному. Н. Секунда понимает данный пассаж Арриана в том смысле, что первым стоял командир «декады» – декадарх (= лохаг), димойрит же, судя по «Тактике» Арриана (б. 2), руководивший половиной лоха, стоял девятым, тогда как «десятистатерники» были восьмыми и последними в ряду³⁰. Учитывая способ углубления строя фаланги при помощи вхождения одного ряда-лоха в другой, о котором пишет Арриан (Tact. 25. 10–11), можно было бы предполагать и другое построение внутри лоха из 16 гоплитов: декадарх-лохаг стоял первым, за ним находился димойрит, тогда как «десятистатерники» стояли предпоследними и последними в ряду. Следовательно, при *синасписме* и образовании нового ряда из восьми фалангитов димойрит становился бы первым, а предпоследний «десятистатерник» – восьмым. Впрочем, другие исследователи предлагают читать пассаж буквально и не интерпретировать его вообще: македоняне стоят в первых трех и в последней шеренге реорганизованной фаланги³¹. Видимо, такое объяснение наиболее верное, поскольку Арриан ясно пишет, что воины стоят друг за другом. Очевидно, подобная фаланга вообще не предназначалась как для уменьшения ее глубины до восьми шеренг, так и для увеличения ее до 32 человек в ряду. Хотя, казалось бы, если уменьшить количество шеренг в построении, то метать станет легче, поскольку не с возвышенности стрелять из лука и метать дротики из 4–15-й шеренги неудобно. Для лучников, например, подобный строй представляется слишком глубоким. Ведь даже в «Тактиках», информация которых восходит к периоду эллинизма, метателей строят всего лишь в восемь шеренг (Asclep. Tact. 6. 2; Ael. Tact. 15. 2; Agg. Tact. 14. 2). Вместе с тем, имеются и некоторые другие письменные упоминания о построении метателей в глубине строя позади щитоносцев. Так, Арриан, будучи легатом римской провинции Каппадокия, строил свои два легиона тем же самым способом для отражения атаки аланской конницы (135 г.): в первых четырех шеренгах были воины с копьями-контосами, а в последующих четырех – с метательно-ударными ланцеями (Agg. Ac. 15–18, 26)³². Далее, согласно Вегецию (III. 14), в первых двух и шестой шеренгах римского боевого порядка стояли щитоносцы, а в центральных – метатели. Византийский

²⁸ *Launey M. Recherches sur les armées hellénistiques*. Т. I. P., 1949. P. 564–567; *Berve*. Op. cit. S. 150.

²⁹ См. *De re strat.* 16. 6–8; *Niceph. Strat.* 1. 7; ср.: *Veget.* III. 14: иногда в пятой шеренге – пращники и арбалетчики.

³⁰ *Sekunda N. Army of Alexander the Great*. L., 1984. P. 23, 25.

³¹ *Дройзен И.Г.* История эллинизма. Т. I. СПб., 1997. С. 325; *Шофман А.С.* Армия и военные преобразования Александра Македонского // ВДИ. 1972. № 1. С. 184; *Шахермайр Ф.* Александр Македонский. М., 1986. С. 297; *Bosworth. Alexander...* P. 18; *Head*. Op. cit. P. 14; *Hammond N.G.L.* Royal Pages, Personal Pages, and Boys Trained in the Macedonian Manner during Period of the Temenid Monarchy // *Historia*. 1990. Bd 39. Ht. 3. P. 280. Not. 58; *Коннолли.* Греция и Рим... С. 69.

³² *Нефёдкин А.К.* Кампания Арриана по отражению аланского набега на Каппадокию в 135 г. // *Stratum plus*. 1999. № 3. С. 175, 183. Прим. 54.

аноним VI в. (*De re strat.* 16. 6–8) рекомендует давать дротики воинам, стоящим за четвертой шеренгой. В X в. Никифор Фока (*Strat.* 1. 7) ставит лучников в третью–пятую шеренгу, а в две первые и последние – щитоносцев.

Диодор упоминает о некоем замысле Александра, согласно которому, собственно говоря, фаланга и подверглась реформированию. В чем он состоял, можно лишь предполагать. Вся сила фаланги заключалась в сплоченности, монолитности и однородности, ведь павших воинов первой шеренги должны были заменить бойцы того же ряда, стоявшие позади (*Агг. Такт.* 12. 4). Как раз с этой целью Александр оставил первых трех воинов в ряду гоплитами-македонянами, вооруженными однородно (ср. *Diod.* XVII. 26. 4). Видимо, считалось, что больших потерь в ходе битвы фаланга понести не могла. Можно думать, что подобное смешение было вызвано нехваткой македонских войск, так как подкрепления еще не прибыли, а поход должен был вот-вот начаться (*Агг. Анаб.* VII. 25. 2)³³, но македонская пехота насчитывала, по крайней мере, 13000 человек (*Curt.* X. 2. 8), а для фаланги из 20000 азиатов нужно было менее 6700 гоплитов. Очевидно, Александр не планировал заменить позднее персов-метателей на персов-фалангитов, ведь 30000 последних уже имелось у него и их бы было легче включить в македонские отряды, а не тратить время на переобучение метателей.

Стоит обратить внимание на то, что персы вводились в стандартное построение македонской фаланги из 16 шеренг, где каждый гоплит занимал около 90 см по фронту, образуя при этом «стену щитов», т.е. азиаты должны были сражаться в весьма плотном построении, не особо удобном для метания. Мы можем сопоставить это линейное построение с армейским каре, состоящим из пикинеров-щитоносцев и стоящих посередине них лучников, которое описывает Никифор Фока (*Strat.* 1. 5–17). При этом видим, что византийский строй не предназначен для атаки врага, ведь при случае он может сражаться с противником (1. 13), хотя каре менее мобильно, чем линейный строй. Фаланга же Александра могла при необходимости наступать. Очевидно, главной ударной силой при этом должна быть, как и у Никифора, конница. Ведь царь намеревался воевать с арабами (*Агг. Анаб.* VII. 19. 5–20; *Strabo.* XVI. 1. 11), против которых «каток» фаланги был не нужен, ведь они не были тяжелыми пехотинцами, но стрелками, пешими или верховыми, главным образом на верблюдах (*Herod.* VII. 69, 86; *Xen. Суг.* II. 1. 5; *Strabo.* XVI. 4. 24; *Liv.* XXXVII. 40. 12; *App. Суг.* 32)³⁴. Цель же подобного построения, как справедливо заметил Д. Хед, состояла в «попытке скомбинировать силу атаки и метания»³⁵. Стрельба из такого строя будет навесная, а не прицельная, и врага будут поражать не прицельно, а массой снарядов в надежде на то, что какое-то количество из них попадет в цель и тем самым нанесет урон противнику. Щитоносцы с оружием ближнего боя должны были, выставив сариссы, защищать стрелков как от метательного оружия врага, так и от возможной атаки противника. Подобная тактика не была уникальной, – к примеру, на рубеже эр ее использовали германцы-херуски³⁶. Причем и в построении самой персидской пехоты традиционным был строй, в котором впереди стояли воины с большими плетеными щитами, а за ними размещались лучники (*Herod.* IX. 61, 102). Данный строй

³³ Ср. *Шофман.* Ук. соч. С. 184; *Bosworth.* *Alexander...* P. 20; *idem.* *Conquest and Empire: the Reign of Alexander the Great.* Camb., 1988. P. 170.

³⁴ *Bosworth.* *Conquest...* P. 169–170.

³⁵ *Head.* *Op. cit.* P. 14.

³⁶ *Нефёдкин А.К.* Длинные копья варваров (К вопросу об элементарной тактике херусков в начале I в. н.э.) // *Битва в античности.* СПб., 2002. С. 79–92.

вполне мог быть определенным прототипом для поздней фаланги Александра, тем более что таким образом можно было эффективно использовать плохо дисциплинированные азиатские войска и хорошо обученных македонских фалангитов³⁷. Поэтому предположение И.Г. Дройзена о том, что стрелки и дро-тикометатели выходили перед фалангой для завязки боя, а затем возвращались обратно и все вместе шли в атаку на противника, не выглядит столь убедительным³⁸. Для подобной завязки боя достаточно было использовать стандартное построение «включения», которое было проще для исполнения.

Насколько была жизнеспособна новая фаланга Александра, показало бы время, которое, впрочем, история ему не отвела. Видимо, подобное взаимодействие метателей и пиконосцев было эффективно против восточных народов, главную силу которых составляли пешие метатели, а ударной силой была конница. Это построение позволяло успешно отражать атаки пехоты и конницы и в то же время вести постоянное наступление на врага, вытесняя его с поля боя. В ходе сражения щитоносцы прикрывали стрелков щитами от метательного оружия врага, а длинные копья фалангитов не давали возможность противнику подойти близко. Наличие подобного построения в дальнейшем не прослеживается в источниках. Вероятно, оно исчезло вместе со смертью Александра, поскольку, став царем Азии, он проводил политику слияния народов, которая, в частности, выражалась в активном внедрении азиатов, в первую очередь иранцев, в армию и в уничтожении тем самым территориального принципа комплектования фаланги³⁹. Впрочем, диადохи не стали придерживаться этой политики своего предшественника.

JAVELINMEN, ARCHERS AND PIKEMEN: CO-OPERATION OF FOOTMEN IN THE HELLENISTIC ARMIES

A. K. Nefedkin

The paper deals with two formations of Hellenistic infantry. According to Polybius (18.28.10), the Epeirot King Pyrrhus formed his array from mixed detachments of phalangites (*speirai*) and Italic troops (*semaiati*) during his war against the Romans. We do not know in what battles the formation took part. Probably it was at the battle of Beneventum. The aim of the formation was to ensure co-operation between the thrust of the Macedonian phalanx and missile power of the Italian shield-bearers. One may assume that the phalangites defended javelinmen from the Romans' assault while the Italians were throwing their spears and javelins. Such cooperation is similar to that of pikemen and musketeers in the 17th c.

The second subject of the paper is a formation of Alexander the Great's later phalanx as described by Arrian (Anab. 7. 23. 3–4). It consisted of four Macedonian hoplites and twelve Persian archers and javelinmen. The former stood in the first three ranges and in the last one, the latter were in the centre. The phalangites were to defend bowmen and javelinmen from the enemy's assault, especially from cavalry charge, while the throwers were shooting in order to inflict the greatest losses possible on the foe. After that the phalanx could advance (make the offensive). These Hellenistic formations clearly show transformations of the army's array under the influence of the enemies, both real (in the first case) and supposed (in the second).

³⁷ Bosworth. Alexander... P. 18.

³⁸ Дройзен. История эллинизма. Т. I. С. 325–326, 403. Прим. 42. Также кажется невероятным его предположение о том, что на тактику поздней фаланги Александра повлияла практика римского легиона – способы действия манипулярного легиона и фаланги слишком различались.

³⁹ Ср. Errington M. Geschichte Makedoniens: von den Anfängen bis zum Untergang des Königreiches. München, 1986. S. 216.

© 2005 г.

Ostrakismos-Testimonien. I. Die Zeugnisse antiker Autoren, der Inschriften und Ostraka über das athenische Scherbengericht aus vorhellenistischer Zeit (487–322 v. Chr.) / Hrsg. von Peter Siewert. Stuttgart: Steiner, 2002 (Historia – Einzelschriften. Ht 102). 555 S.

Выход коллективной монографии, о которой здесь идет речь, уже давно с нетерпением ожидался многими антиковедами, занимающимися проблемами политической и конституционной истории, просопографии, источниковедения классических Афин. История создания книги насчитывает более полувека и восходит к проекту по сведению воедино всех источников об афинском остракизме, работу над которым начали практически сразу после Второй мировой войны два крупнейших специалиста в области этого института – Юджин Вандерпул и Антон Раубичек; первый из них должен был заниматься публикацией острака и систематизацией содержащейся на них информации, а второй – в основном сбором и комментированием данных нарративной традиции. В рамках проекта на протяжении нескольких десятилетий был опубликован ряд важных статей¹, но так и не появилось обобщающего монографического исследования. Судя по всему, столь крупномасштабное предприятие оказалось просто непосильным для двух ученых. В 1980 г. А. Раубичек препоручил дальнейшее ведение проекта исследователю из Вены Петеру Зиверту², передав ему свои материалы и наработки. П. Зиверт смог вдохнуть в работу новую жизнь; он собрал под своим руководством коллектив молодых австрийских и немецких антиковедов, которые и стали авторами рецензируемого издания.

Уже в начале 1990-х годов П. Зиверт в одной из своих статей³ сообщал о готовящемся своде античных свидетельств об остракизме как о чем-то близком к завершению. Однако работа затянулась (об этом упоминает, как нам показалось, не без нотки раздражения, сам ответственный редактор в предисловии к изданию), и первый ее плод становится достоянием читателей только теперь. Причиной промедления стало,

¹ В том числе: *Vanderpool E.* The Ostracism of the Elder Alcibiades // *Hesperia*. 1952. 21. 1. P. 1–8; *idem.* Kleophon // *Hesperia*. 1952. 21. 2. P. 114–115; *idem.* New Ostraka from the Athenian Agora // *Hesperia*. 1968. 37. 1. P. 117–120; *idem.* Ostraka from the Athenian Agora, 1970–1972 // *Hesperia*. 1974. 43. 2. P. 189–193; *Raubitschek A.E.* The Ostracism of Xanthippos // *AJA*. 1947. 51. 3. P. 257–262; *idem.* Ostracism // *Archaeology*. 1948. 1. 2. P. 79–82; *idem.* The Case against Alcibiades (Andocides IV) // *TAPhA*. 1948. 79. P. 191–210; *idem.* The Origin of Ostracism // *AJA*. 1951. 55. 3. P. 221–229; *idem.* Athenian Ostracism // *Classical Journal*. 1953. 48. 4. P. 113–122; *idem.* Philinos // *Hesperia*. 1954. 23. 1. P. 68–71; *idem.* Damon // *CM*. 1955. 16. P. 78–83; *idem.* Kimons Zurückberufung // *Historia*. 1955. 3. 3. S. 379–380; *idem.* Menon, Son of Menekleides // *Hesperia*. 1955. 24. 4. P. 286–289; *idem.* Philochoros frag. 30 (Jacoby) // *Hermes*. 1955. 83. 1. S. 119–120; *idem.* The Gates in the Agora // *AJA*. 1956. 60. 3. P. 279–282; *idem.* Das Datislied // *Charites: Studien zur Altertumswissenschaft*. Bonn, 1957. S. 234–242; *idem.* Theophrastos on Ostracism // *CM*. 1958. 19. P. 73–109; *idem.* Die Rückkehr des Aristeides // *Historia*. 1959. 8. 1. S. 127–128; *idem.* Theopompos on Thucydides the Son of Melesias // *Phoenix*. 1960. 14. 2. P. 81–95; *idem.* Drei Ostraka in Heidelberg // *Archäologischer Anzeiger*. 1969. 84. 1. S. 107–108; *idem.* Aristoteles über den Ostrakismos // *Tyche*. 1986. 1. S. 169–174; *idem.* Megakles, geh nicht nach Eretria! // *ZPE*. 1994. 100. S. 381–382.

² П. Зиверт – специалист в области политической истории позднеархаических и раннеклассических Афин, автор ряда статей и монографии: *Siewert P.* Die Trittyen Attikas und die Heeresreform des Kleisthenes. München, 1982.

³ *Idem.* Accuse contro i «candidati» all' ostracismo per la loro condotta politica e morale // *L'immagine dell' uomo politico: vita pubblica e morale nell' antichità*. Milano, 1991. P. 4.

насколько можно судить, не столько необъятное количество материала, сколько стремление подойти к каждому свидетельству максимально скрупулезно, дать исчерпывающий комментарий. В результате тот том, который был выпущен в 2002 г. в качестве очередного отдельного выпуска журнала «Historia», представляет собой лишь первую часть издания и включает источники по ostracismu, относящиеся к классической эпохе. Это – самая важная и содержательная часть материала (поскольку хронологически она лежит всего ближе к исследуемой процедуре), но, кстати, в количественном отношении даже не самая объемная. В том вошло 42 свидетельства, датированных периодом от 487 до 322 г. до н.э., а между тем свидетельств более позднего времени (эллинистического, римского и византийского), по нашим подсчетам, не менее 150, т.е. в три–четыре раза больше. Среди них тоже есть в высшей степени ценные (таковы некоторые пассажи Плутарха, схолиастов и др.), но пока эти данные остались за пределами рассмотрения авторов книги. Очевидно, в дальнейшем следует ожидать выхода еще одного или даже нескольких томов свода источников по ostracismu.

Рецензируемая монография делится на четыре части. Первая из них (с. 25–35) имеет вводный характер и написана самим П. Зивертом. В ней мы находим краткий историографический очерк, в котором обрисован общий ход исследования проблем истории ostracismu в антиковедении Нового времени. Отметим, что нам остались не вполне понятными принципы, по которым построен этот очерк. С одной стороны, в нем говорится о совсем старинных работах XVI–XVIII вв., которые ныне представляют разве что антикварный интерес⁴. А с другой стороны, ни словом не упомянуто об одной из крупнейших в XIX в. работе Ж. Валетона «Об ostracismе»⁵. Аналогичным образом обстоит дело при обзоре исследований по данной проблематике в XX в. Конечно, вполне понятно, что автор подробно останавливается на вкладе А. Раубичека и Ю. Вандерпула в изучение ostracismu, воздавая должное заслугам своих непосредственных предшественников. Отмечаются также вышедшие на протяжении столетия монографии, посвященные различным сторонам рассматриваемого института (Ж. Каркопино, А. Кальдерини, Р. Томсен, М. Лэнг). Однако, наверное, следовало бы сказать несколько слов и о наиболее важных статьях по теме, принадлежащих таким ученым, как Э. Хэндс, Д. Кэген, Р. Девелин, К. Моссе, Л. Холл, Г. Маттингли, М. Крайст, Д. Мерхади и др.⁶ К сожалению, этого автор не делает, что несколько снижает значимость этого очерка. Интересующимся историографией ostracismu рекомендуем по-прежнему обращаться к сводке А. Мартена⁷, где имеющаяся литература приведена значительно полнее и систематичнее.

Далее П. Зиверт обосновывает структуру и принципы издания свидетельств, принятые в книге, порядок расположения текстов, а также хронологические рамки работы (487–322 гг. до н.э.). Относительно этих последних у нас тоже возникают сомнения. Если 487 г. взят за «точку отсчета» вполне резонно (именно в этом году в Афинах имела место первая ostracoforia), то того же нельзя сказать о 322 г. Указанную дату авторы монографии считают концом классической эпохи (что, кстати, само по себе небесспорно). Но даже если мы согласимся с ними в этом, все-таки остается впечатление, что принятый критерий имеет чисто внешний, формальный характер и что изложение в рецензируемом томе обрывается в некоторой степени искусственно и механи-

⁴ Кстати, большинство этих работ П. Зиверту не известны, и знает он о них лишь из вторых рук, в чем честно признается.

⁵ Эта работа по своему жанру является монографией, но она не была издана отдельной книгой, а публиковалась в ряде номеров журнала «Mnemosyne»: Valeton I.M.J. De ostracismo // Mnemosyne. 1887. 15. P. 129–171, 337–355, 357–426; 1888. 16. P. 1–25, 162–238.

⁶ Hands A.R. Ostraka and the Law on Ostracism – Some Possibilities and Assumptions // JHS. 1959. 79. P. 69–79; Kagan D. The Origin and Purposes of Ostracism // Hesperia. 1961. 30. 4. P. 393–401; Develin R. Cleisthenes and Ostracism: Precedents and Intentions // Antichthon. 1977. 11. P. 10–21; Mossé C. De l'ostracisme aux procès politiques: le fonctionnement de la vie politique à Athènes // Istituto universitario orientale (Napoli). Annali. Sezione di archeologia e storia antica. 1985. 7. P. 9–18; Hall L.G.H. Remarks on the Law of Ostracism // Tyche. 1989. 4. S. 91–100; Matingly H.B. The Practice of Ostracism at Athens // Antichthon. 1991. 25. P. 1–26; Christ M.R. Ostracism, Sycophancy, and Deception of the Demos: [Arist.] Ath. pol. 43, 5 // CQ. 1992. 42. 2. P. 336–346; Mirhady D.C. The Ritual Background to Athenian Ostracism // Ancient History Bulletin. 1997. 11. 1. P. 13–19.

⁷ Martin A. L'ostracisme athénien: un demi-siècle de découvertes et de recherches // REG. 1989. 102. P. 124–145.

чески. Так, в издание вошли пассажи об остракизме, принадлежащие Аристотелю, но за ее пределами остались свидетельства, сохраненные Феофрастом, учеником и преемником Стагирита в руководстве перипатетической школой. А между тем этих двух авторов вряд ли стоило отрывать друг от друга, поскольку Феофраст был прямым продолжателем Аристотеля. Он принимал активное участие в предпринятом основателем Ликия сборе материала для «Политий» и «Политики». В конечном счете именно в его распоряжении оказалась колоссальная информация по политическому и правовому устройству греческих полисов, не вошедшая в «Политику», и он воспользовался ею (причем, насколько можно судить, с большей степенью полноты, чем сам Аристотель) при написании своего трактата «Законы» (Νόμοι). В этом (сохранившемся лишь во фрагментах) трактате сохранился самый обширный во всей античной традиции пассаж об остракизме, где очевидно, приводился текст закона о введении этого института и прослеживалось его дальнейшее применение⁸. Иными словами, Феофраста следует рассматривать как завершителя классической традиции, а не как раннего представителя эллинистической; его данные были бы более уместны в конце рецензируемого тома, нежели в начале следующего.

Другой пример. В том вошли свидетельства из «Аттиды» Андриотона. Очень органично смотрелись бы в нем также сведения об остракизме, приводимые другим (причем самым крупным) аттидографом – Филохором⁹. Это позволило бы проследить эволюцию взглядов представителей аттидографического жанра на протяжении определенного хронологического отрезка. Но Филохор работал в конце IV – первой половине III в. до н.э. и соответственно тоже не включен в издание. На наш взгляд, наиболее логичным и оправданным было бы завершить подборку авторов в первом томе «Свидетельств об остракизме» именно Филохором, тем более что как раз после него в нарративной традиции о рассматриваемом институте обнаруживается значительная хронологическая лакуна – вплоть до середины I в. до н.э.¹⁰

Вторая часть книги (с. 36–166) целиком посвящена такому специфическому, даже уникальному типу источников, как острака – надписанные черепки, которыми афиняне голосовали в ходе проведения остракизма. Автор данной части Штефан Бренне на сегодняшний день является, бесспорно, лучшим в мире знатоком этих памятников; именно он в настоящее время готовит к публикации колоссальный комплекс острака, открытый на афинском Керамике во второй половине 1960-х годов и до сих пор еще в своей значительной части не введенный в научный оборот. Иными словами, Ш. Бренне в большей степени, чем кто-либо иной, владеет материалом, который содержит черепки-«бюллетени», и знакомит читателей с этим материалом, так сказать, из первых рук.

После вводных замечаний о значении находок на Керамике автор приводит алфавитный каталог всех имен, встречающихся на острака. В их числе – имена самих «кандидатов» на остракизм (с указанием количества имеющихся острака по каждой персоналии), их отцов, ставших известными по патронимикам, а также прочие антропонимы, фигурирующие на черепках. По сравнению с аналогичным каталогом, опубликованным Ш. Бренне в недавней монографии¹¹, этот новый вариант несколько скорректирован с учетом новейших находок, но в то же время просопографический комментарий, естественно, значительно сокращен.

Далее следует перечень тех острака, которые соприкасаются своими сторонами друг с другом, происходя, таким образом, из одного сосуда или более крупного обломка. Такие группы памятников весьма важны для исторической интерпретации: можно считать бесспорным, что они были использованы на одной и той же остракофории, а это дает повод для более или менее далеко идущих выводов, в зависимости от содержания надписей на черепках и общего контекста. Еще более важны те случаи (тоже

⁸ О вкладе Феофраста в изучение остракизма см. *Raubitschek. Theophrastos...; Keaney J.J. Theophrastus on Ostracism and the Character of his NOMOI // Aristote et Athènes. P., 1993. P. 261–278.*

⁹ По поводу этих сведений см. *Develin R. Philochoros on Ostracism // Civiltà classica e cristiana. 1985. 6. P. 25–31.*

¹⁰ См. *Суриков И.Е. Античная нарративная традиция об институте остракизма // Studia historica. 2002. 2. С. 63.*

¹¹ *Brenne S. Ostrakismos und Prominenz in Athen: attische Bürger des 5. Jhs. v. Chr. auf den Ostraka. Wien, 2001. S. 87–314.*

перечисленные Ш. Бренне), когда надписи на нескольких острака сделаны одной рукой. Наиболее известный из комплексов подобного рода стал уже хрестоматийным: речь идет о 190 острака против Фемистокла, найденных в колодце на северном склоне Акрополя и надписанных всего лишь 14 разными почерками. Обычно считают, что эти черепки были изготовлены какой-то гетерией противников Фемистокла (хотя, на наш взгляд, эта точка зрения имеет ряд слабых сторон)¹². И, в любом случае, явно какая-то иная трактовка необходима для тех ситуаций, когда одним почерком надписаны острака против *разных* политиков: Мегакла, сына Гиппократы, и Калликраты, сына Лампрокла, или того же Мегакла и Аристиды, сына Ксенофила.

Пожалуй, наиболее интересна среди материала, приводимого Ш. Бренне, подборка приписок (в основном экспрессивного или инвективного характера), которые делались некоторыми афинянами на острака против тех или иных «кандидатов» на изгнание. Эти приписки в значительной своей части уже публиковались ранее¹³, но теперь мы получили наиболее полную, практически исчерпывающую их сводку, что снимает необходимость обращения ко всем предыдущим. Наряду с давно известными автор делает достоянием читателей ряд новых интересных приписок. Так, на одном остраконе против Каллия, сына Кратия¹⁴, читаем $\eta\chi\epsilon$ (= $\epsilon\chi\epsilon$), т.е. буквально «имей», очевидно, в экспрессивном значении «получай!». Кстати, эта надпись проливает неожиданный свет на остракон из Херсонеса Таврического, где стоит $\text{Αἰσχροὺν Διονυσίου ΕΧΕΔΑΜΙΔΟΣ}$. Опубликовавшие памятник Ю.Г. Виноградов и М.И. Золотарев¹⁵ отвергли чтение $\epsilon\chi\epsilon$ $\Delta\alpha\mu\iota\delta\alpha\sigma$ («получай от Дамиды!»), считая, что в данном контексте была бы уместнее форма imperativus aoristi $\epsilon\chi\epsilon\varsigma$. Остракон, изданный теперь Ш. Бренне, демонстрирует, что употребление imperativus praesentis в том же значении, во всяком случае, вполне возможно¹⁶.

Афинский политик Клеиппид, являвшийся одним из «кандидатов» на остракизм в 440-х годах до н.э., а впоследствии, в начале Пелопоннесской войны, занимавший пост стратега (кстати, он был отцом известного демагога Клеофонты), почему-то назван на одном из острака Βυζάντιος («жителем Византии»). Габроних, политический деятель из окружения Фемистокла, фигурирует на остраконе как «совершивший мидизм» ($\mu\eta\delta\acute{\iota}\zeta\omicron\nu\tau\iota$, надпись сделана в дательном падеже)¹⁷, Леагр, принадлежавший к той же группировке, – как «совершивший предательство» ($\delta\tau\iota \epsilon\lambda\tau\rho\delta\acute{\iota}\delta\omicron\sigma\epsilon$), Мегакл – как «сребролюбец» ($\phi\acute{\iota}\lambda\acute{\alpha}\rho\upsilon\tau\omicron\varsigma$, впрочем, плохо сохранившаяся надпись допускает и иные восстановления), Менон – как «взяточник из взяточников» ($\delta\omega\rho\delta\omicron\kappa\omega\tau\alpha\tau\omicron\varsigma$).

Отдельную небольшую группу памятников составляют те острака, на которых афинянами были сделаны рисунки, в основном карикатурного характера. Часть этих граффити тоже уже публиковалась¹⁸; среди новых, ранее не известных, привлекает внимание остракон, на котором мастерски изображена сова, точь-в-точь такая же, как на афинских монетах. Ш. Бренне справедливо замечает, что сова являлась в Афинах чем-то вроде герба или государственной печати; рисуя ее на остраконе, голосующий хотел таким образом придать этому документу официальную силу.

В третьей части рецензируемого труда, намного превосходящей остальные по объему (с. 167–478), рассматриваются остальные свидетельства об остракизме, датирован-

¹² Альтернативную интерпретацию см. Суриков И.Е. К интерпретации острака с северного склона Акрополя // ПИФК. 1998. 6. С. 30–33.

¹³ Mattingly H.B. Facts and Artifacts: The Researcher and his Tools // The University of Leeds Review. 1971. 14. 2. P. 277–297; Siewert. Accus...; Brenne S. Ostraka and the Process of Ostrakophoria // The Archaeology of Athens and Attica under the Democracy. Oxf., 1994. P. 13–24.

¹⁴ Об этом политике, впервые ставшем известным именно из надписей на острака, см. Shapiro H.A. Kallias Kratiou Alopekethen // Hesperia. 1982. 51. 1. P. 69–73.

¹⁵ Vinogradov J.G., Zolotarev M.I. L'ostracismo e la storia della fondazione di Chersonesos Taurica // Minima epigraphica et papyrologica. 1999. 2. P. 119.

¹⁶ Отметим, кстати, что авторы рецензируемого труда оперативно откликнулись на публикацию Ю.Г. Виноградовым и М.И. Золотаревым острака из Херсонеса и поддержали их точку зрения, согласно которой в этом северопонтийском полисе применялся остракизм (с. 297–298).

¹⁷ О категории «мидизма» (персофильства) в раннеклассических Афинах см. Wolski J. Μηδισμός et son importance en Grèce à l'époque des guerres médiques // Historia. 1973. 22. 1. S. 3–15; Holladay J. Medism at Athens, 508–480 B.C. // Greece and Rome. 1978. 25. 2. P. 174–191.

¹⁸ Brenne S. «Portraits» auf Ostraka // Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Athenische Abteilung. 1992. 107. S. 161–185.

мые классической эпохой. Почти все эти свидетельства представляют собой пассажи различного размера и значения из произведений древнегреческих авторов¹⁹. В работе над данной частью принимало участие наибольшее число авторов: кроме упомянутых выше П. Зиверта и Ш. Бренне, также Г. Хефтнер, В. Шайдель, Ф. Стефанек, К. Книббе, Б. Пальме, Б. Эдер, П. Гриманис, В. Хаметер, Н. Лойдоль, Х. Майер, Г. Тейбер, Х. Папастамати. Однако, как видно из имеющихся результатов, столь обширной группе антиковедов удалось (и в этом, бесспорно, заслуга руководителя коллектива и ответственного редактора издания) очень хорошо скоординировать свои подходы к источникам – как на концептуальном, так и на структурном уровне. Практически все они придерживаются одинаковых взглядов по основным вопросам, связанным с историей остракизма. Редкостное единообразие наблюдается и в построении каждой из главок, посвященных анализируемым свидетельствам.

Построение это таково. Вначале приводится аннотированный список важнейшей литературы по тому свидетельству, которое фигурирует в главке. Затем дается его греческий текст с переводом на немецкий язык и рассматривается контекст свидетельства. Далее следует комментарий (по большей части весьма детальный), обосновывается датировка процитированного пассажа, указываются параллельные места у других писателей и разбирается вопрос о месте данного свидетельства в формировании нарративной традиции об остракизме. Наконец, в заключительной части главки кратко подводятся итоги всего сказанного в ней.

Многие из свидетельств, вошедших в том, принадлежат к числу весьма известных и неоднократно становились предметом анализа в историографии. Таковы, например, сообщения Геродота (VIII. 79) и Фукидида (I. 135. 3; VIII. 73. 3) об изгнании остракизмом некоторых афинян (Аристида, Фемистокла, Гипербола), речь IV из корпуса оратора Андокида, почти целиком посвященная остракизму²⁰, в высшей степени ценные размышления об этом институте, принадлежащие Аристотелю (как в «Афинской политике», так и в «Политике»). Другие свидетельства (некоторые фрагменты из недошедших произведений комедиографов, историков IV в. до н.э. и др.), напротив, малоизвестны и никогда или почти никогда специально не изучались. Авторы подошли к данному традици в высшей степени скрупулезно. Достаточно сказать, что они отыскивают и комментируют не только реально существующие свидетельства, но даже и упоминания о таких свидетельствах, которые утрачены.

Несколько примеров. Сообщается (Plut. Them. 21), что родосский поэт Тимокреонт, личный враг Фемистокла, написал стихотворную инвективу против этого политика после того как он был изгнан из Афин. Строго говоря, мы вообще не знаем, сообщалось ли в этом стихотворении хоть что-нибудь об остракизме. Тем не менее оно попало в число прокомментированных свидетельств. Так же произошло и с речью софиста Поликрата «Против Сократа» (начало IV в. до н.э.), которая не дошла до нас, но в которой, судя по аллюзии у позднеантичного ратора Либания (Decl. I. 157), говорилось что-то об изгнании Дамона, музыкального теоретика и советника Перикла.

В целом у нас создалось впечатление, что ученые, занимавшиеся сбором свидетельств об остракизме, подошли к своей задаче, так сказать, «максималистски». Опасаясь упустить хоть какое-нибудь упоминание об этом институте, они не избежали другой крайности – включили в сводку такие тексты, которые вряд ли вообще имеют отношение к остракизму. Так, когда Аристофан (Equ. 819) пишет о том, что Фемистокл «бежал с лица земли» (φεύγει τῆν γῆν), он имеет в виду скорее не остракизм саламинского победителя, а его бегство из Греции после заочного смертного приговора.

¹⁹ Есть только два исключения: краснофигурный килик из оксфордской коллекции, расписанный в 460-х годах до н.э. так называемым «мастером Пана»; как считается, на нем изображен подсчет голосов после остракофории, а также известный эпиграфический памятник – найденный в Трезене «декрет Фемистокла» (editio princeps: *Jameson M.H. A Decree of Themistokles from Troizen // Hesperia. 1960. 29. 2. P. 198–223*), в котором упоминается досрочное возвращение изгнанных остракизмом афинян в 480 г. до н.э. в связи с походом Ксеркса на Грецию.

²⁰ Вопросы о времени создания этого памятника, его жанре и авторстве и по сей день остаются крайне дискуссионными. Мы солидарны с авторами рецензируемой работы в том, что речь относится к первым годам IV в. до н.э. и представляет собой политический памфлет. В то же время, в отличие от них, мы не исключаем, что автором произведения мог действительно быть Андокид.

Равным образом и лишенный контекста фрагмент того же автора (Aristoph. fr. 593 Edmonds)²¹, где упоминается ἀμφορεύς ἐξοστρακισθεῖς, вовсе не обязательно должен считаться свидетельством об остракизме: ясно, что речь идет всего лишь о разбитой на черепки амфоре. Во фрагменте F 91 историка Феоппа упоминается Фукидид, сын Мелесия, но ничего не сказано о его остракизме. Эти «квазисвидетельства», на наш взгляд, напрасно оказались в сводке.

А в то же время составители не учли некоторых текстов, немаловажных для понимания тех или иных аспектов истории изучаемого института. В частности, оратор Эсхин (I. 111–112) сообщает об экфиллофории – разновидности остракизма, отличавшейся от его «классической» формы тем, что она проводилась не в народном собрании, а в Совете, «бюллетенями» же для голосования служили вместо черепков надписанные оливковые листья²². Весьма интересен один пассаж другого афинского мастера красноречия – Ликурга (Leocr. 117–118). Само слово «остракизм» в этом пассаже не фигурирует, однако уже высказывалось небезосновательное мнение, согласно которому упоминаемый в нем список «оскверненных и предателей» (τοὺς ἀλιτηρίους καὶ τοὺς προδότας) во главе с Гиппархом, сыном Харма, представляет собой не что иное, как официальный перечень жертв первых остракофорий (480-е годы до н.э.)²³.

Четвертая, завершающая часть рецензируемой книги (с. 479–509) представляет собой заключение (авторы – Г. Хефтнер, В. Шайдель и П. Зиверт). В нем авторы предпринимают попытку обобщения полученных результатов и специально подчеркивают, что пока это обобщение имеет сугубо предварительный характер, а по-настоящему ответственные выводы могут быть сделаны лишь после того как будут собраны и обработаны свидетельства об остракизме, относящиеся к послеклассическому времени.

Подведение итогов исследования идет по нескольким параллельным линиям. Рассматривается, в числе прочего, лексика, употребляемая писателями V–IV вв. до н.э. в связи с остракизмом. Указывается, что главным техническим термином для этой процедуры являлся глагол (ἐξ)οστρακίζω, встречающийся уже на нескольких острака, а в нарративной традиции – впервые у Геродота. Параллельно с ним в источниках фигурируют и нетехнические обозначения остракизма: φεύγω, μεθίστηναι, ἐκβάλλω, ἐξελάυνω, ἐκτίλλω. В связи с вопросом о времени введения остракизма обращается внимание на то, что у самых ранних авторов ничего по этому сюжету не говорится; первые датировка этого события (непосредственно перед 487 г. до н.э.) дается в IV в. до н.э. у Андротиона²⁴, а чуть позже Аристотель, полемизируя с этим аттидографом, связывает учреждение остракизма с клисфеновскими реформами.

В традиции об остракизме, по наблюдению авторов заключения, прослеживается несколько конкурирующих точек зрения на цель института остракизма. У различных писателей он оказывается то средством борьбы между политическими группировками, то механизмом контроля гражданского коллектива над властной элитой, то установлением, принятым во избежание реставрации тирании, то наказанием за разного рода проступки в правовой и этической сфере. Весьма редко в литературе классической эпохи встречаются оценки остракизма. Среди этих оценок есть и подчеркнута критические (первый пример – IV речь корпуса Андокида), и амбивалентные (ряд мест в «Политике» Аристотеля). Однозначно позитивное отношение к остракизму обнаруживается только у Демосфена (XXIII. 204–205). Этот последний пассаж (на наш

²¹ Нумерация фрагментов комедиографов в рецензируемой работе дается по изданию Каселя–Остина. Мы, со своей стороны, будем ссылаться на них по более доступным в России изданиям Эдмондса и Кока.

²² Об экфиллофории см. *Guarducci M. Epigrafia greca. V. 2. Roma, 1969. P. 525; Staveley E.S. Greek and Roman Voting and Elections. Ithaca, 1972. P. 94; Hall. Op. cit. P. 96.*

²³ *Schreiner J.H. The Origin of Ostracism Again // CM. 1976. 31. P. 84–86; Ruschenbusch E. Die Quellen zur älteren griechischen Geschichte: Ein Überblick über den Stand der Quellenforschung unter besonderer Berücksichtigung der Belange des Rechtshistorikers // Symposium 1971: Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte. Köln, 1975. S. 73.*

²⁴ Нам, со своей стороны, представляется необходимым подчеркнуть, что в «Аттиде» Андротиона содержится самое раннее из дошедших до нас сообщений о начале остракизма. Можно с почти безоговорочной уверенностью утверждать, что об этом писали также более ранние аттидографы (Гелланик, Клидем).

взгляд, достаточно проходной) авторы рецензируемой работы вообще считают ключевым для понимания рассматриваемого института, в чем мы не можем с ними соглашаться, тем более что оратор здесь даже не употребляет самого слова «остракизм».

Далее в заключении отмечается, что в нашем распоряжении чрезвычайно мало документальных свидетельств по истории остракизма (не считая, конечно, самих острака). В IV в. до н.э., когда исторический интерес к «суду черепков» как таковому стал по-настоящему серьезным (до того интересовались разве что конкретными перипетиями отдельных остракофорий), документов, относящихся к этой процедуре, уже практически не существовало. А те немногие, которые еще сохранялись в архивах, впервые были использованы Андротином, заложившим основание для дальнейшего изучения остракизма. Поэтому, кстати, авторы (правда, осторожно) высказывают мысль, что в вопросе о времени введения остракизма может оказаться прав именно Андротин, а не Аристотель, хотя подобная точка зрения в настоящее время совершенно непопулярна в мировой историографии.

Завершая изложение анализом принципиального вопроса об изначальной функции остракизма, как она предстает на основе сопоставления всех категорий вошедших в том источнике, П. Зиверт (именно он взял на себя написание этого последнего раздела заключения) высказывает следующие соображения. Появление остракизма было обусловлено стремлением афинского демоса ограничить престиж и влияние аристократических лидеров, установить в полисе демократическое равенство. Что же касается связи остракизма с угрозой установления тирании, то этот частый в традиции мотив, по мнению автора, является поздним и неаутентичным. Подобный взгляд на причины и цели учреждения рассматриваемого института представляется нам чрезмерно узким и односторонним: он однозначно привязывает остракизм к контексту демократических Афин V в. до н.э., что, судя по всему, не вполне правомерно, поскольку исторические истоки «суда черепков» следует искать в реалиях архаической эпохи²⁵.

Давая общую оценку коллективной монографии «Свидетельства об остракизме», необходимо иметь в виду следующее обстоятельство. Для современного этапа изучения данного института характерно известное «измельчание» проблематики, концентрация внимания специалистов на частных аспектах и мелких деталях его истории; в то же время ощущается явный дефицит обобщающих исследований, которые сыграли бы роль синтеза накопленной информации и основы для дальнейших шагов по ее трактовке. К сожалению, не стала исключением из этого правила и рецензируемая книга. Ее авторы, на наш взгляд, опять же увлекаются детализацией и нюансировкой в ущерб постижению принципиальных и действительно важных проблем. Монография дробится на мелкие главки (многие из них занимают не более 2–3 страниц); исследователи подробно до многословности разбирают коротенькие пассажи античных писателей. В результате за деревьями становится не видно леса, и читатель задается недоуменным вопросом: а для чего, собственно, проделан столь большой объем работы? Ведь выводы, которые делаются на ее основе, трудно назвать новыми и оригинальными; они лежат в русле тех воззрений на остракизм, которые являются наиболее «ортодоксальными» на сегодняшний день. Во всяком случае, нам не удалось найти в книге практически ни одной важной идеи, которая не высказывалась бы ранее.

Акцент при работе с источниками очевидным образом делался не на оригинальность выводов, а на скрупулезность и акрибию. Однако же это не спасло авторский коллектив от некоторых досадных погрешностей. Так, в просопографическом каталоге острака, составленном Ш. Бренне, встречаются опечатки. Например, указывается (с. 58), что известно 423 остракона с именем Кимона, сына Мильтиада, из них 426 (sic!) найдено на агоре. Нужно ли говорить, что опечатки в числах являются самыми неприятными и опасными, поскольку они могут породить в корне неверную картину? В качестве источников одного важного фрагмента комедиографа Платона (фр. 153 Kock, из комедии «Симмахия»), в котором остракизм уподобляется детской игре остракинде²⁶, указаны схолиаст Гермий (V в. н.э.) и византийский клирик-эрудит Евстафий Солунский (XII в.).

²⁵ См. нашу точку зрения на функции остракизма: Суриков И.Е. Функции института остракизма и афинская политическая элита // ВДИ. 2004. № 1. С. 3 слл.

²⁶ Об остракинде см. Bicknell P.J. Agasias the Donkey // ZPE. 1986. 62. S. 183–184; Lang M. Ostraka (The Athenian Agora. 25). Princeton, 1990. P. 47–48.

Однако этот фрагмент впервые цитируется автором значительно более раннего времени – Светонием, в написанном по-гречески сочинении «Об играх у эллинов» (Suet. De lud. Graec. 8). Наконец, самое курьезное упущение. В хронологической таблице к книге (с. 521) фигурируют такие сомнительные с точки зрения историчности события, как остракизмы Менона, Дамона и др., но при этом парадоксальным образом оказался забыт надежно зафиксированный и точно датированный остракизм Кимона (461 г. до н.э.).

Итак, замечаний к рецензируемой монографии более чем достаточно. Тем не менее нельзя отрицать и того, что она станет отныне ценным подспорьем для каждого, кто занимается афинским остракизмом. Пусть книга не вполне оправдала возлагавшиеся на нее ожидания; все же без учета содержащихся в ней данных теперь будет невозможно ни одно новое исследование об остракизме.

И.Е. Суриков

© 2005 г.

И.Г. ГУРИН. Серторианская война (82–71 гг.). Испанские провинции Римской республики в начальный период гражданских войн. Самара: Самарский университет, 2001. 320 с.

Интерес ученых к серторианской проблематике в последние десятилетия заметно возрос – достаточно назвать работы Ф.О. Спанна, Ф. Гарсия Мора, К.Ф. Конрада и др.¹ Однако в отечественной научной литературе монографии на эту тему отсутствовали. Исследование И.Г. Гурина во многом восполняет данный пробел.

Книга открывается введением, в котором дается краткий обзор источников и литературы вопроса. В I главе рассматриваются положение на Пиренейском полуострове в начале I в. (здесь и далее – до нашей эры), наместничество Сертория в Ближней Испании и его борьба с сулланцами до наступления на иберийские провинции Рима в 80 г. Автор дает интересный очерк политического, этнического и экономического развития Испании в тот период, соглашаясь с учеными, которые считают, что иные ее районы были романизированы даже больше, чем некоторые области Италии.

Говоря о прибытии Сертория в Ближнюю Испанию в 82 г., И.Г. Гурин указывает, что распространенное мнение о насильственном установлении им контроля над провинцией не подтверждается источниками. Он считает, что говорить о конфликте Сертория с местным населением, как иногда делают, нельзя. Однако Эксуперанций пишет, что Серторию по прибытии в Иберию удалось склонить на свою сторону готовых к отпадению испанцев (8. 51Z). На то же намекает и Плутарх, говоря, что военные приготовления наместника внушали страх врагам (Sert. 6. 9), – надо думать, имеюся в виду туземцы, а не куда более сильные сулланцы.

Автор отвергает мнение ряда ученых о контроле Сертория над обеими испанскими провинциями, полагая, что тот контролировал лишь Hispania Citerior. Анализируя его отношения с испанцами, И.Г. Гурин указывает, что уступки проконсула провинциалам были обусловлены ситуацией – не имея клиентелы, он стремился обрести поддержку местного населения нестандартными методами управления. Впрочем, единственным серьезным новшеством была отмена постоя войск в городах. В целом мероприятия Сертория «... не вышли за рамки одного из направлений римской провинциальной политики (причем официально декларированного), признающего необходимость защиты интересов провинциалов, и были направлены на завоевание благожелательного

¹ Spann Ph.O. Quintus Sertorius and the Legacy of Sulla. Fayetteville, 1987; García Morá F. Quinto Sertorio. Roma. Granada, 1991; *idem*. Un episodio de la Hispania Republicana: la guerra de Sertorio. Granada, 1991; Rijkhoek K.G. Studien zu Sertorius (123–83 v. Chr.). Bonn, 1992; Konrad C.F. Plutarch's Sertorius: A Commentary. Chapel Hill–London, 1994; Короленков А.В. Квинт Серторий. Политическая биография. СПб., 2003.

нейтралитета» туземцев (с. 42–43). По мнению автора, Серторий опирался в основном на римско-италийских поселенцев и поддержкой широких кругов испанцев не пользовался. В итоге, не имея достаточно войск, он не смог противостоять сулланцам в 81 г., был разгромлен и бежал из Испании.

В отличие от ряда историков И.Г. Гурин считает, что Серторий собирался присоединиться к марианцам в провинции Африка, а не действовать в Мавретании. Его высадка в последней была вызвана лишь потребностью запастись водой. Но вскоре марианцев в Африке постиг разгром, и направляться туда теперь не имело смысла.

Комментируя союз Сертория с пиратами, автор указывает, что те наносили огромный урон Риму и поэтому юридическое обоснование поступка проконсула-изгнанника особого значения не имеет – в любом случае *de facto* это был малопохвальный с римской точки зрения шаг. По мнению автора, союз рассматривался сторонами как вынужденный и временный, и реально пираты Серторию не подчинялись.

Интересна трактовка рассказа о намерении Сертория отплыть на «Острова Блаженных»: последний вовсе не собирался отправляться туда (почему же тогда не отправился?), а лишь пугал такой перспективой лузитан, с которыми во время третьей своей высадки в Испании вел переговоры о приглашении в качестве вождя – ведь в случае отъезда Сертория лузитаны лишались чести иметь полководцем римского проконсула. Эта гипотеза не подтверждается источниками, впрочем И.Г. Гурин и не настаивает на ее беспорности. Но безусловно верной представляется его мысль о том, что изгнанник лишь имитировал желание удалиться *procul negotiiis* в «райские» края. Обычно искренность его намерений не вызывает сомнений у ученых².

Иначе, чем другие историки, интерпретирует автор рассказ Плутарха о приглашении Сертория лузитанами в 80 г. (Sert. 10. 1). По его мнению, не испанцы, а сам Серторий добился того, что ему предложили стать вождем ряда туземных общин, – недаром Плутарх пишет о спутниках Сертория, от которых лузитаны узнали о его достоинствах. Очевидно, они были специально отправлены в Иберию для контактов с лузитанами и подготовили соглашение между ними и марианским проконсулом. При этом И.Г. Гурин полагает, что римлянин не мог еще обладать репутацией талантливого полководца в глазах испанцев, ибо в своей единственной крупной кампании (в 81 г. в Ближней Испании) он потерпел сокрушительное поражение, а его победы в Мавретании были одержаны над слабым и малочисленным врагом. Лузитаны же пригласили Сертория для того, чтобы вместе с ним заполучить его спутников, «... которых было в любом случае достаточно для командного состава небольшой армии или для группы военных советников» (с. 56). Таким образом лузитаны хотели использовать нестабильную ситуацию в Риме в своих интересах. Позволю себе оговорку: победы Сертория в Мавретании были не слишком масштабны, но это не значит, что они не могли произвести впечатление на лузитан – все зависит от того, как преподнести информацию.

Во II главе анализируются боевые действия в Испании на начальном этапе Серторианской войны (80–77 гг.). Автор считает, что основная часть операций разворачивалась на юге Испании, прежде всего в Бетике. И.Г. Гурин полагает, что повстанцы захватили не только почти всю Hispania Citerior, но и большую часть Hispania Ulterior (Бетику) и левантийского побережья Пиренейского полуострова. Думается, однако, что повстанцы, хотя и господствовали какое-то время в южной провинции, вскоре почти полностью ее утратили – как известно, по прибытии Метелла Серторий перешел к методам партизанской войны, которую вел, судя по описанию Плутарха, не в богатой Бетике (на чем настаивает И.Г. Гурин), а в бедной Лузитании – иначе говоря, Бетику он просто оставил. Правда, позднее повстанцы могли вернуть ее, но это ничем не подтверждается. Не доказано и то, что Серторий владел основной частью побережья – из источников следует лишь факт контроля инсургентов над Валенцией весной или летом 75 г. и какое-то время перед тем (Sall. Hist. II. 98. 6)³.

² Только П. Тревес счел весь эпизод выдумкой Саллюстия (*Treves P. Sertorio // Athenaeum*. N.S. 1932. 10. P. 133). Ф. Гарсиа Мора меланхолично замечает, что мы все равно не знаем, собирался ли Серторий в действительности плыть на острова в Океане (*Un episodio... P. 44*).

³ Некоторые ученые считают серторианской чеканку другого прибрежного города, Сагунта (*Crawford M.H. Coinage and Money under the Roman Republic: Italy and the Mediterranean Economy*. L., 1985. P. 211; *García Morá. Un episodio... P. 260*).

В III главе рассматривается организация созданного Серторием государства. По мнению автора, Серторий не входил в состав созданного им сената и оставался в ранге проконсула, а квестор Л. Гиртулей являлся его заместителем. Роль Сертория в руководстве восстанием, возможно, была оформлена процедурой выборов, а полномочия продлены созданным при нем сенатом. Что касается последнего, то наличие в Испании «своего» сената давало возможность провинциалам иметь дело напрямую с правительством, что «... должно было отвечать интересам проримских групп населения Испании» (с. 115). Цель создания сената, по мнению автора, состояла не только и, видимо, не столько в том, чтобы удовлетворить честолюбие римлян – соратников Сертория, сколько в желании верхушки последних ограничить его влияние. Реальная власть Сертория и «сената», естественно, определялась раскладом сил. Пока власть и авторитет предводителя восстания были сильны, существование «сената» работало на их укрепление, когда они стали слабеть, то «сенат» способствовал еще большему их упадку.

Особую роль автор отводит съездам представителей общин, описанным Ливием (ХСІ). Он ставит их в один ряд с провинциальными собраниями, которые тогда уже существовали на Сицилии и в Азии. Думается, однако, что для такого отождествления оснований недостаточно. Прежде всего бросается в глаза различие в функциях – провинциальные собрания имели сугубо гражданскую компетенцию, да и наместник в их работе не участвовал⁴, чего нельзя сказать о съездах при Сертории. В то же время нельзя не согласиться с мыслью о важной их роли в восстании, обычно историками игнорируемой.

Участников восстания автор подразделяет на следующие группы: римские эмигранты, римско-италийские поселенцы (*Hispanienses*), а также местные жители, из которых одни стремились к улучшению своего положения под властью римлян, а другие – к максимальному ослаблению или даже ликвидации римского господства. И.Г. Гурин указывает, что снижение налогов, отмена постоев в городах, ограничение произвола и т.п. обеспечили Серторию поддержку *Hispanienses*, но испанская верхушка добивалась также большего влияния на дела провинциального управления. Именно этой цели служили довольно многочисленны жалобы Серторием *civitas Romana*.

Касаясь вопроса о знаменитой школе в Оске, автор отмечает, что вряд ли можно говорить о захвате заложников как о главной цели ее создания – таковые были у Сертория и без этого (Авр. ВС. I. 114). Он также полагает, что при оценке оскской «академии» важно не желание серторианцев иметь заложников, а согласие испанских аристократов отдавать туда своих детей.

Вообще же, как указывает исследователь, Серторий тонко лавировал между различными группами участников восстания, делая уступки то одним, то другим. Римляне до поры до времени сохраняли руководство движением, но с мнением туземцев стали считаться куда больше, чем в прежние годы. На монетах вновь появляются местные символы, что имело немалое пропагандистское значение. Укреплению власти Сертория над испанцами способствовала система клиентелы, наиболее ярким примером которой стало создание дружины из лично преданных ему воинов (Plut. Sert. 14. 5–6). Вообще же «... политика серторианцев способствовала возрождению этнического самосознания туземцев, признавая ценность той части их культуры, которая не несла угрозы для римлян» (с. 144).

Говоря о повстанческой армии, автор указывает, что в разное время она имела разный состав, тогда как обычно просто отмечают, что она состояла из отрядов храбрых, но малодисциплинированных и непригодных к «правильной» войне испанцев. В войска Гиртулей, а затем и Сертория входило немало жителей сильно романизированной Беттики⁵. Костяк корпуса Перперны в начале 76 г. (или 75 – см. ниже), по всей видимости, составляли участники движения Лепида. Армия Сертория в 76–75 гг. была укомплектована во многом за счет жителей восточного побережья Испании (также весьма романизованного). Это аргументируется указанием Плутарха на то, что Серторий дал битву при Сукроне незадолго до захода солнца, ибо в темноте солдатам Помпея, не знавшим местности, было бы трудно ориентироваться – в отличие от его собственных воинов

⁴ *Deininger J.* Die Provinziallandtage der römischen Kaiserzeit von Augustus bis zum Ende des dritten Jahrhunderts n. Chr. München–Berlin, 1965. S. 191.

⁵ См. также *Spann.* Op. cit. P. 66.

(Plut. Sert. 19. 4). Стало быть, полагает И.Г. Гурин, серторианцы знали местность неплохо – очевидно, они были ее уроженцами. Однако последнее из слов Плутарха никак не вытекает. Да и верно ли Плутарх передал намерения Сертория? Бой мог затянуться до вечера вообще вопреки его планам, стало быть, на темноту он вовсе не рассчитывал, а соответствующие рассуждения херонейца опираются на знание происшедшего⁶.

И.Г. Гурин резонно возражает против распространенного мнения о том, что армия Гиртулея в 76–75 гг. состояла в основном из лузитан и в битве при Италике погибла почти полностью. Ни то, ни другое не опирается на данные источников. По-видимому, значительная ее часть была укомплектована опять-таки за счет жителей Бетики. Вообще же, полагает автор, до конца 75 г. Серторий старался как можно меньше допускать в армию представителей антиримских настроенных племен, и в большинстве своем его войско состояло из римлян, италийцев, Hispanienses и романизованных провинциалов. Поэтому до определенного момента оно было опорой сторонников римского господства в Испании. Однако после вытеснения повстанцев в 75 г. из романизованных районов среди инсургентов стали численно преобладать противники Рима. При этом И.Г. Гурин, полемизируя с другими историками, высоко оценивает боеспособность сил восставших, отмечая ее не только у римско-италийских, но и у испанских войск.

IV глава посвящена событиям кампании 76 г. Автор относит к ее началу события, описанные во фрагменте ХСI книги Ливия. Поэтому он полагает, что Серторий отправился против беронов и автриконов, Помпей же тем временем стал стремительно продвигаться по средиземноморскому побережью Испании, после чего Серторий прибыл туда и разбил Помпея при Лавроне. Тем временем Метелл разгромил армию Гиртулея при Италике и захватил ту часть Бетики, которую контролировали повстанцы, причиной чего во многом была поддержка Метелла местным романизованным населением. (Это, как подчеркивает ученый, лишило инсургентов богатейшей области Испании и ее ресурсов.) Затем Метелл ушел к Пиренеям. Помпей же в конце кампании, по-видимому, овладел Бельгидой.

В V главе представлена реконструкция кампании 75 г. Картина ее видится И.Г. Гурину следующей. Помпей разгромил Перперну и Геренния при Валенции, но потерпел поражение от Сертория при Сукроне. Метелл же уничтожил войско Гиртулея при Сеговии, поставив под вопрос власть серторианцев над Кельтиберией. Серторию пришлось направиться туда. В битве при Сегонтии повстанцы не смогли разбить римлян и отошли к Клунии, осада которой не принесла войскам сената успеха. По дороге к Клунии (не в 77 г., как обычно считается) и произошел, по мнению автора, известный эпизод с осадой харакитан⁷, принужденных к сдаче ветром, который гнал к их пещерам тучи пыли (Plut. Sert. 17). Итогом кампании стала потеря серторианцами почти всего восточного побережья, Ближней Кельтиберии и области южных ваккеев. Положение их катастрофически ухудшилось.

Эта схема требует, на мой взгляд, определенных поправок. Прежде всего автор не доказал, что фрагмент ХСI книги Ливия надо относить к событиям рубежа 77–76 гг. – вполне вероятно, речь идет о 76/75 гг.⁸ Битвы же при Сеговии или не было вообще⁹, или она случилась много раньше и не имела отношения к этой кампании. А Гиртулей погиб в сражении при Италике, которое состоялось в 75, а не в 76 г.¹⁰

Неудачи инсургентов автор объясняет не только исходом сражений, но и позицией местного населения (что обычно не учитывается), прежде всего римско-италийского, которое было недовольно не только тяготами войны, но и усилением позиций испанцев в деле управления провинцией. Отказали в поддержке повстанцам и многие туземные общины. Именно это, а не только и не столько провокации Перперны (если тако-

⁶ Об этом мотиве у Плутарха см. *Короленков А.В.* Об особенностях восприятия времени в Плутарховой биографии Сертория // *Studia historica*. Вып. IV. М., 2004. С. 112–114.

⁷ В тексте книги они по недоразумению названы харикитанами (с. 197–198).

⁸ *Короленков.* Квинт Серторий... С. 280–281.

⁹ Флор, говоря о ней, мог просто перепутать ее с битвой при Сегонтии (см. *Konrad C.F.* Segovia and Segontia // *Historia*. 1994. 43. P. 440–447).

¹⁰ *Короленков А.В.* Загадка битвы при Сеговии // *Studia historica*. Вып. I. М., 2001. С. 94–100. Подробнее см. *он же.* Последнее сражение Луция Гиртулея // ВДИ (в печати).

вые вообще имели место) послужили причиной казни многих учеников школы в Оске (Plut. Sert. 25. 4–6), поплатившихся жизнью за измену родителей.

В VI главе рассматриваются события завершающего этапа войны. Говоря о союзе Сертория и Митридата Понтийского, автор указывает, что еще в 85 г. Сулла фактически заключил союз с тем же царем, а в 81 г. марианцы в Африке действовали вместе с нумидийцами против Помпея, и Серторий продолжил «добрую традицию». По мнению И.Г. Гурина, он не получил помощи от Митридата или таковая пришла лишь в конце 74 или 73 г., когда не могла уже изменить ситуацию. Но что мешало Митридату отправить в Испанию обещанные корабли и деньги, когда на море господствовали враждебные Риму пираты? На исход войны это, действительно, повлиять не могло, но, несомненно, продлило ее¹¹.

В особом разделе И.Г. Гурин рассматривает вопросы хронологии и аргументированно возражает авторам¹², относящим события 75 г. к 76 г. До сих пор, заметим, эти хронологические «новшества» не подвергались обстоятельному анализу. Дополнительно обосновывается датировка гибели Сертория 73 г., а не 72 г. В то же время, к сожалению, не рассматривается вопрос о том, к какому времени относятся события, упомянутые во фрагменте ХС1 книги Ливия (см. выше).

Особое внимание автор уделяет положению в лагере инсургентов. Большинство в нем, как он полагает, стали племена – противники римского господства, и гражданская война против сулланцев превратилась в антиримское движение¹³. Римские воины Сертория жаловались, что ими командуют враги Рима (App. BC. I. 112). Сам же он из вождя восстания превратился лишь в военного предводителя, значение эмигрантского «сената» упало.

Автор отвергает точку зрения ряда ученых о захвате армиями сената в 73 г. Дальней Кельтiberии. По его мнению, можно говорить лишь о значительных успехах правительственных войск в этой области, но не о полном ее покорении. Война продолжалась и после разгрома армии Перперны, ставшего главой движения после убийства им Сертория, – испанские племена сопротивлялись и дальше. В основном это сопротивление было сломлено в 71 г., когда пал Калагуррис. Его капитуляцию, полагает И.Г. Гурин, античные авторы и считали концом Серторианской войны.

В заключении излагаются выводы. К сожалению, отсутствует раздел, посвященный влиянию Серторианской войны на дальнейшее развитие Испании.

Монография И.Г. Гурина несомненно является важным шагом в изучении данной проблематики. Впервые столь подробно и плодотворно исследуются роль населения испанских провинций в Серторианской войне, мотивы его поведения. Важные поправки внесены в реконструкцию хода боевых действий. Автор умело использует последние достижения археологии и нумизматики. Работу отличает блестящее знание историографии, причем не только XIX–XX, но и XVIII и даже XVII в. Это дает подчас весьма интересные результаты. Например, в литературе XVIII – первой половины XIX в. правильно считалось, что последнее крупное сражение Серторианской войны произошло при Сегонтии, но затем его «перенесли» в окрестности Сагунта, пока, наконец, в 1984 г. Ф.О. Spann не доказал правильность первоначальной точки зрения¹⁴. Так же до середины XIX в. смерть Сертория верно датировалась 73 г., но потом почему-то стали писать о 72 г. Лишь в 1961 г. У. Беннет убедительно обосновал более раннюю датировку¹⁵. Как тут не вспомнить старую истину о том, что новое – это хорошо забытое старое.

¹¹ Гуленков К.Л., Короленков А.В. Союз Митридата и Сертория // Античность: общество и идеи. Казань, 2001. С. 67.

¹² Из последних работ такого рода см. Konrad C.F. A New Chronology of the Sertorian War // Athenaeum. 1995. 83. P. 157–187.

¹³ См. также об этом, например, Greenhalgh P.A.L. Pompey: The Roman Alexander. L., 1980. P. 54.

¹⁴ Spann Ph.O. Saguntum vs. Segontia. A Note on the Topography of the Sertorian War // Historia. 1984. 33. P. 116–119. Еще в 1958 г. о том же писал Э. Габба (Gabba E. Commento // Appiani bellorum civilium liber primus. Firenze, 1958. P. 305), но он не предложил подобной аргументации, и его точка зрения осталась практически незамеченной.

¹⁵ Bennett W.H. The Death of Sertorius and the Coin // Historia. 1961. 10. P. 459–472.

Однако в работе с историографией встречаются и недоразумения. Так, на с. 231 автор пишет, что в последние десятилетия предпринимаются попытки передатировать смерть Сертория 73 годом, и к числу сторонников таких попыток отнесена работа Б. Скардигли, в которой, как следует ниже из изложения самого же И.Г. Гурина, в качестве даты смерти Сертория отстается не 73, а именно 72 год¹⁶. На с. 259 читаем: «Валенция также капитулировала в 71 г. в наместничество Л. Афрания», после чего дается ссылка на статью К.Ф. Конрада. Между тем в этой статье сказано следующее: из Флора «...известно, что сопротивление продолжалось долгое время после убийства Сертория. По-видимому, Валенция также капитулировала не сразу после этого. О продолжении прямых боевых действий против города или о его покорении говорить конечно, не приходится: до конца 72 г. войска Помпея и без того были заняты осадой очагов сопротивления на кельтиберском плоскогорье. *Остается предполагать* (курсив мой. – А.К.), что до ухода Помпея из Испании в конце 72 г. Валенцию не трогали и лишь в следующем году состоялась ее формальная капитуляция – уже перед новым наместником, Л. Афранием»¹⁷. Думается, что ссылаться на допущение как на бесспорный факт неверно.

Тем не менее, несмотря на эти огрехи и спорность некоторых выводов, монография И.Г. Гурина представляет большой интерес и является серьезным вкладом в исследование Серторианской войны.

А.В. Короленков

© 2005 г.

J.-M. BLÁZQUEZ. Trajano. Madrid: Издательство «Ariel» (серия «Biografías»), 2003. 309 с.*

Образ Траяна, с которым традиционно ассоциируется эпоха золотого века Римской истории, вызывает заслуженный интерес в современном европейском антиковедении. В испанской историографии последнего десятилетия этому императору отводится почетное место как выходцу из Южной Испании, своей деятельностью прославившему Рим. Работа Х.-М. Бласкеса «Траян» – одно из самых последних научных подтверждений этого тезиса. Особенность рецензируемого труда состоит в том, что по своему содержанию он не является чисто биографическим; его автор поставил задачу создания такого исследования, которое было бы посвящено также эпохе Траяна и базировалось бы исключительно на достоверных источниках (с. 15).

Работа состоит из пролога, введения, 13 глав и заключения. Она снабжена картами, таблицами, схемами, списком основной литературы. Специальная глава посвящена анализу источников и историографии темы (с. 19–30). В историографическом разделе приведены основные оценки личности Траяна, высказанные в современной европейской историографии, в том числе и в работах М.И. Ростовцева.

По мнению Х.-М. Бласкеса, особого внимания заслуживает характеристика личности императора Траяна, сформулированная С. Монтеро Диасом¹. В представлении этого мэтра испанского антиковедения XX в. Траян был фигурой весьма противоречивой, в своей деятельности он опирался то на постулаты Сенеки, то на принципы стоицизма (как видим, в понятии С. Монтеро сенекизм и стоицизм различались между собой). «Траян – более римлянин, чем Гай Юлий Цезарь, и такой же истинный римлянин, как Август». Две его основные страсти – это пашня и победа, война и сельскохозяйствен-

¹⁶ Scardigli B. Sertorio: Problemi cronologici // Athenaeum. 1971. 49. P. 259–270.

¹⁷ Konrad C.F. Afranius Imperator // Hispania antiqua. Valladolid, 1978. T. 8. S. 73–74.

* Рецензия подготовлена в рамках исследовательского гранта РФФИ (проект № 04-06-80095).

¹ Montero Díaz S. El estado universal de Trajano // Estudios Clásicos. Madrid, 1955. 3. P. 10–24.

ный труд, а его кредо состоит в том, что «для спасения Империи нужно спасти Италию». Он презирает демагогов и финансистов. Итак, по мнению С. Монтеро, которое импонирует Х.-М. Бласкесу, Траян – это крестьянский воин, в отличие от Цезаря он не мог сказать: «Veni, vidi, vici», поскольку Цезареву девизу «veni» он предпочитал серьезный предварительный расчет (с. 28).

В 1990-х годах основные линии концепции С. Монтеро Диаса получили свое самостоятельное развитие. В частности, Х.-М. Бласкес выделяет статью Х.М. Рольдана² о Траяне как великолепном администраторе, строителе городов, превосходном воине, знатоке культуры (с. 28–29). Из других работ 1990-х годов внимания Х.-М. Бласкеса заслуживает монография Р. Гонсалес Конде, посвященная изучению вопроса о войне и мире и об отношении к нему Траяна и различных политических групп его времени³. Исследовательница высказывает интересную, по мнению Х.-М. Бласкеса, точку зрения о том, что в 110–111 годах в Риме оформляется блок противников военной политики Траяна, который активно ищет ему преемника и находит его в лице Адриана⁴.

II глава посвящена характеристике политики Нервы, приведшего к власти Траяна. В ней ставится вопрос, в какой степени Траян явился продолжателем дела своего предшественника и почему он довольно быстро отдал предпочтение политической программе и идеологическому кредо Домициана (с. 33).

Центральное место в главе отведено вопросу о механизме усыновления Траяна Нервой и идеологическом обосновании этого акта. В историографии существует практически единодушное мнение о том, что выбор Нервы пал на Траяна за его военные доблести и заслуги. Х.-М. Бласкес, вслед за Х. Штробелем, подвергает сомнению этот тезис, считая, что военного похода Траяна во главе Legio VII Gemina (89 г.) и исполнения им обязанностей консула 91 г. явно недостаточно для столь важного политического решения Нервы (с. 41). Более приемлемым исследователю представляется вариант объяснения акта усыновления, который изложен А. Канто и Р. Гонсалес Конде: это результат влияния на императора его приближенного Л. Лициния Суры, испанца по происхождению, ставшего впоследствии правой рукой Траяна (с. 42). Церемония имела место на Капитолии в присутствии сената, народа и изображений римских богов. Она должна была засвидетельствовать consensus universorum, а ее кульминацией явилось объявление Траяна императором, носителем tribunicia potestas и imperium proconsulare maius. При этом были допущены два правовых нарушения – отсутствие на церемонии претендента и его неиталийское происхождение (с. 45).

В III главе Х.-М. Бласкес, опираясь на детальную проработку А. Канто⁵ вопроса о родительской семье и родственных связях Траяна, солидаризируется с ее очень интересным выводом о существовании – наряду с династиями Юлиев-Клавдиев, Флавиев и Северов – династии Ульпиев-Элиев, или так называемой «испанской династии» (с. 62). Она включала шесть последовательно сменивших друг друга imperatores externi (по терминологии Аврелия Виктора), которых объединяли узы кровного родства и которые имели очень прочные связи с испанской Бетикой. Нерва же явился auctor necessarius, так как, усыновив Траяна, он дал начало этой династии.

Траян по отцовской линии происходил из рода Trahii (позже его стали произносить как Traia). Эта семья не прибыла из Италии, а имела чисто испанские, турдетанские корни. Она 11–12 раз засвидетельствована как таковая в эпитафийке Бетики, в то время как «упоминания этого генонима за пределами Испании исключительно редки». Trahii являли собой пример одной из туземных фамилий, допущенных Римом к участию в основании римских колоний начального периода романизации (Италика, Корду-

² Roldán J.M. El siglo de Trajano // Historia. Madrid, 1998. XXII. 16. P. 54–62.

³ González Conde M.P. La guerra y la paz bajo Trajano y Adriano. Madrid, 1991.

⁴ В конце первой главы Х.-М. Бласкес упоминает о подготовке к публикации двух сборников работ о Траяне, состоящих из докладов на летних научных семинарах Отделов древней истории Университетов Комплутенсе (Мадрид) и Наварры. В настоящее время оба сборника опубликованы.

⁵ Canto A.M. Saeculum Aelium. Saeculum Hispanum: Promoción y poder de los hispanos en Roma / Ed. A. Canto. Hispania. El legado de Roma. En el año de Trajano (catálogo de la exposición). Zaragoza–Madrid, 1998. Madrid, 1999. P. 209–254; eadem. Las raíces Béticas de Trajano. Los Traii de la Itálica turdetana, y otras novedades sobre su familia. Sevilla, 2002.

ба, Картейя) как семья высокого социального положения, престижа и богатства, с одной стороны, и весьма расположенная к римскому *modus vivendi*, с другой. Четвертый или пятый прадед Траяна, М. Trahianus, С. f., был претором Италии (когда она существовала в статусе колонии римского права), влиятельным и богатым человеком. Отец Траяна, в эпоху Флавиев ставший известным полководцем, женился на одной из дочерей М. Ульпия (Marcianus?), выходца, скорее всего, из Италии. Следовательно, мать Траяна должна была быть *Ulpia Marciana, M. f.*, и этим объясняется тот факт, что сестра Траяна носила это же имя. Одна из теток Траяна по материнской линии может быть отождествлена с богатой *Ulpia Plotina, M. f.* Она вышла замуж за Л. Помпея и родила в этом браке дочь, ставшую впоследствии супругой Траяна, поскольку кровные браки в аристократической среде Турдетании были нормой. Таким образом, заключают А. Канто и вслед за ней Х.-М. Бласкес, предки Траяна по своему происхождению относились к *familia antiqua magis quam clara*, как сказал об этом еще Евтропий (с. 49, 54). Три ее ствола (Трайи, Марции и Ульпии) вполне восстанавливаются по материалам письменной традиции; они представляли древние и богатые муниципальные элиты Италики, участвовавшие в местном и провинциальном управлении провинции *Hispania Ulterior* эпохи Поздней республики и раннего принципата. Итак, выбор Нервы, павший на Траяна, представляется А. Канто и Х.-М. Бласкесу вполне мотивированным, а сам Нерва оказался создателем династии Ульпиев-Элиев. Эта династия имела такие глубокие испанские корни, что вполне может называться «испанской династией римских императоров» (с. 62).

В небольшой IV главе «Военная и управленческая подготовка и образование Траяна» (с. 65–72) рассматривается деятельность Траяна в качестве наместника Верхней Германии (96–98 гг. н.э.). Пребывание вдали от Рима, на северных рубежах империи, в недружественно настроенной варварской среде должно было закалить Траяна и дать ему хороший опыт управления (с. 71).

В главах V–XI Х.-М. Бласкес характеризует Траяна как полководца и политика высшего ранга в Римской империи II в. н.э.

В V главе перечисляются первые шаги нового императора. Опорой власти ему служило согласие, которое установилось между сенатом, сенатской аристократией и институтом принципата. Это согласие продолжило свое существование и позднее, когда – после завоевания в 106 г. Дакии – положение самого императора оказалось неустойчивым. Для его стабилизации Траян использовал институт персональных связей, личной дружбы и преданности (с. 75–76). Пользуясь также духовными ценностями и идеалами войска, плебса и интеллигенции, он надолго создал себе харизму. Так власть Траяна приобрела религиозный и харизматический характер, а он сам был вознесен, подобно богу, над простыми смертными. Его стали называть *optimus princeps* (с. 76–77). Х.-М. Бласкес относит такой вариант взаимодействия Траяна с другими политическими институтами исключительно к ловкости императора, которому, «как и Августу, удалось спрятать за фасадом республиканских учреждений свою абсолютную власть». Сенат не считал ее тиранической, а Траяна величал *dominus*’ом. В пропаганде своей власти Траян использовал опыт Домициана, который, будучи автократом, тираном и убийцей, намеревался войти в историю в образе положительного правителя. Религиозно-харизматическая легитимность автократического режима Траяна очень хорошо проявила себя в его военных победах и нашла всяческую поддержку в официальной пропаганде. Пропагандистская политика Домициана, как и сам способ его прихода к власти (при отсутствии принципа династийности власть императора была прочно увязана с властью главнокомандующего и даже срослась с нею), оказались востребованными Траяном, хотя он сам неоднократно говорил о стремлении обособиться от идей и принципов Домициана как авторитарного руководителя Римского государства (с. 78). Такой механизм власти принуждал императора к проведению активной внешней политики и ко все новым военным победам. Сделав этот вывод, Х.-М. Бласкес переходит к характеристике военных кампаний и побед Траяна на Востоке и в Центральной Европе, а также его политики на завоеванных территориях (главы VI–VIII соответственно).

Основным источником для оценки миссии императора в Дакии автору служит знаменитая колонна Траяна, композиция которой объединяет последовательно связанные

между собой темы: отправление войска, битвы, речи-обращения императора, приведение к повиновению побежденных, религиозные церемонии, возведение фортификационных сооружений и дорог, преследование неприятеля в лесах, штурм вражеских крепостей, оборона дакийцев, приношения в жертву военнопленных, бегство и самоубийство Децебала, разорение дакийцев и их поселений, депортация дакийцев. Эти разнообразные сцены служат фоном для воссоздания образа самого императора. Траян всегда одет как верховный главнокомандующий, окружен преторианцами и своими полководцами, всегда уверен в себе и хладнокровен (с. 83–84).

Автор дает характеристику римского войска, включавшего 30 легионов и множество вспомогательных частей. Войскового резерва не существовало, но в случае необходимости граждане римских колоний были обязаны встать в строй по первому призыву. Общий численный состав достигал 350 тыс. человек (с. 105).

Первая Дакийская война, закончившаяся не полной победой, а мирным компромиссом, не позволила пропаганде Траяна объявить императора сувереном. Так обозначилась, по мнению Х.-М. Бласкеса, необходимость во второй войне с даками (с. 111). Однако ей предшествовала кампания в Nabateyском царстве, которое стало провинцией Аравия и основным каналом торгово-экономических связей Рима с Востоком, включая Индию и Китай. Приобретение богатой добычи и триумф (102 г.) позволили Траяну «со свободными руками» вернуться к дакийской проблеме. Официальным поводом послужила необходимость отразить неожиданное нападение Децебала на римские форты Западной Трансильвании. На этот раз Траян вышел победителем (с. 106) и на законных основаниях получил триумф (с. 113). Воздвигнутая в его честь Колонна и открытие Форума в 112 г. как нельзя точно отражают процесс героизации личности императора, который был развернут официальной пропагандой, а монументальность и помпезность упомянутых сооружений самым адекватным образом вписываются в удобную Траяну концепцию его власти и в оценку его как деятеля, превзошедшего Цезаря, Августа и даже Александра Македонского (с. 113).

В 114 г. Траян вмешался в династический конфликт в Армении под предлогом необходимости восстановления власти Экседара, союзника Рима, изгнанного Хосроем, царем парфян, в угоду Партамасириса (старшего брата Экседара). Победа досталась Траяну быстро и легко: Партамасирис был убит, а Армения была объявлена римской провинцией и должна была послужить плацдармом для похода против Парфии (с. 114).

К традиционно перечисляемым причинам и поводам давнего и напряженного конфликта Рима и Парфии Х.-М. Бласкес – вслед за Х. Мартинесом Пинной⁶ – относит стремление Траяна к славе и созданию мировой державы, с одной стороны, и эйфорию, которая воцарилась в Риме после победы над Дакией, с другой (с. 115). Два первых периода войны закончились победоносно, и сенат присвоил Траяну титул *Parthicus*. Император заранее обдумал стратегию и взвесил военный потенциал своего государства, и в 116 г. Ктесифонт, столица Парфии, сдалась на милость победителя. И хотя этот акт не привел к падению Парфянского царства, тем не менее границы Римской империи были существенно расширены, а казна пополнена, и римский сенат «весьма пылко» предложил Траяну целую серию высочайших почестей, издав одновременно указ о сооружении в его честь триумфальной арки.

Финалом военной политики Траяна на Востоке послужило подавление ряда крупных выступлений иудеев против греков и римлян на Кипре и в Египте (с. 116–118). Только иудеи Месопотамии заслужили своего рода прощение за свою строптивость, а сама иудейская проблема была унаследована таким образом Адрианом (с. 118).

В VII главе «Политика Траяна на Востоке» затронуты некоторые аспекты вопроса об организации управления на покоренных территориях: 1) частичная реорганизация управления во Фракии, направленная, как вслед за К.П. Джонсом⁷ считает Х.-М. Бласкес, на передачу части властных полномочий центра на места; 2) создание новых городов (восемь из которых были связаны, кстати говоря, с именами самого Траяна и его супруги (а также матери?) Ульпии и предназначены на роль столиц различных племенных объединений); 3) сохранение немногочисленных греческих городов. Складывается

⁶ *Martínez Pinna J. El Imperio Universal // Historia. 1998. XXII. 16. P. 63–73.*

⁷ *Jones C.P. An oracle Given to Trajan // Chiron. 1975. 5. P. 403–406.*

впечатление, указывает Х.-М. Бласкес, что Траян в своей урбанизационно-административной деятельности отдал предпочтение приморским территориям Пропонтиды и Эгеиды в противовес политике местных правителей, опиравшихся на аграрные слои населения подведомственных им земель (с. 122). Подобным же образом (т.е. методом от противного) было реорганизовано управление в Набатейском царстве и Вифинии. В Понтийском царстве Траян, следуя традиции, оставил у власти местных царей, обязав их, однако, подчиняться Риму. Там были оставлены три римских гарнизона. Власть в Малой Армении была передана наместнику Каппадокии (с. 123).

Для анализа деятельности Траяна, направленной на романизацию Центральной Европы (см. VIII главу), Х.-М. Бласкес избрал в качестве модели город *Ulpia Traiana* (древн. Xanten), который получил от императора статус колонии (не ранее 98 г.) и обитатели которого, германцы, жили бок о бок с горняками, строителями, инженерами из числа римских ветеранов. Основой для их взаимодействия служило римское право. К концу I в. н.э. этот уголок Германии был романизован (с точки зрения урбанизма, языка, письма, религии и т.д.), и немалую роль в этом сыграло присутствие римского войска, а также сословие декурионов. Другой аспект той же самой деятельности Траяна – это его меры по упорядочению римской границы обеих Германий, начатому Домицианом в 81 г. и последовательно проводившемся самим Траяном. В приграничных районах по воле императора возводились города, которые быстро богатели благодаря торговле и притоку населения. По соседству с этими городами возникали многочисленные крепости, фактории и *villae rusticae*. Путем строительства фортов и лагерей, развернутого еще при Домициане, был укреплен *limes* на Рейне и Дунае, в середине II в. н.э. его длина составила 530 км, он охранялся 22000 легионеров и 38000 воинов вспомогательных частей (с. 133–135). Привлекательность римского образа жизни стимулировала процессы концентрации местного населения вдоль границы, укрупнения их сел и возникновение – не без участия Рима – городов (например, *Raetia Augusta Vindelicum*, совр. Аусбург) с *canabae* по соседству (с. 136–142). Римские воины, так же как и градостроители, сыграли большую роль в романизации Германии и Реции: они создавали семьи с туземками, а по окончании срока службы оформляли браки по законам Рима и передавали право римского гражданства своим женам и детям. В ходу были латинский язык и письмо, распространялись погребальные обычаи и римские религиозные представления. Оппозицию процессу романизации составили лишь галльские друиды. Траян активизировал процесс вовлечения туземной знати в политическую жизнь Рима, включения в состав сената ее представителей.

Неослабным было внимание Траяна к Паннонии, граница которой составляла 700 км и имела 36 крепостей. Отношениям с восточными соседями паннонцев, сарматами, был придан союзнический характер, конница языгов сражалась против даков в составе войска Траяна. В 107 г. римский император установил союзнические отношения с роксоланами (с. 143–144). Поскольку в правление предшественников Траяна менее устойчивыми были отношения с Мезией, основанной в статусе провинции в 18 г., то начиная со 101 г. он строит там города, дарует статус городов римского права Никополю, Истру, Марцианополю, создает муниципии (с. 149–150).

Особых забот требовала организация провинции Дакия, объявленной императорской, но за время войн потерявшей одну десятую часть своего населения и нуждавшейся в его пополнении. Евтропий пишет, что ключевыми пунктами дакийской программы Траяна были колонизация (силами жителей Паннонии, Норика и Иллирии), романизация и связанная с ними аккультурация. Большую роль в выполнении дакийской программы Траян отвел своим легионерам. Более 40000 воинов остались в Дакии после демобилизации и внесли свой вклад в дело процветания провинции, продлившееся по крайней мере до эпохи Аврелиана (с. 151–153).

В IX главе «Политическая программа Траяна» рассматривается ряд вопросов внутренней политики императора. Ее успехи Х.-М. Бласкес связывает с превосходными отношениями Траяна и сената, позволившими поставить вровень с законами императорские эдикты и мандаты. Сенатусконсульты и императорские конституции стали трактоваться как ведущие нормы права и единственные источники легисляционной деятельности. Возросла роль *Consilium principis* и префектов претория, были введены

пытки рабов и либертинов в случае убийства *pater familias*. С другой стороны, были сокращены до минимума сроки предварительного заключения, запрещены анонимные доносы и разоблачения, а также вынесение приговора в спорных случаях. Были введены манумиссии по фидеикомиссам. Траян с великодушием Гаия Юлия Цезаря раздавал права римского гражданства, установил право для экс-декурiones. При нем было основано много колоний и муниципиев, к контролю за сохранностью казны которых он подходил со всей строгостью (с. 165–166). На местах проводниками его воли были *curatores* различного статуса, *legati* и *correctores*. Прославился он и как инициатор обширной строительной программы, ориентированной как на Рим, так и на провинции (с. 167–178). При Траяне развиваются скульптура (главным образом портретная, с. 178–180) и искусство мозаики (с. 180–194)⁸.

В X главе «Траян и провинции» развивается тезис о той большой роли, которую Траян отвел испанскому клану в реализации своей провинциальной политики, в решении вопросов войны и мира. Испанский *gens* вышел на историческую арену Рима при Флавиях и удержался на ней вплоть до середины эпохи правления Адриана. В начале правления Траяна римский сенат включал в свой состав (из 412 сенаторов) 27 испанцев, впоследствии из 53 новых членов сената 14 были выходцами из Испании. Император доверял им самые высокие должности, а Адриана усыновил и сделал своим преемником (с. 201–202).

В XI главе Х.-М. Бласкес характеризует экономическую политику Траяна, выдвинув на первое место ее чекан монеты. На монетах, отчеканенных в великом множестве по повелению Траяна, основную смысловую нагрузку, кроме номиналов, несут образы, а не легенды. На аверсе обычно выбивался рельефный портрет императора – на ранних монетах в паре с Нервой, впоследствии с членами собственной семьи. Смысл императорского послания пользователям денег был весьма разнообразен, но всегда историчен или историко-мифологичен. Он вращался вокруг трех тем: война и мир, внутреннее устройство общества, забота о создании памятников культуры и их поддержании в порядке. Но главной политической заботой Траяна являлась демонстрация сенату постулата о приоритете собственной власти и божественности собственной персоны. С этой целью на первых эмиссиях дупондиев частым сюжетом был, например, дакийский, замененный вскоре на изображение сцены триумфа Траяна в связи с победой над даками. Для доказательства преданности войска использовались следующие изобразительные схемы: Нерва в тоге, а Траян – в военных доспехах; Траян в гражданском платье, стоя перед жертвенником, произносит речь, а перед ним – три воина, готовые к принесению присяги. Мастера композиции заботились, с одной стороны, о достижении особой плотности объема «кодируемой» информации, а с другой, о том, чтобы выразить ее с максимальной пользой.

Немало труда требовало решение финансовых проблем. Траяну постоянно приходилось балансировать между стремлением к сокращению расходов и неприятием сенаторами этого курса. Однако императору удалось все же тезаурировать большой процент старых монет, тяжелых по весу и чистых по составу, а наращивание внешнеторгового оборота еще более стабилизировало римскую казну и создало запасы золота. Ради накопления этого металла Траян повелел резко сократить его использование при чеканке монет, увеличив чекан из дакийского серебра (с. 221–227).

В экономической политике Траяна вызывает интерес ее демографический аспект. Х.-М. Бласкес указывает, что половина из 1197 городов Италии нуждалась в помощи государства, т.е. в совершенствовании алиментарной политики, и со 101 г. император начал активное претворение в жизнь идеи (сформулированной Нервой) о том, что алиментария – это предоставление средств путем кредитования под невысокий процент, например под 5% в Велейе, 2,5% в Беневенте и т.д., а также оказание помощи детям (главным образом мальчикам как будущим воинам), потерявшим родителей в беско-

⁸ Параграф о мозаичном искусстве Рима эпохи Траяна, написанный совместно с одним из ведущих специалистов Испании в этой области Г. Лопес Монтеагудо, отличается большой обстоятельностью. Основные линии развития этого вида искусства см. *Лопес Монтеагудо Г. Испано-римские мозаики на мифологические сюжеты в I–II вв. н.э. // ВДИ. 2004. № 4.*

нечных войнах. Так Траян становится благодетелем в глазах большей части римско-италийского общества (с. 228).

Будучи известным специалистом в области экономики Испании I–III вв. н.э., Х.-М. Бласкес посвящает большую часть главы вопросам организации сельского хозяйства, горного дела (добыча золота, олова, серебра и т.д.) и торговли в этой части римского мира. Принцип построения раздела – географический: Италия – ведущие западные провинции. Исследователь отстаивает тезис о том, что в эпоху Траяна сельское хозяйство развивалось стабильно, а не находилось в структурном кризисе, как об этом нередко говорится в специальной литературе (например, представителями итальянской школы А. Карандини⁹, которые развивают идею кризиса рабовладельческого способа производства) (с. 229). Стабильность аграрной экономики явилась результатом успешно проведенной реструктуризации производства и реорганизации его управления, осуществленных в пользу среднего слоя собственников (см. с. 238–245), а некоторое падение экономической роли Италии было компенсировано успехами провинций (Испании и др.).

Для завершения политического портрета и биографии Траяна Х.-М. Бласкес включил в свою книгу главы о религиозных взглядах императора (VII глава) и о его отношении к художественной культуре (XIII глава). В первой из них автор выдвигает очень интересную гипотезу о том, что в своей пропаганде и практической деятельности «Траян старался избегать двух опасных крайностей в религиозном вопросе и в деле предсказаний и прорицаний – безбожия и суеверия» (с. 253). Эта гипотеза противоречит традиционному выводу, что Траян выступал сторонником консолидации веры, теософии и императорской власти. В целом же, по мнению Х.-М. Бласкеса, ему удалось дистанцироваться от необходимости развития религиозной доктрины. Большую роль в формировании такого подхода сыграл римский философский стоицизм. Отношение Траяна к Юпитеру было связано в большой мере с идеалами Диона и Плиния Младшего, а образ Геракла вдохновлял императора в его собственных героических подвигах. Очень почитались Траяном такие персонификации, как *Felicitas*, *Fortuna*, *Pietas*, *Providentia*, *Victoria*. Восточные культы и астрология не вызывали у императора ни священного трепета, ни особого рвения в служении им. Х.-М. Бласкес объясняет этот нейтралитет как характером императора, так и тем, что как *Pontifex Maximus* он должен был отдавать приоритет богествам римского пантеона. Из восточных культов он проявлял наибольшую склонность к египетскому Серапису, персонифицировавшему плодородие, богатый урожай и изобилие. Это божество могло ассоциироваться в сознании императора и с тем фактом, что в его время Египет поставлял в Рим 1/3 из потребляемого в столице зерна (с. 259). Отношение Траяна к христианству было вполне терпимым, своим указом он даже запретил преследования христиан (с. 260). Аналогичной была его политика по отношению к оракулам: в отличие от многих своих предшественников он не занимался контролем соответствующих святилищ, даже если в советах их оракулов император выступал в качестве объекта *curiositas divinandī*. Таким образом, вопрос о закрытии важнейших оракулов в эпоху Траяна не ставился, он возник лишь в конце II в. н.э. Х.-М. Бласкес коснулся еще одной интересной темы: Траян и его отношение к пророчествам. Она отсутствует в других биографиях императора, но в новейшей испанской историографии ей посвящено специальное исследование¹⁰.

В заключительной главе «Литературная культура в эпоху Траяна» даны лаконичные портреты ведущих представителей исторической и художественной литературы Рима эпохи правления Траяна – Тацита, Плутарха, Диона Хрисостома, Плиния Младшего, Марциала, Ювенала, Силия Италика. Они оставили такой же глубокий след в культуре Рима, как и архитектор Аполлодор Дамасский, еще один выдающийся современник эпохи Траяна.

В заключении, подводя итоги, Х.-М. Бласкес еще раз обращает внимание читателя на незаурядность ума императора Траяна, его широкую образованность, глубокие профессиональные знания, прозорливость, ловкость и прагматизм. Автор поставил Траян

⁹ Carandini A. Roma, anno 112: la III Orazione «Peri Basileias» di Dione di Prusa, Traiano philoikeios e una gemma del Museo Nazionale di Napoli // *Archeologia Classica*, 1966. 18. P. 125–141.

¹⁰ Montero Herrero S. Trajano y la adivinación: prodigios, oráculos y apocalíptica en el Imperio Romano (98–117). Madrid, 2000.

на в один ряд с такими выдающимися римскими политиками, как Август, с одной стороны, и Константин, с другой, по способности подчиняться предписаниям действующего права, доверию к наместникам, прочим правителям и войску и умению направлять и контролировать их деятельность. Особого внимания заслуживает поддержанная Траяном практика политического усыновления, давшая прекрасные результаты.

Траян прославил себя как полководец-триумфатор, авторитетный глава Римской империи и превосходный управитель ее многочисленных провинций. Романизация при нем была стремительной и глубокой. Собственно римскому плебсу была адресована алиментарная политика императора с раздачей кредитов, рентой, «хлебом и зрелищами».

Траян дал начало новой династии Ульпиев-Элиев, правление которых совпало с эпохой золотого века Римской империи и ее культуры.

В личном плане Траян, являясь носителем традиций своего испанского – по корням – рода, всегда был тесно связан с *familia* и *amici*. Он был гуманистом по природе, и его правлению был свойствен патернализм. Он не запятнал себя кровью своих соотечественников. «Траян дал высокий образец для подражания правителям всех времен» (с. 286).

Основное достоинство рецензируемой книги состоит в попытке Х.-М. Бласкеса детально, обстоятельно, всесторонне воссоздать политическую биографию римского императора Траяна и показать жизнь возглавлявшегося им общества. Будучи написана с привлечением широкого круга источников, а также современной историографии, образно и хорошим языком, книга будет полезной как для специалистов, так и для широкого круга читателей, интересующихся историей и личностями, которые ее творили. Описательность и повторения, обнаруживающиеся в ряде случаев, не кажутся излишними, так как в отечественном антиковедении отсутствуют работы, специально посвященные Траяну и его многогранной и плодотворной деятельности по упрочению римского государства, консолидации общества, развитию культуры и ее широкому распространению в ходе романизации.

В.И. Козловская

© 2005 г.

ЧТЕНИЯ ПАМЯТИ Е.М. ШТАЕРМАН (27 сентября 2004 г., Москва)

27 сентября 2004 г. в Москве в Институте всеобщей истории РАН прошло расширенное заседание Отдела древней истории, посвященное 90-летию со дня рождения выдающегося отечественного ученого Елены Михайловны Штаерман (1914–1991). В нем приняли участие около 50 ученых-антиковедов, преподавателей истории античности, студентов и аспирантов научных институтов и вузов Москвы. Заседание открыл президент Российской Ассоциации антиковедов, заведующий Отделом древней истории академик РАН Г.М. Бонгард-Левин. В своем выступлении он подчеркнул непреходящую значимость работ Е.М. Штаерман, а также рассказал о ней как об интереснейшей личности, талантливом ученом и прекрасном человеке. По его словам, Елена Михайловна принадлежала к той категории исследователей, которые умели органично совмещать блестящее знание древних источников с творческим осмыслением теоретических проблем. Именно поэтому несмотря на достижения современного антиковедения ее труды сохраняют свою актуальность. Е.М. Штаерман очень много сделала для укрепления международных связей «Вестника древней истории». Велик был ее авторитет среди крупнейших европейских специалистов по истории Рима. Особенно высоко оценивал ее труды выдающийся французский ученый Клод Николе. «Именно благодаря Елене Михайловне я познакомился с этим замечательным романистом, который затем стал автором ВДИ и дважды посещал нашу страну», – сказал Г.М. Бонгард-Левин.

С докладом «Римская собственность у Дионисия Галикарнасского» выступила *И.Л. Маяк*. Солидаризуясь с признанием решающего значения форм собственности для определения характера общества, подчеркнутого Е.М. Штаерман, докладчица рассмотрела материалы Дионисия Галикарнасского по проблеме собственности в царском и республиканском Риме. Она выявила термины, обозначающие римскую собственность, ее различные виды, в том числе варианты коллективной земельной собственности, а также эволюцию индивидуальных земельных владений. Особое внимание в докладе было обращено на источниковую базу Дионисия. Учитывая современную переоценку средней и младшей анналистики в пользу большего доверия к ней, *И.Л. Маяк* заново рассмотрела свидетельства Дионисия о частых эпизодах борьбы плебса против незаконного захвата участков на *ager publicus* в V в. до н.э. и о методах ведения этой борьбы, создании аграрных комиссий. В связи с этим в докладе был сделан вывод об использовании Гракхами сложившейся до них традиции, что опровергает тезис гиперкритиков о конструировании аграрной истории V в. до н.э. по модели Гракхов.

Доклад *Е.В. Ляпустиной* «Кризис III века в интерпретации М.И. Ростовцева и Е.М. Штаерман» был посвящен сравнению концепций двух историков древнего Рима в вопросе о причинах и характере общего кризиса Римской империи в III в. н.э. Предложенная М.И. Ростовцевым в начале 1920-х годов в ряде статей, а затем в «Социально-экономической истории Римской империи» (1926) интерпретация этого явления как революции, очевидно, послужила отправной точкой для исследования Е.М. Штаерман в ее докторской диссертации «Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи» (М., 1957): общая характеристика работы Ростовцева дана на первой же странице ее книги, и хотя в дальнейшем ссылок на эту работу больше нет (в чем проявился не раз декларированный Еленой Михайловной принцип: «Источники должны быть приведены исчерпывающим образом, историография – в меру необходимости»).

ти»), можно проследить немало общих моментов (использование юридических источников, подчеркивание региональных различий, внимание к «идеологическим» текстам – от речей ораторов до монетных легенд). Вместе с тем, в общей оценке характера кризиса III века как революции проявились глубокие мировоззренческие различия – если для М.И. Ростовцева это было зло, связанное с понижением уровня культуры, то Е.М. Штаерман неизменно видела в движении народных масс творческое начало. Наиболее ярко это проявилось в ее работах конца 1960-х годов, в которых была сформулирована концепция формирования римской гражданской общины в результате побед, одержанных плебсом в ходе борьбы за уравнивание сословий в начале Республики.

Доклад *И.С. Свенцицкой* «Образ власти – Антиох IV» был посвящен анализу формирования образа эллинистического властителя на примере Антиоха IV Селевкида (его самопрезентации, с одной стороны, и восприятию его противниками царя, прежде всего Полибием и Иосифом Флавием, с другой). Докладчица подчеркнула, что для восточных подданных Антиох выступал как могучий владыка, бог Эпифан, обладавший неограниченными возможностями. Полисы также объявляли царей богами, но это происходило по решению народного собрания. Основную роль в полисных культах играли личные качества царя – в надписях ему приписывались доблесть, благородство, человеколюбие, благочестие. В Эфесе он был назван «спасителем человечества». Антиох наряду с демонстрацией роскоши и утверждением божественного величия на пирах вел себя как гостеприимный хозяин и стремился включиться в жизнь гражданской общины. Так, в Антиохии он общался с простым народом, дарил небольшие подарки встречным, ходил в общие бани. Он добивался избрания на должность агораномы и демарха и ревностно исполнял свои обязанности, стремясь к популярности среди простых людей эллинских городов, для которых сочетание в лидере могущества и милости было особенно привлекательным. Однако и роскошь, и простота вызывали резкое осуждение греческой образованной элиты, называвшей его безумцем (Эпиманом). Антиох стремился эллинизировать и объединить все население царства, но это ему не удалось. Поведение Антиоха для своего времени было уникальным, но для последующих правителей, в том числе и римских императоров, использование республиканских магистратур и опора на низы населения стали одной из основ их политики.

«Прочтение апокрифической легенды: проповедь апостола Варфоломея в “Оазисе”» – тема доклада *А.Л. Скогорева*. Докладчик отметил, что анализируемый апокриф (оригинальный текст которого с английским переводом содержится в издании: Budge E.W. *The Contendings of the Apostles. Vol. I–II. London, 1899–1901; 1935; Amsterdam, 1976*) сложился на основе нескольких сюжетных моделей и объединил разнородные пласты христианских верований. Его первоначальная версия появилась в Египте не ранее середины IV в. (ее небольшие фрагменты обнаружены в нескольких коптских папирусах), но полностью текст сохранился лишь на арабском и эфиопском. Анализ легенды позволяет уточнить наши представления о механизмах формирования и эволюции христианских апокрифических сказаний позднеантичного времени. В частности, при «монтаже» апокрифа были использованы «сюжетные кирпичики» и композиционные блоки разных ветхо- и новозаветных текстов (например: Исх. 4:10–16; Иер. 1: 4–6 и др.), а также некоторых широко читавшихся в христианском мире сочинений (например «Деяний Иуды-Фомы»). По-видимому, сама узнаваемость сюжетных коллизий была призвана обеспечить новой легенде достоверность и сакральность в глазах древних христиан. На примере рассматриваемой легенды видно, как при переходе апокрифа в иную этнокультурную среду могли остаться недопоняты или не поняты совсем некоторые его важнейшие иносказания и аллюзии, чем было обусловлено появление в легенде новых сюжетных поворотов и принципиально новых трактовок ветхозаветных и евангельских образов.

В докладе *И.Е. Сурикова* «Зависимые крестьяне (гектеморы) и долговой вопрос в архаических Афинах» была рассмотрена социально-экономическая ситуация в Аттике накануне реформ Солона, причем основной акцент сделан на положении той категории крестьянства, которая обозначается в источниках как «гектеморы» (шестидольники). Автор полемизирует с распространенным мнением, согласно которому истоки статуса гектеморов лежали в сфере долгового вопроса, и, соответственно, пришел к выво-

ду, что солоновская сисахфия (отмена долгов) не коснулась этих земледельцев. Сословие «шестидольников» исчезло в афинском полисе позже, постепенным путем, причем главную роль здесь, возможно, сыграла деятельность Писистрата.

В конце заседания первый вице-президент Российской Ассоциации антиковедов *Л.П. Маринович* поделилась воспоминаниями о Е.М. Штаерман и особо отметила ее переводческую деятельность: Елена Михайловна много переводила и публиковала переводы античных источников в журнале «Вестник древней истории». В ней многое восхищало: невероятная память, организованность, ответственность, глубокое уважение к коллегам. Елена Михайловна была первой, кто начал связывать отечественную науку с зарубежной – на Западе наша наука об античности ассоциировалась прежде всего с ее именем и воплощалась в ее лице.

Подводя итоги чтений, *Л.П. Маринович* отметила плодотворную работу заседания и поблагодарила всех присутствующих за дань уважения памяти выдающегося историка античности.

Л.Л. Селиванова

© 2005 г.

ШЕСТЬЕ ЖЕБЕЛЁВСКИЕ ЧТЕНИЯ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

(26–28 октября 2004 г.)

26–28 октября 2004 г. на историческом факультете Санкт-Петербургского государственного университета состоялись «Шестые Жебелёвские чтения», организованные кафедрой истории древней Греции и Рима и Центром антиковедения СПбГУ. Ставшие уже традиционными, эти очередные «Чтения» были посвящены 100-летию со дня рождения известного ленинградского антиковеда, профессора К.М. Колобовой (1905–1978), долгое время возглавлявшей кафедру истории древней Греции и Рима ЛГУ. На конференции было прослушано и обсуждено около 50 докладов. В ней приняли участие антиковеды Петербурга, Москвы, Великого Новгорода, Казани, Нижнего Новгорода, Перми, Петрозаводска, Самары, Саратова, Сыктывкара, Твери, Тобольска.

Конференцию открыл заведующий кафедрой истории древней Греции и Рима СПбГУ профессор *Э.Д. Фролов* вступительным словом «К истории формирования новейшей ленинградской/петербургской школы антиковедения: ученая деятельность профессора К.М. Колобовой». В его выступлении был представлен краткий биографический очерк, освещена многогранная учебная и научная деятельность К.М. Колобовой. *Э.Д. Фролов* напомнил о том вкладе, который К.М. Колобова внесла в изучение древнегреческой истории, в разработку таких, в частности, проблем, как генезис и формирование греческого полиса, роль в этом процессе Великой греческой колонизации, становление Афинского государства, кризис классического полиса в IV в. до н.э. и проблемы особенностей эллинистической государственности. Подробно была также охарактеризована преподавательская деятельность К.М. Колобовой, создавшей большую школу учеников. Наконец, были по достоинству оценены ее усилия по реорганизации учебного процесса на ленинградской кафедре античной истории в послевоенный период, благодаря чему кафедра приобрела качество значимого очага отечественного антиковедения.

Первое пленарное заседание 26 октября 2004 г. (председатель – *Э.Д. Фролов*), включавшее пять докладов, было посвящено проблемам историографии античности. Сын К.М. Колобовой, известный петербургский философ и культуролог *В.В. Селиванов* в докладе «Вяч. Иванов, Н.Я. Марр и А.И. Тюменев в жизни К.М. Колобовой» поделился воспоминаниями о творческих исканиях своей матери, а также отметил влияние на ее становление как ученого тех, кого она сама считала своими учителями, – филолога-классика и поэта-символиста Вяч. Иванова, который был ее наставником во время учебы в Азербайджанском университете в Баку, знаменитого лингвиста Н.Я. Марра, с которым она встретилась во время работы в ГАИМК, наконец, одного из творцов совет-

ского антиковедения А.И. Тюменева, в значительной степени повлиявшего на складывание ее материалистических и марксистских взглядов. В докладе *О.Ю. Климова* (Санкт-Петербург) «Вопросы истории эллинизма в трудах К.М. Колобовой» было подчеркнуто, что хотя эллинизм не был предметом основного исследовательского внимания Ксении Михайловны, она постоянно возвращалась к этой проблематике в своих статьях, учебных пособиях и других работах. О.Ю. Климов подчеркнул, что К.М. Колобова прекрасно владела материалами источников по истории эллинизма, особо выделив ее занятия эпиграфическим материалом с о-ва Родос. К важнейшим темам, привлекавшим внимание К.М. Колобовой, автор доклада отнес тему социальных отношений (статьи о метеках и религиозно-профессиональных союзах чужеземцев на Родосе в эллинистическую эпоху), некоторые вопросы политической истории эллинизма (работы об эллинистических правителях – понтийском царе Фарнаке I и пергамском – Аттале III), отношения эллинистических государств с Римом (исследования о Понтийском царстве). О.Ю. Климов отметил при этом ценность и общей оценки К.М. Колобовой сущности эллинистической эпохи, и ее конкретных наблюдений по избранным частным сюжетам.

В докладе *А.Г. Грушевого* (Санкт-Петербург) «Жизнь и ученая деятельность И.Ш. Шифмана» были представлены как основные вехи биографии известного ученого, относившего себя к кругу учеников К.М. Колобовой, так и круг его важнейших научных занятий. Обращаясь к научному наследию Ильи Шолеймовича Шифмана, А.Г. Грушевой особо отметил его работы по востоковедению, выделив три важнейших направления его исследовательских интересов: финикийская колонизация и история Карфагена, библейская тематика, история Угарита. Большой интерес вызвал доклад *Н.С. Алмазовой* (Казань) «Д.И. Нагуевский и Казанский университет в конце XIX – начале XX века», который был посвящен Дарию Ильичу Нагуевскому (1845–1918), заслуженному профессору кафедры классической филологии Казанского университета, крупному исследователю римской литературы, переводчику римских классиков, имя которого незаслуженно забыто. В докладе особенное внимание уделяется казанскому периоду жизни ученого, поскольку именно здесь, в Казани, наиболее ярко раскрылся его талант как ученого, просветителя, педагога. Докладчик подчеркнул огромные заслуги Д.И. Нагуевского в деле организации Библиотеки классической филологии (1887 г.), первого заведения подобного рода в российских университетах, и Нумизматического музея (1886 г.), существование которых, к сожалению, пресеклось в годы революции. В докладе была также затронута деятельность Д.И. Нагуевского как историка Казанского университета.

Заключал программу пленарного заседания доклад *В.В. Семенова* (Санкт-Петербург) «Трактровка спартаковского восстания в работах израильского ученого Зейва Рубинсона». Обращаясь к историографии восстания Спартака, докладчик отметил, что начавшийся в западной историографии с 70-х годов XX в. пересмотр традиционных оценок этого восстания нашел яркое отражение в работах З. Рубинсона, появившихся в 80–90-х годах прошлого века. Приверженцы новых подходов отрицают, что это выступление было восстанием рабов, а на первый план выдвигают роль других социальных элементов – италиков, крестьянства, даже римских граждан. Автор доклада подчеркнул несостоятельность такого пересмотра, так как сама античная традиция считала восстание Спартака «рабской войной».

Во второй половине дня работали секционные заседания. На секции, посвященной проблеме истории древней Греции (председатель – В.М. Строгоцкий), было прочитано восемь докладов. *А.Л. Дарвин* (Петрозаводск) в докладе «Диоскуры как мифологический прообраз спартанской диархии» исследовал культ мифологических близнецов Кастора и Полидевка в контексте двойной царской власти в Лакедемонне. При этом автор подчеркнул, что из двух спартанских царских родов именно Агиады, выполняя жреческие функции, занимали в Спарте лидирующие позиции. В докладе «Милет на рубеже ахейской и гомеровской эпох: дискретность или континуитет?» *М.Ю. Лантева* (Тольск), сопоставляя данные археологических и литературных источников, отметила, что характерной чертой развития Милета является непрерывность заселения территории со времени упоминаемой в хеттских текстах Милованды. В докладе *Л.А. Пальцевой* (Санкт-Петербург) «Развитие судебной процедуры в архаической Греции» был представлен анализ литературных и эпиграфических источников, позволивший автору выделить основные направления судебной процедуры в период архаики: создание специальных су-

дебных органов и формирование особой, независимой от других государственных органов, ветви власти; расширение компетенции суда и появление принудительного судебного преследования; создание мер, направленных на защиту прав обвиняемых до суда и в процессе суда.

Доклад *В.В. Шувалова* (Санкт-Петербург) был посвящен теме «Место так называемых корабельных округов (навкрарий) в структуре Афинского государства». Суммируя данные античной традиции, автор пришел к выводу, что навкрарии представляли собой первые административно-территориальные подразделения и в то же время податные округа, созданные с целью наладить систему финансирования военно-морского флота. По мнению автора, эта система начала складываться еще в XI в. до н.э. и, имея цель обезопасить техническую сторону так называемой ионийской колонизации, направляемой из Афин, показала свою действенность. Поэтому со временем в ведение навкраев стали передавать все большие функции, прежде всего финансовые, так что к VII в. до н.э. навкраеры превратились в одну из важнейших афинских магистратур. *С.М. Жестоканов* (Санкт-Петербург) в докладе «Фидон Аргосский и Коринф» отметил, что в середине VII в. до н.э. старинная вражда Коринфа и Аргоса приобрела особую остроту. Правивший в Аргосе древний царь Фидон, используя лозунг «возвращение наследства Темениду», приступил к покорению соседних областей. По мнению автора, внешний фактор (угроза аргосского завоевания) стал, наряду с внутренней ситуацией, одной из причин утверждения в Коринфе тирании Кипселидов. *П.И. Ковалев* (Москва) посвятил свой доклад теме «“Невоюющие союзники” Крисы и антикрисейской коалиции в I Священной войне». На основе рассмотрения различных источников автор пришел к выводу, что к числу союзников Крисы могли относиться Фрасибул Милетский, временно захвативший гавань Сикиона, возможно, родосский Линд, часть критян – соперников Кносса – и их колонистов в Геле и Акраганте. В роли союзников антикрисейской коалиции, как полагает *П.И. Ковалев*, могли выступать беотийцы и фокидяне, пропустившие к Дельфам и Крисе войска Фессалии и Афин.

В докладе *А.Б. Шарниной* (Санкт-Петербург) «Дельфийская надпись о священном посольстве Андроса» был сделан детальный анализ найденного в Дельфах и датированного 425 годом до н.э. ценного эпиграфического свидетельства. Это позволило автору сделать важные наблюдения относительно условий, на которых священные посольства принимались в общегреческом святилище Аполлона в Дельфах. Данные, которые содержит эта надпись, по мнению автора доклада, помогают исследовать широко распространенную в Элладе практику священных посольств (феорий) и их вклад в историю античной дипломатии. Доклад *В.Р. Гущина* (Пермь) на тему «Политическая ситуация в Афинах после Клисфена (до первых остракофорий)» касался вопроса о судьбе реформ Клисфена. По мнению автора, после ухода Клисфена с политической арены в 506 г. до н.э. его недавние соперники – представители рода Филаидов – предприняли попытку некоторой корректировки начатых Клисфеном преобразований.

В этот же день на заседании секции по истории Рима (председатель – *А.В. Махлаюк*) были прослушаны и обсуждены четыре доклада. В докладе *А.Н. Грешных* (Москва) «Топография культа Януса на территории древнейшего Рима» были рассмотрены местоположение, культовое предназначение и датировка всех святилищ Януса на обозначенной территории. Их связь с наиболее древними районами расселения племен латинов и сабинов на месте будущего Рима, характер конструкции, наличие наряду с храмами и алтарями таких объектов поклонения Янусу, как холмы и рощи, подтверждают глубоко архаическое происхождение святилищ и самого культа. Реконструкция топографии демонстрирует чрезвычайно широкое распространение «сферы действия» Януса в раннем Риме. В нее входила практически вся основная территория древнего города Рима, вошедшего в черту померия после латинско-сабинского синойклизма, причем с ростом Рима на протяжении царской эпохи она постепенно расширялась. По мнению автора, очевидной становится и связь Януса с померием и его «защитная» функция по отношению к территории Рима в ранний период (VIII–VI вв. до н.э.). В докладе *А.Р. Панова* (Нижний Новгород) «Помпеи и Фанагория» рассматривались отношения римлян с боспорскими городами, восставшими против власти Митридата. Особое место в этих отношениях приобрела Фанагория, которая первой подняла восстание и получила от Помпея свободу и автономию. Однако, освободившись от владычества боспорского царя, город признал высший суверенитет Рима и стал противовесом власти боспорского

царя Фарнака. Фанагорянин Кастор получил титул «союзник и друг римского народа» и, вероятно, занял в городе положение, близкое к тирании. В дальнейшем римляне отказались от поддержки Фанагории, которая была захвачена Фарнаком, и обратили свои взоры на Херсонес, сделав его опорным пунктом своего влияния в Северном Причерноморье.

В докладе *Д.А. Кирюшова* (Санкт-Петербург) «Аграрный закон 111 г. до н.э.» были рассмотрены дискуссионные вопросы о происхождении и содержании аграрных законов послегракханского времени. На основе анализа сведений античных авторов и *lex agraria eripigraphica* автор пришел к заключению, что в ближайшие после деятельности Гракхов два десятилетия были приняты пять законов, которые корректировали их аграрное законодательство. Положения этих законов позволяют сделать вывод об оформлении частной земельной собственности, по меньшей мере, о возникновении ее переходной формы. По мнению докладчика, следует различать закон Тория, о котором сообщает Аппиан, и закон Тория 111 г., известный по другим источникам. Доклад *И.П. Портняжной* (Тверь) «Знатная римлянка поздней Республики» был посвящен анализу возможных подходов к изучению положения женщин в древнем Риме. По мнению автора, изменения в положении римских женщин, принадлежащих к знати, были обусловлены кризисом *civitas* и влиянием эллинистической культуры. Эти изменения нашли выражение в повышении уровня образованности знатных римлянок, в усилении их общественного влияния. Наиболее ярким примером женщины нового типа была Корнелия, дочь Сципиона Старшего и мать Гракхов. Источники не позволяют выявить отношение Корнелии к политике ее сыновей-реформаторов, но весьма примечательно, что ее образ широко использовался Гаем Гракхом в его политической риторике. Однако такие качества Корнелии, как острый ум и образованность, по-видимому, неодобрительно воспринимались в римском обществе.

27 октября на заседании продолжившей свою работу секции по истории древней Греции (председатель – Г.С. Самохина) было заслушано семь докладов. *В.М. Строгоцкий* (Нижний Новгород) в докладе «Роль греческих торговцев в межполисных и внутриполисных коммуникативных отношениях классического периода» подверг сомнению распространенную точку зрения об исключительной роли греческих торговцев в распространении информации, отдав приоритет путешественникам, ремесленникам и даже крестьянам. *М.М. Холод* (Санкт-Петербург) посвятил свой доклад теме «Александр Македонский и островные полисы Малой Азии» и на основе анализа нарративных и эпиграфических источников показал, что опора на демократические элементы островных греческих полисов принесла Александру Македонскому успех в его борьбе с персидским царем Дарием. Основная часть греческого населения Спорад, привлеченная македонской антиперсидской пропагандой, выступила на стороне Македонии в ее борьбе с проперсидскими режимами в греческих полисах. *Д.А. Шеглов* (Санкт-Петербург) в докладе «Среднеазиатский поход Александра Македонского: цели кампании» сделал попытку доказать, что причиной этого похода стала угроза вторжения в северные области бывшего Персидского царства кочевников-скифов. По мнению автора, именно это обстоятельство во многом объясняет действия македонского правителя.

О.Л. Габелко (Казань) и *Ю.Н. Кузьмина* (Самара) в совместном докладе «Об одной загадке династической истории эллинистических держав» на основе анализа в основном позднеантичных нарративных источников доказали, что не сестра, а дочь Антиоха II Теоса Стратоника была женой Деметрия II Македонского. Решение этого вопроса позволило авторам доклада прояснить ряд проблем политической истории эллинистических государств 250–230-х годов до н.э. *И.А. Ладынин* (Москва) в докладе «Оформление культа “богов Эвергетов” и их предков в Египте в конце 40-х – начале 30-х годов III в. до н.э.» на основе эпиграфических данных проанализировал процесс оформления в Египте культа Птолемея III и Береники II. Докладчик показал, что эти акции были адресованы не только греко-македонскому, но и местному населению, прежде всего представителям египетской элиты, и были призваны компенсировать разлад между македонской и египетской знатью царства Птолемея. Однако, как показало восстание 245 г. до н.э., добиться этого в полной мере не удалось. *А.К. Нефедкин* (Санкт-Петербург) в докладе на тему «Основные этапы развития конницы в эпоху эллинизма» выделил на основе анализа принципов комплектования, вооружения и тактики четыре этапа в развитии этого рода войск: 1) время Филиппа и Александра (359–324 гг. до н.э.);

2) эпоха «конницы Империи» (324–323 гг. до н.э.); 3) период диадохов (323–270-е годы до н.э.); 4) время существования собственно эллинистической конницы (270-е годы – I в. до н.э.). *Д.А. Скобелев* (Санкт-Петербург) в докладе «Античная иконография как источник информации о сарматском вооружении» предложил свою методику анализа памятников материальной культуры, имеющих отношение к сарматам, для установления длины копий в вооружении последних и остановился на тактике боя всадников-копейщиков. 27 октября продолжила работу и секция по истории древнего Рима. На этом заседании (председатель – К.В. Вержбицкий) было прослушано и обсуждено шесть докладов. Первым в программе заседания был доклад *А.Б. Егорова* (Санкт-Петербург) «Совет принцепса в I–III вв.: пути создания альтернативного сената». Автор особо подчеркнул тот факт, что проблема роли совета принцепса (*consilium principis*) в современной науке исследована относительно мало, причем преобладает представление о нем как о достаточно стабильной и постоянной структуре, получившей развитие еще при Клавдии и окончательно оформленной ко времени Адриана. По мнению автора, ближайшее рассмотрение показывает иную картину: *consilium principis* I–II и даже III в. представляет собой неформальную, аморфную, подверженную переменам и проявляющуюся лишь спорадически систему, оформившуюся не ранее северовского времени или даже только в IV в., после завершения организации так называемой «священной консистории».

В докладе *А.В. Банникова* (Санкт-Петербург) «Разрушение римской оборонительной системы варварами в правление императора Грациана (375–383 гг.)» был сделан акцент на прогрессирующей с 60-х годов IV в. варваризации римской пограничной армии, что, по мнению докладчика, и стало основной причиной крушения имперской обороны на рубеже IV–V вв. Большой интерес вызвал доклад *Е.Н. Нечаевой* (Санкт-Петербург) «Роль заложников в позднеантичной дипломатии». Определяя роль института заложничества в поздней античности как ритуально-статусную, автор подкрепляет этот свой тезис многочисленными примерами из источников, попутно отмечая специфику использования данного института в отношениях поздней Империи с ее соседями: готами, гуннами, персами и т.д. Позднеантичному сюжету был посвящен и доклад *О.В. Пржигодской* (Санкт-Петербург) «Церковные историки Сократ Схоластик, Созомен и Феодорит о положении и деятельности германцев на территории Римской империи». Интересной представляется высказанная автором мысль о том, что отношение к варварам в поздней античности определялось не их происхождением и конфессиональной принадлежностью, а чисто прагматическими соображениями.

Л.П. Кучеренко (Сыктывкар) в докладе «Зарубежная и отечественная историография об Аппии Клавдии Цеке» особо отметила тот факт, что личность Аппии Клавдии Цека, человека, соединившего в себе, по мнению Т. Моммзена, достоинства греческого и римского взгляда на мир и намного опередившего свое время, до сих пор еще не получила должного освещения в исторической науке. Специальных трудов по данной теме не так уж много (в отечественной историографии их нет вообще), так что новое обращение к этому сюжету представляется Л.П. Кучеренко как нельзя более актуальным.

В римскую тематику заседания внес некоторое разнообразие доклад *Е.А. Захаровой* (Нижний Новгород) «К вопросу о матримониальных связях греческих героев в Северном Причерноморье». Основной тезис доклада состоит в том, что, по мнению Е.А. Захаровой, все мифы, связанные со спутницами героев Ахилла (Еленой, Медеей, Ифигенией) и Геракла (змеедевой, Афродитой) в Северном Причерноморье имеют чисто греческий характер. При этом сказания о возлюбленных Ахилла повествуют о посмертном их существовании и связаны с представлением об их супруге (Ахилле) как о хтоническом божестве, царствующем на острове Левка, а легенды о спутницах Геракла ассоциируются с прижизненными подвигами этого героя.

27 октября во второй половине дня состоялось заседание секции истории религии (председатель – Ю.Б. Циркин), на котором было заслушано семь докладов. *О.В. Кулишова* (Санкт-Петербург) в докладе «Дельфы как центр Пилейско-дельфийской амфикистии» обратила внимание на различные аспекты представления античных авторов о центральной роли Дельф в Элладе. Для восприятия святилища в Пифо как центра объединения амфикистиев («вокруг живущих», согласно толкованию античных авторов) значимым было представление о Дельфах как географическом центре, в том числе и в категориях сакральной географии, ведь там находился священный омфал («пуп земли»). Кроме того, О.В. Кулишова указала на социологический аспект особенного положения

святилища Аполлона в Дельфах, на его значение в развитии разного рода связей (не только сакральных, но и политических, экономических, межгосударственных) в греческом мире, прежде всего между членами Пилейско-дельфийской амфики-тиони. В заключение автор подчеркнула особенную роль Дельфийского святилища в складывании идеи общегреческого единства. *А.В. Леонтьев* (Санкт-Петербург) сделал доклад на тему «Традиционная религия и орфико-пифагорейское движение в городах Великой Греции в V–IV вв. до н.э.». Прежде всего, автор отметил широкое распространение орфизма в греческих полисах, особенно в Великой Греции, и указал на важность таких источников, как сообщения Пиндара и так называемые «золотые таблички». *А.В. Леонтьев* показал специфику религиозных верований в некоторых городах Италии и Сицилии, отметив огромную роль почитания Деметры и Персефоны, что, однако, по мнению автора, не противоречит традиционной религии, а позволяет говорить о ее местных особенностях. *А.В. Горохова* (Москва) в докладе «Влияние оракулов на политическую жизнь Греции VI–V вв. до н.э.» рассмотрела этот вопрос на примере политической борьбы в Афинах накануне прихода к власти Писистрата и во время его тирании. Как считает автор, Писистрат проводил явную антидельфийскую политику и выдвигал в противовес Дельфам другой центр культа Аполлона – Делос. *Н.С. Широкова* (Санкт-Петербург) посвятила свой доклад «Галльский бог Езуз по античным литературным и археологическим свидетельствам» малоизвестному широкой публике галльскому божеству. Автор рассмотрела известия об этом боге на широком религиозно-мифологическом фоне, и этот контекст дал возможность определить сущность Езуза как верховного галльского бога, имеющего общие черты с германским Одним и отождествленного римлянами с Меркурием.

Последние три доклада этого заседания были посвящены христианской тематике. *Е.В. Амосова* (Великий Новгород) сделала доклад «Ранняя христианская историография (до Евсевия)», в котором показала, что эволюция представлений о месте христиан в мировой истории отражает процесс интеграции христианских общин в жизнь римского общества. Сохранившиеся фрагменты сочинений первых историков-христиан (Гегесиппа, Ипполита, Юлия Африкана) позволяют выделить ключевые этапы формирования христианской историографической традиции. В докладе «Образ мученика в христианской традиции II в.» *В.В. Василика* (Санкт-Петербург) были рассмотрены различные аспекты парадигмы мученичества: поведении мучеников, их психологический портрет, наконец, архетип самого рассказа о мученичестве. Автор отметил, что в христианской традиции подчеркивается единство слова и дела, а основным архетипом является мученичество на Голгофе. Сходной теме был посвящен доклад *А.Д. Пантелеева* (Санкт-Петербург) «Мученичество и самоубийство: проблема восприятия». Сначала автор рассмотрел культ самоубийства у античных философов, особенно у стоиков, что, по его мнению, повлияло на восприятие мученичества христиан язычниками. Обращаясь к самой христианской традиции, *А.Д. Пантелеев* отметил, что в ней прослеживаются две тенденции: одна опирается на стоицизм и выступает за активное мученичество, а другая – на платонизм и занимает противоположную позицию.

Одновременно с секцией истории религии 27 октября проходило заседание секции, посвященной проблемам источниковедения античной истории (председатель – *С.М. Жестоканов*), где было прочитано шесть докладов. Доклад *С.Г. Картюка* (Москва) «Острова и островитяне в “Истории” Фукидида» был посвящен восприятию греческими авторами V в. до н.э. историком Фукидидом, а также его современниками (Аристофаном, Псевдо-Ксенофонтом, Ксенофонтом) – понятия «остров» и анализу островного положения. Автор особо подчеркнул важность геополитического понимания островов Фукидидом и его современниками. *А.С. Степанова* (Санкт-Петербург) посвятила свой доклад теме «Идея всеобщего в концепции Полибия (исторический контекст и философский смысл)». Автор отметила, что идея всеобщего является устойчивой интеллектуальной парадигмой эллинистическо-римской эпохи. Сопоставление двух планов этой идеи – философского и историографического, – во-первых, показывает существование известного параллелизма, иногда доходящего до терминологических совпадений, а во-вторых, подтверждает, что в описываемую эпоху отнюдь не был утрачен чисто теоретический интерес, а новый исторический метод отвечал как той исторической реальности, которую являл собой греко-римский мир, ставший объектом исследования историка, так и духовной атмосфере эпохи, актуализировавшей концепт

всеобщего. В докладе *Г.С. Самохиной* (Петрозаводск) «“Тактика” Полибия и греко-римская литература по военному искусству» были высказаны возражения против распространенного мнения о том, что утерянная работа Полибия по тактике лежит в основе как наших представлений о македонской фаланге, так и всей последующей римско-эллинистической литературы по искусству ведения полевой войны. Г.С. Самохина выразила сомнение в том, что общее для подобных работ название идет от Полибия или стоиков и что при нынешнем состоянии имеющихся в нашем распоряжении текстов Полибия, Арриана, Элиана можно утверждать, что все эти авторы пользовались только работами писателей стоического направления, или что практики военного дела работали лишь на основе какого-то одного произведения по военному искусству.

А.В. Хазина (Нижний Новгород) в докладе «Статус аффективного у Посидония: исторический сюжет сквозь призму этического» рассмотрела проблему влияния этического учения Посидония Апамейского о природе человеческих аффектов на стиль и содержание его «Историй». Сопоставительный анализ отрывков из трактата Посидония «О страстях», приводимых Галеном в работе «О мнениях Гиппократов и Платона», и сюжетов из «Историй», сохранившихся в передаче Диодора Сицилийского, Страбона, Афиней, показал, что аффективное стало у Посидония предметом исследования не только этики, физики, но и истории. Внимание к иррациональной составляющей человеческих поступков связывалось с пониманием дидактической задачи историописания и во многом определяло как принцип подбора материала, так и углубленно-наблюдательный, психологический стиль исторического нарратива Посидония. В докладе *Л.В. Софроновой* (Нижний Новгород) «Античное наследие в педагогической мысли Северного Возрождения (Джон Колет и Эразм Роттердамский)» были сопоставлены положения трактата Эразма Роттердамского «О способе обучения, а также чтения и толкования авторов» (1512 г.) и Устава школы св. Павла, основанной Джоном Колетом при соборе св. Павла в Лондоне в 1512 г. Л.В. Софронова показала, что все содержание обучения в грамматической школе заключалось в латинской и древнегреческой словесности (*bonae litterae*) и состояло из двух этапов. На первом ученики осваивали оба классических языка и читали древних авторов как для совершенствования стиля устной и письменной речи, так и в качестве предварительной стадии к постижению наук. Источником научных знаний (их приобретение составляло содержание второго этапа) также служили древние авторы. Отличительной чертой педагогики английского Возрождения, отразившейся в Уставе Дж. Колета, было обращение к единой, как языческой, так и христианской, древности.

В докладе *А.В. Махлаюка* (Нижний Новгород) «Большие споры о небольшой речи: о некоторых итогах изучения речи “К царю” Псевдо-Аристиды» были рассмотрены различные точки зрения, высказанные за последние сто лет на время составления, адресата и автора названной речи. В качестве адресатов этого анонимного энкамиа предлагались самые разные римские императоры от Траяна и Антонина Пия до Деция, Филиппа Араба и Галлиена. Кроме того, высказывалось мнение, что эта речь – не более чем риторическое упражнение в жанре «царской речи» и может быть отнесена даже к IX в. История изучения речи «К царю» свидетельствует об известной ограниченности историко-филологического метода и показывает необходимость учитывать специфику риторического дискурса при изучении античной идеологии власти.

Работа конференции завершилась 28 октября 2004 г. вторым пленарным заседанием, на котором было прослушано шесть докладов. Доклад *В.В. Селиванова* (Санкт-Петербург) был посвящен теме «У истоков европейской цивилизации: слово и понятие Европы». Докладчик приводит различные версии этимологии слова «Европа», начиная с античных времен до наших дней, и склоняется к версии финикийского происхождения данного слова. *Ю.Б. Циркин* (Санкт-Петербург / Великий Новгород) в докладе «Основание Массалии и Карфагена: некоторые аналогии» предложил свой вариант ответа на вопрос, волнующий научный мир уже долгое время: можно ли рассматривать финикийскую и греческую колонизации как разновидности одного и того же явления? Докладчик указал на ряд важных аналогий в ранней истории Карфагена и Массалии, в частности, на мирные отношения с местным населением на начальном этапе колонизации, которые могли достигаться, помимо прочего, и путем заключения межэтнических браков (в карфагенском варианте такой брак, по крайней мере, намечался), и резкое обострение этих отношений в дальнейшем. Ю.Б. Циркин пришел к заключению, что

идентичность событий, связанных с основанием обоих городов, объясняется характером колонизации, для которой в обоих случаях было характерно преобладание торгового аспекта.

В докладе *Е.В. Никитюк* (Санкт-Петербург) «Парфенон: история изучения памятника» рассматривались первые этапы знакомства русских художников с памятниками греческого искусства в самой Греции в начале XIX в. Особое внимание автор уделила участию Федора Калмыка в экспедиции лорда Эльгина 1801–1803 гг., деятельности архитектора Н.Ф. Алферова по обмерам Парфенона в 1806 г., проекту изучения памятников Акрополя, разработанному президентом Академии художеств А.Н. Олениным в 1820 г. *М.Ю. Серова* (Санкт-Петербург) в докладе «Александрийская библиотека (к истории библиотечного дела в античном мире)» затронула вопросы каталогизации литературы и установления авторства в Александрийской библиотеке. Особое внимание автор уделила деятельности поэта и ученого Каллимаха на посту руководителя библиотеки. *С.И. Межеричкая* (Санкт-Петербург) в докладе «Вторая софистика как культурно-исторический феномен» сопоставила Первую и Вторую софистику в отношении той роли, которую каждая из них играла как в политике и в философии, так и в литературном процессе своей эпохи. В результате проведенного сопоставления автору удалось не только установить характер преемственности между этими двумя социокультурными явлениями, но и определить специфику Второй софистики как культурного феномена римской эпохи. В заключение был сделан вывод о том, что появление Второй софистики было предуготовано всем ходом социального и культурного развития античного общества, в результате которого риторика выдвинулась на передний план и заняла ведущее положение в духовной жизни Римской империи. Таким образом, Вторая софистика, по мнению С.И. Межеричкой, представляет собой уникальное явление поздней античности, ставшее неким соединительным звеном, точкой соприкосновения культурного наследия классической Греции с совершенно новой исторической действительностью.

В докладе *П.В. Шувалова* (Санкт-Петербург) «Поздняя античность или ранняя Византия и средневековье? Обзор новейших исследований» вниманию слушателей было представлено обозрение новейшей историографии по проблеме перехода от античности к средневековью. Основным лейтмотивом выступления стал тезис о невозможности расценивать позднеантичный период древней истории как эпоху безусловного упадка. Большой интерес представляет и другой тезис о том, что античный период в истории Европы продолжался вплоть до начала VII в. В подтверждение своей точки зрения автор ссылаясь, в частности, на мнение специалистов по культуре Византии, считающих началом византийского периода в истории искусства рубеж VIII–IX вв. Таким образом, в докладе П.В. Шувалова разрабатывалась концепция «долгой античности», пережившей варварские вторжения IV–V вв. и сошедшей с исторической арены лишь в результате нашествия на рубеже VI–VII вв. новых завоевателей – лангобардов, славян, арабов.

Закрывая работу конференции, итоги «Шестым Жебелёвским чтениям» подвел *Э.Д. Фролов*. В своем выступлении он отметил разнообразие тематики и высокий уровень представленных докладов. По сложившейся на Жебелёвских чтениях традиции значительную часть программы заняли доклады по историографии и источниковедению. Наряду с этим обсуждению подверглись различные аспекты античной истории – политического развития и государственных форм, положения и взаимоотношений различных социальных групп, темы религии и интеллектуальной жизни, военного дела, влияния античности на позднейшую европейскую культуру. В заключительном обмене мнениями особо отмечалось, что широкий состав участников из различных университетских и академических центров нашей страны свидетельствует о большом интересе, который вызвала конференция, об удачно найденном девизе и направлении Жебелёвских чтений в Петербурге.

О.В. Кулишова, Э.Д. Фролов

© 2005 г.

ЯРОСЛАВ ВИТАЛЬЕВИЧ ДОМАНСКИЙ (1928–2004)

Ярослав Витальевич Доманский умер 16 апреля 2004 г. после тяжелой болезни в достойном и почтенном возрасте. Он исчерпал свой жизненный ресурс и ушел из мира сего, оставшись в нашей памяти и в своих работах.

Друг, археолог, историк, Хранитель древностей Государственного Эрмитажа, член-корреспондент Берлинской Академии наук, коллега – таким он остается для всех, кто с ним дружил, работал или просто встречался в разных ситуациях: в родовом доме на Пушкинской улице, на даче в Комарове под Петербургом (Ленинградом), в археологических экспедициях на Юге России (Украины), в его уютном кабинете в Эрмитаже и просто на Невском проспекте, по которому он каждый день шел неторопливым шагом из дома в Кузнечном переулке в Зимний дворец.

Ярослав был петербуржец из петербуржцев, хотя родился уже в Ленинграде в квартире своих родителей на углу Пушкинской улицы и Кузнечного переуллка 14 июля 1928 г., в день взятия Бастилии в Париже. Он родился в том самом месте, где поблизости от его дома и сейчас стоит домик, в котором жила и умерла Арина Родионовна, няня А.С. Пушкина. А по дороге к его жилищу от Невского, если идти по Пушкинской, стоит скромный бронзовый Пушкин – первое и лучшее изваяние Опекушина. И вот в этом доме на верхнем этаже он прожил всю свою жизнь. Без лифта. Поднимался из типичного петербургско-ленинградского двора-колодца по крутой черной лестнице с разновеликими ступенями. И попадал в уютную квартиру. В свой дом. Несомненно, не только семейные традиции, воспитание, образование, но и уникальная среда старого Петербурга (которая местами сохраняется до сих пор) сформировала его личность как истинного петербургского интеллигента.

Отец Ярослава, В.Е. Доманский, был крупным гидротехником, известным специалистом по возведению плотин. Под его руководством были построены советские Минге-

чаурская (в Азербайджане) и Куйбышевская (в России) гидроэлектростанции. Мать, Екатерина Григорьевна, не только вела домашнее хозяйство, но и занималась живописью. После Отечественной войны и возвращения из эвакуации с Урала, закончив в 1946 г. школу, Слава Доманский поступил на исторический факультет Ленинградского государственного университета. Он стал специализироваться по кафедре археологии. И практически с самого начала увлеченно занимался античной археологией Северного Причерноморья. С 1947 по 1950 г., будучи студентом, участвовал в раскопках древней Ольвии в отряде С.И. Капошиной. И, вероятно, с этого же времени началась его постоянная и неизменная любовь к античным древностям Нижнего Побужья. Им он, в основном, и посвятил всю свою последующую жизнь. Здесь же, на истфаке он встретил свою другую, кроме археологии, судьбу – женщину, с которой связал себя навсегда. Все профессионалы-археологи, многие архитекторы и специалисты знают или знали его жену – Э.С. Доманскую, многолетнюю сотрудницу и заведующую уникальным фотоархивом Института археологии (ныне ИИМК РАН).

По окончании университета в 1951 г. Я.В. Доманский был сразу принят в аспирантуру Государственного Эрмитажа. Его научный руководитель С.И. Капошина предложила ему тему, которой она тогда занималась, – «Греческая колонизация Северного Причерноморья». Это было судьбоносное предложение. Проблемы греческой колонизации северных берегов Понта в это время уже настоятельно требовали (по мере накопления археологических источников) своего нетривиального разъяснения и новых идей. Тогда в науке господствовала теория «торговой», «двусторонней» колонизации Причерноморья. Она была логична и на первый взгляд безупречна. Ее истоки, шедшие от взглядов Эд. Мейера, прекрасно развитые в блестящей книге А.А. Иессена «Греческая колонизация Причерноморья: ее предпосылки и особенности», а затем в работах В.Д. Блаватского и других исследователей, стали классикой советской истории и археологии. Но Ярослав Витальевич уже в своей кандидатской диссертации, а впоследствии в статье, опубликованной в «Археологическом сборнике Государственного Эрмитажа» (вып. 7), подверг ее основные положения сомнению. Он впервые провел тщательный анализ раннего греческого импорта в Восточную Европу и убедительно показал, что, во-первых, нет достаточных оснований говорить о «доколониционных» регулярных торговых греко-варварских связях, а во-вторых, вряд ли торговые связи между раннегреческим поселением на о-ве Березани (как и ранней Ольвии) и варварским миром степной и лесостепной зоны Восточной Европы в архаическое время были регулярными и интенсивными (не отрицая, впрочем, спорадических контактов). На примере классического Березанского поселения он одним из первых решительно выступил против господствовавшей тогда в науке теории двусторонности торговых контактов, справедливо полагая, что колонизационная деятельность греков была вызвана их собственными потребностями, в первую очередь – голодом. Статьи, много позднее, в своей небольшой заметке, касающейся основания Херсонеса в Таврике, Ярослав Витальевич выделил основные условия и обстоятельства выведения греческих колоний. Это своего рода катехизис для тех, кто начинает заниматься конкретными проблемами греческой колонизации.

Всю свою жизнь Я.В. Доманский был сотрудником Государственного Эрмитажа. Хранителем древностей в самом высоком смысле этого слова, ведь Эрмитаж был его вторым домом. В его хранении находилась уникальная коллекция древностей Северного Причерноморья и Кавказа. Осмысление этих источников подвигло его, кроме написания специальных статей и редактирования, на публикацию книг «Скифы» (Л.: Искусство, 1981) и «Древняя художественная бронза Кавказа в собрании Государственного Эрмитажа» (М.: Искусство, 1984).

Важной стороной его жизни было участие в археологических экспедициях. Он работал в Кобяковской экспедиции под руководством С.И. Капошиной и на протяжении многих лет в Ольвийской экспедиции ЛОИИМК / ЛОИА под руководством Е.И. Леви и А.Н. Карасева, а также принимал участие в раскопках городища «Чайка» в Северо-Западном Крыму под Евпаторией, в Березанской экспедиции Государственного Эрмитажа, а с 1981 г. возглавил ее. Это соответствовало его жизненным и научным интересам.

Ярослав Витальевич был человек живой из живых. Он всегда был душой любого дружеского собрания. Именно это стало толчком полшутливого-полусерьезного «неформального», как теперь говорят, сообщества, присвоившего себе – не без некоторого вызова окружающему миру того времени (60-е годы прошлого века) – название «Академия» (или «Малая Академия»). В этот кружок вошли археологи и историки: И.Б. Брашинский, Я.В. Доманский, Э.Д. Фролов, А.Н. Щеглов и филолог-классик Н.В. Шебалин. Мы собирались без особой очередности на квартире у того, у кого было сподручно. За дружеским столом, за скудной по тому времени едой, но с неременной «бутылочкой» мы с увлечением и откровенно обсуждали все, что нас интересовало в науке, литературе, политике, личной жизни. Это был в тех условиях отличный пример микросообщества, объединявший людей по близости интересов и духу. И последнее, о чем знают только родные и близкие друзья и соратники Ярослава Витальевича, – он писал стихи. Правда, фривольные, в стиле Баркова, но талантливые.

Первым из нашего небольшого, но дружного полунаучного (а может быть все-таки научного?) сообщества в иной мир ушел И.Б. Брашинский. За ним последовал Н.В. Шебалин. Теперь – Я.В. Доманский. С его уходом мир для нас, оставшихся вдвоем, опустел. Единственным утешением остается светлая память по самому жизнелюбивому из нас.

Э.Д. Фролов, А.Н. Щеглов

ПРИЛОЖЕНИЕ

© 2005 г..

Τοῦ Ἰωάννου τοῦ Χρυσοστόμου
Κατηχήσεις πρὸς τοὺς μέλλοντας φωτίζεσθαι

Иоанн Златоуст

ОГЛАСИТЕЛЬНЫЕ БЕСЕДЫ К ТЕМ, КТО НАМЕРЕВАЕТСЯ
КРЕСТИТЬСЯ
(Серия А. Пападопулоса-Керамевса)

Вступительная статья, перевод с древнегреческого и комментарии *И.В. Пролыгиной*

<ОГЛАШЕНИЕ ТРЕТЬЕ>

<Ожидание Жениха>

(Часть 2)

1. Ныне последний день оглашения, поэтому и я, последний из всех, пришел для последнего¹ [наставления]. Я пришел в последний раз возвестить вам, что спустя два дня² грядет Жених. Но [уже теперь] восстаньте, зажгите светильники³ и ярким светом встречайте Царя небесного. Восстаньте и бодрствуйте⁴, ибо не днем, но в полночи грядет к вам Жених⁵: ведь обычай брачной церемонии таков, чтобы вручать невест женихам поздним вечером.

¹ Это последняя беседа, произнесенная перед крещением. Из самого текста (§ 4) ясно, что она была произнесена в Великую Среду и содержит последние наставления оглашенных. Цикл гомилий завершает следующая беседа, сказанная уже после крещения.

² Речь идет о Великой Субботе, когда совершалось крещение. Сравнение крещения с бракосочетанием Небесного Жениха-Христа и невесты-крещаемого – постоянный образ Златоуста во всех огласительных гомилиях. Ср. гом. I, § 1, 3 из серии Венгера.

³ Ср. Мф 25:6–10.

⁴ Ср. Мф 24:42.

⁵ Ср. Мф 25:6.

Но услышав, что грядет Жених, не оставьте без внимания это слово, ибо оно поистине важно и исполнено великого человеколюбия. Не человеческой природе Он повелел возвратиться к Нему, но Сам пришел к нам. Ибо брачный закон таков, что жених приходит к невесте, даже если он весьма богат, а она проста и презренна. Однако нет ничего удивительного, что так происходит у людей: даже если велико различие достоинства, нет никакого различия природы, даже если жених богат, а невеста бедна и проста, у них обеих одна и та же природа. Это дивно в отношении Христа и Церкви: будучи Богом, [обладателем] блаженной и чистой сущности (а вам известно, сколь велика разница между Богом и людьми⁶), Он соблаговолит снизойти до нашей природы и, оставив Отчий дом, не в силу изменения, но благодаря домостроительству по плоти, поспешил к невесте. Зная об этом, сам блаженный Павел, дивясь такому преизбытку попечения и почести, громко возопил и сказал: *Посему оставит человек отца своего и мать и прилепится к жене своей. Тайна сия велика; я говорю по отношению ко Христу и к Церкви*⁷.

2. И что удивительного, если Он пришел к невесте, когда не отказался положить за нее даже душу? Ведь, конечно, ни один жених не полагал душу за невесту, ибо никто, ни один влюбленный, даже если он сильно обуреваем страстью, не воспламеняется так к своей возлюбленной, как Бог желает спасения наших душ. «Пусть надлежит Мне быть преданным оплеванию, – говорит Он, – и бичеванию, взойти на самый Крест, Я не откажусь даже быть распятым, чтобы получить невесту»⁸. Он претерпел и перенес это, вовсе не будучи поражен ее красотой, ибо доселе не было ничего более постыдного и неприятного, чем она. Послушай же, как Павел описывает ее безобразие и непристойность: *Ибо и мы были некогда несмысленны, непокорны, заблудшие, были рабы похотей и различных удовольствий, жили в злобе и зависти, были гнусны, ненавидели друг друга*⁹. Мы ненавидели друг друга, таково было преизобилие злобы! Бог же нас, ненавидящих друг друга, не возненавидел, но пребывающих в такой непристойности, в таком безобразном состоянии души спас.

И придя и обнаружив, что невесту собираются привести к Нему нагой и непристойной, Он покрыл ее чистой ризой, снятие и славу которой не сможет представить никакое слово или ум. Как же мне сказать? Он покрыл нас Самим Собой, как ризой: *Все вы во Христа крестившиеся, во Христа облеклись*¹⁰. Увидев эту ризу свыше пророческими очами, Давид восклицал в таких словах: *Стала царица одесную Тебя*¹¹. Нищая и презренная сразу сделалась царицей и стала близ Царя. И пророк представляет Церковь и Христа, словно жениха и невесту в священном брачном чертоге¹²: *В ризу золототканную облаченная, преукрашенная*¹³. Вот и о ризе он сказал тебе. Затем, дабы услышав о золоте, тебе не впасть в чувственные [представления], пророк возводит твою мысль и обращает ее к созерцанию умопостигаемых вещей, добавляя такие слова: *Вся слава дочери внутри Царя*¹⁴.

Желаешь ли ты увидеть и ее сандалии? Они сшиты не из чувственной материи и сделаны не из обычной кожи, но из благовестия и мира, ибо сказано: *Обуйте ноги ваши в готовность благовествовать мир*¹⁵. Хочешь ли, я покажу тебе и сам вид невесты, сияющий как молния и исполненный неопишуемой красоты в окружении великого мно-

⁶ О божественной сущности и ее непостижимости для человека Златоуст подробно рассуждает в беседах I–V «Против аномеев».

⁷ Еф 5:31–32.

⁸ Ср. Мф 20:19, Мк 10:34, Лк 18:32–33. Златоуст, желая придать речи оживленность и выразительность, использует фигуру олицетворения, вкладывая в уста Христа слова, которых нет в тексте Евангелия. По смыслу они близки к словам Иисуса, когда Он в третий раз предсказывает апостолам свою смерть и крестные страдания.

⁹ Тит 3:3.

¹⁰ Гал 3:27.

¹¹ Пс 44:10.

¹² Таинственный брак Жениха-Христа и невесты-Церкви или крещаемого заключается при соблюдении трех основных обычаев: сочетания со Христом (§ 6), погружения в купель (§ 9) и причастия (гом. *Τὸν πρῶτον*, § 2). Подробно об этом Златоуст говорит в гом. I, § 14–17 (из серии Венгера).

¹³ Пс 44:10, в синод. переводе: *Стала царица одесную Тебя в Офирском золоте.*

¹⁴ Пс 44:14.

¹⁵ Еф 6:15.

жества ангелов и архангелов? Однако возьмем еще раз за руку невестоводца Павла, и он сможет сквозь это множество привести нас к ней. Итак, что он говорит? *Мужья, любите своих жен, как и Христос возлюбил Церковь и предал себя за нее, чтобы освятить ее, очистив банею водною, посредством слова*¹⁶. Ты увидел ее чистое и сияющее тело? Ты увидел ее прекрасной, сияющей ярче солнечных лучей? Затем он добавляет: *Дабы она была свята и непорочна, не имеющая пятна или порока или чего-либо подобного*¹⁷. Ты увидел сам цвет молодости, саму вершину юности? Ты желаешь узнать также ее имя? Она зовется верной и святой. Ибо сказано: *Павел, апостол Иисуса Христа, находящимся в Ефесе святым и верным во Христе Иисусе*¹⁸.

<Таинственный смысл крещения>

3. Но услышав наименование невесты, я вспомнил о старом долге: ведь я обещал рассказать вам, отчего мы называемся верными¹⁹.

Отчего же мы так называемся? Нам, верным, были доверены дела, которые не могут увидеть наши телесные очи, настолько они велики, внушают трепет и превосходят нашу природу. Ибо ни мысль не может постичь их, ни слово человеческое изъяснить, только учение веры хорошо о них знает. Поэтому Бог сотворил нам двоякие очи: очи плоти и очи веры²⁰. Когда ты приступаешь к священному таинководству, плотские очи видят воду, а очи веры зрят Дух. Те созерцают крещаемое тело, а эти – погребаемого ветхого человека²¹, те – омываемую плоть, эти – очищаемую душу, те видят тело, восстающее из вод, эти – нового сияющего человека²², восстающего в озарении из этого святого очищения. Те видят иерея, возлагающего сверху десницу и касающегося главы²³, а эти созерцают Великого Архидиакона, простигающего с небес невидимую десницу и касающегося главы. Ибо не человек крестит тогда, но Сам Единородный Отрок Божий.

И что совершилось над Владычной плотью, то совершается и над нашей. Ибо как Иоанн видимым образом касался главы, Бог Слово нисходил в потоки Иордана и крестился, а Отчий глас произносил свыше: *Сей есть Сын Мой возлюбленный*²⁴, так и Дух Святой [действовал] Своим наитием. Это происходит и с твоей плотью, ибо крещение совершается во имя Отца и Сына и Святого Духа²⁵. Поэтому и Иоанн, наставляя нас, говорил, что не человек нас крестит, но Бог: *Идет за мной Сильнейший меня, у Которого я не достоин развязать ремень обуви Его; Он будет крестить вас Духом святым и огнем*²⁶.

Поэтому и иерей, крестя, не говорит: «Крещая такого-то», но «Крещается такой-то во имя Отца и Сына и Святого Духа²⁷», показывая, что не он крестит, но Отец, Сын и Дух Святой, имя Которых и призывается. Поэтому и нынешнее наше исповедание называется верой, и ничего иного мы не позволяем вам сказать, пока вы не скажете: «Ве-

¹⁶ Еф 5:25–26.

¹⁷ Еф 5:27.

¹⁸ Еф 1:1.

¹⁹ См. гом. II, § 8. Название «верные» Златоуст объясняет также в гомилии *Τὸν πρῶτον*, § 1 (PG 49, 232).

²⁰ Златоуст подробно развивает мысль об очах плоти и очах веры в гом. II, § 9–10 (из серии Венгера).

²¹ Ср. Еф 4:22.

²² Ср. Еф 4:24.

²³ Златоуст указывает точную последовательность жестов священника, совершающего крещение. Сначала он возлагает правую руку на голову крещаемого, а затем погружает ее в воду, призывая имя Св. Троицы (см. гом. II, § 10 из серии Венгера). В гом. II, § 10 из серии Венгера Златоуст упоминает о том, что крещение совершает *ἀρχιερεὺς*, епископ, хотя далее он говорит о священнике, *ιερεὺς*. Известно, что крещальную литургию совершал епископ и на ней обычно присутствовало несколько священников, так как число крещаемых было достаточно велико. С другой стороны, само слово *ιερεὺς* может обозначать у Златоуста как священника, так и епископа (см. «О священстве», II, 3).

²⁴ Мф 3:17.

²⁵ Ср. Мф 28:19.

²⁶ Лк 3:16, Ин 1:27.

²⁷ Ср. гом. II, § 22, 26 из серии Венгера. Такая формулировка использовалась в крещальной литургии в Антиохии, о ней упоминает также Феодор Мопсуэстийский (Hom. cat. III, 15).

рую²⁸». Это слово – незыблемое основание, имеющее свыше непоколебимое строение. Потому и Павел говорит: *Ибо надобно, чтобы приходящий к Богу веровал, что Он есть*²⁹. Потому и ты, приходя к Богу, прежде веруешь и затем производишь это слово³⁰. Иначе, ты не смог бы ни сказать, ни уразуметь ничего прочего.

И дабы умолчать о том неизреченном и не имеющем свидетелей рождении³¹, я скажу об этом, которое произошло на земле, чему было множество свидетелей, и самим изложением происшедшего приведу тебя к убеждению, что без веры невозможно никогда постичь даже этого. Невместимый, скрепляющий и удерживающий³² вселенную вошел в девственную утробу. Как, скажи мне, и каким образом? Доказать это невозможно, но если ты приступишь к вере, она вполне сможет тебя убедить. Ибо то, что превосходит немощь наших мыслей, следует предоставить учению веры. Об этом образе рождения не знает даже Матфей, который сам написал о нем. Ведь он сказал: *Оказалось, что Она имеет во чреве от Духа Святого*³³, сам же образ рождения не разъяснил. И Гавриил не разумеет [этого], ибо даже и он говорит только: *Дух Святой найдет на Тебя, и сила Всевышнего осенит Тебя*³⁴. А как и каким образом – этого он не разумеет.

<Время совершения таинства>

4. Но предоставим слово о вере учителю³⁵, а нам можно поговорить с вами в другой раз, когда будет много непосвященных³⁶. Сегодня же следует поговорить о том, что необходимо услышать теперь только вам и чего нельзя поведать в присутствии тех³⁷. О чем же? Послезавтра, в пятницу, в девятый час, от вас потребуются [принести] некоторые слова и заключить договор³⁸ с Владыкой. Не случайно я напомнил вам об этом дне и часе: ведь и у них можно научиться некоему таинству. Ибо в пятницу, в девятый час, разбойник вошел в рай³⁹, тьма, которая была от шестого часа до девятого⁴⁰, исчезла, и чувственный и умопостигаемый Свет был тогда принесен в жертву за вселенную. Ведь тогда Христос сказал: *Отче! В руки Твои предаю дух Мой*⁴¹. Тогда это чувственное солнце, увидев Солнце правды⁴², сияющее с креста, скрыло лучи⁴³. Итак, когда ты соберешься приступить около девятого часа [ко крещению], вспомни о величии подвигов [Христовых] и подсчитай дарованное тебе. Ведь отныне ты будешь не на земле, но воскреснешь и достигнешь душою самих небес.

²⁸ Возможно, в этих словах содержится намек на исповедание веры, которое могло произойти среди крещаемых в Великую среду.

²⁹ Евр 11:6.

³⁰ Ср. Рим 10:9.

³¹ То есть предвечном рождении Сына от Отца.

³² Ср. Прем 1:7.

³³ Мф 1:18.

³⁴ Лк 1:35.

³⁵ Скорее всего, речь идет об антиохийском епископе Флавиане, который был учителем Златоуста и всей христианской общины Антиохии. Он занимал епископскую кафедру в 388 г., когда были произнесены эти гом依ии. Ср. гом. *Τὸν πρῶτον*, § 1 (PG 49. 231–233). Епископ, видимо, обращался к оглашенным позднее, завершая их наставление.

³⁶ Очевидно, речь идет о тех непосвященных (ἀμόητοι), которые еще не были записаны в группы оглашенных и не готовились к предстоящему крещению.

³⁷ Подобный совет не раскрывать смысл таинства Крещения встречается в «Паломничестве Эгерии». 46. 2 (см. Подвижники благочестия Синайской горы. Письма паломницы IV века. М., 1994. С. 218–219).

³⁸ Слово *συνθήκη* – «договор», заимствовано из юридической терминологии. Обязательства, взятые христианином перед Богом, фиксируются настоящим договором, который христианин обязан соблюдать так же, как их соблюдает Бог. В гом. II, § 20 (из серии Венгера) Златоуст говорит, что произнесенные крещаемыми слова записываются в небесных книгах.

³⁹ Ср. Лк 23:43.

⁴⁰ Ср. Лк 23:44.

⁴¹ Лк 23:46, форма *παράθησομαι* – «предам» встречается в нескольких древних рукописях Нового Завета; в синодальном переводе: *...предаю дух Мой*.

⁴² Ср. Мал 3:20.

⁴³ Ср. Лк 23:44–45.

Надлежит также, чтобы вы приступили [ко крещению] тогда все сообща. Ибо заметить, что всем вам подается все сообща, дабы ни богатый не презрел бедного, ни бедный не считал, будто у него чего-то меньше, чем у богатого. *Ибо во Христе Иисусе нет ни мужского пола, ни женского, ни скифа, ни варвара, ни иудея, ни эллина*⁴⁴, но уничтожается неравенство не только возраста и природы, но и всякого достоинства: одно у всех достоинство, один дар, одни у нас узы братства, одна и та же благодать⁴⁵. Итак, вам надлежит тогда, приступив, всем вместе преклонить колени, а не стоять прямо, и, простирая руки к небу, возблагодарить Бога за этот дар. Священные законы повелевают опуститься на колени, дабы и видом своим исповедать владычество [Господа]. А о том, что преклонение колен свойственно исповедующим покорность [Господу], послушай, что говорит Павел: *Пред ним преклонится всякое колено небесных, земных и присподних*⁴⁶. Итак, преклонившим колени тайноводцы повелевают произносить такие слова: «Отрекаюсь от тебя, сатана»⁴⁷.

<Сокрушение о грехах, совершенных после крещения>

5. Теперь настало мне время плакать, разум мой в смятении, и я горько стенаю. Отчего мне вспомнился тот священный вечер, когда и я был удостоен произнести это блаженное изречение, когда был приведен к страшному и святому тайноводству? Мне вспомнилась та чистота, и грехи, которые я накопил впоследствии до сего дня⁴⁸. Подобно тому как некие жены, которые после богатства и благосостояния впадают в крайнюю нищету и, взирая на других дев, как они становятся невестами, выходят замуж за богатых женихов, наслаждаются великими почестями, и заботливо и торжественно уводятся [к жениху], терзаются и скорбят не оттого, что завидуют чужому счастью, но оттого, что в благополучии других еще сильнее осознают собственное несчастье; так и я испытываю теперь нечто подобное. Но дабы, повествуя ныне о своих горестях, мне еще более не омрачить это слово, давайте вновь обратимся к вам.

<Отречение от сатаны и сочетание со Христом>

6. «Отрекаюсь от тебя, сатана». Что произошло? Что за странные и необычные слова? Ты ли, боящийся и трепещущий, восстал против тирана? Ты ли презираешь его жестокость? Кто подвиг тебя на такое безумие? Откуда появилось у тебя дерзновение? «Оружие, – говорит, – имею крепкое». Какое оружие, какую помощь? – скажи мне. «Сочетаюсь с Тобой, Христом, – говорит. – Потому я дерзаю и восстаю, что имею надежное прибежище. Оно сделало меня, прежде боящегося и трепещущего, сильнее беса. Потому я отрекаюсь не только от него одного, но и от всей свиты его»⁴⁹.

Свитой же дьяволу служит всякий вид греха: незаконные зрелища, конские скачки, собрания, исполненные смеха и сквернословия⁵⁰; свитой дьяволу служит ворожба и га-

⁴⁴ Ср. Кол 3:11, Гал 3:28.

⁴⁵ Ср. гом. II, § 13 (из серии Венгера), гом. X на Ин (PG 59. 75–76).

⁴⁶ Флп 2:10.

⁴⁷ О коленопреклонении при отречении от сатаны см. гом. II, § 18 (из серии Венгера). Об этом же упоминает Феодор Мопсуестийский (Hom. cat. II, 3). В Иерусалиме, видимо, этот обычай совершался стоя; см. *Кирилл Иерусалимский*. Тайноводственные поучения. I. 2.

⁴⁸ Ср. гом. II, § 19 (из серии Венгера).

⁴⁹ Обращение к слушателям в форме вопроса и тут же даваемого на него ответа (одна из фигур аргументации – так называемый «диалектикон») или разговор с вымышленным собеседником во втором лице («олицетворение») являлись характерной чертой жанра диатрибы и часто использовались в судебном красноречии ораторами Второй софистики. Эти фигуры придают речи черты диалога, оживляют ее и делают наглядной и более убедительной.

⁵⁰ Об осуждении театральных зрелищ см. гом. II, § 3. Посещение скачек также резко порицается отцами Церкви, см. гом. *Τὸν πρῶτον*, § 5, гом. LVIII на Ин (PG 59. 320); *Кирилл Иерусалимский*. Тайноводственные поучения. I. 6. В VI гом. на Бытие (PG 53. 56) Златоуст говорит, что достойны порицания не скачки сами по себе, а беспорядки, которые их сопровождают: «крики, богохульства и бездна неприличных слов, непотребные женщины и женоподобные юноши».

дания, предсказания и наблюдение времен⁵¹, приметы⁵², талисманы и заклинания. Крест – дивный талисман и самое великое заклинание, и блаженна душа, произносящая имя распятого Иисуса Христа: призови его, и всякая болезнь убежит, всякий замысел сатанинский отступит от тебя.

Итак, запомни эти слова, это – договор с Женихом. Ибо как при бракосочетании непременно заключаются соглашения о брачных дарах и приданом, то же самое происходит и ныне до брака. Жених нашел тебя нагой, нищей и безобразной и не прошел мимо, ибо нужно всего лишь твое произволение. Посему вместо приданого принеси эти слова, и Христос сочтет их за великое богатство, если ты сохранишь их навсегда, ибо Его богатство – спасение наших душ. Послушай, как говорит Павел: *Богатый для всех и ко всем призывающим Его*⁵³.

<Миропомазание и крещение>

7. После этих слов, после отречения от дьявола, после сочетания со Христом, когда вы стали отныне своими [Ему] и ничего общего не имеете с тем, другим, [иерей] повелевает, чтобы ты тотчас получил печать и начертывает на твоем челе крест. И так как естественно, что тот зверь, услышав эти слова, становится еще более свирепым – ибо не ведает стыда – и желает броситься в самое лицо, [иерей], изображая помазанием крест на твоем лице, сдерживает все его безумие. Ибо он уже не дерзнет впредь прямо взглянуть в это лицо, но, видя исходящие оттуда лучи, ослепленный, отступает.

Крест изображается через помазание, помазанием же служат одновременно елей и миро: миро – как невесте, елей – как борцу⁵⁴. И опять-таки о том, что не человек, но Сам Бог помазывает тебя руками иерея, послушай слова Павла: *Утверждающий же нас с вами во Христе и помазавший нас есть Бог*⁵⁵. И поскольку этим помазанием помазуются все члены⁵⁶, ты сможешь безопасно сдерживать этого дракона и не поддаваться никаким страхам.

8. Итак, после этого помазания остается приступить к купальне со святой водой. Тогда иерей, совлекши с тебя одежду, сам низводит тебя в источники. Почему же нагого? Он напоминает тебе о прежней нагоге, когда ты был в раю и не стыдился, ибо сказано: *Были Адам и Ева наги и не стыдились*⁵⁷, пока не приняли одеяние греха, преисполненное великого стыда. Поэтому не стыдись и здесь, ибо купальня намного лучше рая. Здесь нет змея, но здесь есть Христос, приводящий тебя к таинству возрождения от воды и Духа⁵⁸. Здесь нет красивых и приятных на вид деревьев⁵⁹, но здесь есть духовные дары. Здесь нет древа познания добра и зла⁶⁰, нет закона и заповедей⁶¹, но есть

⁵¹ Ср. Гал 4:10. Речь идет скорее всего об иудейских праздниках, от соблюдения которых Златоуст предостерегал слушателей вслед за апостолом Павлом. См. также «Против иудеев», III, 4, 6 (PG 48. 866, 870).

⁵² Несколько примеров таких примет Златоуст приводит в гом. *Τὸν πρόην*, § 5: например, дурной приметой считалось встретить при выходе из дома девушку, тогда как хорошей – блудницу. См. также гом. I, § 39 из серии Венгера.

⁵³ Рим 10:12; ср. Рим 3:22.

⁵⁴ Новокрещаемый сравнивается с борцом, так как ему предстоит бороться со злыми духами. Ср. гом. II § 23, 24 из серии Венгера. См. также: *Амвросий Медиоланский. Sacr. I:4; Феодор Мопсуэстийский. Not. cat. II, 18; Кирилл Иерусалимский. Тайноводственные поучения. II. 3.*

⁵⁵ 2 Кор 1:21.

⁵⁶ Златоуст различает два помазания перед крещением: в Великую пятницу, после произнесения слов о сочетании со Христом помазывался лоб крещаемого, а на следующий день, вечером в Великую Субботу, все тело (ср. гом. II, § 22, 23 из серии Венгера). Здесь речь идет о втором помазании тела, которое совершалось непосредственно перед крещением. Феодор Мопсуэстийский также упоминает о двух помазаниях (Not. cat. II, 17–19; III, 8). Кирилл Иерусалимский, напротив, говорит только об одном помазании тела перед крещением.

⁵⁷ Быт 2:25.

⁵⁸ Ср. Ин 3:5, Тит 3:5.

⁵⁹ Ср. Быт 2:9.

⁶⁰ Ср. Быт 2:17.

⁶¹ Ср. Быт 3:3.

благодать и дары [Святого Духа]. *Грех не должен над вами господствовать, ибо вы не под законом, но под благодатью*⁶².

<Просьба помолиться о наставниках и иереях>

9. Однако после того, как вы с такой радостью выслушали мои слова, я попрошу у вас одно вознаграждение за эту радость, о чем уже просил вас вначале⁶³. Когда вы спуститесь в купель с той водой, помяните мое ничтожество. Я недавно просил вас об этом, когда вспоминал об Иосифе, который говорил главному виночерпию: *Вспомни же меня, когда хорошо тебе будет*⁶⁴. И я сказал вам вначале: «Вспомните меня, когда хорошо вам будет». Ныне же не говорю: «Вспомните меня, когда хорошо вам будет», но «вспомните меня, потому что вам стало хорошо». И тот говорил: «Вспомни, что я не сделал ничего дурного»⁶⁵. Я же говорю: «Вспомните обо мне, потому что я сделал много дурного по своему лукавству».

Ныне велико дерзновение всех вас к Царю: мы посылаем вас вместе как ходатаев за человеческое естество. Вы подносите Ему не золотой венец, но венец веры, и Он примет вас с большим благоволением. Поэтому помолитесь за всеобщую Матерь [Церковь], чтобы быть ей незыблемой и непоколебимой, и за архиерея, руками и словами которого вы получаете эти блага. Расскажите ему об иереях, сидящих рядом с нами⁶⁶, о роде человеческом, дабы были отпущены нам не денежные долги, но грехи. Пусть ваши преуспевания станут общими, ибо велико ваше дерзновение к Владыке, и Он примет вас с лобзанием.

<Святое лобзание>

10. Но коль скоро я вспомнил о лобзании, то хочу и о нем сказать вам. Всякий раз, когда мы собираемся прикоснуться к священной Трапезе, нам повелевается любить друг друга и преподавать святое лобзание. Для чего? Тогда как телами мы разделены, души в то самое время соединяем друг с другом лобзанием, дабы наше собрание стало таким, каким оно было у апостолов, когда у всех верующих были одно сердце и одна душа⁶⁷. Ибо так надлежит приступать к священным тайнам, в соединении друг с другом. Послушай, что говорит Христос: *Если ты принесешь дар твой к жертвеннику и там вспомнишь, что брат твой имеет что-нибудь против тебя, оставь там дар твой пред жертвенником, и пойди прежде примиришься с братом твоим, и тогда приди и принеси дар твой*⁶⁸ (Мф 5:23–24). Он не сказал «прежде принеси», но «прежде примиришься и тогда принеси». Поэтому и мы, когда собираемся предложить дар, прежде примиряемся друг с другом и только тогда подходим к жертве.

Есть и иное таинственное объяснение этого целования. Дух Святой соделал нас храмами Христовыми⁶⁹. Поэтому, целуя друг друга устами, мы приветствуем преддверия храма. И пусть никто не совершает этого с лукавой совестью, с коварным умыслом, ибо это целование свято: *Приветствуйте друг друга, – говорит апостол, – святым целованием*⁷⁰.

Памятуя обо всем этом, сохраним навсегда это сочетание [со Христом], отречение [от дьявола] и дерзновение, которое дарует нам ныне Владыка, и соблюдаем себя чистыми и непорочными, дабы с великой славой встретить нам Небесного Царя, удостоиться быть восхищенными на облаках⁷¹ и явиться достойными Царствия Небесного. Да

⁶² Рим 6:14.

⁶³ См. гом. I, § 2.

⁶⁴ Быт 40:14.

⁶⁵ Ср. Быт 40:15.

⁶⁶ Это место напоминает описание оглашения перед крещением в Иерусалиме, сохранившееся в «Паломничестве Эгерии» (45. 2), где говорится: «...для епископа ставится кафедра в главной церкви, в Мартириуме. По обе стороны кафедры садятся пресвитеры на сидениях, а остальные клирики стоят вокруг».

⁶⁷ Ср. Деян 4:32.

⁶⁸ Мф 5:23–24.

⁶⁹ Ср. 1 Кор 3:16, 6:19.

⁷⁰ 1 Кор 16:20.

⁷¹ Ср. 1 Фес 4:17.

сподобимся и мы все достигнуть его благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава во веки⁷². Аминь.

ОГЛАШЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

<Новокрещенные сияют ярче небесных звезд>

1. Благословен Бог⁷³! Вот и с земли сияют звезды, звезды ярче небесных⁷⁴. Звезды на земле благодаря Явившемуся с неба на землю. И не только на земле звезды, но даже днем звезды. Это второе чудо. Днем звезды ярче, чем ночью. Ибо те скрываются с появлением солнца, а эти сверкают еще ярче с явлением Солнца правды⁷⁵. Ты видел когда-нибудь звезды, сияющие вместе с солнцем? 2. Те угасают в конце [веков], а эти сияют еще ярче с его наступлением. И о тех Евангелие говорит, что *звезды спадают с неба, как спадают листья с виноградной лозы*⁷⁶. А об этих – что *праведники воссияют как солнце в Царстве небесном*⁷⁷. 3. Что значит «*как спадают листья с виноградной лозы, так и звезды спадают с неба*»? Как виноградная лоза, пока она питает гроздь, имеет нужду в лиственной защите, а когда сбрасывает плод, тогда и листву сбрасывает; так и весь мир, пока имеет в себе человеческий род, небо удерживает и звезды, словно виноградная лоза листья. Когда же ночи не будет, не будет нужды и в звездах. 4. Природа тех звезд огненная, сущность этих звезд тоже огненная. Но там огонь чувственный, а здесь – умопостигаемый. Ибо сказано: «*Он будет крестить вас Духом Святым и огнем*»⁷⁸. Хочешь узнать названия тех и других звезд? Те называются Орион, Арктур, Геспер⁷⁹ и Фосфор⁸⁰. Среди этих же звезд нет ни одной вечерней звезды, но все утренние⁸¹.

<Бесчисленные дары крещения>

5. Благословен Бог, – скажем снова, – *Единый творящий чудеса*⁸², творящий все и преображающий! Вчерашние пленники ныне свободны и граждане Церкви; прежде облеченные позором грехов, ныне в дерзновении и праведности. В самом деле, они не только свободны, но и святые, не только святые, но и праведны, не только праведны, но и сыновья, не только сыновья, но и наследники, не только наследники, но и братья Христовы, не только братья Христовы, но и сонаследники, не только сонаследники, но

⁷² Эта доксология значительно короче, чем в двух предыдущих гомилиях, и она обращена только ко Христу.

⁷³ Восклицание: «Благословен Бог!» – обычное вступление для гомилетики IV–V веков. Златоуст начинает с этих слов около двадцати гомилий. В гом. XXI «О статуях» (PG 49. 211) он сам говорит о предпочтении, которое он отдает такому зачину: «Я начну сегодня свою речь с тех же слов, с которых я обычно начинал свою речь во время бедствий, и скажу вместе с вами: Благословен Бог!».

⁷⁴ Златоуст сравнивает новокрещенных со звездами, очевидно, потому, что гомилия произносилась пасхальной ночью после крещения. Близкое к этому сравнение встречается в гомилии, произнесенной в храме, посвященном св. Фоме (PG 63. 470), которая произносилась также ночью, где Златоуст сравнивает верующих со звездами и луной. Чаще он сравнивает крещаемых с солнцем, см. гом. I, § 10. Грешник выходит из вод крещения «светлее солнечных лучей». Встречается также сравнение новокрещенных с «весенними цветами» (гом. на Пасху, PG 50. 439) и «рыбами, пойманными апостольской сетью» (ibid. 439).

⁷⁵ Ср. Мал 3:20.

⁷⁶ Мф 24:29; Ис 34:4.

⁷⁷ Мф 13:43.

⁷⁸ Мф 3:11.

⁷⁹ ἑσπερος, букв. «вечерняя звезда».

⁸⁰ φωσφορος, букв. «светоносец», «утренняя звезда», традиционный перевод – «Денница».

⁸¹ Гомилия на Пятидесятницу (PG 52. 803), относящаяся к sruigia, почти дословно воспроизводит этот отрывок.

⁸² Пс 71:18.

и члены, не только члены, но и храм, не только храм, но и орудия Духа⁸³. 6. *Благословен Бог, единый творящий чудеса!* Ты увидел, сколь велики дары Крещения? Хотя многим кажется, что дар [Крещения] состоит лишь в отпущении грехов. Мы же насчитали десять почестей⁸⁴. Потому-то мы и крестим детей, хоть они и не имеют грехов⁸⁵, чтобы они приняли освящение, праведность, сыноположение, наследие, братство, стали бы членами Христа, сделались бы жилищем Святого Духа. 7. Но, возлюбленные братья, если только позволено мне называть вас братьями, и я был соучастником одного с вами рождения, но затем по нерадению погубил это совершенное и подлинное родство. И все же позвольте мне назвать вас братьями по великой любви и призвать вас проявить тем большую ревность, чем большей почести вы отведаете.

<Новокрещенным предстоит сражение с дьяволом>

8. Время для Крещения было школой и упражнениями, и ошибки прощались. С нынешнего дня открыта арена, предстоит состязание, над вами сидят зрители, не только человеческий род, но и ангельский лик взирает на вашу борьбу⁸⁶, и Павел восклицает в послании к Коринфянам: *Мы стали зрелищем для мира, не только для людей, но и для ангелов*⁸⁷. Итак, ангелы – зрители, а Владыка ангелов – судья состязаний. Это не только честь, но и защита. Ведь когда состязание судит положивший за нас свою душу, разве не великая это честь, не надежная защита? 9. На олимпийских состязаниях судья стоит среди состязающихся, не присоединяясь ни к тому, ни к другому, но ожидает исхода. И потому он стоит посередине, что и в суждении он посередине. В нашем же [сражении] с дьяволом Христос стоит не посередине, но полностью за нас⁸⁸. И то, что Он не посередине, но полностью с нами, смотри из этого. Нас, приступающих к состязанию, Он помазал, а его сковал. Нас Он помазал маслом веселия, его сковал несокруши-

⁸³ В порядке возрастания Златоуст перечисляет 20 даров крещения. Несмотря на ярко выраженную риторическую окраску этого отрывка (так называемая фигура «градация»), он не уклоняется от текста Писания. Все перечисленные дары крещения можно найти в тексте Евангелия или посланиях Павла: «свободные» – Ин 8:36, «святые» – Рим 1:7, «праведные» – Рим 2:17, «сыновья» – Рим 8:14, «наследники» – Рим 8:17, «братья» – Мф 12:50, «сонаследники» – Рим 8:17, «члены» – 1 Кор 6:15, «храм» – 1 Кор 3:16. Только последнего названия «орудие Духа» нет в Писании.

⁸⁴ Златоуст часто перечисляет разные дары крещения, в этой серии гомилий см. гом. I, § 11. В гом. *Τὸν πρῶτον*, § 1 он говорит: «Ты называешься верным потому, что веруешь в Бога, и тебе самому Он верит, подавая оправдание, освящение, чистоту души, усыновление, царство небесное». В гом. XI на Мф (PG 57. 197) он говорит: «Он будет крестить вас Святым Духом. Это означает отпущение грехов, отнятие наказания, оправдание, освящение, искупление, усыновление, братство, участие в наследии и обильное излияние Святого Духа», см. также гом. III на Рим (PG 51. 160).

⁸⁵ Златоуст говорит, что дети не имеют грехов. Можно понять множественное число «грехов» в смысле личных грехов, как понимал это Августин. Однако, перечисляя дары крещения, которых устаиваются дети, Златоуст повторяет все то, о чем говорил выше, кроме «освобождения от грехов», предполагая, видимо, что они свободны от всякого греха. Вообще учение Златоуста о первородном грехе остается до конца неясным (в гом. XIX и XXI на Бытие (PG 53. 162, 180) он говорит, что грех Каина был больше, чем грех Адама, и что Енох благодаря своей совершенной добродетели обрел бессмертие, которого лишился из-за греха Адама. Душа новокрещенного чиста так же, как при рождении, – гом. XL на 1 Кор (PG 61. 349). Наконец, о детях, убитых еще в утробе, Златоуст говорит: «Души праведных в руках Божиих, и если так происходит с душами праведных, то же происходит и с душами детей, поскольку их души лишены порока» (гом. XXVIII на Мф, PG 57. 353). С другой стороны, часто он явно говорит о долге, приобретенном человеческим родом из-за согрешения Адама.

⁸⁶ Несмотря на частое осуждение спортивных состязаний и конских скачек, Златоуст постоянно использует образы, заимствованные из этой сферы (ср. гом. III, § 7), поскольку они были наиболее близки его слушателям. Перед началом олимпийских игр спортсмены тренировались тридцать дней, затем следовала церемония открытия игр и представления состязающихся (PG 51.76). Тридцать дней длился и период подготовки оглашенных, см. гом. I, § 2.

⁸⁷ 1 Кор 4:9.

⁸⁸ На олимпийских играх зрители сидели в цирке, отделенные от арены преградой, чтобы слишком ревностные болельщики не могли ворваться на стадион. В центре стадиона между состязающимися стоял судья, который не имел права помогать ни одному из спортсменов. В духовной борьбе между христианином и дьяволом судья – Христос, причем Он полностью на стороне верующего и помогает ему в битве с дьяволом; ср. гом. *Τὸν πρῶτον*, § 3.

мыми оковами, чтобы воспрепятствовать его уловкам⁸⁹. И если мне случится споткнуться, Он протягивает руку, упавшего поднимает и снова побуждает наступать, ибо сказано: *Наступайте на змей и скорпионов и на всю силу вражью*⁹⁰. 10. Тому после победы Он пригрозил геенной. Если я одержу победу, буду увенчан. Если тот победит, будет наказан. И чтобы ты знал, что враг несет большую кару, когда одерживает верх, я покажу тебе это на примере. Он перехитрил Адама и победил. Какова же награда за победу? *На груди и чреве будешь ходить и будешь есть прах во все дни жизни твоей*⁹¹. Если же Бог так наказал телесного змея, каким наказанием Он покарает духовного? Если таков приговор орудию, то, очевидно, гораздо большее наказание ожидает мастера. Но как любящий отец, найдя убийцу своего сына, не только отмищает ему, но и сам меч уничтожает, так и Христос, найдя дьявола, убийцу человека, не только покарал его самого, но сокрушил и сам меч⁹². 11. Итак, дерзая, приготовимся к борьбе, ибо [Христос] облек нас оружием, которое ярче самого золота, крепче стали, жарче и сильнее всякого огня, легче всякого воздуха. И природа этого оружия не отягощает колени, но окрыляет члены, поднимает на воздух, и если ты захочешь взлететь на небо с этим оружием, ничто не воспрепятствует. Ибо природа этого оружия – новая, ибо и способ этого сражения – новый. Ведь будучи человеком, я вынужден биться с бесами, будучи облечен плотью – бороться с бестелесными силами. Поэтому Бог сделал мне панцирь не из железа, а из праведности. Поэтому он снабдил меня щитом не из меди, а из веры. У меня есть и заточенный меч, слово Духа. Тот пускает в меня стрелы, а у меня меч. Он – лучник, я – голплит. Узнай и из этого его замысел: стрелок не осмеливается подойти близко, но мечет стрелы издали.

<Сила крови Христовой>

12. Так что же? Только ли оружием снабдил тебя [Бог]? Нет, но Он приготовил и трапезу сильнее всякого оружия, дабы ты воевал без усталости, дабы в довольстве победил лукавого. Ибо если только он увидит тебя, возвращающегося с вечери Господней, то, словно увидев льва, испускающего из пасти огонь, убегает быстрее самого ветра. И если ты покажешь ему язык, обагранный пречестной кровью, он не сможет даже устоять. Если же покажешь окровавленные уста, то, как жалкий зверь, убежит восвояси. 13. Итак, хочешь узнать силу этой крови? Обратимся к ее прообразу, к древним рассказам о Египте. Бог намеревался навести десятую казнь на египтян, ибо хотел истребить их первенцев, потому что они удерживали народ, который был Его первенцем. Что же было нужно, чтобы не спутать иудеев и египтян, раз они обитали в одном месте? Узнай силу прообраза, чтобы узнать и могущество истины⁹³. Ниспосланная Богом казнь должна была обрушиться свыше, и [ангел] губитель обходил дома. 14. Что же Моисей? *Принесите*, – сказал, – *в жертву агнца непорочного и помажьте его кровью двери*⁹⁴. Что ты говоришь? Кровь бессловесной [твари] смогла спасти разумных людей? «Да, – говорит Моисей, – не потому, что это кровь, а потому, что это прообраз крови Господней. Ибо как царские статуи, будучи бездушны и бесчувственны, спасают прибегающих к ним людей⁹⁵, наделенных душой и чувствами, не потому, что они из меди, но потому, что являют образ царя, так и та кровь, лишенная чувств и души, спасла обладаю-

⁸⁹ В некоторых рукописях конец этого параграфа заканчивается иначе: «Христос сковал дьявола несокрушимыми оковами, чтобы воспрепятствовать его уловкам. Я видел сатану, ниспавшего с неба как молния. Наступайте на него. А нас, даже если мы упадем, Он поднимает и говорит: «упавший не поднимется ли?» И если мы спим, пробуждает, ибо сказано: «Вставай, спящий». Хочешь увидеть еще больше? После победы Бог уготовал нам небо».

⁹⁰ Лк 10:19.

⁹¹ Быт 3:14.

⁹² Бог карает не только дьявола, но также змея, который был его орудием обольщения. Ср. гом. XVII на Бытие (PG 53. 141).

⁹³ Кровь пасхального агнца, которой были помечены двери еврейских домов в Египте, – обычный у Отцов Церкви прообраз крови Господней. Гом. XLVI на Ин (PG 59. 261) почти дословно повторяет конец этого параграфа.

⁹⁴ Исх 12:21–22.

⁹⁵ Златоуст говорит здесь о праве убежища. В 386 г. по закону Феодосия эта привилегия распространялась на императорские статуи. Человек, искавший убежища подле статуи императора, сохранял неприкосновенность в течение десяти дней. См. Кодекс Феодосия. IX. 44. 1; Baur P. Chr. Der heilige Johannes Chrysostomus und seine Zeit. I–II. München, 1929. S. 215.

щих душой людей не потому, что была кровью, но потому, что была прообразом этой крови [Господней]⁹⁶. 15. Тогда увидел губитель помазанные кровью двери и не посмел войти, ныне же, если дьявол увидит не на дверях помазанную кровью прообраза, а на устах верных помазанную кровью истины, [кровь] на дверях Христоносного храма, разве не удержит себя гораздо более? Ибо если ангел, увидев этот прообраз, убоился, то тем более дьявол, увидев истину, обратится в бегство.

<Церковь создана из ребра Христова>

16. Хочешь ли ты узнать и из другого примера силу этой крови? Посмотри, откуда она проистекла вначале и откуда взяла свой источник: свыше, с креста, из ребра Владыки. Ибо сказано, что когда Христос умер и еще был на кресте, *воин, подойдя, пронзил [Его] ребро копьем*, и затем истекла вода и кровь⁹⁷. И одно было символом крещения, а другое – [святых] таин. Поэтому не сказано: «Истекла кровь и вода», но сначала истекла вода, а затем кровь, потому что сначала крещение, а затем [святые] тайны⁹⁸. Итак, тот воин пронзил ребро, проломил стену святого храма, и я обрел сокровище и получил богатство. Так случилось и с агнцем: иудеи закалывали овец, а я наслаждался спасением, плодом этой жертвы. 17. «Истекла из ребра вода и кровь». Не проходи поверхностно, возлюбленный, мимо этого таинства. Ибо я хочу сказать и о другом таинственном смысле. Я сказал, что та кровь и вода – это символ крещения и [святых] таин. И из этих двух [таинств] родилась Церковь *банею возрождения и обновления Духом Святым*⁹⁹, через крещение и [святые] тайны. Символы же крещения и [святых] таин – из ребра. Стало быть, из ребра Христос создал Церковь, так же как из ребра Адама создал Еву¹⁰⁰. 18. Поэтому и Моисей, повествуя о первом человеке, говорит: *Кость от костей моих и плоть от плоти моей*¹⁰¹, намекая нам на ребро Владыки. Ибо как тогда взял Бог ребро и сотворил женщину, так [теперь] дал нам кровь и воду из Своего ребра и вновь сотворил Церковь. Итак, как тогда Он взял ребро у Адама в иступлении сна, так и теперь после смерти Он дал кровь и воду, причем сначала воду, а затем кровь. Но то, что тогда было иступлением, теперь стало смертью, дабы ты узнал, что эта смерть отныне всего лишь сон¹⁰². 19. Вы увидели, как Христос сочетался с невестой? Вы увидели, какой пищей Он питает всех нас? Из этой пищи мы составлены и ею питаемся. Ибо как женщина питает дитя собственной кровью и молоком, так и Христос непрестанно питает тех, кого родил, собственной кровью. 20. Итак, когда мы вкусили столъ великого дара, давайте изъять усердие и вспомним о договорах, которые мы заключили с Ним¹⁰³. Я обращаюсь к вам и к посвященным ныне, давно и много лет назад, ибо [у меня] общее ко всем вам слово, так как все мы заключили с Ним договоры, которые написали не чернилами, но духом, не тростью, но языком. Ибо такой «тростью» пишутся договоры с Богом. Поэтому и Давид говорит: *Язык мой – трость книжника скорописца*¹⁰⁴. Мы исповедали Его владычество, отрелись от дьявольской

⁹⁶ Ср. Исх 12:21–25.

⁹⁷ Ср. Ин 19:33–34. В тексте Евангелия сказано: «И истекла кровь и вода». В этих словах Златоуст видит прообразовательно указанный порядок совершения таинств: вода символизирует крещение, а кровь – Евхаристию. Такой же текст он цитирует в комментарии на Ин. гом. LXXXV (PG 59. 463). Видимо, Златоуст имел другое рукописное чтение или, возможно, он контаминирует слова Ин 5:6: «Не только водой, но водой и кровью» со словами Ин 19:34. С другой стороны, встречается и верная цитата, см. гом. III о браке (PG 51. 229).

⁹⁸ Таинство Евхаристии названо здесь словом «тайны» – τὰ μυστήρια. В других гомилиях Златоуст использует также слова «причастие» – ἡ κοινωνία, см. гом. VI на Исайю (PG 56. 139) и «евхаристия» – ἡ εὐχαριστία, см. гом. XXV на Мф (PG 57. 331).

⁹⁹ Тит 3:5.

¹⁰⁰ Вода и кровь Христовы символизируют не только Крещение и Евхаристию, но также рождение Церкви, супруги Нового Адама, созданной из Его ребра во время крестной смерти, так же как и Ева была создана из ребра спящего Адама.

¹⁰¹ Быт 2:23.

¹⁰² Сну Адама соответствует крестная смерть Иисуса. Из этого Златоуст делает вывод, что «смерть отныне всего лишь сон». Ср. гом. Τὸν πρώην, § 1 (PG 49. 223), гом. LIV на Мф (PG 58. 528).

¹⁰³ Под «договорами», συνθήκαι, подразумевается отречение от сатаны и сочетание со Христом. См. гом. III, § 4, 6.

¹⁰⁴ Пс 44:2.

тирании, это стало и распиской, это стало и договором, это стало и документом. 21. Смотрите, как бы снова мы не оказались под властью этого документа. Пришел однажды Христос, нашел нашу отцовскую расписку, которую написал Адам. Он положил начало долгу, мы увеличили займ последующими грехами. Тогда были проклятие, грех, смерть и осуждение закона. Все это взял [на себя] Христос и простил. И Павел восклицает, говоря: *Расписку в грехах наших, которая была против нас, и Он взял ее из середины, пригвоздив ее ко кресту*¹⁰⁵. Он не сказал «стерев ее», не сказал «зачеркнув ее», но – *пригвоздив ее ко кресту*, чтобы и следа ее не осталось. Поэтому Он не стер ее, но разорвал. Ибо гвозди креста разорвали ее и уничтожили, чтобы впредь она стала бесполезна. 22. И не скрытно и тайком, но в центре вселенной, на высоком помосте Он совершил это расторжение. Пусть видят ангелы, говорит Он, пусть видят архангелы, пусть видят вышние силы; пусть видят злые бесы и сам дьявол, сделавшие нас должниками, ответственными перед работодателями. Разрывается расписка, чтобы отныне они не напали на нас.

<Крещение подобно исходу из Египта>

23. Итак, поскольку была разорвана первая расписка, постараемся, чтобы не было снова другой расписки, ибо не бывает второго креста, ни второго отпущения в купели *возрождения*¹⁰⁶. Ибо есть отпущение, но нет в купели второго отпущения. Но прошу вас, не будем беспечны. Ты вышел из Египта, о человек, не ищи же снова Египет и несчастья Египта. Не вспоминай больше о глине и кирпичях, ибо глина и кирпичи – это дела настоящей жизни, поскольку даже само золото, прежде чем стать золотом, есть не что иное, чем земля. 24. Иудеи увидели чудеса, ты же ныне увидишь больше и гораздо более блистательное, чем тогда, когда иудеи вышли из Египта¹⁰⁷. Ты не видел фараона, тонущего с оружием, но видел дьявола, потопляемого с оружием. Они перешли море, ты перешел смерть. Они избавились от египтян, ты освободился от бесов. Иудеи сбросили с себя варварское иго, ты же – гораздо более тяжелое рабство греха. 25. Хочешь узнать и из другого [примера], что ты удостоился большего? Иудеи тогда не могли видеть прославленный лик Моисея, хотя он делил с ними рабство и был их сородичем. Ты же увидел лик Христа в славе Его. И Павел восклицает, говоря: *Мы же открытым лицом взираем на славу Господа*¹⁰⁸. Они имели тогда Христа, который сопутствовал им, но гораздо более Он сопутствует ныне нам. Ибо им тогда сопутствовал Господь по милости Моисея, нам же не только по милости Моисея, но и по собственному вашему послушанию. Их после Египта [ожидала] пустыня, тебя же после исхода – небо. Они имели лучшего вождя и предводителя Моисея, мы же имеем другого Моисея – Бога, который предводительствует нам. 26. Какой же признак того Моисея? Был Моисей, – сказано, – самым кротким из всех людей, сущих на земле. И не ошибется тот, кто скажет то же и об этом [новом] Моисее. Ведь и с Ним был кротчайший Дух, как Единосущный Ему и Сродный. Тогда Моисей простер руки к небу и низвел ангельский хлеб – манну. Этот Моисей, простирая руки к небу, приносит вечную пищу. Тот ударил скалу и потекли реки вод, этот прикасается к трапезе, ударяет умопостигаемую трапезу и заставляет бить ключом источники Духа. Поэтому трапеза находится в центре, словно источник, чтобы отовсюду стекалась паства к этому источнику, дабы вкусить спасительных вод¹⁰⁹. 27. Итак, поскольку здесь такой источник, такая жизнь, трапеза наполнена тысячами благ и отовсюду изобилуют для нас духовные дары, приступим с искренним сердцем, с чистой совестью, чтобы принять благодать и милость для современной помощи. Милостью и человеколюбием Единородного Сына, Господа и Спасителя нашего Иисуса Христа, через Которого и с Которым слава, честь и держава Отцу и Животворящему Духу, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

¹⁰⁵ Кол 2:14. В синодальном переводе: *Рукописание грехов наших*.

¹⁰⁶ Тит 3:5.

¹⁰⁷ Отцы Церкви часто сравнивают крещение с выходом евреев из Египта. У Златоуста см. гом. XXXIX на Мф (PG 57. 437), гом. XXIII на Еф (PG 62. 185).

¹⁰⁸ 2 Кор 3:18.

¹⁰⁹ Златоуст сообщает, что престол располагался в центре храма. Он сравнивает евхаристическую трапезу с источником, изливающим свои воды на верных, которые подобно стадам, приходят утолить жажду. Ср. гом. XLVI на Ин (PG 59. 261), где Златоуст говорит, что источники в раю изливали чувственные воды, а этот источник рождает духовные воды.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АМА – Античный мир и археология
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа
БИ – Боспорские исследования
ДБ – Древности Боспора. Москва
ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения.
Санкт-Петербург
ИАК – Известия Императорской археологической комиссии
ИРАИМК – Известия Российской Академии истории материальной культуры
КБН – Корпус боспорских надписей. М.–Л., 1965
КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР. Москва–Ленинград
КСОАМ – Краткие сообщения Одесского археологического музея
МГПИ – Московский государственный педагогический институт
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
НЭ – Нумизматика и эпиграфика
ПАВ – Петербургский археологический вестник
ПИФК – Проблемы истории, филологии, культуры. Москва–Магнитогорск
РА – Российская археология. Москва
СА – Советская археология. Москва
СГМИИ – Сообщения Государственного Музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. Москва
ACSS – Ancient Civilizations from Scythia to Siberia
AE – L'année épigraphique. Paris
AfO – Archiv für Orientforschung. Graz
AJA – American Journal of Archaeology. New York
AJBA – The Australian Journal of Biblical Archaeology. Sydney
AJPh – American Journal of Philology. Baltimore
AJSL – American Journal of Semitic Languages
ANEP – The Ancient Near East in Pictures. New Jersey
AoF – Altorientalische Forschungen. Berlin
BAR – British Archaeological Reports
BASOR – Bulletin of the American Schools of Oriental Research. Atlanta
BCH – Bulletin de correspondance hellénique
BMB – Bulletin du Musée de Beyrouth. Paris
BO – Bibliotheca orientalis. Leiden
САН – Cambridge Ancient History. 2nd ed. Cambridge, 1962–
СН – The Cambridge History of Iran / Ed. W.B. Fisher. Cambridge, 1968–
СН – The Cambridge History of Judaism / Eds. W.D. Davies, L. Finkelstein. Cambridge, 1984–1985
Choix inscr. Délos – Durrbach F. Choix d'inscriptions de Délos. Paris, 1921–1923
CIL – Corpus inscriptionum latinarum. Berolini, 1862–...
GM – Göttinger Miszellen. Göttingen
IG – Inscriptiones graecae. Berolini, 1873–...
IGB – Inscriptiones graecae in Bulgaria repertae / Ed. G. Mihailov. Vol. I–V. Sofia, 1958–1997
IGR – R. Cagnat et al. Inscriptiones Graecae ad res Romanas pertinentes. Paris, 1906–1927
ILS – Inscriptiones Latinae selectae / Ed. H. Dessau. Berolini, 1892–1916

- IOSPE – Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini / Ed. B. Latyshev. Petropoli, 1885–1916
- ISM – Inscriptiones Scythiae Minoris
- JAOS – Journal of the American Oriental Society. New Heaven
- JEA – Journal of Egyptian Archaeology. London
- JESHO – Journal of the Economic and Social History of the Orient.
- JHS – Journal of Hellenic Studies. London
- JNES – Journal of Near East Studies. Chicago
- JRAS – Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland. London
- JRS – Journal of Roman Studies. London
- Kretschmer–Locker – *Kretschmer P., Locker E.* Rückläufiges Wörterbuch der griechischen Sprache. Göttingen, 1944
- LCH – *Mattha G., Hughes G.R.* The Demotic Legal Code of Hermopolis West. Le Caire, 1975
- MDAIK – Mitteilungen der Deutschen Archäologischen Instituts, Abteilung Kairo. Mainz
- OGIS – Orientis Graecae inscriptiones selectae. I–II / Ed. *Gu. Dittenberger.* Lipsiae, 1903–1905
- Or. – Orientalia. Nova Series. Roma
- RE – *Pauly A., Wissowa G., Kroll W.* Realencyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft. Stuttgart
- Rendiconti – Rendiconti dell'Accademia nazionale dei Lincei. Classe di Scienze morali. Ser. VIII
- RB – Revue Biblique. Paris
- RdÉ – Revue d'Égyptologie. Paris
- RIC – *Carson R.A.G., Kent J.P.C., Burnett A.M.* Roman Imperial Coinage. London, 1923–1994
- RPC – Roman Provincial Coinage. London–Paris, 1992
- RRC – *Crawford M.* Roman Republican Coinage. Cambridge, 1974
- SAK – Studien zur altägyptischen Kultur. Hamburg
- SCO – Studi Classici e Orientali
- SEG – Supplementum epigraphicum graecum. Amsterdam, 1923–...
- Syll.³ – *Dittenberger W.* Sylloge inscriptionum Graecarum. 3 ed. V. I–IV. Leipzig, 1915–1924
- ZAW – Zeitschrift für die alttestamentliche Wissenschaft
- ZDMG – Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. Leipzig
- ZPE – Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. Bonn

СОДЕРЖАНИЕ

Юнусов М.М. (Санкт-Петербург) – Баалат Губль и Хатхор: из истории отношений Библиа и Египта в эпохи Старого и Среднего царств	3
Цымбурский В.Л. (Москва) – Netho-Nomerica (Наречение Одиссея и наречение злого брата в хеттской «Сказке об Аппу и его сыновьях»).....	14
Карпюк С.Г. (Москва) – Политическая география классических Афин: Фукидид и его современники об островах и островитянах	27

ПУБЛИКАЦИИ

Виноградов Ю.Г. (Москва), Шестаков С.А. (Керчь) – Laudatio Funeris из Пантикапея	42
Сапрыкин С.Ю. (Москва) – Энкомий из Пантикапея и положение Боспорского царства в конце I – начале II в.н.э.	45

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Международный «круглый стол» «Проблемы истории и археологии Херсонеса Таврического»

Макаров И.А. (Москва) – «Первая элевтерия» Херсонеса Таврического в эпиграфических источниках	82
---	----

Международный «круглый стол» «Hispania в системе древних цивилизаций Средиземноморья»

Альвар Х. (Мадрид) – Поверженные испанцы. Отношения римлян с побежденными	94
---	----

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

Темерев А.Н. (Москва) – Жалование и вспомоществование в Позднем Египте (<i>К вопросу о трактовке арамейского термина mnt'</i>)	114
Кормышева Э.Е. (Москва) – К вопросу о семантике древнеегипетской гробницы (<i>Или рефлексии по поводу занятий египтологией</i>)	131
Буйских А.В. (Киев) – Некоторые полемические заметки по поводу становления и развития Борисфена и Ольвии в VI в. до н.э.	146
Нефёдкин А.К. (Санкт-Петербург) – Метатели и сариссофоры: взаимодействие пехотинцев в эллинистических армиях	165

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Суриков И.Е. (Москва) – Ostrakismos-Testimonien I: Die Zeugnisse antiker Autoren, der Inschriften und Ostraka über das athenische Scherbengericht aus vorhellenistischer Zeit (487–322 v. Chr.) / Hrsg. von Peter Siewert. Stuttgart, 2002 (Historia – Einzelschriften. Ht 102).....	175
Короленков А.В. (Москва) И.Г. Гури н. Серторианская война (82–71 гг.). Испанские провинции Римской республики в начальный период гражданских войн. Самара, 2001	182
Козловская В.И. (Москва) – J.-M. Blázquez. Trajano. Серия «Biografías». Madrid: «Ariel», 2003	187

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Селиванова Л.Л. (Москва) – Чтения памяти Е.М. Штаерман (27 сентября 2004 г., Москва)	195
Кулишова О.В., Фролов Э.Д. (Санкт-Петербург) – Шестые Жебелёвские чтения в Санкт-Петербургском государственном университете (26–28 октября 2004 г.)	197

Фролов Э.Д., Щеглов А.Н. (Санкт-Петербург) – Ярослав Витальевич Доманский (1928–2004).....	205
--	-----

ПРИЛОЖЕНИЕ

Иоанн Златоуст. Огласительные беседы к тем, кто намеревается креститься (<i>Серия А. Пападопулоса-Керамевса</i>). Вступительная статья, перевод с древнегреческого и комментария И.В. Пролыгиной (Москва) (<i>окончание</i>).....	208
---	-----

CONTENTS

M.M. Yunusov (St. Petersburg) – Baalat Gubl and Hathor: the History of Relations between Byblos and Egypt in the Periods of the Old and Middle Kingdom.....	3
V.L. Tymbursky (Moscow) – Hetho-Homerica (Naming of Odysseus and Naming of the Evil Brother in the Hittite Tale of Appu and His Sons).....	14
S.G. Karpyuk (Moscow) – Political Geography of Classical Athens: Thucydides and His Contemporaries on Islands and Islanders	27

PUBLICATIONS

Yu.G. Vinogradov (Moscow), S.A. Shestakov (Kerch) – <i>Laudatio Funerbris</i> from Panticapaeum... S.Yu. Saprykin (Moscow) – Encomion from Panticapaeum and the History of the Bosporan Kingdom on the Turn of the 1st and 2nd cc. AD	42 45
--	----------

DISCUSSION

International «Round Table» «The Problems of History and Archaeology of Tauric Chersonesus»

I.A. Makarov (Moscow) – «The First Eleutheria» of Chersonesus Taurica in Epigraphical Sources	82
--	----

International «Round Table» «Hispania in the System of Ancient Mediterranean Civilization»

J. Alvar (Madrid) – The Iberians Overthrown. The Romans' Attitude Towards the Vanquished People	94
---	----

REPORTS AND COMMUNICATIONS

A.N. Temerev (Moscow) – Regular and Occasional Payments in Later Egypt (<i>On the Interpretation of the Aramaic Term mnt'</i>)	114
E.Ye. Kormysheva (Moscow) – On the Semantics of Ancient Egyptian Tomb (<i>Or Some Reflections about How to Study Egyptology</i>).....	131
A.V. Buyskikh (Kiev) – Some Polemical Notes on the Origin and Development of Boristhenes and Olbia	146
A.K. Nefedkin (St. Petersburg) – Javelinmen, Archers and Pikemen: Co-operation of Footmen in the Hellenistic Armies	165

REVIEWS AND BIBLIOGRAPHICAL SURVEYS

<i>I.Ye. Surikov</i> (Moscow) – Ostrakismos-Testimonien I: Die Zeugnisse antiker Autoren, der Inschriften und Ostraka über das athenische Scherbengericht aus vorhellenistischer Zeit (487–322 v. Chr.) / Hrsg. von Peter Siewert. Stuttgart, 2002 (Historia – Einzelschriften. Ht 102).....	175
<i>A.V. Korolenkov</i> (Moscow) – I.G. Gurin. Sertorijskaja vojna (82–71 gg.). Ispanskije provincii Rimskoj respubliki v nachal'nyj period grazhdanskikh vojn. Samara, 2001.....	182
<i>V.I. Kozlovskaya</i> (Moscow) – J.-M. Blázquez. Trajano. Serie «Biografias». Madrid: «Ariel», 2003.....	187

SCIENTIFIC EVENTS

<i>L.L. Selivanova</i> (Moscow) – A Conference in Memory of Ye.M. Shtaerman (27 September 2004, Moscow).....	195
<i>O.V. Kulishova, E.D. Frolov</i> (St. Petersburg) – The 6th Zhebelev Conference at St. Petersburg State University (26–28 October 2004).....	197
<hr style="width: 10%; margin-left: 0;"/> <i>E.D. Frolov, A.N. Shcheglov</i> (St. Petersburg) – Yaroslav Vital'evich Domansky (1928–2004).....	205

SUPPLEMENT

Τοῦ Ἰωάννου τοῦ Χρυσόστομου Κατηχήσεις πρὸς τοὺς μέλλοντας φωτίζεσθαι. Introduction, Translation and Commentary by <i>I.V. Prolygina</i> (Moscow).....	208
--	-----

Сдано в набор 10.02.2005 Подписано к печати 11.04.2005 Формат бумаги 70×100¹/₁₆
 Печать офсетная Усл. печ. л. 18,2 + вкл. Усл.кр.-отт. 18,7 тыс. Уч.изд.л. 21,0 Бум.л. 7,0
 Тираж 1003 экз. Зак. 263

Свидетельство о регистрации № 01101070 от 4 февраля 1993 г.
 в Министерстве печати и информации Российской Федерации
 Учредители: Российская академия наук, Институт всеобщей истории РАН

Адрес издателя: 117997, Москва, Профсоюзная ул., 90
 Адрес редакции: 117334, Москва, Ленинский проспект, 32А
 Институт всеобщей истории РАН. Тел. 938-56-28; 938-19-12
 Оригинал-макет подготовлен МАИК "Наука/Интерпериодика"
 Отпечатано в ППП "Типография "Наука" 121099, Москва, Шубинский пер., 6